
ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 2(19)/2019

Редакционная коллегия

Научный руководитель — ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н., генеральный директор издательства «Нестор-История» (Москва)

Ответственный редактор — СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

Зам. ответственного редактора — ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург)

Ответственный секретарь — КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург)

Члены редакционной коллегии

АКСЕНОВ Владислав Бэнович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

ЛЕОНТЬЕВА Ольга Борисовна, д.и.н., профессор кафедры международных отношений Самарского государственного университета (Самара)

ПРОЗУМЕНЩИКОВ Михаил Юрьевич, к.и.н., заместитель директора Федерального казенного учреждения «Российский государственный архив новейшей истории» (РГАНИ) (Москва)

ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)

ТЕСЛЯ Андрей Александрович, к.филос.н., старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета (БФУ) им. Иммануила Канта (Калининград)

ТИХОНОВ Виталий Витальевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

ТРОИЦКИЙ Юрий Львович, к.и.н., доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания ИФИ РГГУ, заместитель директора ИФИ РГГУ по методической работе и историческому образованию (Москва)

УЛУНЯН Арутюн Акопович, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва)

ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры источниковедения Историко-архивного института РГГУ (Москва)

Редакционный совет

ГЛУШКОВСКИЙ Пётр, к.и.н., зам. директора Института русистики Варшавского университета (Польша)

ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (assistant professor), Хьюстонский университет (США)

КАСЬЯНОВ Георгий Владимирович, д.и.н., проф., зав. отделом Института истории НАНУ (Украина)

КАРАВАШКИН Андрей Витальевич, д.ф.н., проф. кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ (Москва)

КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к.филос.н., доцент Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ-«НИНХ»), сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) (Новосибирск, Москва)

ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ (Москва)

СМИТ Кэтрин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и славистики Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

ISSN 2409-6105

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2

Издатель ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86, e-mail: nestor_historia@list.ru, www.istorex.ru
Отпечатано в АО «Первая Образцовая Типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
тел. (499) 270 23 20
Тираж 300 экз.
Заказ № 1802
Дата подписания в печать 25.06.2019

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

9 **К. Г. ФРУМКИН**

Дискурс для Холокоста: политическое зло и историческая память

Национальная память

26

«Золотая Орда была не варварским захолустьем ойкумены, но ярким и своеобразным явлением в ряду средневековых цивилизаций». Интервью с В. В. Трепавловым

Актуальные проблемы национальной памяти зарубежных стран

35

«К счастью, профессиональный диалог между историками продолжается. Но кто будет слушать и слышать историков, не желающих подверстываться под политический заказ?». Интервью с Г. Касьяновым

46

«Историк должен иногда быть и гражданином». Интервью с И.-А. Попом

57 **М. В. КИРЧАНОВ**

Исторический ревизионизм в Болгарии: проблемы истории национального возрождения и политическая ответственность интеллектуалов

70 **Г. Ф. МАТВЕЕВ**

Польско-российские отношения в XX веке глазами непредвзятого историка

75 **И. И. БАРИНОВ**

Проблемы развития белорусской национальной государственности: взгляд оппозиции

87

«Я не вижу, как человек, живущий в XXI веке, может иметь личное чувство вины за то, что сделали его предки». Интервью с Р. Темпестом

Эпоха распада империй и образования новых государств в 100-летней исторической ретроспективе

103 **Л. ЛЮКС**

Борьба с Западом и стремление к «новому величию» – Советская Россия и Германия между Рапальским договором и немецким «Октябрем» 1923 года. К дискуссиям в немецкой историографии

121

«Историк противостоит предрассудку, а вовсе не является хранителем исторической памяти, которая всегда лукавит». Интервью с В. П. Булдаковым

133 **М. ЗЕЙДЛЕР**

Трианонский мирный договор 1920 г. Взгляд современной венгерской историографии

КАК ЭТО БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

- 158 **А. А. РЫБАЛКА** *Антонин Раменский: Ленинский след*
- 172 **А. А. КУНИЦЫН, А. А. ОРЛОВ** *«Лепта прядильщиц». Денежная помощь британцев россиянам после Отечественной войны 1812 года*
- 188 **А. В. ШУБИН** *Архивы и конспирология*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обобщающие исследования

- 202 **А. А. ТЕСЛЯ** *Отмирание искусства. Рец.: Арватов Б. Искусство и производство. Сборник статей / вступ. ст. Д. Робертс; послесл. А. Пензин. М.: V-A-Cpress, 2018. 184 с.*
- 206 **И. О. ДЕМЕНТЬЕВ** *Что такое историческая память? Рец.: Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. (сер. «Учебники Европейского университета»)*

Мир

- 219 **А. М. САБО** *Рец.: Pető A. Elmondani az elmondhatatlant, A nemi erőszak Magyarországon a II. világháború alatt (Рассказать нерассказываемое. История изнасилований в Венгрии в годы Второй мировой войны). Budapest: Jaffa Kiadó, 2018. 278 p.*
- 227 **С. Е. ЭРЛИХ** *Трагедия без катарсиса. Рец.: Полян П. М. Жизнь и смерть в ашвицком аду. М.: Издательство АСТ, 2018. 640 с. (История де-факто)*
- 237 **Л. Ю. ПАХОМОВА** *Рец.: Rauscher W. Die fragile Großmacht. Die Donaumonarchie und die europäische Staatenwelt 1866–1914. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014*

Российская империя

- 248 **А. А. ТЕСЛЯ** *Православные коллегиумы: обучение, учащиеся и учителя. Рец.: Посохова Л. Ю. Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2016. 550 с.: ил. («Ubi universitas, ibi Europa»)*
- 253 **С. С. БЕЛЯКОВ** *Между этнонимом и этносом. Рец.: Гайда Ф. А. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М.: Модест Колеров, 2019*
- 262 **М. В. МЕДОВАРОВ** *Возвращение забытого направления в русской политической жизни. Рец.: Чемакин А. А. Истоки русской национал-демократии: 1896–1914 годы. СПб.: Владимир Даль, 2018. 651 с.; Чемакин А. А. Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 – начало 1920-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2018. 606 с.*

270 **А. Ю. ФОМИН**

Рец.: Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. Коллективная монография / под ред. В. П. Сальникова. СПб.: Фонд университет, 2018. 369 с.: ил.

СССР279 **В. В. ТИХОНОВ**

Витрины сверхдержавы. Рец.: Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989: Коллективная монография / науч. ред., рук. авт. коллектива О. С. Нагорная. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 446 с.

287 **А. В. СВЕШНИКОВ**

Даже не однофамилец. Рец.: Базанов П. Н. «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб., Владимир Даль, 2018. 511 с.

Учебная литература292 **С. В. ПОЛЯКОВА**

История для экономистов: взгляд философа. Рец.: Дедков Н. И., Бордюгов Г. А., Щербачева Е. И. и др. История для экономистов: Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов РФ. В 2 т. / под ред. А. Д. Некипелова, С. Н. Каттырина. М.: АИРО-XXI, 2016, 2018

303

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global Memory

9 **K. G. FRUMKIN**

The discourse of the Holocaust: political evil and the historical memory

National memory

26

“The Golden Horde was not a barbarous backwater of the ecumene, but a bright and peculiar phenomenon in a series of medieval civilizations.” Interview with V. V. Trepavlov

Actual problems of national memory of foreign countries

35

«Fortunately, the professional dialogue between historians continues. However, who would listen and hear historians who do not want to follow political guidelines?» Interview with G. V. Kasianov

46

“The historian must sometimes also be a citizen”. Interview with I. A. Pop

57 **M. V. KYRCHANOFF**

The historical revisionism in Bulgaria: problems of national revival history and political responsibility of intellectuals

70 **G. F. MATVEEV**

Polish-Russian relations in the 20th century through the eyes of an unbiased historian

75 **I. I. BARINOV**

Problems of development of the Belarusian national statehood: view of the opposition

87

“I don’t see how a person living in the 21st century can have a personal sense of guilt for what his ancestors did”. Interview with R. Tempest

The era of the collapse of empires and the formation of new states in a 100-year historical retrospective

103 **L. LUKS**

A struggle with the West and a desire for „new greatness“. Soviet-German Relations from the Treaty of Rapallo to the German „October“ of 1923. Debates in the German Historiography

121

“The historian is opposed to prejudice, and is not at all the keeper of historical memory, which is always cunning”. Interview with V. P. Buldakov

133 **M. ZEIDLER**

The Trianon Peace Treaty of 1920. A View of Contemporary Hungarian Historiography

AS IT ACTUALLY WAS

- 158 **A.A. RYBALKA** *Antonin Ramensky: the trace of Lenin*
- 172 **A.A. KUNITSYN, A.A. ORLOV** *“Spinster’s Mite”. British monetary assistance to Russians after the Patriotic War of 1812*
- 188 **A.V. SHUBIN** *Archival sources and conspiracy theories*

REVIEWS**Generalizing studies**

- 202 **A.A. TESLYA** *Wasting art. Rev.: Arvatov B. *Iskusstvo i proizvodstvo. Sbornik statei / Vstup. st. D. Roberts; poslesl. A. Penzin. M.: V-A-Cpress, 2018. 184 p.**
- 206 **I.O. DEMENTEV** *What is historical memory? Rev.: Safronova Yu. A. *Istoricheskaya pamiat’: vvedenie (Historical memory: an introduction). Saint Petersburg: European University at St. Petersburg Publishing House, 2019. 220 p.**

The world

- 219 **A.M. SABO** *Rev.: Andrea Pető, *Elmondani az elmondhatatlant, A nemi erőszak Magyarországon a II. világháború alatt (Rasskazat’ nerasskazhyaemoe. Istoriya iznasilovanii v Vengrii v gody Vtoroi mirovoi voiny), Budapest, Jaffa Kiadó, 2018, 278 p.**
- 227 **S.E. EHRLICH** *A Tragedy without Catharsis. Rev.: Pavel, Polyan. *Zhizn’ i smert’ v aushvickom adu (Life and Death in the Auschwitz Hell)/ P. M. Polyan. – Moskva: Izdatel’stvo AST, 2018. 640 p. (Istoriya de-fakto)**
- 237 **L. Yu. PAKHOMOVA** *Rev.: Rauscher, Walter. *Die fragile Großmacht. Die Donaumonarchie und die europäische Staatenwelt 1866–1914. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014**

The Russian Empire

- 248 **A.A. TESLYA** *Orthodox collegiums: training, students and teachers. Rev.: Posohova L. Yu. *Pravoslavnye kollegiумы na persechenii kul’tur, tradicii, epoh (konec XVII – nachalo XIX u.). M.: Politicheskaya enciklopediya, 2016. 550 p.**
- 253 **S.S. BELYAKOV** *Between ethnonym and ethnic group. Rev.: Gaida F. A. *Grani i rubezhi: ponyatiya “Ukraina” i “ukraincy” v ih istoricheskoi razviti. M.: Modest Kolerov, 2019. 200 p.**
- 262 **M.V. MEDOVAROV** *The Return of a Forgotten Trend in Russian Political Life. Rev.: Chemakin A. A. *Origins of Russian National Democracy: 1896 – 1914. St. Petersburg: Vladimir Dal’, 2018. 651 pp.; Chemakin A. A. *Russian National Democrats in the Age of Shock: 1914 – early 1920s. St. Petersburg: Vladimir Dal’, 2018. 606 p.***
- 270 **A.Y. FOMIN** *Rev.: General Kuropatkin – State and Military leader of the Russian Empire. 170th Anniversary of his Birth. Collective monograph. Fond Universitet, St. Petersburg, 2018, 369 p.*

279 V.V. TIKHONOV

URSS

Superpower Showcases. Rev.: Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyah Holodnoi voiny. 1945-1989: Kollektivnaya monografiya / nauch. red., ruk. avt. kollektiva O. S. Nagomaya. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2018. 446 p.

287 A.V. SVESHNIKOV

Not even a namesake. Rev.: Bazanov P. N. "Petropol'skii Tacit" v izgnanii: Zhizn' i tvorchestvo russkogo istorika Nikolaya Ul'yanova. SPb., Vladimir Dal', 2018. 511 p.

292 S.V. POLYAKOVA

Educational literature

History for economists: a philosopher's point of view. Rev.: Dedkov N. I., Bordyugov G. A., Sherbakova E. I. i dr. Istoriya dlya ekonomistov: Integrirovanniyi uchebnyi kompleks dlya studentov ekonomicheskikh special'nostei VUZov RF. V 2-h tt. / Pod red. A. D. Nekipelova, S. N. Katyrina. M., AIRO-XXI, 2016, 2018

303

REQUIREMENTS FOR PUBLICATION OF ARTICLES AND DOCUMENTS

К. Г. Фрумкин

ДИСКУРС ДЛЯ ХОЛОКОСТА: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗЛО И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Ключевые слова: Холокост, политическое зло, геноцид, нацизм, Гитлер, резня армян, историческая память.

Аннотация. В своем эссе автор ставит проблему Холокоста в контекст философских размышлений о феномене политического зла и об исторической памяти.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-9-25

ГЕНОЦИД КАК МОРАЛЬНЫЙ ПОЛЮС

Понятие «политическое зло» в российский политологический язык ввел, прежде всего, Святослав Каспэ (Каспэ 2016). Отмечая большую трудность определения этого феномена, он тем не менее не мог не отметить, что фактически во многих зарубежных источниках установилось достаточно единообразное, стереотипное представление о политическом зле как о чем-то худшем из того, что проистекает из политической сферы. Хотя списки инцидентов, относимых к политическому злу, могут различаться, но во

всех них фигурирует Холокост. «Последние несколько десятилетий, — пишет Каспэ, — в интеллектуальном и информационном пространстве Запада генеральной референцией и универсальным идентификатором почти всех этих чудовищных явлений выступает Холокост. Образы зла сверяются прежде всего с ним (даже обладающие явно автономным профилем — такие, как атака на Twin Towers 11 сентября 2001 г.)» (Там же: 56). Мысль эта, видимо, очевидная, что подтверждает следующий пассаж Ларса Свендсена: «Факт свершившегося Холокоста изменил мировоззрение, став одновременно и ключевым элементом всякого

представления о зле, и не сопоставимым ни с чем злом. Это парадоксально, но Холокост, с одной стороны, считается не сопоставимым ни с чем, с другой стороны, неизменно используется как мерило всякого зла» (Свендсен 2008: 43).

Так называемый «Закон Годвина», т.е. характерные для публичных дискуссий постоянные, навязчивые сравнения с Гитлером — не только полемическое злоупотребление, но и следствие определенной методологической ситуации. Гитлеризм — преступление, официально осужденное, чья неприемлемость бесспорна, чьи масштабы и подробности тщательно разобраны и задокументированы, чья абсолютная ценностная негативность зафиксирована и судьями, и философами. Благодаря этому он становится удобной точкой отсчета на шкале добра и зла, почти «абсолютным нулем», с которым удобно сравнивать остальных. Можно, конечно, рассуждать о том, что Наполеон или кто-то другой в более ранние времена в чем-то даже «хуже Гитлера», но начинать разговор все равно приходится с Гитлера. Раздражающая многих частота упоминаний в общественных дискуссиях Гитлера и нацизма столь же закономерна, как закономерно упоминание килограмма в измерениях веса и нуля — в разговорах о погоде. Гитлеризм — это устоявшееся мерило политического зла, его абсолютный нуль, его полюс, и его нужно упомянуть просто для ориентации. Вероятно, в этом же состоит одна из причин того, почему историческую реакцию часто вызывают

даже не оправдания гитлеризма, но любые попытки рассуждать о нем сколько-то свободно. Люди не просто находятся в плену стереотипов: они видят попытку лишить их ориентира, что вызывает некую интеллектуальную тошноту.

По мнению Святослава Каспэ, такое одностороннее понимание политического зла не идеально, «поскольку ни из чего не следует, что на Холокост обязано быть похожим всякое зло и что не бывает зла, на Холокост не похожего» (Каспэ 2016: 57), и кроме того, из подобного выбора эталона следует, что за пределами воображения остается зло, еще худшее, чем Холокост. Однако, как бы там ни было, нельзя отрицать, что по итогам XX в. было сформировано и перешло в XXI в. стереотипное представление о наихудших политических деяниях. В списках подобных деяний обычно присутствуют армянская резня 1915 г. в Турции, Холокост и другие преступления нацизма, часто сталинский террор, реже — атомные бомбардировки японских городов, в последнее время — геноцид 1994 г. в Руанде, а также «международный терроризм» (либо «исламский терроризм»). Круг этих феноменов более или менее полно пересекается с такими понятиями, как «преступления против человечности» и «геноцид», — стоит напомнить, что термин «преступление против человечности» впервые был официально использован в отношении армянской резни 1915 г., а термин «геноцид» был придуман польским юристом Рафаэлем Лемкиным в отношении Холокоста.

Если обобщить, что объединяет такие стереотипные примеры «политического зла», как резня, нацизм, коммунизм, международный терроризм и использование оружия массового поражения (реальное применительно к США в 1945 г. и виртуальное применительно к Саддаму Хусейну накануне Войны в заливе), то можно увидеть, что обычно политическое зло — это, прежде всего, деятельность, которая несет угрозы жизни сразу для большого количества людей. Если возможно какое-либо самое краткое, буквально в трех словах определение политического зла, то надо констатировать, что по итогам XX в. выработалось едва ли не консенсусное представление о максимально возможном политическом зле как о массовом убийстве. В этом можно увидеть торжество того, что Мишель Фуко называл биополитикой, которая связана не только с ценностью человеческой жизни, но и с тем, что население воспринимается как ценность, ресурс и объект управления. Биополитика, в частности, предполагает строгий учет населения, а это, в свою очередь, делает и технически возможным, и мотивированным точный подсчет жертв войн, репрессий, эксцессов и т. д.

Биополитический контекст приводит к тому, что количество жертв становится важным аргументом в морально-политических спорах, пересмотр численности жертв репрессий воспринимается как важный факт, якобы могущий повлиять на их моральную и политическую оценку.

Превращение «массового убийства» в политико-моральный полюс также, вероятно, связано с ростом ценности человеческой жизни на фоне демографического перехода и снижения рождаемости.

Почему человечество и особенно Запад в последние столетия становится все менее толерантным к насилию, запрещая не только пытки, но и порку детей, — очень сложный и комплексный вопрос, но понятно, что «демонизация» политически мотивированных и организованных массовых убийств является частью этого процесса.

Однако этого сверхкраткого определения, разумеется, недостаточно.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕТ ПРЕСТУПНИКА

Политическое зло — не просто массовое убийство, у него есть и другие приметы. В частности, политическое зло — следствие преднамеренной деятельности, у которой есть определенный субъект или достаточно узкий круг подобных субъектов, — здесь мы видим, как политический дискурс пересекается с уголовно-правовым, предполагающим, что преступление совершает конкретный преступник. Иногда мы явно сталкиваемся с тем, что — как в случае с терроризмом — единство «субъекта зла» явно преувеличивается теми, кто хотел бы сконструировать из терроризма пример политического зла. Весьма спорный вопрос, можно ли говорить о «международном терроризме», «исламском терроризме» как

о сколько-то едином фронте врагов западной или мировой цивилизации, однако столь же очевидно, что политикам выгодно говорить о нем именно так — например, чтобы выстраивать антитеррористические коалиции.

Ливанско-французский философ Жорж Корм в своей книге «Религиозный вопрос в XXI веке» много страниц посвящает тому, что такие понятия, как «международный терроризм» и «исланизм», являются фиктивными конструкциями, созданными американскими идеологами в качестве образа врага, и главное злоупотребление, допущенное при создании этих конструктов, заключалось именно в преувеличении единства разрозненных явлений (Корм 2012). Но даже если это и так, очевидно, что преувеличение единства и субъектности международного терроризма выгодно тем, кто организует войну с международным терроризмом, и, в частности, потому что в этом случае международный терроризм начинает выглядеть не как неоднородное социальное явление, а как гигантское, масштабное преступление, совершенное неким субъектом, которого можно победить.

Объяснение того, почему традиционно предполагается, что величайшие преступления против человечности — это всегда деятельность определенного правительства или хотя бы «террористической сети», и они не могут быть (как, например, авткатастрофы) стихийным или случайным явлением, видимо, является чисто прагматическим, и оно связано с тем, кто, где и с ка-

кой целью заводит разговор о политическом зле. В этой связи очень важно замечание Святослава Каспэ, что «проблему политического зла надо формулировать и решать, отталкиваясь не от понятия зла *per se* (его действительно надо принять за независимую переменную), а от понятия политического. Специфика политического зла не в том, что оно зло, а в том, что оно политическое» (Каспэ 2016).

«Политическое зло» — категория политического дискурса, призванного регулировать деятельность политических акторов. Как и понятие морального зла, политическое зло связано с понятием ответственности, которое, в свою очередь, предполагает свободу — хотя бы в том смысле, что человек, знающий, что существуют понятия добра и зла, может выбрать между ними, а значит, он мог бы не совершать те преступления, которые совершил.

Когда в деятельности какого-либо правительства усматривается «зло» — когда СССР объявляется «империей зла», когда Саддам Хусейн обвиняется в разработке химического оружия, то задействуются механизмы, вполне знакомые и понятные по их аналогам в частной морали и в сфере уголовного права: ресурсы сообщества, к которому обращена проповедь с разоблачением политического зла, должны быть обращены против злодея, а для всех наблюдателей это должно послужить уроком: они должны воздерживаться от подобных злодейств, если не хотят оказаться в роли всеобщих врагов.

Борьба против стихийного явления или природного бедствия — сколь бы огромных жертв они не повлекли — не может быть стимулирована моральным негодованием и не может сопровождаться разговором об ответственности и выборе. Здесь стоит указать, что некоторые писатели — например, Станислав Лем и Мишель Уэльбек — пытались представить себе ситуацию, когда несовершенство природы и естественная смерть тоже должны вызывать моральное негодование, но это пока экзотика, которая, однако, показывает нам, что стремление политиков обязательно использовать ресурс морального негодования не случаен — это реальная мобилизующая сила. Ну а стандартным средством нейтрализации этой силы, средством снижения градуса негодования является сравнение количества жертв злодейств и стихийных явлений — стандартной базой такого сравнения обычно служит число жертв автомобильных аварий, действительно колоссальное.

Этот постоянно встречающийся в публичных дискуссиях прием — его можно было бы назвать «автомобилизацией преступлений» — играет на том обстоятельстве, что, на первый взгляд, главным отличительным признаком величайших преступлений — и в том числе политических преступлений — является именно количество жертв. Именно количество жертв, именно, если так можно выразиться, влияние преступлений на результаты переписи населения и демографию всегда подчеркивается во всех обвинительных высказываниях, так

что может сложиться впечатление, что только этим политические преступления и отличаются. Впечатление это, однако, ошибочно, ибо моральное негодование вызывает не только количество жертв, но и наличие ответственного субъекта преступления и некоторые другие отличия, о которых будет сказано ниже.

Любопытным примером того, как влияет на «расфокусировку» дискуссий поверхностное, декларируемое всеми, но при этом не верное по сути представление о том, что политическое зло измеряется количеством жертв, служит одно часто высказываемое в России мнение. А именно о том, что Сталина несправедливо обвинять в массовых репрессиях хотя бы потому, что президента Бориса Ельцина в них никто не обвиняет, хотя его непродуманные реформы унесли не меньше жизней. Это мнение, например, высказал политик и аграрный предприниматель Павел Грудинин в 2018 г., когда он был кандидатом в президенты России. Не вдаваясь в оценки Сталина и Ельцина и в фактическую сторону этого сравнения, можно точно сказать, что подобный аргумент не может принести успеха в дискуссии и не только потому, что противники найдут слишком много различий между двумя этими деятелями русской истории. Просто этот аргумент не может быть подхвачен и стать предметом согласия, поскольку и сторонники, и противники Сталина, и либералы, и сталинисты в равной степени интуитивно понимают, что Ельцин и Сталин не могут запросто стать элементами одного ряда — в данном контексте.

То, что либералы и антикоммунисты считают преступления Сталина исторически беспрецедентными — это понятно, но также легко представим человек, который считает Сталина выдающимся российским правителем, готов проклинать организаторов распада СССР — однако даже и он не готов сопоставлять Сталина и Ельцина как равных. Они не встают рядом — и, в частности, потому, что количество жертв не является единственным параметром, по которому мы располагаем явления на шкале добра и зла.

По сути «политическое зло» есть следствие переноса в политику механизмов, существовавших в сфере частных отношений между людьми и регулирующего их поведение уголовного права. Символом этой трансляции понятий с нижнего уровня социальной системы на верхний, из сферы микросоциологии в сферу «макро», конечно, является Нюрнбергский процесс. Этот великий прецедент показал, что в сфере международной политики могут быть легально и прагматично употреблены категории моральных нарушений и уголовных преступлений. Таким образом, было институционально закреплено то моральное негодование, которое по итогам Первой мировой войны существовало лишь в публицистике, литературе и т. д.

Вплоть до середины XX в. долгое время считалось (и это казалось очевидным), что сфера политики, и особенно международной политики — это нечто более масштабное, более «макросистемное», чем сфера частной морали и уголовно-

го права, и поэтому мораль и уголовный кодекс бессильны там, где действуют дипломаты, полководцы и государства. Эта «лестница», ступенями которой являются уголовные преступления и война, хорошо описана Львом Толстым в «Войне и мире», когда Толстой начинает повествование о вторжении Наполеона в Россию: «Миллионы людей совершали друг против друга такое бесчисленное количество злодеяний, обманов, измен, воровства, подделок и выпуска фальшивых ассигнаций, грабежей, поджогов и убийств, которого в целые века не соберет летопись всех судов мира и на которые, в этот период времени, люди, совершавшие их, не смотрели как на преступления». Итак, есть уголовные преступления, находящиеся в ведении судов, и есть война — еще более ужасная по масштабам злодеяний, но не считающаяся уголовным преступлением.

Война не была ни преступлением, ни проступком, однако в случае Второй мировой войны победители столкнулись со столь экстраординарной ситуацией, что им понадобилось найти точку зрения, которая бы позволила посмотреть сверху вниз на сферу международной политики. Теоретически такую точку зрения могла бы дать религия, но эпоха была уже секулярной, а «политическая теология» не подсказывала напрашивающихся, очевидных для всех формул. Прецедентов не было. Жанну д'Арк судила инквизиция, однако предъявленные ей обвинения в ереси не были связаны с ее политической деятельностью. Ссылка Наполеона

на Святую Елену осталась в сфере военно-политической, английский кабинет определил судьбу бывшего императора как военнопленного. Но для проигравшей Германии был избран другой путь, организаторы Нюрнбергского процесса отступили от уровня международной политики, от уровня взаимоотношения государств не вверх, а вниз, от макро- к мезоуровню, создав имитацию уголовного суда, как будто речь шла о преступлениях сравнительно небольшой группы частных лиц — хотя теоретически могла бы возторжествовать точка зрения о коллективной вине народа.

И тут мы видим, что использование категории политического зла хотя и относится к политическим акторам, но имеет цель лишить их этого статуса — в идеале враждебные правительства или руководители террористических организаций должны превратиться просто в уголовных преступников, а если этого не удастся, они должны застрять в промежуточной зоне как политические изгои, с которыми опасно и недостойно иметь равноправные партнерские отношения.

Таким образом, дискурс политического зла — это динамический процесс, который начинается в сфере политического, но имеет целью разрушить ее, понизив до сферы морали и уголовного права. Злодеи находятся в процессе вытеснения из сферы политического в сферу криминальную, однако это вытеснение никогда не доходит до конца, к лидеру нацистского рейха никогда не удастся отнестись как просто к уголовнику.

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ХУЖЕ ВОЙНЫ

Но вернемся к свойствам политического зла. Еще одной важной его особенностью является то, что это убийство несправедливое, обрушившееся на безвинных жертв — впрочем, и это сравнительно очевидно, массовое убийство не может быть справедливым, тогда как вина, согласно современным представлениям, не бывает типовой и массовой, и именно Нюрнбергский процесс — вопреки всем публицистическим рассуждениям о вине исполнителей и вообще «рядовых немцев» — де-факто санкционировал формулу: преступление индивидуально, массовая жертва заведомо безвинна, и значит, вина не может быть массовой. Однако все-таки бывают обстоятельства, когда массовое уничтожение людей оказывается в определенном смысле «оправданным», т.е. оправданным с точки зрения обыденных представлений своей эпохи. В некотором смысле, чтобы понять суть политического зла, надо смотреть на деяния, аналогичные по результату, но не относящиеся в коллективном сознании и в политико-правовой традиции к чудовищным преступлениям. Нужно отличать обычное убийство от чудовищного. И, прежде всего, массовое уничтожение людей воспринимается как «оправданное» в ходе войны — война, сколь бы ужасной она ни была, сама по себе не считается преступлением. Итак, политическое зло — не просто массовое убийство, но преднамеренное массовое убийство, осуществленное определенным субъектом, убийство несправедливое, не могущее быть оправданным одним из способов,

каким убийства оправдывают и узаконивают в данную эпоху.

Чрезвычайно любопытно и показательно то, что администрация Джорджа Буша-младшего выбрала гипотетическую разработку химического оружия режимом Саддама Хусейна в качестве главного повода для войны в Ираке. Как оказалось позже, с доказательствами этого обвинения были значительные проблемы, однако в глазах американской администрации идеологические выгоды от подобного обвинения перевешивали трудности поиска улик. И выгоды эти заключались именно в том, что опасность овладения химическим оружием создавала потенциал преступления против человечности. Химическое оружие опасно для очень большого числа людей, среди его потенциальных жертв с большой вероятностью может оказаться мирное население, при этом этот способ уничтожения людей не считается легитимным и запрещен международными конвенциями. Использование оружия массового поражения по многим признакам подобно геноциду и другим проявлениям «политического зла», этот гипотетический акт довольно легко поставить в ряд преступлений, начинающихся армянской резней и Холокостом. Таким образом, было сконструировано одно из лучших оправданий войны.

То, что химическое оружие было не просто массовым и опасным, но и запрещенным — факт чрезвычайно важный, ибо, как отмечено выше, важнейшим признаком политического зла является невозможность его оправдать приемлемым

для данного времени и места способом. Последнее условие чрезвычайно скользкое, но именно потому и чрезвычайно важное, ибо именно здесь — а не в точке подсчета жертв — происходит решающий акт конструирования политического зла. Жертвы становятся лишь исходной точкой, вокруг которой начинает выстраиваться сложная система оценок сопутствующих, оправдывающих либо усугубляющих вину обстоятельств, начиная с преднамеренности убийства и наличия субъектности у виновника.

Представления о «преступлениях против человечества» возникали в условиях войны и представляли собой сложный процесс отделения экстраординарных преступлений от рутинного и «нормального» массового уничтожения людей на войне. Война — и особенно мировая война — была массовым убийством, влекущим колоссальные жертвы, но убийством в определенном смысле «нормальным», не вызывающим негодования и политических деклараций — однако и на фоне войны возможно именно экстраординарное убийство.

Ханна Арендт пишет, что если исходить из числа жертв, в том числе среди мирного населения, то в XX в. технический прогресс «сделал преступную войну неизбежной», установленные в прежних конвенциях разделения солдат и мирного населения устарели, и поэтому в новых условиях о преступлениях приходится говорить только в тех случаях, когда они «демонстрировали признаки сознательной бесчеловечности за пределами военной необходимости», при

этом де-факто признак чрезмерной, не вызванной необходимостью жестокости использовался и обвинителями Нюрнбергского процесса (*Арендт* 2008: 382).

Как известно, первый случай использования выражения «преступление против человечности» в официальных документах произошел в 1915 г. и касался армянской резни в Турции. В это время шла Первая мировая война, и на фронтах гибли миллионы людей, и сама армянская резня была во многом мотивирована военными причинами. За «кулисами» произошедшего на дипломатической сцене осуждения армянского геноцида стояли подспудные представления о довольно резкой границе, разделяющей военные действия и мирную жизнь, и о недопустимости законов военного времени в мирной жизни. За этим мировоззрением стояла вся история формирования международного гуманитарного права во второй половине XIX – начале XX в., права, которое было в значительной степени призвано отделить участников военных конфликтов от мирного населения и защитить права последнего – даже в условиях войны и военной оккупации. Это означало, что если на фронте воюющее государство имело право беспощадно уничтожать вражеских солдат, то в отношении мирных жителей – и чужих, и своих – на пути вооруженной силы встает множество морально-правовых ограничений.

Таким образом, преступления, подобные армянской резне, оказываются нелегитимными потому, что

нарушают границу между войной и миром: они применяют к мирному населению насилие, по масштабам и интенсивности сопоставимое с военными действиями. Еще одно короткое определение политического зла может заключаться в том, что это использование некоторых приемов войны в мирной жизни.

Характерной иллюстрацией этой мысли может служить цитата из романа Владимира Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина», где сталинские карательные органы описываются так: «В давние, описываемые автором времена повсеместно существовало некое Учреждение, которое было не столько военным, сколько воинственным. На протяжении ряда лет оно вело истребительную войну против собственных сограждан и вело с непременным успехом. Противник был многочислен, но безоружен – эти два постоянно действующих фактора делали победу внушительной и неизбежной». Политическое зло – это война с безоружными согражданами.

В принятом в 1998 г. так называемом Римском статуте, учредительном документе Международного уголовного суда, в определении преступлений против человечности упоминаются три из перечисленных нами признаков политического зла – речь идет об убийствах или иных преступных деяниях (депортациях, изнасилованиях и др.), «которые совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых

гражданских лиц, если такое нападение совершается сознательно». Итак, в этом определении подчеркиваются три признака: 1) масштабность; 2) гражданское население в роли жертв; 3) преднамеренность. Определение, конечно, не идеальное — у масштаба нет меры, сознательность может быть приписана множеству нескоординированных между собой субъектов, и, наконец, выделение гражданского населения в качестве жертв является попыткой простого решения сложной проблемы, связанной с выявлением невинных и несправедливо преследуемых жертв. Но, как уже было сказано, важнейшей задачей определения подобных преступлений было отделение их от военных действий, которые является также масштабными, также сознательными, но по сути законными убийствами.

Армянская резня 1915 г. не была в полном смысле слова военными действиями, хотя и обладала определенными их чертами, и в этом смысле очень точно замечание Войновича, что война с собственным народом требует учреждения не военного, но воинственного.

Именно наличие некоторых — но далеко не всех — черт войны, перенесенных в мирную жизнь и в отношении мирного населения, порождает ситуацию, когда резню нельзя считать войной, нельзя считать обычным, нормальным отправлением административной власти и нельзя в то же время считать просто обычным уголовным преступлением. Резня оказывается специфическим, гибридным, по-

граничным явлением, в котором можно было увидеть характеристики и войны, и администрирования, и разбоя. Это было нечто невиданное.

Разумеется, с точки зрения истории, резня не является чем-то новым — в летописях человечества встречаются случаи массового истребления мирного населения Чингисханом или Тамерланом, обращение в рабство целых городов и во времена античности и т.д. Однако, когда в XX в. появилась необходимость дать политическое и правовое определение подобным явлениям, возник эффект радикальной новизны, когда гуманитарная мысль пыталась сконструировать понимание нестандартного явления, заимствуя понятия из сферы войны, политики и криминологии, создавая при этом нечто среднее между войной, властью и преступлением и пытаясь представить грандиозную мировую войну как уголовные преступления частных лиц.

ТРИ ГРАНИ ВЕЛИКОГО ЗЛОДЕЯНИЯ

Столь же гибридной и новаторской была и институциональная реакция на эти новые явления — например, учреждение Нюрнбергского трибунала, который не был судом в полном смысле слова, но не был и простым выражением политической воли правительств или продолжением военной победы, но интегрировал определенные аспекты всех этих комплексов. Нюрнбергский суд перекалифицировал военные действия в качестве «убийств», назвав их тер-

мином из уголовного права, но при этом не имел возможности сослаться на конкретный уголовный кодекс, предусматривающий подобные убийства. Советский обвинитель на Нюрнбергском процессе Роман Руденко в своей первой речи сказал, что «впервые в истории человечества перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений». В этом пассаже, во-первых, сознается вся уникальность и неоднозначность ситуации и, во-вторых, делается попытка принизить нацистских лидеров как участников политического процесса, но раздуть их значение как уголовных преступников — в итоге обвинитель утверждает, что макросоциологический феномен государства оказался на службе у микросоциологического феномена — преступника.

Можно вспомнить написанную во время войны сатирическую песню Леонида Утесова, в которой лидеры нацистского рейха представлялись простыми уголовниками, сбежавшими с «берлинского кичмана»:

«Пойди по всем малинам
И быстро собери там
Ты всех блатных, кто на руку нечист.
Отныне уж не будет
Зваться он бандитом,
А будет национал-социалист».

Однако также очевидно, что здесь мы имеем дело с понятной по условиям войны попыткой принизить и оскорбить противника — впоследствии же даже прокурор Руденко в суде не смог уместить нацистов в прокрустово ложе криминального,

так же как историки не могут без натяжек объяснить нацизм просто тем, что это был возврат к средневековью. Отступление мысли обвинителя от уровня политики к уровню криминального столь же неполно и фальшиво, как отступление мысли историка от модерна к средневековью.

Эта же гибридная, тройственная точка зрения просвечивает и через обстоятельства судебного процесса над Адольфом Эйхманом, в котором правосудие Государства Израиль настойчиво, но тщетно пыталось имитировать нормальность и ординарность своего функционирования. Когда Эйхман был доставлен в Израиль, он был отдан в руки полиции — так что грандиозную акцию, проведенную одной из сильнейших держав мира на территории множества завоеванных стран, расследовали полицейские следователи. Судил Эйхмана не чрезвычайный трибунал, как в Нюрнберге, и даже не Верховный суд страны, а Иерусалимский окружной суд, что дало Эйхману формальную возможность подавать апелляцию в Верховный суд и просьбу о помиловании главе государства — хотя, учитывая характер процесса, надежды на помилование, вероятно, не было. Очевидно, что процесс не мог выглядеть просто уголовным хотя бы потому, что его предметом было убийство миллионов людей, происходившее за пределами Государства Израиль и даже еще до существования самого этого государства с его национальным уголовным законодательством, а арест и доставка подсудимого в суд представляли собой диверсионную операцию и похищение гражданина из соседнего государства. В силу

этого Ханна Арендт — создатель самой известной книги об иерусалимском процессе, хотя и, безусловно, одобряла настигшее Эйхмана возмездие, но тем не менее писала о «провале суда в Иерусалиме» — имея в виду, что не была выработана формула для правового обоснования данного процесса, сам суд не был юридически безупречен и поэтому он не мог служить прецедентом для подобных трибуналов в будущем (Арендт 2008: 408).

В своем последнем слове перед казнью Эйхман сказал: «Я был обязан выполнять правила войны и служил своему знамени» — таким образом, он сделал попытку навязать всему сюжету своих преступлений интерпретацию их как военных событий — в противовес их интерпретации как событий криминальных, вытекавшей из всех внешних обстоятельств суда. И обе односторонних интерпретации не были верными и не могли ни в чьих глазах стать доминирующими — Холокост не был ни просто войной, ни просто преследуемым полицией уголовным преступлением.

Можно сказать, что существующий сегодня Международный уголовный суд, несомненно, не может быть просто обычным уголовным судом — этому мешает именно его международный характер, но в той мере, в которой ему все-таки свойственны черты уголовного суда, — он перестает быть международным.

Этот гибридный характер и понятий, и институций проистекает из того простого факта, что категории добра и зла еще недавно были свойственны морали, но не

политике. Чтобы появилась возможность говорить о политическом зле, политика должна быть унижена до быта и криминала, а криминал демонизирован — только гибридный характер разговора о преступлениях против человечества, о политическом зле позволяет обвинять политиков, морализировать во время войны и вообще извлекать двойную выгоду одновременно из политического и морального дискурсов.

СУД ЗЕМНОЙ И СУД БОЖИЙ

В России в публичных дискуссиях вопрос о возможности оправдания Большого террора обсуждался столь подробно, что на основе этой ведущейся уже многие десятилетия дискуссии можно легко анализировать, какие стратегии оправдания обычно выстраивают в отношении массовых убийств. Мало интересны случаи отрицания факта репрессий — ибо они не вносят ничего нового в оценку подобных событий, можно сказать, что отрицание факта террора ценностно доброкачественно и иногда служит свидетельством большой совести. Куда более любопытным является метод оправдания, который можно было бы назвать «стратегией “зато”». Признавая факт репрессий, сторонники этой стратегии полагают, что на деятельность Сталина надо смотреть более широко, оценивая также его выдающиеся заслуги в модернизации страны и победе над гитлеризмом. Он организовал террор — но *зато* победил в войне. Таким образом, сторонники этой страте-

гии считают, что моральные оценки должны возникать в результате работы неких весов, на которых взвешиваются довольно разнородные, хотя и относящиеся к одному актору деяния, причем все взвешиваемые дела могут быть оценены положительно или отрицательно и исторические факты, оцененные с разным знаком, могут взаимно нейтрализовать друг друга.

Эта стратегия переносит в политический анализ крайне древние представления о возможности загробной оценки человеческой жизни как взвешивания всех его тщательно учтенных грехов и добрых дел — еще в Древнем Египте было представление о загробном суде как взвешивании человеческого сердца. За исключением редких дискуссий, большого успеха такая стратегия не имеет — скорее эталонной для общественного мнения является формулировка философа Валерия Кувакина: «геноцид не может быть оправдан никакими аргументами» (Кувакин 1998: 282). Однако стратегия «зато» хороша хотя бы потому, что ставит очень важный методологический вопрос: почему политическое морализаторство концентрируется на преступном деянии, отвлекаясь от любых других видов деятельности осуждаемого актора, — почему, например, никто не считает при осуждении Холокоста релевантной темой заслуги нацистского режима в борьбе с курением. На первый взгляд, такое выборочное отношение к явлениям ставит «дискурс о политическом зле» вне исторического анализа и вообще вне духа науки, предполагающего комплексный учет как

можно большего числа факторов. И ближайший ответ на это «почему» прост: потому что в данном вопросе политический дискурс заимствует методы не в исторической или другой науке, а из морали и уголовного процесса.

Мифический загробный суд должен оценить всю человеческую личность, ее дела на протяжении всей ее жизни. Обычный уголовный суд в первую очередь оценивает не личность, а деяние. Современный уголовный процесс (равно как и мораль) предполагает осуждение поступка, вне зависимости от того, кто его совершил, — в этом и заключается равенство перед законом. Правда, и в уголовных судах этот принцип не выдерживается до конца, личность подсудимого учитывается при определении тяжести наказания, и этот факт, воздействуя на правосознание, несомненно, подкрепляет и использование стратегии «зато» в политике — чтобы репрессии оправдывать индустриализацией. Однако все-таки оценка личности в уголовном суде прежде всего ориентирована на предсказание опасности индивида для общества — т. е. относится все же к сфере преступных деяний, заслуги личности — например, ее семейное положение, наличие законного дохода, отсутствие судимостей — имеют значение именно как прекурсоры преступных деяний. Поэтому вопрос, уместно ли оправдывать террор, — это вопрос о том, как оппоненты представляют саму дискуссию, ближе ли она к судебному процессу или к научному семинару, и в какой степени релевантны в этой дискуссии аллюзии на уголовный

(а не мифологический загробный) судебный процесс.

Конечно, даже признавая правила игры стратегии «зато», террор может быть осужден исходя либо из того, что ценность человеческой жизни и значимость принципа недопустимости преднамеренного несправедливого убийства слишком велики, либо из факта неэффективности социалистической экономики и вредности ГУЛАГа даже для самой индустриализации, либо из того, что — как это мы видим, глядя на другие страны — индустриализация и модернизация возможны и без обязательного аккомпанемента массовых репрессий. Но интереснее другое: почему многие участники общественных дискуссий выстраивают свои позиции исходя именно из образцов бытового морального суждения либо ординарного уголовного суда — игнорируя при этом и дух научной многофакторности, и аллюзии на загробный суд?

Для ответа на этот вопрос надо вспомнить, для чего вообще существуют моральное осуждение и уголовная юстиция. Эти институты имеют практический характер и имеют цель запретить, исключить или, по крайней мере, минимизировать определенные виды деятельности, признанные нежелательными (преступными, аморальными). Хорошо это или плохо, но с нежелательными видами деятельности принято работать именно так: деятельность, которая может оказаться нежелательной, рассматривают отдельно, не пытаясь оправдать ее ссылками на другую деятельность, которая мо-

жет ее компенсировать. Например, когда принимают меры по ограничению курения, то не принимают во внимание, что многие ведут здоровый образ жизни, который может компенсировать последствия вредной привычки. Отдельное рассмотрение террора и других массовых преступлений без связи с заслугами тиранов и преступников есть ориентация на практическую цель — и цель, вероятно, запретительную; в деятельности уголовного суда, даже если это суд историков и публицистов, видна ориентация на запрет подобной деятельности, на предотвращение ее рецидивов вне зависимости от возможного контекста. Такое отношение — если его требуется оправдать — обычно обосновывается чрезвычайной опасностью данных злодеяний; как сказал российский юрист А.А. Арямов по поводу выделения понятия преступлений против человечности в международном праве, «в конечном итоге данное правоотношение в качестве стратегической глобальной цели имеет обеспечение существования человека как биологического вида» (Арямов 2012).

Использование стратегии «зато» уместно во многих случаях, но только не в тех, когда рассматриваемую деятельность объявляют преступной с целью запретить, вне зависимости от того, какие еще поступки совершал преступник.

Вообще, очень любопытен сам факт противостояния научного и морально-криминального подхода к проблемам, которые возникают при оценке политического зла. В этой связи хочется привести

мнение американского социолога Ирвинга Горовица, который заявил, что геноциды XX в. порождены тем, что традиционная мораль была на уровне идеологии заменена наукообразными теориями — например, расовыми. Между тем наука оперирует сразу большими категориями людей, так возникают коллективная вина, коллективный долг, а «коллективизация морального долга открывает ящик Пандоры человеческих бедствий» (*Горовиц* 1997: 51). Таким образом, если идти в рамках намеченной Горовицем логики, то переход от морального к научному (или наукоподобному) дискурсу означает переход от индивидуальной к коллективной ответственности — и, соответственно, к массовым репрессиям, а реакцией на эти репрессии становится возврат от науки к морали и гомологичной морали уголовной юстиции, которая перекодирует разговор о глобальных бедствиях на язык индивидуальной вины и более того — отделяет преступные деяния обвиняемых индивидов от других их деяний и свойств личности.

Цель этого подхода — всеобщая мобилизация сил на борьбу с тем, что признано злом.

Весьма информативен случай обвинения Саддама Хусейна в разработке химического оружия. Такое обвинение было нужно затем, чтобы найти наилучший повод для войны, получив не только дополнительное оправдание вторжения, но и дополнительный идеологический импульс к формированию антииракской коалиции. Зло противни-

ка есть оправдание войны. Говоря шире: концепция Зла прежде всего нужна для оправдания своих решительных действий. И особенно это верно для «политического зла». В некоторой степени шкала зла, начинающаяся от «полюса» Холокоста, в качестве зеркального коррелята имеет шкалу все более решительных действий, на которые имеют право противники зла.

И тут возникает вопрос, как будет устроена система оправданий решительных действий, если представления о массовых, преднамеренных и неоправданных убийствах как полюса политического зла потеряют актуальность. Ибо кажется, что мы являемся свидетелями процесса постепенной музеефикации памяти о Холокосте и других подобных злодеяниях. Холокост воплощается в гигантскую мемориальную индустрию. Последний самый свежий случай сопоставимого по масштабам геноцида был в Руанде, и это дает основания заподозрить, что в обозримом будущем если подобные инциденты и могут повториться, то только в ограниченном числе регионов — Африке южнее Сахары, может быть в Афганистане. Самое главное, что на большей части территории мира не просматривается рациональных политических целей, достижение которых могло бы потребовать геноцида — собственно цели Холокоста уже были довольно иррациональными. С музеефикацией Холокоста нужно сопоставить часто высказываемую мысль, что человечество нуждается в опасности столкновения Земли с астероидом, которая бы сплотила ведущие державы — как некогда они объединились в антигитлеровской

коалиции (хотя астероид не является политическим злом).

В любом случае здесь возникает важнейшая развилка — какой должна быть наиболее рациональная реакция на музеефикацию Холокоста и, таким образом, потерю актуальности самой категории абсолютного политического зла. Можно утверждать, что забвение опасности геноцида порождает риск его рецидива, и, таким образом, память о великих преступлениях исторического прошлого — и прежде всего великих преступлениях XX в. — должна быть всеми силами актуализирована в качестве политического ориентира. Либо признать, что эта опасность в той форме, в какой она нам знакома по прецедентам XX в., века геноцидов, уже не является столь актуальной, а значит, наши шкалы представлений о политическом зле и о допустимых решительных действиях должны быть перестроены и переориентированы на другие главные опасности — от глобального потепления до случайных потерь в ходе войны.

DISCOURSE FOR THE HOLOCAUST: POLITICAL EVIL AND HISTORICAL MEMORY

Frumkin Konstantin G. — candidate of culturology (Moscow)

Key words: Holocaust, political evil, genocide, Nazism, Hitler, massacre of Armenians, historical memory.

Abstract. In his essay, the author puts the problem of the Holocaust in the context of philosophical reflections on the phenomenon of political evil and on historical memory

REFERENCES

Arendt Kh. *Banal'nost' zla. Eikhman v Ierusalime*. Moscow: Evropa, 2008.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Arendt 2008 — *Arendt X. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. М.: Европа, 2008.

Арямов 2012 — *Арямов А.А. Преступления против мира и безопасности человечества: хрестоматийный курс лекций*. М.: Юрлитинформ, 2012.

Горовиц 1997 — *Горовиц И.Л. Массовизация смерти // Геноцид — преступление против человечества: Материалы 1-го Московского международного симпозиума*. М., 1997.

Каспэ 2016 — *Каспэ С. Политическая форма и политическое зло*. М.: Школа гражданского просвещения, 2016.

Корм 2012 — *Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна*. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012.

Кувакин 1998 — *Кувакин В.А. Твой рай и ад: Человечность и бесчеловечность человека (Философия, психология и стиль мышления гуманизма)*. СПб.: Алетейя; М.: Логос, 1998.

Свендсен 2008 — *Свендсен Л. Философия зла*. М.: Прогресс-Традиция, 2008.

Gorovits I.L. *Massovizatsiia smerti. Genotsid – prestuplenie protiv chelovechestva: Materialy 1-go Moskovskogo mezhdunarodnogo simpoziuma*. Moscow, 1997.

Kaspe S. *Politicheskaia forma i politicheskoe zlo*. Moscow: Shkola grazhdanskogo prosveshcheniia, 2016.

Korm Zh. *Religiozniy vopros v XXI veke. Geopolitika i krizis postmoderna*. Moscow: Insti-

tut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2012.

Kuvakin V.A. *Tvoi rai i ad: Chelovechnost' i beschelovechnost' cheloveka (Filosofiia, psikhologiiia i stil' myshleniia gumanizma)*. St. Petersburg: Aleteiia; Moscow: Logos, 1998.

Svendsen L. *Filosofiia zla*. Moscow: Progress-Traditsiia, 2008.

«ЗОЛОТАЯ ОРДА БЫЛА НЕ ВАРВАРСКИМ ЗАХОЛУСТЬЕМ ОЙКУМЕНЫ, НО ЯРКИМ И СВОЕОБРАЗНЫМ ЯВЛЕНИЕМ В РЯДУ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ».

Интервью с В. В. Трепавловым

Ключевые слова: кочевые цивилизации, Золотая Орда и ее преемники, Монгольская империя, Московская Русь.

Аннотация. Крупнейший российский специалист по межэтническим отношениям в средневековой Евразии пытается оценить место Золотой Орды среди средневековых цивилизаций и след, оставленный ею в российской и мировой истории.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-26-34

По сообщениям информагентств, в наступившем 2019 г. в Казани планируется довольно широко отметить 750-летие образования Золотой Орды. Эта информация вызвала разноречивые отклики в российских СМИ, некоторые массовые издания задаются вопросом: а стоит ли отмечать юбилей «государственного образования, которое

сложилось на костях и крови завоеванных народов». О следе, реально оставленном в российской и мировой истории этим средневековым государственным образованием, рассуждает Вадим Винцерович Трепавлов, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, автор многочисленных работ по истории межгосударственных и межэтнических отношений в средневековой Евразии.

© Историческая Экспертиза, 2019

Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений Института российской истории РАН (Москва); narodyiri@mail.ru

М. М. Вадим Винцерович, в популярной литературе широко распространено представление о степных империях как своего рода «бескультурной» угрозе оседлому миру. Как вы считаете, насколько это мнение соответствует действительности?

В. Т. «Популярная литература» неоднородна. Да, в ней есть и презрительное отношение к «кочевым варварам», восходящее к почтенной традиции восприятия скифов древними греками и гуннов — римлянами. Но если мы посмотрим писания такого же плана, издающиеся в Татарстане, Башкирии, Тыве, Казахстане, Киргизии и других регионах «Евразийского степного пояса», то увидим противоположное мнение. История кочевых предков представляется там как череда мудрых правителей и бесстрашных воинов, как общество трудолюбивых скотоводов, идеально вписавшихся в окружающую природную среду. Особенно привлекательны для общественного мнения там создатели и строители степных империй — страстные, деятельные, «пассионарные» личности (не случайно в перечисленных регионах и странах пользуются признанием теории Л. Н. Гумилева, которые в целом отвергаются российской исторической наукой).

Понятие «степная империя» ввел, насколько мне известно, в 1930-х гг. французский ориенталист Рене Груссе; сейчас предпочитают говорить о «кочевых империях». Само понятие «империя» уже исключает

«бескультурность». Сложный синтез культур, сосуществование кочевых и оседлых подданных, говорящих на разных языках и исповедующих разные религии, многонациональная правящая элита (если включить в нее не только аристократию кочевых племен, но и чиновничий аппарат — пусть и примитивный с позиций XXI в.) — эти и другие признаки позволяют считать тюркские «вечные эли» и монгольские «великие улусы» развитыми цивилизационными системами, равноценными с их оседлыми соседями.

Однако может возникнуть вопрос: можно ли ставить кочевые империи в один ряд с другими общеизвестными империями — Римской, Российской, Британской, Османской и т. д.? Отвечаю: нет, нельзя, да и не нужно. Потому что термин «кочевая империя» обозначает не форму монархической государственности, а высшую стадию развития кочевого общества. Это развитие проходит через разные этапы, и этот интересный, противоречивый процесс подробно изучен специалистами, из которых я выделил бы Томаса Барфилда (Бостонский университет, США), Николая Крадина (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток) и Анатолия Хазанова (Висконсинский университет, США).

М. М. Почему кочевой мир смог консолидироваться только в рамках больших политических структур, которые часто называют империями?

В. Т. Как бы ни третируют историческую концепцию Маркса, которая на протяжении десятилетий была у нас «единственно верным учением», все-таки его положение о базисном значении экономики для социальной жизни подтверждается при анализе многих исторических ситуаций. Это в целом верно и для понимания причин консолидации кочевого мира.

Кочевая экономика, при всей ее гармоничной включенности в дарованный природой ландшафт, способна обеспечить людей многими необходимыми для жизни вещами. Степным скотоводам нужны металлические изделия, изготовленные профессиональными кузнецами; ткани для одежды; мука и печеный хлеб и т. д. Кроме того, элита степных племен стремилась обзавестись предметами роскоши: обладать украшениями из драгоценных металлов, пользоваться клинками из булатной стали, одеваться в шелк и парчу, смотреться в зеркала, а не в стенки начищенных котлов и т. д. Все это производилось жителями соседних стран, земледельцами и ремесленниками, которые, в свою очередь, нуждались в продуктах скотоводства — мясе, шкурах, кожах... Чаще всего взаимный обмен происходил на приграничных рынках, где обе стороны получали необходимые для себя товары. Но такая торговля была мощным орудием давления на степняков со стороны оседлых царств. Стоило их правителям из-за каких-нибудь разногласий запретить обмен с кочевниками, как те оставались без металла, хлеба и тканей. Обитатели степей оказывались перед необходимостью си-

лой добывать их. Начинались грабительские набеги на города и селения окрестных стран. Впрочем, как только мирная торговля возобновлялась, нужда в набегах исчезала.

Тем не менее экономическая зависимость от политических интересов и произвола царей и императоров постоянно довлела над кочевниками. Чтобы гарантировать себе постоянный доступ к ресурсам соседнего государства, можно было попробовать завоевать его. Однако для успешной войны с Китаем, Византией или Халифатом недостаточно было ополчения одного кочевого племени. Требовалось объединить племена под началом вождя, который уже прославился в успешных набегах и межплеменных стычках. (Кстати, постоянное одоление этим лидером врагов расценивалось кочевниками как знак его небесного избранничества, покровительства со стороны божественных сил.)

Не менее важной причиной консолидации степных скотоводов было отражение агрессии со стороны оседлых соседей, равно как и готовность отразить такую агрессию.

Ну и нельзя сбрасывать со счетов социальное развитие кочевого общества: появление зажиточных семей, военных предводителей с дружинами, которые желали получить в войнах славу, богатства и покорных завоеванных данников.

Так на границах оседлого мира возникали кочевые империи. Большинство их распадалось после ухода из жизни или отхода от власти их

создателя, того самого харизматичного предводителя. Но если империя включала в себя области с развитой, старой земледельческой культурой, она имела шанс просуществовать на протяжении жизни нескольких поколений.

М. М. Какова роль исторической памяти в культуре кочевников? Прибегали ли они к ней, манипулировали ли ею кочевые лидеры, создавая свои знаменитые объединения?

В. Т. Для нас привычно, что сохранение исторической памяти происходит обычно путем письменной фиксации событий. В кочевой степи письменность тоже имела. В разное время тюркская руника, уйгурский и арабский алфавиты имели довольно широкое распространение, и не только в элитных кругах, но и среди рядового населения. Тем не менее основная масса его в повседневной жизни почти не пользовалась письменностью, но передавала значимую информацию современникам и потомкам вербальным, изустным путем. Сведения о прошлом хранились в виде преданий о великих предках и семейных, родовых и племенных родословных (у тюркских народов они называются заимствованным из арабского языка словом «шеджере»). Знание шеджере своей семьи и рода было обязательным для кочевника. Конкретная же информация о степных империях прошлого преобразовалась в искаженные до неузнаваемости повествования о деяниях древних правителей — богатырей и демиургов. В разных культурах это были такие легендарные

фигуры, как Огуз, Гэсэр, Джангар... Позднее в силу известных причин место такого предка кое-где занял сакрализованный образ Чингисхана.

Манипулирование исторической памятью, если понимать под ним современные идеологические технологии (сознательные фальсификации, акцентирование на одних фактах и замалчивание других и т.п.), в целом не было присуще патриархальной кочевой культуре. Идейная консолидация населения достигалась, как правило, не ссылками на поучительные примеры из прошлого, а убежденностью в богоизбранности правящего кагана (о чем я говорил выше), от которой зависело благоденствие возглавляемого им народа. Разве что при подготовке нападения на соседнее государство могли вспомнить о старых обидах, нанесенных его правителями, о жертвах и потерях в прошлых войнах с ним, о необходимости отомстить за былые поражения.

Сложность использования исторической памяти как политического инструмента заключалась еще и в том, что кочевые империи были не просто разноплеменными, но и полиэтничными. У каждого народа, племени, клана имелись собственные герои прошлого и примеры для подражания. Для выработки почитания общезначимых исторических персонажей и событий требовалось несколько поколений совместной жизни в пределах одного государства, формирование общегосударственной культуры. Однако история, как правило, не давала кочевым империям такого срока.

М. М. Для истории нашей страны большое значение имеет период Золотой Орды. Каким термином, с вашей точки зрения, адекватнее передать время ее доминирования над русскими землями: иго или зависимость или же можно подобрать какой-либо иной термин?

В. Т. Для начала нужно определиться со статусом Руси по отношению к Орде. Монгольская империя изначально включала, наряду с уделами сыновей Чингисхана (в том числе улусом Джучи — Золотой Ордой), еще и наместничества и автономные владения разного ранга. Русь как часть империи находилась точно в таком же положении, как Уйгурия (в современном китайском Синьцзяне), Рум (сельджукская Малая Азия = современная турецкая Анатолия), Грузия, страна енисейских кыргызов. Все эти государства, подчиняясь верховным монгольским властям, сохраняли собственных правителей и домонгольское внутреннее устройство.

С ослаблением Монгольской империи, во второй половине XIII в., от нее постепенно отделилась Золотая Орда. Соответственно Русь утратила связь с имперским центром и стала подчиняться только ханам этого улуса. И на вопрос: входила ли Русь (Северо-Восточная, т. е. великие княжения Владимирское, Тверское, Рязанское, Суздальско-Нижегородское) в состав Золотой Орды? — я сейчас склонен отвечать утвердительно. От распавшейся империи Орда унаследовала управление русскими данниками. Они теперь составляли часть ее поддан-

ных, но не в рамках обычной для кочевников улусной системы, а как владения иного рода — как плательщики «выхода», управляемые князьями на основании жалованных ярлыков, без непосредственного контроля ханской администрации.

Как обозначать такой статус, если кому-то не нравится устоявшееся «иго»? По этому поводу несколько лет тому назад шла бурная полемика. Кажется, пока примирились на понятии «зависимость»; часто звучит также «вассалитет». Мне представляется, что эти термины не описывают положение Руси как автономной части единого государства (к тому же в категориях «вассалитет/сюзеренитет» уместно описывать отношения между правителями, но не положение целой страны). «Русские земли в составе Золотой Орды» — терминологически я так оформил бы свое понимание ситуации. Но сознаю, что широкой поддержки коллег в этом не получу.

Вместе с тем есть некоторое основание оставить «иго» как обозначение режима ордынского правления на Руси — но с непременным разъяснением, какая (менявшаяся) историческая обстановка скрывалась за этим старинным словом для XIII, XIV или XV в. Ведь нужно учитывать не только умозаключения историков и сегодняшние комплексы у тех, кто недоволен словом «иго». Строгий исторический подход требует принять во внимание также отношение к этому режиму со стороны его русских современников, которое явственно проступает из источников. А они обозначали власть завоевателей еще более жестко:

«рабство», «гнет», «насилие» и т.п. Об этом есть специальные работы российского исследователя Владимира Рудакова и американского — Чарльза Гальперина.

М.М. Охарактеризуйте культуру Золотой Орды. Насколько она была развита? Какие области знания развивались успешно, а какие играли второстепенную роль? Имела ли Золотая Орда свою письменную историю?

В.Т. Практически не сохранилось хроник, актов, документов делопроизводства, созданных непосредственно в Золотой Орде. Почти все известные тексты о ней написаны за ее пределами — нередко за тысячи километров от Орды и людьми, никогда в ней не бывавшими. Поэтому о культурном уровне этого государства мы можем судить по таким свидетельствам иностранцев.

Но все же главным источником являются археологические памятники. Изучение культуры Золотой Орды ведется давно и на огромном вещественном материале. Результаты раскопок ордынских городов (в том числе волжских столиц — двух Сараев) показали, что в XIV в. в государстве сформировался сложный комплекс культурных элементов, которые отразили как влияния и заимствования из мусульманских стран и Китая, так и традиции, присущие жителям кочевых степей. Такое разнообразие проистекало еще и из полиэтничности населения Орды. Поэтому ордынскую культуру обоснованно называют синкретической, т.е. включавшей разнородные компоненты.

Рамки интервью не позволяют даже кратко описать хотя бы основные параметры этой культуры. Скажу только, что Золотая Орда с ее культурой была вовсе не варварским захолустьем ойкумены, но ярким и своеобразным явлением в ряду средневековых цивилизаций. Последняя по времени сводка сведений и обобщений по этому кругу вопросов представлена в фундаментальном труде «Золотая Орда в мировой истории», изданном в Казани в 2016 г.

М.М. Возможны ли находки новых источников по истории Золотой Орды?

В.Т. Любой историк, какой бы период и регион он ни изучал, лелеет надежду на обнаружение новых источников по своей теме. Думаю, что высока вероятность находки неизвестных документов, связанных с Золотой Ордой, в архивах — прежде всего, зарубежных (Турция, Италия, Ватикан и др.). Однако в нашем историческом ремесле найти документ — это только самое начало работы. Важно затем, что называется, ввести его в научный оборот, т.е. сделать доступным для изучения коллегами. А для этого — опубликовать на одном из современных европейских языков (в том числе русском). Вот как раз в этом отношении ордынская тематика в последние годы значительно обогатилась новым источниковым материалом.

Главная заслуга здесь принадлежит сотрудникам Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова в казанском

Институте истории им. Ш. Марджани. Руководит Центром Ильнур Миргалеев, который стал инициатором и участником огромной работы по переводу и изданию средневековых сочинений, ранее недоступных для исследователей, не владеющих восточными языками, или же известных в неполном виде. Ильнуром и его коллегами введены в научный оборот труды хорезмского историка XVI в. Утемиш-хаджи, персидского историка XV в. Хафиза Абру, крымского историка XVIII в. Абдулгаффара Кырыми с драгоценными подробностями золотоордынской истории, неизвестными из других текстов. Также изданы написанная в XIV в. в ордынском Крыму дидактическая поэма суфия Абу Бакра Каландара Руми и этический трактат его современника Махмуда ал-Булгари, жившего в Сарае (это, кстати, и к предыдущему вопросу об уровне культуры в этом государстве). С огромным новым материалом о политике и экономике Монгольской империи и Золотой Орды, содержащимся в разнообразных западноевропейских латиноязычных документах, знакомит читателей сотрудник этого Центра Роман Хаутала.

Кроме того, полноценным источником по истории Орды заслуженно считается корпус нумизматических артефактов. Количество обнаруживаемых и анализируемых монет за последние два десятилетия многократно увеличилось и продолжает расти. Их изучение позволяет историкам сделать важные уточнения и дополнения к характеристике политической и экономической жизни, династической истории,

международных отношений улуса Джучи. Так что можно сказать, что в 2010-х гг. произошел прорыв в источниковом обеспечении исследований Золотой Орды.

М. М. Какие процессы характеризуют историю степи после развала Орды?

В. Т. Здесь снова придется ограничиться самыми общими суждениями, т. к. тема безгранична. С гибелью в 1419 г. могущественного «делателя ханов» бека Едигея Золотая Орда стала быстро распадаться. В течение XV в. на ее месте образовалось несколько независимых друг от друга и зачастую враждующих государств.

Историки обычно обращали внимание на междоусобную борьбу группировок татарской знати в конце XIV – XV в. и на историю новых ханств и Орд, т. е. на результаты разложения улуса Джучи. В определенной степени здесь сказывалась позиция официальной российской (имперской) и советской исторической науки: развалилась угнетательница Золотая Орда, кончилось ненавистное иго, и народы, вздохнув с облегчением, получили возможность самостоятельного развития. При этом ханства – наследники Орды преподносились как агрессивные соседи и непримиримые противники освободившихся народов – прежде всего русского народа и создаваемого им Московского государства. Смакование противоречий и конфликтов между ними было основным сюжетом при исследовании этнополитической ситуации в бывшем Джучиевом улусе.

А вот явления, институты и идеологические конструкции, которые были общими для этих новых ханств и при этом осознавались их жителями как общее достояние, находились на далекой периферии интереса исследователей. Почти не обращалось внимания на реликты утраченного единства Золотой Орды. Между тем пребывание в составе единой державы на протяжении более чем двух столетий не могло не оставить следа в социальной структуре и политической организации «постордынских» государств, в их экономике и культуре, наконец, в ментальности, психологии и исторической памяти поданных бывшей Золотой Орды. К сожалению, содержание источников таково, что некоторые приблизительные наблюдения при анализе этих сюжетов мы можем делать главным образом в отношении элитных слоев. Массовое сознание основного населения остается практически недоступным для анализа.

В Крымском и Казахском ханствах дольше других сохранялись династии ордынского происхождения. История дала этим двум государствам шанс сохранить еще на несколько столетий главенство Чингисидов. Крымским правителям – Гиреям помогло покровительство османов. Казахи же в определенном смысле законсервировали джучидскую государственность в ее кочевом проявлении. Отбиваясь от внешних врагов и лавируя между сильными соседями (прежде всего Джунгарией, Китаем и Россией), они сохраняли и поддерживали государственное наследие Золотой Орды, которое тем не менее медленно угасало.

Ну и еще одно важное наследие той эпохи — это начало формирования новых народов. Из конгломерата местных и пришлых племен, когда-то составивших Золотую Орду, в течение последующих столетий постепенно сложились казахи, узбеки, ногайцы, каракалпаки, некоторые народы Северного Кавказа и несколько народов, носящих имя «татары».

М. М. Можем ли мы говорить о формировании специальной области исторической науки, занимающейся ордынскими и постордынскими исследованиями? Какие признанные центры таких исследований в мире существуют, и есть ли они? Насколько актуальна эта область знаний для мировой исторической науки?

В. Т. Насколько мне известно, единственное учреждение, которое специально занимается ордынской проблематикой, — это казанский Центр, о котором я говорил выше. В мире немало ученых, профессионально изучающих темы, которые так или иначе относятся к истории Золотой Орды. Но, как правило, это одиночки, связанные друг с другом Интернетом и контактами на научных конференциях. Центру Ильнура Миргалеева объективно выпала роль объединить этих энтузиастов — как путем международных Золотоордынских форумов, проводящихся в Казани каждые два года (на весну 2019 г. намечен 5-й форум), так и посредством авторитетного журнала «Золотоордынское обозрение» — кстати, «скопусовского».

Возможно, со временем изучение Орды сможет оформиться

в самостоятельную отрасль исторической науки. Ведь Монгольская империя и ее порождение — улус Джучи, по моему мнению, заслуживают такого же пристального и всестороннего изучения, как, например, Византия (во всяком случае, это можно утверждать для истории нашей страны). Но византистика имеет более чем трехсотлетнюю историю, ее научная периодика насчитывает более десятка международных изданий, византилисты собираются на многолюдные конгрессы — в то время как анализ истории Золотой Орды пока осуществляется разрозненными силами. Правда, название этой дисциплины до сих пор не найдено. «Ордаистика», «ордоведение», «ордология», «ордософия» (шучу) — все не то.

Иногда предлагается «татароведение», но тогда из исследования исключаются нетюркские ордынские подданные: аланы, черемисы, полиэтничное население Крыма и др. Надо думать дальше.

М. М. Насколько был необратим процесс поглощения в XVI–XVII вв. Московским государством территорий, некогда объединенных Золотой Ордой?

В. Т. В этом вопросе непонятно, а что можно было бы считать обратимостью процесса поглощения. Татары начнут отбирать у России свои земли? Вообще же «поглощение» бывших ордынских территорий Россией продолжалось до 1873 г. (Хивинское ханство = Хорезм).

“THE GOLDEN HORDE WAS NOT A BARBAROUS BACKWATER OF THE ECUMENE,
BUT A BRIGHT AND PECULIAR PHENOMENON IN A SERIES OF MEDIEVAL CIVILIZATIONS”.
Interview with V. V. Trepavlov

Trepavlov Vadim V. — doctor of historical sciences, chief research fellow, head of the Center for history of peoples of Russia and interethnic relations, Institute of Russian History RAS (Moscow)

Key words: nomadic civilizations, Golden Horde and its successors, Mongolian Empire, Moscow Russia.

Abstract. The prominent Russian expert on inter-ethnic relations in medieval Eurasia is trying to assess the place of the Golden Horde among medieval civilizations and the trace it left behind in Russian and world history.

«К СЧАСТЬЮ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ МЕЖДУ ИСТОРИКАМИ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. НО КТО БУДЕТ СЛУШАТЬ И СЛЫШАТЬ ИСТОРИКОВ, НЕ ЖЕЛАЮЩИХ ПОДВЕРСТАВАТЬСЯ ПОД ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАКАЗ?»

Интервью с Г. Касьяновым

Ключевые слова: история Украины, украинская национальная идентичность, украинская историческая память, русско-украинские отношения, польско-украинские отношения, историческая политика, национальный исторический нарратив, Голодомор.

Аннотация. Один из ведущих украинских историков говорит об исторических судьбах Украины во всем многообразии ее исторических земель, касается болезненных проблем российско-украинских и польско-украинских отношений.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-35-45

Георгий Касьянов – д.и.н, профессор, зав. отделом новейшей истории и политики Института истории Украины НАН Украины. Преподаватель (visiting) Берлинского вольного университета.

Среди работ: «Несогласные: украинская интеллигенция в движении сопротивления 1960–1980-х» (1995, 2-е издание – 2019); «Теории нации и национализма» (1999); «К вопросу об идеологии ОУН» (2003);

© Историческая Экспертиза, 2019
Касьянов Георгий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, зав. отделом новейшей истории и политики Института

истории Украины НАН Украины, преподаватель (visiting) Берлинского вольного университета (Киев); coffee_cup_2007@hotmail.com

«Украина 1991–2007. Очерки новейшей истории» (2008); «A Laboratory of Transnational History. Ukraine and Recent Ukrainian Historiography» (в соавторстве, 2009); «Danse macabre: голод 1932–1933 годов в политике, историографии и массовом сознании» (2010, 2-е издание — 2019); «Украина — Россия.

Как пишется история» (в соавторстве — 2011); «Образовательная система Украины, 1990–2014» (2015); «The Emergence of Ukraine: Self-Determination, Occupation, and War in Ukraine, 1917–1922» (2015), «Past Continuous: Історична політика 1980–2000-х: Україна та сусіди» (2018).

Беседовали К. Кочегаров и А. Стыкалин

К. К., А. С. Исторические судьбы и многовековой исторический опыт Галиции, Буковины, Закарпатья в корне отличаются от исторических судеб Донбасса или Полтавщины. Можно ли это поразительное многообразие исторического наследия сегодняшней Украины и коллективной исторической памяти ее населения соединить в некую общую национальную память как неотъемлемую часть национального самосознания? Или украинское общество обречено в этом смысле на некую локализацию исторической памяти?

Г. К. Говоря о такой возможности, я бы для начала спросил — а зачем? Есть ли в этом необходимость? Существует ли запрос на такую «общую память»? И если существует — то кто «заказчик»? В силу определенных обстоятельств и факторов, мы нередко усматриваем некую необходимость там, где, возможно, ее не существует... Логика понятна: есть государство, есть правящий класс, которому, независимо от его (гео)политической ориентации, необходима собственная легитимация и лояльность общества к нему.

«Общая память» — составляющая этого проекта. Часть общества, способная на системную рефлексию, также формирует подобный запрос: где-то речь идет о «скрепах», где-то о «национальном самосознании». То, что мы называем «коллективной памятью» (в общем-то, оксюморон), призвано склеить, скрепить, объединить общество, называемое нацией. Поскольку «коллективная память» — это конструкт, проект, у нее есть конструкторы — их я уже упомянул. Именно они и формируют запрос на «общую» память, актуализируют его и внедряют в общество, значительная часть которого охотно им верит, поскольку эта самая общая «коллективная память» представлена им как необходимая, жизненно важная часть их существования как индивидов.

В Украине такой проект вполне возможен и некоторые элементы «общей» памяти успешно внедрены. Например, Голодомор как нарратив исторической памяти в последние двадцать лет успешно внедрен и принят, 76–80% респондентов стабильно называют его геноцидом (их, правда, никто не спрашивает,

как они понимают этот термин). По уровню популярности и принятия обществом с ним могла бы соперничать «коллективная память» о победе в Великой Отечественной войне, но в последние пятнадцать лет этот нарратив активно размывается частью правящего класса и его союзниками в обществе, сейчас он активно фрагментируется, видоизменяется, вплоть до изменения названия и базовых смыслов.

Конечно же, ощутимые различия в историческом, цивилизационном опыте разных регионов Украины предполагают наличие разных, часто противоположных региональных нарративов памяти, которые вроде бы противоречат идее «общего». Они достаточно беспрепятственно сосуществовали в отдельных пространствах (ментальных и географических), пока в интересах политической конъюнктуры их не стали намеренно сталкивать лбами конкурирующие политические группы, борющиеся за власть и собственность. В результате в последние пятнадцать лет мы стали свидетелями нескольких взаимосвязанных процессов: 1. Политизации региональных нарративов и попыток превращения их в общенациональные (например, память об ОУН и УПА). 2. Регионализации некогда общих нарративов (например, советского или советско-ностальгического) и попыток их вытеснения из символического пространства. Наиболее масштабная — «декоммунизация» 2015–2017 гг. 3. Противопоставления региональных нарративов общенациональным и культивирования конфликта региональных нарративов.

Все это значительно затрудняет реализацию идеи «общего» нарратива памяти. Его элементы присутствуют, но в целом карта коллективной памяти — лоскутная. Это не было бы серьезной проблемой для единства — ведь до 2005 г. разные коллективные представления о прошлом как-то сосуществовали, но условия политической жизни, формируемые разными сегментами правящего класса, пока что исключают консенсус и взаимное признание. И даже внешняя угроза не способствует консолидации, а еще больше обостряет конфликтность.

Если бы я описывал идеальную ситуацию, я сформулировал бы условия так: Украине вполне было бы достаточно одной-трех «объединяющих» тем, а конкурирующие или несовпадающие нарративы вполне могли бы уживаться друг с другом, не соприкасаясь в реальном пространстве.

К. К., А. С. После 1991 г. на Украине, так же как, впрочем, в России и Белоруссии, появились тенденции «приватизации» наследия Древней Руси либо вычленения из него какого-то своего, местного нарратива («король Данило» в Галиции, Полоцкое княжество, Новгородская земля). Однако немало и сторонников того, что древнерусская история должна изучаться как целостный историко-культурный феномен без дележа наследия между современными государствами. Что вы думаете на этот счет? И кстати, есть ли, с вашей точки зрения, какой-то историко-политический подтекст в том, что в России, в том числе

в учебниках, отказались от названия Киевская Русь в пользу Древней Руси, а на Украине Киевская Русь сохраняется?

Г.К. Я не специалист в истории Киевской Руси или Древней Руси, но понимаю, что делить ее наследие стали гораздо раньше, даже не в XIX в. В современной ситуации конфликта каждый будет тянуть одеяло на себя, в результате холодно и дискомфортно будет всем, разве что участники соревнований разогреются от активного движения. Насколько мне известно, профессиональные медиевисты вообще не интересуются дележом, здесь тоже есть дискуссии, но они чисто академические. Согласно тем дискуссиям, которые я успеваю отследить, вообще нет смысла рассматривать «древнерусскую историю» как некий целостный феномен, в такой формулировке, как мне кажется, мы экстраполируем на средние века наши нынешние представления о культурной целостности. Конечно, когда речь идет о языке церкви и связанной с ним культуре и традиции — можно говорить о целостности. Во всех остальных отношениях — сомневаюсь, но повторяюсь, я не специалист. Что касается современного дележа — это, конечно, чисто политическое предприятие, в том числе и в игре с названиями, и в выяснении национальной принадлежности французских королей или князей, на которых, как мне кажется, скорее могли бы претендовать то ли норвежцы, то ли шведы.

К.К., А.С. Как вы оцениваете недавние польско-украинские дискуссии, вышедшие в том числе

и на политический уровень, касательно спорных моментов общей истории XX в., в том числе так называемой Волынской трагедии, деятельности УПА и АК на украинских территориях в годы Второй мировой войны? Возможно ли здесь сторонам достичь какого-то исторического примирения, или конфликт будет только углубляться?

Г.К. Эти дискуссии продолжаются уже лет двадцать, тут даже сложился некий стандарт хождения по кругу. На уровне профессиональных историков (тех, кто работает в сфере аналитической историографии) дискуссии не имеют конфронтационного характера. Либеральные интеллектуалы, по крайней мере те, кто еще выжил в нынешних условиях, некоторые церкви в Украине (у нас их много) и польский костел на уровне высшего клира призывали к примирению. В таком же духе неоднократно высказывались президенты. Здесь в ходу давняя формула «Прощаем и просим прощения».

Однако есть и другие интересные. В Польше это правоконсервативные, националистические и популистские партии и организации (Право и справедливость, Селянская партия, Кукиз-15, кресовые и комбатантские организации). В Украине — если говорить о силах, имеющих идеологическое лицо, — те же самые правоконсерваторы (вроде Украинской народной партии, обломков Руха и т.п.) и националисты (тут безусловный лидер ВО «Свобода»). Ситуативно с ними периодически выступают вместе популисты и разного рода

конъюнктурные образования вроде Радикальной партии или Блока Петра Порошенко — они выступают в этом ансамбле пляски имени св. Витта не столько по идеологическим, сколько по чисто ситуативным соображениям.

Глубинная суть конфликта в том, что он происходит между идеологическими близнецами, исповедующими совершенно одинаковый подход к прошлому. Их версия прошлого — этноцентрический, эксклюзивный нарратив, не предполагающий Другого, равнозначного своему Я. Более того, в этом варианте нарратива поляки и украинцы рассматриваются как исторические антагонисты — обеими сторонами. Могут ли носители и промоутеры таких взглядов договориться? «Есть многое на свете, друг Горацио...» Но я сомневаюсь.

К сожалению, достигнута крайняя точка. В Польше на высшем политическом уровне и на уровне закона ОУН и УПА объявлены виновными в геноциде поляков. Запрещено отрицать их преступления. В Украине эти же организации законом объявлены борцами за независимость и публичное «неуважение» к ним объявлено противоправным. Дошло до «войны могил», в ответ на демонтаж памятников солдатам УПА в Польше Украина ввела мораторий на эксгумационные работы с польскими могилами в Украине.

Недавнее памятование жертв Волинской трагедии (украинское «мягкое название»), или «геноцида поляков» (официальная польская формула), продемонстрировало

только обострение: впервые за последние двадцать лет украинский и польский президенты отказались от совместного церемониала.

Есть историки, которые вполне могли бы договориться, но кто их будет слушать.

К. К., А. С. В одной из своих статей вы как-то заявили, что «для подавляющего большинства представителей российского правящего класса, культурных элит и способного к рефлексии населения украинцы не являются радикально Другим». Действительно, не секрет, что для многих россиян Киев или, например, Одесса ассоциируются не только и даже не столько с украинской культурой и историей, а история украинских земель как таковых играет важную роль в формировании национального исторического нарратива современной России. А как вы думаете, способно ли в ближайшие десятилетия это восприятие измениться, и если да, то в силу каких факторов: внешних или внутренних?

Г. К. И внешние, и внутренние условия в обеих странах этого не предполагают. В Украине вследствие событий последних четырех лет сформирован стойкий образ России как агрессора. При этом по результатам недавних социологических опросов около половины респондентов относятся к России положительно, треть — негативно. В России негативно относятся к Украине 55 %, положительно — треть.

Если говорить о школьной истории, которая формирует базу

исторических представлений, то Украина в российской школьной истории вообще почти не видна, «украинские земли» рассматриваются просто как часть российской истории. В Украине, разумеется, эти же самые земли представлены в школьном курсе как собственная история, Россия же предстает как внешняя сила, эксплуататор, захватчик.

Нынешняя ситуация не предполагает изменений в обозримом будущем. Тем более в обеих странах подрастает поколение, сформированное именно в условиях этой ситуации. Мой десятилетний сын обсуждал с приятелями «российцев», которые напали на Украину. Я пытался смотреть информационные выпуски, передачи и ток-шоу об Украине на российских каналах в Интернете и после них чувствовал себя больным. Мне трудно поверить, что такое возможно. Идет широкомасштабная информационная война, и репрезентации прошлого — ее часть. В ней принимают участие историки. В этой ситуации единственно возможным вариантом можно считать профессиональный диалог между теми историками, кто на него способен и кто к нему стремится. К счастью, он есть и продолжается. Но опять повторюсь, кто будет слушать и слышать историков, не желающих подвергаться под политический заказ?

К.К., А.С. Вы недавно опубликовали рецензию на книгу Anne Applebaum «Red Famine: Stalin's War on Ukraine». Не можете ли вы кратко сформулировать ваше мнение об этом труде и отноше-

ние к той полемике, которая разгорелась между Энн Эплбаум и английской исследовательницей Шейлой Фитцпатрик?

Г.К. Мне кажется, что выражение «разгорелась полемика» не совсем точно отражает суть дела. Во-первых, стороны диалога неравноценны. Ш. Фитцпатрик — историк с мировым именем и признанием, крупный исследователь, знаковая фигура в исследованиях истории сталинизма, очень заметно повлиявшая на становление историографической школы, называемой ревизионизмом и обычно противопоставляемой так называемой тоталитарной школе.

Энн Эплбаум — журналистка, когда-то получавшая, но недополучившая исторического образования, слабо понимающая методы работы с источниками, способы их критики, практикующая наивный позитивизм и излучающая при этом апломб неопита. В свое время она получила престижную журналистскую премию за работу о ГУЛАГе, доступным языком представившую широкой публике то, что давно было известно профессиональным историкам. Грубо говоря, Эплбаум — талантливый популяризатор некоторых достижений профессиональной историографии. «Разговор» между Фитцпатрик и Эплбаум — это разговор профессора со студентом-недоучкой, слишком неравны силы.

Книгу о Голодоморе Эплбаум начала писать по заказу Фонда кафедр украинских студий (ФКУ) — эта организация спонсирует академические и не совсем академические исследования по истории Украины. В 1990-

е она поддерживала в индивидуальном порядке многих украинских ученых, в том числе и мои изыскания. В свое время ФКУ поддержал так называемый гарвардский проект, в результате которого появилась книжка Р. Конквеста «Жатва скорби» (The Harvest of Sorrow). В период правления В. Ющенко возникла идея сделать дубль — вновь силами какой-либо узнаваемой на Западе фигуры, в это время как раз разворачивалась кампания «Украина помнит, мир признает». Задачей Эпплбаум, которая была еще относительно свежей пулитцеровской лауреаткой, было вновь сообщить западному миру об ужасах голода 1932–1933 гг. в Украинской ССР. По причинам, мне неизвестным, проект затянулся, и Эпплбаум взялась за дело в 2010 году. Как и в случае с Конквестом, для знаменитости работали «ассистенты» — местные исследователи, которые подбирали и реферировали литературу, ориентировали на архивы и т.п. Как сообщает сама автор, события 2014 г. заставили ее отвлечься, поэтому книга вышла уже в 2017.

В западной прессе книга получила мощную поддержку, в очень короткий срок появилось более четырех десятков обзоров, подавляющее большинство — рекламного характера. Редкие критические рецензии утонули в общем хоре хвалебных од. Фитцпатрик сначала похвалила свою визави, но при этом высказала недоумение по поводу работы с источниками. Эпплбаум, заявившая, что она никогда не отвечает на рецензии, в этот раз решила отреагировать, что и сделала, в достаточно нервной манере. Фитцпатрик не ста-

ла ввязываться в неакадемическую полемику и «отозвала» свой позитивный отклик. Вот и вся «полемика».

Самое интересное, что сейчас Эпплбаум стала объектом нападок в Украине. Вообще-то поначалу ее книга еще до перевода на украинский вызвала ажиотаж в кругах, интересующихся Голодомором, прежде всего, среди тех, для кого Голодомор — что-то вроде гражданского культа. Эпплбаум представлялась кем-то вроде пророка, несущего свет истины о Голодоморе. Она сама заявляла о том, что она «принесет» новое знание, новые факты и открытия об этом явлении. В 2017 г. президент П. Порошенко, произнося речь на годовщину Голодомора, упомянул Эпплбаум три раза. Презентационные выступления автора сопровождались восхищенным гомоном в социальных сетях и бесстыдным славословием, от которого становилось неудобно за автора. Все это было понятно: Эпплбаум в своей книге воспроизводит стандартный историографический и культурный стереотип: голод 1932–1933 гг. — это спланированная акция Сталина против украинцев, направленная на нейтрализацию их стремления к независимости. В более широком плане — это результат многовекового стремления России покорить свободолюбивых украинцев. Голодомор актуализировался событиями 2014–2017 гг. Ничего нового Эпплбаум не сообщила — ни с точки зрения фактографии, ни с точки зрения интерпретаций.

Однако и в Украине, и в украинской диаспоре нашлось немало недовольных, поскольку в связи с аннексией

Крыма и войной на Донбассе канонический дискурс Голодомора значительно радикализировался. Сейчас в глазах тех, кто вписывает Голодомор в общую схему противостояния с Россией как агрессором, любые уклонения от канонов считаются гражданской ересью. И Эпплбаум впала в такую ересь. Во-первых, она высказывает сомнения в том, что формула Р. Лемкина, согласно которой Голодомор есть геноцид, полностью применима к украинскому случаю. Во-вторых, она предпочитает формулу С. Кульчицкого, который утверждает, что искусственный голод был направлен против «политической украинской нации». И в-третьих, и это самый страшный ее грех, — она соглашается с подсчетами демографов, называющих максимальную цифру прямых утрат от Голодомора в 1932–1934 гг. в 3,9 млн прямых потерь и 600 000 нерожденных. В Украине сложилась группа энергичных людей, которые не согласны меньше чем на цифру в 7–10 млн прямых потерь, они активно продвигают ее на уровне государственной политики, третируют и шельмуют тех, кто придерживается иного мнения. В этом случае Э. Эпплбаум попала под раздачу как «уклонистка».

К. К., А. С. Есть ли, с вашей точки зрения, что-то общее в процессе развития исторической памяти народов бывшего СССР или даже шире — бывшего соцлагеря? Есть ли тут какие-то региональные отличия от того, что мы часто называем «коллективным Западом»?

Г. К. Постсоветская модель конструирования коллективной памяти имеет некий общий сценарий.

Она основана на этноцентрической формуле национального нарратива, в большинстве случаев отягощена постколониальными мотивами — прежде всего по отношению к России. В России она тоже присутствует — в региональных нарративах (наилучший пример — Татарстан и Башкортостан). Но здесь еще присутствует федеральный, общероссийский нарратив, где рамкой служит история государства как главного скрепа. Или скрепки. Это позволяет избежать полного отрицания советского периода и держать в качестве конституирующего объединительного мифа Великую Победу. Кроме того, прямо или в определенном контексте общероссийский нарратив памяти возрождает идею «особого пути» (Sonderweg) России, что значительно осложняет отношения с ближайшими соседями, и не только с ними.

Восточноевропейская модель очень похожа, здесь тоже нетрудно обнаружить этнонациональный нарратив и его противопоставление недавнему «коммунистическому» прошлому. Интересно то, что он сейчас все больше противостоит и европейскому настоящему. «Воссоединение» 2004–2013/2017 гг., возвращение «блудных детей» в европейскую семью парадоксальным образом подействовало на историческую политику. Западноевропейский нарратив памяти предполагает некую транснациональную, общеевропейскую рамку, где один из центральных тропов — общая память о Холокосте.

Восточноевропейский нарратив, во-первых, с большими трудностями

принимает эту рамку, поскольку нужно признавать участие в Холокосте тех, кто уже зафиксирован в национальных пантеонах как борцы с коммунистическим режимом. Во-вторых, он требует принятия Западом равноценности, конгруэнтности страданий региона от коммунизма страданиям Запада от нацизма. И тогда память о Холокосте, «вступительный билет» в Евросоюз (выражение Тони Джадта), превращается в конкурирующий проект. Эта конкуренция сейчас вписывается в более широкий контекст противостояния «нелиберальных демократий» и Евросоюза. Лидерами здесь являются Польша и Венгрия, к ним примыкают Словакия, Литва, в некотором смысле Латвия. О Балканах вообще лучше не вспоминать. В общем, этноцентрический (и во многом ксенофобский) нарратив памяти превращается в некий важный бастион суверенитета и противостояния транснациональным объединительным европейским нарративам, проповедуемым «старой Европой».

К.К., А.С. Если мы посмотрим на персоналии национального пантеона любого из государств бывшего СССР, то в первых рядах выступают политики, полководцы, государственные деятели, которые в общем-то причинили и немало страданий окружающим, не всегда являлись образцом морально-нравственных качеств и т.д. Вот в России поставили памятник Ивану Грозному, об установке которого речь не шла даже во времена империи. Как вы относитесь к этому, и какие герои, с вашей точки зрения, нужны совре-

менному обществу (украинскому, российскому, любому другому), да и нужны ли вообще?

Г.К. Когда-то Эрнест Геллнер писал о восточноевропейском регионе, что здесь важным историческим персонажем и предметом культа является бандит, народный мститель. В принципе в западноевропейском пространстве памяти культовыми персонажами тоже являются немало убийц или организаторов завоеваний, аннексий, массовых истреблений. В Лондоне на одном гектаре стоят Кромвель и Карл I. Недалеко от них расположился нобелевский лауреат, по распоряжению которого были стерты с лица земли без особой на то надобности целые немецкие города. Во Франции никуда не делся культ Наполеона. Конечно, можно сказать, что у перечисленных персонажей кроме убийств и массового насилия есть другие заслуги — в отличие от «народных мстителей».

При этом везде есть и другие герои — писатели, ученые, артисты, доктора, футбольные тренеры и т.п.

Мне кажется, возможно я ошибаюсь, что мы уделяем слишком много внимания и нередко переоцениваем значимость действий в сфере символической политики. Эти действия важны неким группам интереса, и они заинтересованы в максимальном общественном резонансе. Втягиваясь в обсуждение, мы невольно содействуем этим группам.

Я сам активно критикую действия нынешней власти, направленные на распространение культа

Бандеры, например. У нас недавно в его честь переименовали Московский проспект. На английском (а в Киеве многие надписи дублируются после Евро 2012) звучит смешно — Bandera Avenue. В контексте нынешних отношений с Москвой переименование выглядит вполне уместным — но при чем тут Бандера? Его культ — продукт совместных усилий советской и националистической пропаганды, сам по себе он не та личность, которая отметилась бы какими-либо масштабными достижениями. Даже в националистическом движении есть люди поинтереснее, поумнее, пообразованнее, поталантливее. Сами творцы и промоутеры культа знают о реальном Бандере мало, они продвигают некий условный и физический памятник. Культ Бандеры — продукт совпадения ряда обстоятельств, вплоть до иронии истории (удачная фамилия).

Стоит ли его, этот культ, критиковать? Думаю, да, очень уж специфическая репутация у персонажа и у возглавляемой им фракции ОУН. Стоит ли поднимать шум вокруг этого культа? Не знаю. Подавляющее большинство покупателей, отправляющихся за товаром в торгово-развлекательные центры, в обилии расположившиеся «на Бандеры», вряд ли задумываются о том, в чью честь назван проспект. Было бы любопытно спросить, насколько им важно это название. Смею предположить, что, если бы назвали именем Бандераса, реакция и отношение были бы те же. Возможно, в будущем опять переименуют, для экономии средств я бы предложил проспект Бандуры,

нужно подчистить одну букву для экономии средств — вряд ли это вызовет серьезный резонанс.

К. К., А. С. В этом году вышла ваша книга «Past Continuous: Исторична політика 1980–2000-х: Україна та сусіди». Можете кратко охарактеризовать, к каким выводам вы пришли, изучая эволюцию украинской исторической политики после 1991 г. в контексте ее отношений с ближайшими и важнейшими соседями?

Г. К. Главный вывод — историческая политика в настоящее время и в нынешнем исполнении — это конфликт как внутри страны, так и в международных отношениях. В некоторых случаях она формирует условия и предпосылки для гражданского конфликта и гибридной войны. Это относится не только к украинской исторической политике, но и к явлению в целом. То, что Алексей Миллер назвал эскалацией исторической политики после 2005 г. — это прямой путь к дестабилизации как внутри стран региона, так и в отношениях между ними. Язык исторической политики — это язык конфликта и принуждения, экспроприации символического капитала. Историческая политика оперирует симулякрами и создает эрзацы гражданских культов и религий. В таких условиях неизбежно появление ересей, диссидентов и желания преследовать их. Историческая политика — радикальный вызов профессиональной историографии, претендующей на то, что история — это научная дисциплина. В этом смысле историческая политика — это не только предмет

академического исследования, но и объект критики и противодействия со стороны рационально мыслящего профессионального сообщества.

Она создает предпосылки для ликвидации этой части сословия историков, а значит, и для гибели истории как науки.

"FORTUNATELY, THE PROFESSIONAL DIALOGUE BETWEEN HISTORIANS CONTINUES. HOWEVER, WHO WOULD LISTEN AND HEAR HISTORIANS WHO DO NOT WANT TO FOLLOW POLITICAL GUIDELINES?"

Interview with G. V. Kasianov

Kasianov Georgiy V. – doctor of historical sciences, professor, Head of Department of Contemporary History and Politics of the Institute of history of Ukraine NAS of Ukraine, lecturer (visiting) of the Free University of Berlin

Key words: history of Ukraine, Ukrainian national identity, Ukrainian historical memory, Russian-Ukrainian relations, Polish-Ukrainian relations, historical policy, national historical narrative, Holodomor (the Great Hunger).

Abstract. One of the leading Ukrainian historians speaks about the historical destinies of Ukraine in the whole diversity of its historical lands, and touches also the painful problems of Russian-Ukrainian and Polish-Ukrainian relations.

«ИСТОРИК ДОЛЖЕН ИНОГДА БЫТЬ И ГРАЖДАНИНОМ»

Интервью с И.-А. Попом

Ключевые слова: Румыния, Трансильвания, объединение румынских земель, русско-румынские отношения.

Аннотация. Видный румынский историк, президент Румынской академии наук говорит о ключевых проблемах истории своей страны и российско-румынских отношений в свете отмеченного на государственном уровне в декабре 2018 г. 100-летия Великого Объединения румынских земель.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-46-56

Беседовал Н. Морозов, кандидат филологических наук, корреспондент ТАСС в Румынии

В Румынии с помпой было отмечено 100-летие Великого Объединения (Marea Unire). В столице прошел военный парад, торжественное заседание парламента и президентский прием во дворце Котрочень. В столице к юбилею было приурочено освящение экуменическим патриархом Варфоломеем I и патриархом Румынской православной церкви Даниилом грандиозного Собора спасения нации. В городе Алба-Юлия — открыт Монумент Великого Объединения и также состоялся военный парад. Всего же в стране прошло около 450 торжественных мероприятий — военных и религиозных церемоний, возложений венков, торжественных маршей, в которых приняли участие более полумиллиона человек.¹

© Историческая Экспертиза, 2019

Поп Иоан-Аурел — президент Румынской Академии, ректор университета Бабеш-Бойяи в г. Клуж-Напока (Румыния); contact@ubbcluj.ro

Великим Объединением в Румынии называют присоединение к румынскому Старому королевству в 1918 г. Трансильвании, Бессарабии и Буковины. Знаковой датой считается день 1 декабря, когда решение об объединении на Великом национальном собрании в городе Алба-Юлии приняли 1228 делегатов Трансильвании, Баната, Кришаны и Марамуреша. Позднее Румыния утратила Бессарабию и Северную Буковину.

Таким образом 1 декабря 1918 г. был завершен процесс формирования национального румынского государства в его наиболее широких за всю историю границах. Площадь Румынии увеличилась вдвое: с 137 до 295 тысяч квадратных километров. Если в 1912 г. ее население составляло 7 миллионов человек, то в 1930 г. оно достигло 18 миллионов. Страну стали называть Великой Румынией, и она начала претендовать на роль регионального лидера. Объединение 1918 г. считается

важнейшим событием в румынской истории, и в 1990 г. парламент объявил 1 декабря национальным днем Румынии.

Между тем единого мнения по поводу событий 100-летней давности в Румынии нет, и торжества проходили на фоне полемики между историками. Одни из них утверждают, что Великая Румыния стала результатом усилий румынского народа и его лидеров, а другие — что объединение произошло по воле великих держав, тогда как обычных румын оно вообще мало интересовало. Яркий представитель второй точки зрения — историк Лучиан Бойя, который называет себя противником истории, «окрашенной в национальные цвета». Эти идеи оспорил в 400-страничной книге «Правда и мифы. Заметки на полях» (2002)¹ президент Румынской Академии, ректор Университета Бабеш-Бойяи в городе Клуже-Напоке, историк Иоан-Аурел Поп.

63-летний академик — специалист в области средневековой истории румын. Он — автор и соавтор более 70 книг, а также 500 исследований и статей, опубликованных в Румынии и других странах, в том числе неоднократно в России. Среди его монографий — «Румыны и венгры в IX–XIV веках. Генезис средневекового государства в Трансильвании» (1996), «Румыны и Румыния: краткая история» (1998), «История румын» (2010), «Церковь, общество

и культура в Трансильвании XVI века. Между приемом и исключением» (2012). О Великом Объединении и многом другом Иоан-Аурел Поп рассказал автору в интервью, которое следует ниже.

Н. М. Итак, столетие... Все знают, о чем идет речь — об объединении Трансильвании со Старым королевством. Многих, однако, удивляет размах, который приняли торжества. Как вы объяснили бы иностранцу подлинное значение этой даты?

И.-А. П. Речь идет о европейском событии, которое касается истории многих стран. После Первой мировой войны политическая архитектура Центральной и Восточной Европы изменилась почти полностью от Финляндии, через балтийские страны, Польшу, Чехословакию до Румынии и даже славянских стран на Балканах. Одни из них расширили национальную территорию, другие сформировались заново, потому что ранее исчезли, как Польша или балтийские страны, которые после падения царизма стали независимыми государствами. Таким образом, 100 лет назад почти все страны в этой части Европы изменились, и по этой причине организуются торжества и в других странах — в Польше, в балтийских странах... Другими словами, европейская карта после Парижской конференции по итогам Первой мировой войны изменилась так сильно, что многие народы чувствуют потребность в таком празднике.

Румыны, может быть, представляют собой особый случай, потому что

¹ Pop Ioan-Aurel. Istoria, adevărul și miturile. Note de lectură. București, 2002 (книга выдержала ряд переизданий, в том числе в 2018 г.) (здесь и далее подстраничные примечания редакции).

происшедшее в 1918 г. в определенном смысле ожидалось румынами, но случилось как своего рода чудо. Почему? Потому что в 1917–1918 гг. казалось, что для Румынии все потянуло. Бухарест был занят немцами, королевский двор эвакуировался в Яссы, государственные учреждения также были в Яссах. После того, как немцы заняли Олтению, Мунтению и Добруджу, остался лишь клочок неоккупированной земли в Молдове. Мы сумели одержать победы в Мэрэшт, Мэрэшешть, Ойтузе, которые с военной точки зрения были победами, но стратегически мы не смогли их использовать. В России произошла революция, и она вышла из войны. В первой половине 1918 г. Румыния была вынуждена заключить сепаратный мир, а королевский двор вернулся в Бухарест только 1 декабря. Таким образом, быстро развивающиеся события стали неожиданными для румынского народа, и Румыния неким образом перешла от агонии к экстазу, если использовать название известного романа. Потому что в декабре перед нами предстала страна почти в 300 тысяч квадратных километров (еще не были проведены границы), королевство с европейской династией – король Фердинанд и королева Мария... Приезжали делегации из провинций (из Бессарабии – в Яссы, из Буковины и Трансильвании – в Бухарест), чтобы сообщить об объединении. И это было как увенчание экстраординарных усилий! Таким образом, румыны чувствовали потребность отметить это событие. Но будучи латинским народом, мы всегда немного преувеличиваем – и в хорошую, и в плохую сторону.

Но это вовсе не плохо, что мы вспоминаем об этом событии, потому что патриотическое чувство в сегодняшней Европе и в мире, которые хотят быть глобалистскими, но не очень получается, – это хорошо, это полезно.

Н.М. Юбилейные торжества сопровождаются полемикой. И здесь неизбежно речь заходит о книгах Лучиана Бойи. Вы ответили ему солидным томом. В конечном итоге о чем здесь идет речь – о борьбе между глобалистами и автохтонистами?

И.-А.П. Это было движение идей в Румынии в последние сто и больше лет...

Н.М. Но это происходит и сегодня?

И.-А.П. Конечно, происходит, это происходит в мире. Известно, что со второй части прошлого века, после Второй мировой войны расцвело глобалистское движение, был создан «Общий рынок», который сегодня стал Евросоюзом. В мире стали говорить о глобализации, снижении роли наций, формировании глобального села в мире, но не получилось, и тогда начали создавать федерации и союзы, предпринимать попытки объединить нации, чтобы облегчить диалог между людьми.

Но мое мнение, как историка, состоит в том, что мы слишком легко поверили в то, что нации могут быть стерты, могут исчезнуть. И сегодня нации мстят. Посмотрите на Францию, где партия Марин Ле Пен

имела большой успех до прихода Макрона. В США я рассматриваю президента Трампа как представителя американского национализма. То же самое в западных странах, где считалось, что европейская идея очень сильна. Брексит для меня — признак того, что Великобритания защищает свои традиционные ценности, которые считает неприкосновенными. Ближе к нам — в Польше и Венгрии установились режимы, которые, по моему мнению, являются автохтонными, патриотическими, национальными, они противостоят Евросоюзу. Я, как гражданин, не согласен с подрывом ЕС, так как искренне думаю, что Румыния и румыны еще с 1820–1830 гг. стремились интегрироваться в Европу, откуда берут начало наши романские истоки, наш неолатинский язык. Благодаря всему этому Румыния сблизилась с Европой, но Европа, по моему мнению, не была к этому готова. И тогда румыны, думаю, как и другие народы, должны хорошенько подумать: не должны ли мы войти в эту Европу, куда мы все стремимся, со своими собственными ценностями, а не отбрасывать собственные ценности в сторону. Некий румынский политолог сказал, что мы не можем войти в Европу с Эминеску. Это неправда. Тогда и Россия не может войти в Европу с Пушкиным. Потому что и Эминеску, и Пушкин, и Шандор Петефи, и Тарас Шевченко представляли романтическое поколение и были националистами в том смысле, что любили свою нацию. А некоторые из них даже резко отзывались о других нациях. Как бы то ни было, мое мнение: этнонациональные ценности дороги народам и их нужно сохранить.

Моя полемика с профессором Лучианом Бойей, который был восхитительным историком на истфаке Бухарестского университета, это как метафора о стакане воды. Я предпочитаю говорить, что стакан наполовину полон, он же предпочитает говорить, что он наполовину пуст. После коммунистического режима, который был в Румынии в недавний период, после националистического коммунизма Чаушеску, возникла потребность в равновесии. Но мне не нравится, когда вместо равновесия мы приходим к новому перекоосу. Я считаю, что мы можем подчеркивать наши поражения, наши провалы в истории, но все же Румыния существует, она уважаемое государство в Европе, и тогда нужно показывать и наши успехи, радости, победы, наряду с плохими вещами. Историк в обществе должен быть иногда и гражданином, другими словами, — внушать народу уверенность в себе. Я принадлежу к таким историкам, вероятно, и благодаря моему трансильванскому происхождению...

Н.М. История должна быть патриотичной?

И.-А.П. История всегда была на что-то ориентирована. Историк должен быть ученым, искать правду. В то же время историк родился в семье, воспринял в детстве определенные концепции, родился среди определенного народа, был воспитан в зависимости от определенных идей, которые касаются ценностей этого народа, и как бы ни старался историк быть совершенно объективным, ему не удастся это на 100 %, потому что абсолютная истина

принадлежит божеству, мы же, люди, работаем с относительными истинами. Так что есть истории, которые находятся под влиянием глобалистских идей и хотели бы, чтобы ЕС был сильным и где румыны были бы европейскими гражданами. Но есть и истории, которые думают, что ценности собственной нации очень важны, а языки представляют собой большое духовное богатство. Что мы выиграем, если заменим наши языки английским? Думаю, что английский, как и другие большие языки мира, должен остаться языком международной коммуникации, а каждая нация должна культивировать собственный язык. Подумайте, какие литературы существуют на румынском, польском, венгерском, болгарском, сербском языках! Все они должны быть сохранены. Поэтому молодежь должна хорошо знать эти языки, которые для некоторых, вероятно, не являются важными, но для нас имеют свою ценность. На протяжении всей истории человечества народы имеют собственные языки, а мир разделен на народы. Об этом говорится даже в Библии...

Н.М. И какое место занимает Румыния в этом контексте борьбы между глобалистами и сторонниками национальной идентичности?

И.-А.П. Румыния хотела бы занять место в середине. То есть Румыния хочет принадлежать ЕС, но в ЕС более 20 официальных языков, румынский — официальный язык ЕС, он используется в Союзе. Другими словами, роль Румынии как небольшой или, скажем, средней страны...

По численности населения Румыния занимает в Евросоюзе 6-е место после Польши. Следовательно, Румыния должна была бы иметь возможность сказать свое слово, если бы ее экономическая ситуация была на высоте крупных европейских держав. Но это не так... Румыния должна защищать свой язык и традиции, не ненавидя и не презирая другие ценности и традиции. В обществе можешь жить, только если уважаешь тех, кто рядом с тобой, но и не отказываясь от того, что ты считаешь твоим и что ты считаешь ценным.

Н.М. Вы родом из Трансильвании. Известно, что в Румынии до сих пор существуют определенные различия между румынами-трансильванцами и румынами из Старого королевства, предрасудки и предубеждения по отношению друг к другу. Читал где-то, что супруга президента Кармен Йоханнис избегает приезжать в Бухарест. Существует ли подобное наследие Австро-Венгерской империи в Румынии, есть ли эта проблема?

И.-А.П. Это не наследие Австро-Венгерской империи, потому что она просуществовала всего 51 год², другими словами, это небольшое наследие. Есть, однако, наследие всей истории. Валахия и Молдова имели свою историю, которая была ориентирована на Юго-Восток и на

² Австро-Венгерская дуалистическая монархия, в которую была трансформирована империя Габсбургов в результате соглашения венского императорского дома с венгерским национальным движением, существовала в 1867–1918 гг.

Балканы, а Трансильвания — историю, ориентированную на Центральную Европу и на Запад. Это — реальность.

Это разделение возникло в результате общего исторического процесса, по причине иностранного господства, из-за сосуществования в Трансильвании с католиками, а после XVI в. — с протестантами (речь идет о венграх и саксах).

Например, известно, что в средние века был язык церкви и культуры, с одной стороны, и язык народа — с другой. Если язык румынского народа был один, то культурный язык, официальный язык государства и церкви в Валахии и Молдове был славянский (церковнославянский, среднеболгарский), а в Трансильвании — латинский.

Если Трансильвания была ориентирована на австрийскую и германскую культуру, то в Старом королевстве преобладало влияние французской модели. Наши интеллигенты изучали французский, учились во Франции, как и великие русские романисты, — взгляните на романы Толстого и Достоевского. И у нас было так же. Здесь нужно подчеркнуть роль Павла Киселева и его окружения, которые прибыли сюда в первой половине XIX в. (граф Павел Киселев в 1829–1834 гг. управлял Дунайскими княжествами, находившимися под протекторатом России, под его руководством были разработаны и приняты первые конституции Молдавии и Валахии — Органические регламенты. — *Прим. авт.*). Они были людьми, скроенными по западной, француз-

ской модели, и они стимулировали интерес румын к Франции. В результате румынские бояре стали отправлять детей учиться во Францию, в Париж, Люневиль, Лион.

Когда была создана Великая Румыния, каждая провинция пришла со своим наследием, со своими учреждениями. В 1919 г. в Румынии обращались 5 валют. В Бессарабии была губерния, в Буковине — великое княжество, в Трансильвании — комитаты, «стулья», дистрикты, а в Старой Румынии — уезды. В 1923 г. в Румынии была принята конституция по французскому образцу, которая должна была унифицировать и в большей степени унифицировала страну, но умонастроения стереть нелегко.

Стало быть, наследство не было единообразным. Зато были и остались несколько фундаментальных элементов. Самый важный — язык. Все румыны говорят на одном языке, с региональными различиями, но не столь значительными, чтобы помешать общению. Их объединяет вера — византийский обряд. Даже трансильванские греко-католики придерживаются византийского обряда, т.е. их церковь, по сути, восточная. Эта церковь преобладает в Румынии. Потом ценности прошлого — обычаи, традиции, праздники — везде примерно одинаковые. Однако действительно существует эта реминисценция давно ушедших времен...

...У нас в Румынии встречаются Запад и Восток, это не граница, это своего рода зона пересечения. В средние века в Бухаресте,

Яссах, Сучаве, Тырговиште и Байе были католические епископаты, а в Трансильвании, где преобладали католики, были православные епископаты. Таким образом, мир Запада и мир Востока взаимно проникали друг в друга, встречались на этой земле. Мы — единственный романский народ, который испытал славянское влияние. У других романских народов добавленным элементом является германский — у итальянцев, французов, испанцев. У нас с IV в., но особенно с V, VI, VII вв. добавился славянский элемент, потому что формировавшийся румынский народ сосуществовал со славянами. Стало быть, мы связаны и с цивилизацией Востока, и с цивилизацией Запада. И если бы у нас была хорошая стратегия, мы могли бы стать связующим мостом, а не средством разделения.

Н. М. Вы возглавляли российско-румынскую комиссию и комиссию, которая занимается золотым запасом Румынии...

И.-А. П. Немного и комиссию, которая занимается запасом...³ Но я возглавлял комиссию историков, знаете, диалог между историками важен, я эту комиссию неким образом возглавляю и сейчас, просто мы давно не собирались.

³ Речь идет о судьбе золотого запаса королевской Румынии, переданного на хранение в Россию в условиях Первой мировой войны, в 1916–1917 гг. Из новых публикаций по теме см.: *Покивайлова Т. А.* Первая мировая война и судьба румынского золота (в контексте российско-румынских отношений) // Россия и Румыния во время Первой мировой войны. Бухарест, 2018.

Н. М. ...Как вы оцениваете отношения, прежде всего, между историками двух стран, но и между двумя странами в целом? Все признают, что эти отношения сейчас не являются нормальными. Но как, по вашему мнению, могли бы выглядеть нормальные отношения между Румынией и Россией? Вероятно, мы уже не можем быть друзьями, как провозглашалось когда-то, но как определить сегодня норму в наших отношениях?

И.-А. П. По моему мнению, это должны быть прагматичные отношения добрососедства. Мы приговорены историей жить по соседству. И румыны, и русские должны понимать важность общения между соседями. Без диалога вещи не могут развиваться успешно.

С другой стороны, между историками, думаю, мы должны иметь отношения любой ценой. Даже если на политическом уровне эти отношения менее теплые, или есть периоды, когда они не развиваются так, как должны были бы, думаю, что историки все равно должны общаться. Я и сейчас общаюсь электронными письмами с академиком Александром Чубарьяном, который возглавляет российскую часть комиссии по золотому запасу. У меня хорошие отношения с моим коллегой, директором Института славяноведения РАН, сопредседателем нашей двусторонней комиссии историков Константином Никифоровым. Диалог должен продолжаться.

Правда, комиссия историков уже несколько лет не собиралась, т. к.

РАН вступила в процесс реорганизации, и российские коллеги сообщили нам, что соглашение, заключенное между двумя академиями, временно не может действовать. Это соглашение предусматривало ежегодные встречи в Румынии и в России по очереди, взаимную оплату расходов. Российские коллеги получали суточные, чтобы им было на что жить в Бухаресте и везде, где мы проводили встречи, — в Крайове, Констанце, Клуже, Плоешть. И было очень хорошо. И мы тоже были в Москве и Санкт-Петербурге, и российская сторона несла расходы. Было по 6–8 человек с каждой стороны. Когда мы проводили заседание в Клуже, нам удалось издать и сборник выступлений участников...⁴

Сейчас, однако, эти контакты, я не сказал бы — прерваны, но приостановлены на определенной стадии. Я понял, что сотрудничество остановлено и с другими академиями, не только с румынской. Нам сообщили, что нужно подождать и диалог будет возобновлен. Мы ищем и другие пути, например, при помощи европейских фондов, которые выделяют средства и для сотрудничества со странами, которые не входят в ЕС. Но пока не по-

⁴ Lucrările celei de-a XV-a sesiuni a Comisiei bilaterale a istoricilor din România și Rusia (Труды XV сессии Двусторонней комиссии историков Румынии и России). Cluj-Napoca, 6–11 septembrie 2010 / Coord. acad. Ioan-Aurel Pop. Cluj-Napoca, 2011. Следующий сборник по итогам работы комиссии: Vecinătății și ziduri români și ruși (secolele XVI–XXI). Lucrările sesiunii a XVII-a comisiei mixte a istoricilor din România și Federația Rusă (Constanța, sept. 2012) / Coord. F. Anghel, M. Anton. Constanța, 2013. Статьи опубликованы как на русском, так и на румынском языках.

лучилось. Но мы сохраняем диалог. Думаю, что для румынских историков очень важны отношения с РАН, и думаю, что так же для российских историков... Я видел молодых российских ученых, интересующихся историей Балкан и Румынии, некоторые из них очень многообещающие, выучили и румынский язык, это молодые историки из академических институтов и даже из университетов. Это значит, что мы можем продолжать диалог и должны предпринимать для этого усилия.

Н. М. Вероятно, решения принимаются на политическом уровне...

И.-А. П. Абсолютно! И это касается не только истории. Наш диалог с РАН, которая является престижной академией, должен вестись во всех областях. В Румынской Академии 14 отделений — не только история и филология, но и математика, физика, химия, биологические науки, медицина, информатика. Мы знаем, сколь престижны все эти отрасли в России, и поэтому диалог должен вестись во всех областях. Очень важно, однако, чтобы на политическом уровне отношения между нашими странами были доброжелательными, хорошими. Даже если они не могут быть очень хорошими, или, как говорили прежде, братства и дружбы, то они должны быть отношениями диалога и сотрудничества.

Н. М. Я видел определенные утверждения в румынских СМИ и хотел бы спросить вас прямо: вы собираетесь баллотироваться на высший государственный пост?

И.-А. П. Нет. Я получал политические предложения, когда мне было 30 с лишним лет, сразу после революции (1989 года. – *Прим. авт.*). Если бы я собирался сделать политическую карьеру, то мог тогда стать депутатом или сенатором. Но я – профессор и решил всю жизнь оставаться профессором. Даже если я сейчас ректор и даже президент Академии, я сохранил мою специальность на должном уровне в области, где я немного разбираюсь. Хотя я занимаю эти посты, каждую неделю я веду в Клужском университете мой курс латинской палеографии и истории средних веков, разбираю со студентами старые латинские тексты, преподаю средневековую историю румын в восточноевропейском контексте от конца римского господства в Дакии до XVI в. И мне это доставляет удовольствие. Так что спекуляции о том, что я займусь политикой, – беспочвенны. Тем более что пост президента Академии заставляет быть политически нейтральным, а в хартии Клужского университета записано, что ректор не имеет права быть даже членом политической партии. В моем возрасте я не пойду в политику, потому что политика означает власть и господство, а меня интересует единственная вещь – власть разума и идей, мне нравится музыка, поэзия, свобода. Моя семья живет в Клуже, и мы не собираемся переезжать. Мне также нравится интеллектуальный диалог с людьми культуры и науки, отсюда – книги и статьи, которые я пишу, когда есть время, и с этим я не смогу расстаться никогда. Поэтому я остаюсь интеллектуалом.

Н. М. Я читал вашу статью в томе, посвященном памяти историка Флорина Константиniu, которого вы высоко цените⁵. Там вы цитируете его слова, согласно которым к прошлому нужно относиться как будто это настоящее. Это означает своего рода эмоциональное участие в научном процессе? С другой стороны, существует определенная разница между румынской и европейской историографией. В Румынии историки как будто уделяют большое внимание, возможно, слишком большое, документам, источникам, а интерпретационная часть значительно слабее. Я не выступаю за историю-эссе, а лишь за определенное равновесие. Не думаете ли вы, что слова Константиniu являются призывом восстановить это равновесие?

И.-А. П. Думаю, он хотел сказать, что настоящий историк переносится в эпоху, которую пытается описать, по простой причине: если он не сделает так, то он будет склонен ожидать от людей, которые жили в 1500 г., думать так, как думали люди, жившие в 2000 г., а это – ошибка. Я встречал много молодых людей, которые не очень образованы и которые мне говорили: «Господин профессор, но в средние века не соблюдались права человека, и меньшинства страдали». Но это нормально, т.к. было другое общество, с другими ценностями. В средние века была очень важна религиозная вера, привилегии, подчинение, иерархия. В современную

⁵ In memoriam Florin Constantiniu. Smerenie. Pasiune. Credință. București, 2013.

эпоху важны свобода, равенство, демократия. Если я буду судить, скажем, Ивана Грозного или Штефана Великого по сегодняшним критериям, то изучение прошлого теряет смысл. Думаю, он хотел сказать это.

С другой стороны, вы упомянули о нашей склонности к изучению источников. Как обстоит дело? Румынская историография начала публиковать источники поздно по сравнению с Западом. Во Франции, в Англии, в Германии, в Италии эрудиты начали собирать источники с 1400–1500 гг., создали большие коллекции, которые стали потом замечательно интерпретировать. Мы же начали публиковать источники лишь после 1700 г. и не систематически. Во время коммунистического режима, должен сказать, была проведена самая большая систематизация публикации источников, потому что Румынская Академия стала издавать четыре серии средневековых документов: А. Молдова, Б. Валахия, С. Трансильвания и Д. Отношения между румынскими провинциями. И почти все документы – на старославянском и латинском языках. Все известные документы на старославянском до 1600 г. были переведены и опубликованы, но только до 1600 г. А по Трансильвании не дошли даже до 1400 г.!

Поэтому вы понимаете, что мы не очень хорошо знаем нашу историю на основе источников, в отличие от французов и немцев, которые теперь могут заниматься интерпретацией. Мое мнение, что мы должны и публиковать источники, и интерпретировать. Но интер-

претация всегда проблематична, потому что, интерпретируя, всегда сближаешься с определенными концепциями, либо глобалистскими, либо автохтонистскими, и тогда становишься уязвимым. Вот почему многие румынские историки предпочитают изучать документы, публиковать их и делать минимальные выводы. Чтобы после этого пришли другие и интерпретировали. Повторяю: это очень деликатный вопрос, потому что историк, конечно же, должен быть объективным, но никогда не сможет стать таким объективным, как математик.

Н. М. Не думаете ли вы, что Константиню тогда имел в виду, что прошлое может быть понято путем некоего непосредственного эмоционального проникновения в дух эпохи, конечно, при опоре на возможно более широкую базу источников?

И.-А. П. Думаю, что да, думаю, что он хотел сказать, что мы должны входить в прошлое и душой, не только разумом, и участвовать в нем. Знаете, как художник влюбляется в свое произведение и, когда завершает его, говорит, что это самый большой его успех. Однако потом создает другое и тогда говорит, что оно – самое прекрасное. Историк изучает эпоху и влюбляется в свой предмет и, наверное, должен участвовать в этом и душой. В противном случае если мы в гуманитарных областях не участвуем и душой, не понимаем тогда, почему мы называем себя гуманитариями? Математика, физика, химия – ясные, точные науки, где истины сказаны, и люди могут относиться к этому

отстраненно. Мы же занимаемся людьми, которые жили в прошлом, но не знали, что они живут в прошлом... Когда я говорю, что мы должны изучать настоящее людей, которые живут в прошлом, то думаю о том, что те люди жили обычной жизнью, как и мы. Но если мы превратим их жизнь в прошлое и будем изучать как нечто мертвое, то можем легко утратить убедительность, например, не сможем убедить читателей, что средние века имели свои

собственные ценности. Сколько людей говорят о «средневековом варварстве»! Это значит лишь, что они находятся под властью предвзвешенных о средневековье, а у нас, историков, их быть не должно! Все это нужно показывать, и если нам удастся сделать это *sine ira et studio*, особенно без ненависти, тогда мы окажемся в выигрыше, потому что историк, по моему мнению, должен быть гуманистом, другими словами, — любить людей.

“THE HISTORIAN MUST SOMETIMES ALSO BE A CITIZEN”.

Interview with I.-A. Pop

Pop Ioan-Aurel — President of the Romanian Academy, rector of Babesh-Boyai University in Cluj-Napoca (Romania)

Key words: Romania, Transylvania, unification of Romanian lands, Russian-Romanian relations.

Abstract. A prominent Romanian historian, president of the Romanian Academy of Sciences, talks about the key problems of the history of his country and Russian-Romanian relations in the light of the 100th anniversary of the “great unification” of the Romanian lands, noted at the state level in December 2018.

М. В. Кирчанов

ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ В БОЛГАРИИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ

Ключевые слова: историография, историческое воображение, ревизионизм, национализм, Болгария, Османская империя, болгаро-турецкие отношения.

Аннотация. Автор анализирует проявления и формы исторического ревизионизма в современной историографии Болгарии. Национализм, националистическое воображение и политические мифы являются основными факторами, которые стимулируют исторический ревизионизм. Болгарские интеллектуалы предлагают ревизионистские концепции истории XIX в. и альтернативные точки зрения на период национального Возрождения. Болгарский исторический ревизионизм имеет преимущественно модернистский и конструктивистский характер. Исторический ревизионизм принадлежит к числу влиятельных интеллектуальных трендов в современных балканских историографиях, но несмотря на это перспективы и возможные траектории развития исторического ревизионизма остаются туманными и неопределенными.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-57-69

Историографии в странах Центральной и Восточной Европы на протяжении XX и начала XXI в. пережили несколько волн политических манипуляций, идеологиче-

ский спектр которых варьировался от националистического воображения и попыток воспринять нацию как главного актора исторического процесса до левых построений, которые, наоборот, склонялись к максимально возможной денационализации истории и ее описаниям в социально-экономических категориях классовой борьбы. Примечательно и то, что каждый новый политический режим неизбежно стремился

© М. В. Кирчанов, 2019

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета международных отношений Воронежского государственного университета (Воронеж); maksymkirchanoff@gmail.com

переписать исторические нарративы (Димитров 2010) в соответствии со своими идеологическими предпочтениями: если националисты национализировали прошлое, то левые — денационализировали историю, хотя национализм продолжал играть свою роль и во время существования социалистически ориентированных режимов. История как академическая наука и массовые представления, оформленные в различные версии исторической и политической памяти, на протяжении XX — начала XXI в. широко и активно использовались политиками, интеллектуалами и националистами (Ластоўскі 2016) для легитимации различных политических процессов, явлений и состояний — от этнических чисток до формирования новых «исторических общностей», от отстаивания права на свободу и независимость до легитимации территориальных изменений. В подобной ситуации ревизионизм стал едва ли не универсальной формой работы с прошлым и единственной возможной стратегией написания национальных историй в некоторых странах Большой Восточной Европы от Латвии до Албании. Единого определения понятия «исторический ревизионизм» в отечественной историографии не существует, но само слово «ревизионизм» имеет четкие негативные коннотации, проистекающие из идеологизированной истории партии (Антикоммунизм и ревизионизм... 1974; Истоки... 1961).

В центре авторского внимания в этой статье будут формы и проявления ревизионизма в современной болгарской историографии в кон-

тексте тех моментов национальной истории, которые в значительной степени политизированы и являются причинами многочисленных одновременно академических и политических дебатов и противоречий.

В западной историографии термин «ревизионизм», с одной стороны, используется для описания широкого круга интеллектуальных и историографических явлений, которые предусматривают радикальный отказ от старых интерпретаций, более ранних форм и методов описания / написания истории. На Западе ревизионизм представляет несколько различных течений, от маргинальных форм антисемитизма (Waibl-Stockner 2009) до вполне умеренных попыток переписывания истории в русле академической историографии (Sunny 2017). С другой стороны, понятие «ревизионизм» в западном академическом дискурсе не имеет исключительно негативного значения. Например, президент Американской исторической ассоциации Джэймс МакФерсон подчеркивал, что «14 000 членов этой Ассоциации, однако, знают, что ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым данным, за счет лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной “истины” о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, т. е. по сути

“ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой» (McPherson 2003). Восточноевропейские интеллектуалы также указывают на важность и необходимость пересмотра и ревизии устоявшихся исторических нарративов. Например, болгарский историк Е. Иванова, с одной стороны, подчеркивает, что «“изобретение” прошлого и традиции как культурного продукта настоящего неизбежно связано с необходимостью подвергать сомнению связь между историей и мифом» (Иванова 2015). Белорусский исследователь П. Барковски, с другой стороны, полагает, что «сегодня необходимо продолжать деконструировать — критиковать и заново определять те смыслы, которые нами теряются в результате деполитизации политического мира, через декультурализацию культуры и нигилизацию мышления в новейшем обществе» (Барковски 2013).

В последние годы академический ревизионизм, направленный на пересмотр застарелых идеологических схем и клише, заявил о себе и в российской историографии. В. Молодяков, российский историк-востоковед, приводит в своем блоге характерный пример, который в целом описывает историографическую ситуацию среди современных историков: «...полтора года назад один ученый из Института востоковедения РАН спросил меня “Вы не боитесь называть себя ревизионистом?” — “Не боюсь, а что?” — “Ну, знаете ли...” — “Я историк-ревизионист в традиции Фэя, Барнеса, Толанда и Ирвинга”, — ответил я. Перечисленные фамилии, кажется,

не произвели впечатления на моего собеседника... В советское время слово “ревизионист” было одним из главных ругательств, но использовалось почти исключительно по адресу различных “уклонистов” в коммунистическом и рабочем движении. Я к нему никогда не принадлежал, поэтому речь явно не об этом. О чем же?» (Молодяков). Вероятно, в отношении истории Болгарии исторический ревизионизм будет проявляться в попытках поставить под сомнение доминирующие большие нарративы, основанные на восприятии истории как именно национальной, линейной и непрерывной с небольшими перерывами, на протяжении которых болгары (так же как, скажем, и хорваты) становились жертвами агрессии со стороны соседей и временно утрачивали свои государственности. Поэтому любые попытки предложить альтернативные объяснения истории турецкого господства в Болгарии как эпохи национального угнетения и жертвенности во имя нации и государства будут восприниматься как покушения на историографический канон.

Исследователи истории исторической науки полагают, что «только в исключительных случаях историки вновь будут учиться своему ремеслу» (Линднер 1997) и лишь процессы политического транзита могут поставить историографию в состояние кризиса, переместив «историю в центр исторических дебатов» (Lindner 1999). Поэтому лучшие времена для исторического ревизионизма и пересмотра истории наступают тогда, когда общества переживают переход от авторитаризма

к демократии или сталкиваются с внутренними политическими кризисами. Констатация того, что история относится к числу политически и идеологически мотивированных и зависимых наук, успела стать общим местом как в российской, так и в зарубежной историографии. Национализм традиционно имеет «непростые отношения с историей» (Калхун 2006). Британский исследователь национализма Э. Смит, комментируя противоречивые отношения между историей и националистами, полагает, что «историки играют выдающуюся роль среди создателей и приверженцев национализма... историки внесли весомый вклад в развитие национализма... они заложили моральный и интеллектуальный фундамент для национализма в своих странах» (Smith 1992). Функции историков в развитии национализма разнообразны, варьируясь от написания истории как основы национальной идентичности до исторического ревизионизма, если это необходимо политическим элитам. Что касается ревизионизма в исторической политике и исторических памятях Центральной и Восточной Европы, то к концу 2010-х гг. опыт историографий этих стран свидетельствует о формировании двух моделей проработки прошлого с целью его ревизии.

Исторические исследования во всех странах пребывают в состоянии зависимости от политической и идеологической конъюнктуры. Несмотря на периодически возобновляющиеся дискуссии о кризисе исторического знания, история оказывается в центре поли-

тических и идейных дебатов и дискуссий. Комментируя современное положение исторического знания, российский историк П. Уваров подчеркивает: «...меня особенно веселят разговоры о “смерти больших нарративов истории”, таких как “нации” или “классы”. Насчет классов не знаю, а вот нации вовсе не собираются сходиться с подмостков историографической сцены, скорее наоборот. Не говоря уже о государствах и конфессиях» (Свобода... 2007). Последовательная идеологизации историографии в Болгарии, дискуссии между болгарскими историками и интеллектуалами относительно нации, национализма, религии и государства, попытки ревизии более ранних нарративов свидетельствуют о том, что такие историографические категории, как «нация», «класс», «религия», будут долго пребывать в центре внимания болгарских (как в своем случае, например, и хорватских) историков, особенно тех, кто втянут в пересмотр истории.

Своя, в значительной степени уникальная модель исторического ревизионизма характерна, в частности, для Болгарии, где часть представителей научного сообщества предлагает альтернативные и фактически ревизионистские интерпретации национальной истории, которые не стали основой для нового национального и исторического консенсуса, являясь фактически одним из течений в историографии. Исторический ревизионизм, т. е. радикальные попытки пересмотра истории Болгарии, неизбежно сопровождался отказом от более ранних версий исторического нарратива.

Исторический ревизионизм в Болгарии представляет собой «новый ревизионизм», который в значительной степени отличается от классического, «старого» исторического ревизионизма. Комментируя концептуальные и методологические особенности «нового ревизионизма», Е. Добренко полагает, что «новый ревизионизм озабочен, в отличие от старого доброго ревизионизма рубежа 1980-х, не столько политикой, сколько пересмотром нарратива, радикальным расширением корпуса текстов и техник их чтения, что в свою очередь ведет к пересмотру ряда фундаментальных постулатов традиционной историографии» (Добренко 2007). Современные ревизионисты в Болгарии не только пересматривают исторические факты, предлагая их альтернативные интерпретации, которые отличаются от более ранних интерпретаций, но и стремятся предложить качественно иные теоретические и методологические основания для переписывания истории, трансплантируя в традиционные позитивистские нарративы элементы модернизма и конструктивизма. Это меняет и сам исторический ревизионизм, делая его более сложным, интегрированным в общую интеллектуальную и культурную ситуацию.

Исторические нарративы, которые в болгарской историографии были подвергнуты пересмотру и деконструкции, стали следствиями институционализации авторитарного политического режима и обслуживали его интересы. Что касается болгарского исторического нарратива, то он имел несколько особен-

ностей, включая идеи непрерывности и континуитета болгарской истории и истории болгарской государственности, написание и описание истории в категориях этноцентризма, что делало болгарскую нацию не только основным героем и участником исторического процесса, но и превращало ее в жертву агрессии внешних соседей: Болгария стала жертвой османской агрессии и на протяжении нескольких столетий пребывала в состоянии зависимости от турок, а болгары подвергались социальной и религиозной дискриминации; кроме того, в XX в. Болгария пережила две национальные катастрофы и установление авторитарного левого режима. Исторический ревизионизм в современной Болгарии не принадлежит к числу течений, которые доминируют или по меньшей мере влияют в современной историографии. Интеллектуалы, которые предлагают ревизионистские версии восприятия исторического процесса, настаивают преимущественно на пересмотре истории Болгарии периода османского господства, в то время как негативные оценки авторитарного политического опыта или позитивное восприятие истории болгарского национализма не вызывают, как правило, сомнений среди представителей академического сообщества и политических элит.

Ревизионистские интерпретации болгарской истории сосредоточены, как правило, вокруг восприятия и оценки османского периода в истории Болгарии и политически продиктованы последствиями вступления страны в ЕС, что

поставило перед местными политическими и интеллектуальными элитами задачу интегрировать свои версии национальной истории в общеевропейские контексты, включая ценности толерантности и мультикультурализма, в то время как этноцентричная болгарская историография была не в состоянии выполнить эти задачи.

Современные болгарские интеллектуалы, которые периодически актуализируют творческий потенциал ревизионизма, не склонны к продвижению ревизионизма как отрицания одних фактов ради замены их альтернативными политически и идеологически мотивированными интерпретациями и объяснениями. Исторический ревизионизм в современной болгарской историографии имеет преимущественно интеллектуальные формы и проявляется в попытках усомниться в более ранних теориях и практиках как описания, так и написания истории. Мария Тодорова, например, подчеркивает, что историками, условно определяемыми как ревизионисты, «в широком смысле предлагается воспринимать общую проблему истории и памяти со всеми ее сопутствующими аспектами — проблемой “общей”, “социальной”, “коллективной” или “народной” памяти, как это видят историки; характер национальной памяти по сравнению с другими типами коллективной памяти; изменчивость памяти во времени и общественном пространстве; альтернативная память; методы памяти, такие как празднования и т. д., механизм создания и повторной передачи памяти; изменение характе-

ра памяти во времени и изменение резкости памяти и т. д. Этот подход тесно связан с вопросом об исторических персонажах и характером культа героев. Есть ли у них какие-то национальные герои, т. е. герои эпохи национализма? Как вы меняете свое понимание персонажей с течением времени? Как сравниваются исторические герои и героические архетипы?» (Тодорова 2012).

На современном этапе альтернативные точки зрения, которые отличны от описаний, доминирующих в болгарской историографии в целом, предлагаются, например, в работах болгарского историка д-ра Александра Везенкова. Он развивает альтернативные взгляды на проблемы Болгарского Возрождения, ставя под сомнения те нарративы, которые доминировали в более ранней историографии в отношении турецкого фактора в болгарской истории XIX в. Теоретические построения А. Везенкова в сфере болгарской истории, которые мы можем определить как формы или проявления исторического ревизионизма, фактически стали попыткой найти ответ на вопросы, которые в свое время сформулировала М. Тодорова, но в более узком хронологическом фокусе — в болгарской истории XIX в.

Каковы основные идеи, предлагаемые А. Везенковым?

Анализируя особенности восприятия периода турецкого господства в болгарской истории в целом и XIX в. в частности, А. Везенков предлагает, что «наши знания о прошлом в значительной степени являются

результатом того, как исследователи изучали и описывали его до нас», настаивая, таким образом, на том, что история не в состоянии предложить объективные формы знания о прошлом, ведь наши восприятия истории являются не более чем политически и идеологически мотивированными интеллектуальными конструктами. По мнению А. Везенкова, в болгарской историографии сложился политический консенсус, определяемый им как «заговор молчания» в силу того, что историки предпочитают избегать те проблемы, анализ которых может поставить под сомнение основные положения большого исторического нарратива, доминирующего в национальной историографии. Среди наиболее мифологизированных, по его мнению, положений официального исторического нарратива в Болгарии — идея о центральной роли Возрождения в политической эмансипации и национальном освобождении болгар в период турецкого господства в XIX в. Выражая свое несогласие с теми интерпретациями, которые доминируют в болгарской историографии, А. Везенков формулирует несколько вопросов, включая:

- Почему Возрождение следует рассматривать как отдельную эпоху, а не как один из процессов, которые болгарское общество пережило в XIX в.?
- Имел ли место «Ренессанс» в XIX в. только до создания современного болгарского государства?
- Возможно ли анализировать этот период в отрыве от ряда других

процессов истории Болгарии под властью Османской империи?

- Все ли изменения в Болгарии XIX в. связаны с Возрождением?
- Если XIX в. — это новая эра в истории Болгарии, можно ли ее определить как «возрождение»?
- Каковы последствия «эпохи Возрождения» для болгарской истории в целом?

Эти шесть вопросов, которые сформулировал А. Везенков, безобидны только на первый взгляд в силу того, что если пытаться ответить на них академически, то многие положения доминирующего «большого нарратива» в современной болгарской историографии, которая фактически является этноцентричной, оказываются спорными и плохо доказуемыми мифами, созданными историками и прочими интеллектуалами в конце XIX в. и на протяжении XX в. Поэтому любые попытки академического анализа неизбежно будут содействовать кризису официального историографического канона, его эрозии, размыванию и, как следствие, деконструкции. Александр Везенков не имеет институционально выраженных связей с современной болгарской историографией, не являясь сотрудником ни одного государственного университета и академического института, и поэтому, отвечая на все поставленные вопросы, не ограничивает себя допущениями официального историографического канона.

Попытки А. Везенкова в некоторых его текстах (*Везенков 2013а*;

2013б) предложить новые научные и методологические оптики для описания болгарской истории XIX в. ставят под сомнение положения официального историографического канона в силу того, что болгарский историк предлагает несколько идей, которые слабо коррелируют с этноцентричной историографией, где основными героями всегда были болгарская нация, угнетенная турками, и болгарская государственность, ими же уничтоженная, но старательно восстанавливаемая болгарскими националистами.

Какие идеи, отчасти провокационные, но в целом альтернативные и поэтому ревизионистские, предлагает А. Везенков?

Александр Везенков, с одной стороны, склонен воспринимать XIX в. в истории Болгарии не только как один из этапов турецкого господства, но и как «самое болгарское время» в болгарском историческом процессе, настаивая на том, что попытки объявить этот период временем «национального Возрождения» свидетельствуют о некритическом отношении к источникам и об идеализации более ранней, предшествующей историографии, которая мифологизировала в позитивном плане Возрождение. Анализируя идеи А. Везенкова, не следует воспринимать его как инициатора историографических дебатов в силу того, что, условно говоря, альтернативные точки зрения в болгарской историографии высказывались начиная с 2000-х гг. (Бонева 2000; Даскалов 2002; Димитров 2004), однако их сторонники не шли дальше

трансплантации западных теорий национализма в болгарские исторические контексты XIX в. С другой стороны, по мнению болгарского историка, антитурецкие настроения болгар XIX в. были преувеличены историками века XX.

Кроме того, по мнению А. Везенкова, более ранняя болгарская историография фактически превратила «Возрождение» в идеальный тип и конструкт, связывая именно с ним, в частности, генезис капиталистических отношений в городе и на аграрной периферии. А. Везенков, воспринимающий историю XIX в. в контексте интеллектуальной истории национализма, полагает, что связь Возрождения с мануфактурами и фабриками, возникшими на территории Болгарии, весьма сомнительна. В отличие от многих других болгарских историков, которые склонны демонизировать турок как «Других» и Османскую империю в целом, А. Везенков полагает, что сами турецкие элиты несли ответственность за появление болгарского национализма. Выступая как исследователь истории Османской империи в контекстах ее модернизации и формирования гражданской нации (Везенков 2013в; 2013г; 2013д), он стремится показать, что турецкие власти начиная с середины 1850-х гг. инициировали ряд реформ, направленных на интеграцию национальных меньшинств в общество империи через расширение их прав в сфере получения образования на родном языке и допуска на военную и государственную службу. Анализируя эти меры османского правительства, А. Везенков фактически ставит

под сомнение одну из центральных идей национально ориентированной историографии, последовательно развивающей нарратив о национальном угнетении болгар, в то время как аргументы, приводимые А. Везенковым, подвергают сомнению историографический консенсус относительно болгар как нации-жертвы мусульман-турок (в качестве универсальных Других).

Подводя итоги статьи, следует принять во внимание несколько факторов, которые определяют как основные особенности, так и векторы и направления развития и функционирования исторического ревизионизма в Болгарии.

Конечно, ревизионизм в национальных историографиях Балканского полуострова имеет свои внутренние истоки, связанные с историческим развитием политических культур и идентичностей, незавершенностью процессов государственного строительства, значительной ролью национализма в исторической науке и современной интеллектуальной жизни в Болгарии, как и в других странах. Исторический ревизионизм объективно стимулируется культурным и интеллектуальным наследием авторитарной эпохи, неспособностью национальных академических сообществ решительно отказаться от идеологизированных и мифологизированных нарративов, присущих более ранним этапам в развитии национальных историографий, когда исторические штудии сочетали в себе элементы этнического национализма и коммунистической лояльности.

Исторический ревизионизм находит сторонников среди представителей различных поколений болгарской (точно так же как, например, хорватской) историографии, которые предлагают пересмотреть, подвергнуть ревизии более ранние исторические нарративы. При этом степень ревизионизма в болгарской историографии варьируется от умеренного академического до радикального политизированного этноцентричного подхода и этим несколько отличается от ревизионизма в хорватской историографии, известной своими стремлениями привести в неопозитивистские версии истории элементы модернизма и конструктивизма — в последней он в силу политических факторов часто граничит с отрицанием военных преступлений или занижением числа жертв репрессий в период Второй мировой войны.

Говоря о степени и глубине влияния исторического ревизионизма на основные векторы развития болгарской историографии, надо заметить, что в Болгарии ревизионистские идеи в общем маргинальны и не нашли достаточного числа сторонников среди представителей академического сообщества, чтобы претендовать на статус новой парадигмы. В целом значение и роль современного исторического ревизионизма в Болгарии неоднозначны и весьма противоречивы, однако автор статьи полагает, что ревизионизм на определенных этапах развития историографии может играть умеренно позитивную роль, становясь гарантией от методологического и теоретического застоя.

Как отмечалось выше, ревизионистские тенденции характерны и для других национальных или динамично национализирующихся государств региона. История Балкан обеспечивает историков многочисленными примерами политически острых тем, которые содействуют расхождению национальных историографий, как и росту межгосударственных противоречий. Например, замалчиваются и практически не анализируются проблемы сотрудничества сербов с немецкими оккупационными властями, сербская историография замалчивает ответственность четников за военные преступления против евреев и их участие в массовых убийствах мусульман в период Второй мировой войны; греческие историки стремятся избегать неудобных вопросов о деславянизации целых регионов Греции в XX в. и т. п.

Изучение форм исторического ревизионизма принадлежит к числу дискуссионных проблем, особенно в таком регионе Европы, как Балканы, отягощенном многочисленными историческими и актуальными конфликтами и противоречиями. Поэтому анализ форм и проявлений исторического ревизионизма в историографии одной из балканских стран может стать стимулом для изучения различных ревизионистских подходов и в других исторических науках региона (например, в сербской, македонской, греческой или албанской историографиях), где национализм и воспроизводимые им исторические мифы являются не только стабильными, но и значимыми факторами, которые определяют направления

и тенденции развития исторического воображения и политики в сфере исторических памятней.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Везенков 2013а – *Везенков А.* Очевидно само на пръв поглед: «Българското възраждане» като отделна епоха (Част 1) // Либерален преглед. 2013. 12 Февруари [Электронный ресурс]. URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1948-1-v15-1948>.

Везенков 2013б – *Везенков А.* Очевидно само на пръв поглед: «Българското възраждане» като отделна епоха (Част 2) // Либерален преглед. 2013. 18 Февруари [Электронный ресурс]. URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/science/1954-2>.

Везенков 2013в – *Везенков А.* Османизмът като политика на идентичността през епохата на Танзимата // Либерален преглед. 2013. 07 май [Электронный ресурс]. URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/bulgaria/2048-osmanizam-tanzimat>.

Везенков 2013г – *Везенков А.* В служба на султана, в служба на революцията – Част 1 // Либерален преглед. 2013. 02 април [Электронный ресурс]. URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2001-v-sluzhba-na-sultana-v-sluzhba-na-revolutyziyata>.

Везенков 2013д – *Везенков А.* В служба на султана, в служба на революцията – Част 2 // Либерален преглед. 2013. 08 април [Электронный ресурс]. URL: <http://librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2008-2>.

Димитров 2010 – *Димитров И.* Национален дух и История // Либерален преглед. 2010. 15 Ноември [Электронный ресурс]. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/1069-2010-11-15-18-53-11>.

Добренко 2007 — Добренко Е. Советское прошлое: манифест нового ревизионизма // Новое литературное обозрение. 2007. №85 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/do33.html>.

Иванова 2015 — Иванова Е. Изгубената История // Либерален преглед. 2015. 25 Април [Электронный ресурс]. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/prospects/science/2699-2015-04-25-17-24-07>.

Молодяков — Молодяков В. Что такое «исторический ревизионизм» (коротко о главном) [Электронный ресурс]. URL: <https://molodiakov.livejournal.com/59237.html>.

Свобода... 2007 — Свобода у историков пока есть. Во всяком случае — есть от чего бежать. Беседа Кирилла Кобрин с Павлом Уваровым // Неприкосновенный Запас. 2007. №55 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/research/2008/01/30/uvarov.html>.

McPherson 2003 — McPherson J. Revisionist historians // Perspectives on history. The newsmagazine of the American Historical Association. 2003. September 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/september-2003/revisionist-historians>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антикоммунизм и ревизионизм... 1974 — Антикоммунизм и ревизионизм на службе империализма / ред. Ф. Т. Константинов, В. К. Попов. М.: Изд-во УДН, 1974. 126 с.

Баркоўскі 2013 — Баркоўскі П. Інтэлектуальны маніфест: тут і цяпер // Палітычная сфера. 2013. № 21 (2). С. 93–96.

Бонева 2000 — Бонева В. Имената на Българското възраждане //

Историческо бъдеще. 2000. № 1–2. С. 158–171.

Даскалов 2002 — Даскалов Р. Как се мисли Българското възраждане. София: ЛИК, 2002.

Димитров 2004 — Димитров Г. Да мислим ли Възраждането? Паметник на Възраждането или камък в блатото на нашата историография // Социологически проблеми. 2004. Кн. 1–2. С. 309–326.

Истоки... 1961 — Истоки современного ревизионизма и его буржуазная сущность. М.: Издательство МГУ, 1961. 413 с.

Калхун 2006 — Калхун К. Национализм. М., 2006.

Ластоўскі 2016 — Ластоўскі А. Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка // Палітычная сфера. 2016. № 24 (1). С. 37–55.

Лінднер 1997 — Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Беларусіка / Albaruthenica. Мн., 1997. Т. 6. Ч. 1.

Тодорова 2012 — Тодорова М. Създаването на един национален герой: Васил Левски в българската обществена памет / прев. от англ. Д. Илиева // България, Балканите, светът: идеи, процеси, събития. София: Просвета, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2064-2013-05-22-10-26-10>.

Lindner 1999 — Lindner R. New Directions in Belarusian Studies

besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus // Nationalities Papers. 1999. Vol. 27. No 4.

Smith 1992 — Smith A. Nationalism and the Historians // International Journal of Comparative Sociology. 1992. 33: 1–2. P. 58–80.

Suny 2017 — Suny R. G. The Left Side of History: The Embattled Pasts

of Communism in the Twentieth Century // Perspectives on Politics. 2017. Vol. 15. No 2. P. 455–464.

Waibl-Stockner 2009 — Waibl-Stockner J. “Die Juden sind unser Unglück”: Antisemitische Verschwörungstheorien und ihre Verankerung in Politik und Gesellschaft. Münster: LIT, 2009.

THE HISTORICAL REVISIONISM IN BULGARIA: PROBLEMS OF NATIONAL REVIVAL HISTORY AND POLITICAL RESPONSIBILITY OF INTELLECTUALS

Kyrchanoff Maksym V. — doctor of historical sciences, associate professor, Department of the regional studies and economics of foreign countries, Faculty of international relations, Voronezh State University (Voronezh)

Key words: historiography, historical imagination, revisionism, nationalism, Bulgaria, Ottoman Empire, Bulgarian-Turkish relations

Abstract. The author analyzes the forms of historical revisionism in the modern historiography of Bulgaria. Nationalism, nationalist imagination and political myths are the main factors that stimulate historical revisionism. Bulgarian intellectuals offer revisionist conceptions of the history of the 19th century and alternative viewpoints on the period of the National Revival. Bulgarian historical revisionism has a predominantly modernist and constructivist character. Historical revisionism is one of the influential intellectual trends in modern Balkan historiography, but despite it, the prospects and possible trajectories of the development of historical revisionism remain vague and uncertain.

REFERENCES

Antikommunizm i revizionizm na sluzhbe imperializma, red. F.T. Konstantinov, V.K. Popov. Moscow: Izd-vo UDN, 1974, 126 p.

Barkoŷski P. Intelektual'ny manifest: tut i tsiaper. *Palitichnaia sfera*, 2013, no. 21 (2), pp. 93–96.

Boneva V. Imenata na B"lgarskoto v"zrazhdane. *Istorichesko b"deshe*, 2000, no. 1–2, pp. 158–171.

Daskalov R. *Kak se misli B"lgarskoto v"zrazhdane*. Sofiia: LIK, 2002.

Dimitrov G. Da mislim li V"zrazhdaneto? Pаметник na V"zrazhdaneto ili kam"k v blatoto na nashata istoriografiia. *Sotsiologicheski problemi*, 2004, kn. 1–2. pp. 309–326.

Istoki sovremennogo revizionizma i ego burzhuaznaia sushchnost'. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1961. 413 p.

Kalkhun K. *Natsionalizm*. Moscow, 2006.

Lastoŷski A. Prapratsoŷkakamunistychnaga minulaga ŷ Slavakii: asnoŷnyia faktary i dynamika. *Palitychnaia sfera*, 2016, no. 24 (1), pp. 37–55.

Lindner R. New Directions in Belarusian Studies besieged past: national and court historians in Lukashenka's Belarus. *Nationalities Papers*, 1999, vol. 27, no 4.

Lindner R. Niazmennasts' i zmenyŷ postsavetskai gistoryiagrfii Belarusi. *Belarusika / Albaruthenica*. Minsk, 1997, vol. 6, ch. 1.

Smith A. Nationalism and the Historians. *International Journal of Comparative Sociology*, 1992, 33: 1–2, pp. 58–80.

Suny R.G. The Left Side of History: The Embattled Pasts of Communism in the Twentieth Century. *Perspectives on Politics*, 2017, vol. 15, no 2, pp. 455–464.

Todorova M. S"zdavaneto na edin natsionalen geroi: Vasil Levski v b"lgarskata obshchestvena pamet, prev. ot angl. D. Ilieva. *B"lgariia, Balkanite, svet": idei, protsesi, s"bitiia*. Sofiia: Prosveta, 2012 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.librev.com/index.php/2013-03-30-08-56-39/discussion/bulgaria/2064-2013-05-22-10-26-10>.

Waibl-Stockner J. "Die Juden sind unser Unglück": Antisemitische Verschwörungstheorien und ihre Verankerung in Politik und Gesellschaft. Münster: LIT, 2009.

ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XX ВЕКЕ ГЛАЗАМИ НЕПРЕДВЗЯТОГО ИСТОРИКА

Ключевые слова: история Польши, российско-польские отношения, Польша во внешней политике России и СССР, российский фактор в польской истории, польская национальная память.

Аннотация. Один из ведущих российских специалистов по польской истории в своем эссе высказывает мнение по ключевым и наиболее болезненным проблемам российско-польских отношений в Новейшее время, рассуждает о причинах взаимонепонимания двух народов.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-70-74

Написав заголовок статьи, я вдруг задумался, а может ли историк быть непредвзятым. В точном смысле этого слова — конечно же, нет. Но это не значит, что я не могу не попытаться быть таковым до такой степени, чтобы мои личные симпатии и антипатии не мешали трезво смотреть на вещи, о которых я собрался поразмышлять.

В 2018 г. польско-российским отношениям Новейшего времени исполнилось 100 лет. Срок, может быть, и не такой уж большой на фоне тысячи с лишним лет взаимоотношений поляков со своими восточными

славянскими соплеменниками и их государственными образованиями, одно из которых — это и есть Россия. Но зато сколько же за это время произошло крутых поворотов и интересных, с точки зрения историка, событий.

Польша — одно из немногих старых европейских государств, отношения которого с Россией в прошлом веке можно охарактеризовать пессимистически и односложно: *плохие или очень плохие*. Мои российские коллеги могут мне возразить, что в период так называемой Народной Польши они были хорошими и иногда даже очень хорошими. Но вряд ли их поддержит польская сторона, не без оснований считающая, что эти отношения не были равноправными, Польше и полякам была отведена роль «младшего брата», лишённого суверенного права самому выбирать

© Г. Ф. Матвеев, 2019

Матвеев Геннадий Филиппович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва); gfmatee@yandex.ru

друзей, союзников и место в международных отношениях. То есть для России они были хорошими, потому что ее руководители могли более 40 лет вести свою внешнюю политику без особой оглядки на польский фактор. Конечно, в какой-то мере Москва учитывала польские интересы, особенно в конце Второй мировой войны, причем делала это за счет или третьих стран (Германии), или нероссийских территорий (Белоруссия, Украина). Но делала она это не от большой любви к Варшаве или привязанности к идее славянской взаимности, а по сугубо прагматическим соображениям. Между Германией и СССР должно было существовать достаточно крупное государство, играющее роль закрытой для Запада двери на восток. Поэтому Польша получила территории, на многие из которых у нее были весьма сомнительные права (Восточная Пруссия или Померания), а также Белостокскую область и территорию между Бугом и Саном, которые белорусы и украинцы считали своими по историческому праву и этническому составу населения.

Но все это уже в прошлом. Общая граница между нами осталась лишь в Калининградской области, где у нас нет никаких застарелых территориальных или иных споров. А отношения все так же далеки от нормальных. Причем улучшаются они крайне медленно, со скрипом, а портятся стремительно. Иногда кажется, что каждая из сторон только и ждет шага партнера, кажущегося ей недружелюбным, чтобы тут же построить в боевые порядки и нанести ответный удар. В поведении политиков явно просматривается некая психо-

логическая предрасположенность к взаимному недоверию. Конечно, можно успокаивать себя тем, что это бескровные сражения, но это слабое утешение, если принять во внимание культивирование в обеих странах взаимного недоверия и подозрительности, а также экономические потери Польши и России.

Отношения между нашими странами, всего лишь два раза в XX в. пребывавшими в состоянии необъявленной войны (1919–1920 и 1939 г.), много хуже, чем отношения России с Германией, с которой она вела в том же столетии две самых тяжелых за всю ее историю войны. Вот уж где оснований для обид и вражды более чем достаточно. В их числе и колоссальные невозвратные людские потери, счет которым идет на десятки миллионов, и страшнейшие разрушения инфраструктуры, и участие СССР в расчленении страны и длительном противодействии ее объединению, и помощь Польше в получении значительных территорий довоенной Германии с правом их очищения от проживавших там сотни лет немцев. Но, несмотря на все это и многое другое, отношения между СССР/Россией и Германией вот уже практически полвека вполне приличные, а временами и теплые.

То же можно сказать и о Финляндии. В балансе наших отношений в XX в. две войны, отнятые территории и, ко всему прочему, в 1944–1991 гг. — ограничение ее суверенитета в пользу восточного соседа. Но все это не мешает нашим взаимоотношениям быть до недавних пор добрыми, да и теперь весьма корректными.

Так почему же именно Польша является той страной, с которой Россия никак не может наладить хорошие отношения? Не вдаваясь в выявление частных поводов для каждого из польско-российских / российско-польских конфликтов, которые крайне разнообразны, попытаюсь вычленить причину, которая мне представляется наиболее фундаментальной и долговременной, действующей на протяжении уже не одного столетия. По моему глубокому убеждению, это борьба Московии / России / СССР / России, с одной стороны, и Речи Посполитой (в разных ее вариантах) за лежащее между ними географическое пространство Украины и Белоруссии, в разное время входившее в состав исторического и культурного пространства поляков и русских.

Как известно, государство, условно называемое Киевской Русью, т. е. с центром в среднем течении Днепра, было создано в IX в. пришельцами с далекого Северо-Запада, местное же население не продвинулось в государственном строительстве выше уровня племенных объединений. Нет свидетельств, что князья древлян, бужан, волынян и т. д. подчинялись до прихода Рюриковичей князьям Киева.

С падением, а точнее угасанием этого государства с центром в Киеве, на территориях, занимаемых ныне Украиной и Белоруссией, так и не возникло какого-то общего государственного образования, хотя областные князья из династии Рюриковичей и пытались это сделать. И произошло это потому, что местные политические элиты так и не

сумели подчинить свои частные, локальные резоны общим интересам, без чего создать действительно жизнеспособное государство нельзя. В результате решение этой задачи стало уделом литовцев и поляков, и они достаточно быстро и успешно это сделали. Вначале земли современной Белоруссии и Правобережной Украины превратили в свое историческое пространство литовцы, затем их сменили поляки, сумевшие превзойти «литву» по степени воздействия на «аборигенов» и существенно продвинуть процесс их этнической и культурной ассимиляции, включить регион в состав своего культурного пространства. Местное восточнославянское население не только практически лишилось своей аристократии, перешедшей в католицизм и полонизировавшейся, но и, приняв унию, двинулось, как тогда казалось, по пути утраты религиозной идентичности. Как бы развивался этот процесс дальше, если бы катаклизмы XVII–XVIII вв. не разрушили здание Речи Посполитой, не берусь судить. С моей точки зрения, занятие альтернативной историей – вещь хотя и занятная, но для ученого человека достаточно бессмысленная. Поэтому я воздержусь от создания как мрачного, так и розового сценария того, что могло бы произойти, если бы Речь Посполитая устояла.

Одно очевидно. Даже потеряв собственное государство и политический контроль над восточными землями Речи Посполитой, поляки не вычеркнули их из своего сознания как часть собственного исторического и культурного пространства. Достаточно посмотреть хотя бы со-

зданную в конце XX — начале XXI в. довольно многочисленную литературу о следах «польскости» на этих землях. Я уже не говорю о специальных рубриках в периодической печати.

Польша была практически единственным государством, покровительствовавшим Петлюре, и первой признала независимые Украину и Белоруссию в 1991 г. Она сразу же объявила о своей готовности исполнять миссию поводыря этих стран в Европу и от этого намерения в общем (при всех трудностях) не отказалась до настоящего времени. И это при том, что государственность Украины и Белоруссии, несмотря на уже четверть века их существования в независимом статусе, все еще нельзя назвать устойчивой. В этих странах расколот не только политический класс, но и общество. Не говорим уже о проблемах сегодняшней Украины, но и в Белоруссии всякое вмешательство извне у одних вызывает чувство благодарности, а других возмущает, усугубляя тем самым раскол. Польский политический класс, как представляется, не хочет с этим считаться. Достаточно посмотреть на его поведение во время украинских «оранжевых» революций, попытки вовлечь себя во внутривеликорусский конфликт и т. д.

Польские элиты и сейчас, как и в далеком прошлом, убеждены в том, что выполняют в этом регионе культуртрегерскую миссию. И ради этого зачастую забывают все те уроки истории, которые были здесь преподаны полякам в годы Второй мировой войны. Не буду останавливаться на этом сюжете, который долгие годы всесторонне изучали украинские и польские историки.

Но позволю себе констатировать одну, для меня совершенно очевидную, истину. Начавшийся в средние века процесс колонизации восточнославянского населения показал свою ограниченность и бесперспективность уже во время казацких войн XVII в., уния не стала переходом к католицизму (а значит, и к польскости), превратилась в XIX–XX вв. в самостоятельную конфессию галичан, стала основой духовного раскола украинского этноса.

Совершенно иная картина сложилась на северо-востоке бывшей Киевской Руси, где основная борьба разгорелась между претендентами на объединение мини-государств, а не между защитниками локальных интересов. Конечно, и здесь временами наблюдались всплески местного сепаратизма, но эта тенденция никогда не была главной. Поэтому в междуречье Оки и Волги достаточно быстро возник консолидирующий центр, не только демонстрировавший намерение создать большое государство, но и сумевший реализовать этот исторический проект. Именно здесь у всех общественных групп сохранилась память об общем государстве восточных славян, их едином историческом и культурном пространстве. Память эта отразилась в русских народных сказках, былинах, летописях, она легла в основу государственной идеи московских князей и царей¹.

¹ Такой памяти нет у нынешних украинцев и белорусов, и нет ее уже не одно столетие. Это особенно заметно на Украине, где на денежных купюрах, этом наиболее массовом и распространенном символе независимости, изображены великие князья эпохи Киевской Руси. То есть произошла узурпация украинцами общей истории восточных славян. Интересно, как бы выглядели чехи,

Московскими царями, а затем и российских императорами, проводившими политику собирания русских земель, двигал не только присущий им экспансионизм, но и великая национальная идея русских о богоугодности дела восстановления их исконного исторического и культурного пространства. С моей точки зрения, величайшим заблуждением русской части российского общества была в прошлом и остается вплоть до сегодняшнего дня глубочайшая вера в то, что эта мегаидея точно так же близка украинцам и белорусам и что они считают территорию своего проживания продолжающей оставаться частью общего восточнославянского исторического и культурного пространства.

Поэтому всякое реальное и мнимое вмешательство Польши в дела Украины и Белоруссии рассматривается как покушение на основы

существования русского народа и с неизбежностью ведет в лучшем случае к подозрительности в отношении поляков. А подозрительность не может быть хорошей основой для добрососедства.

В оправдание русских можно сказать только одно. Мы расстались с большим историческим пространством всего лишь четверть века назад, а потому у нас еще слишком жива память об общей стране. Как показывает опыт поляков, уже 200 с лишним лет нет Речи Посполитой, а память о ней у них все еще жива. Вывод из этого следует неутешительный: мы не скоро станем относиться друг к другу просто как два соседних государства, а не соперники в борьбе за Украину и Белоруссию. То есть за территории, население которых пока еще с трудом справляется с задачами строительства собственной полноценной государственности.

POLISH-RUSSIAN RELATIONS IN THE 20TH CENTURY THROUGH THE EYES OF AN UNBIASED HISTORIAN

Matveev Gennady F. — doctor of historical sciences, professor, head of the Department of History of Southern and Western slavs, Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Key words: history of Poland, Russian-Polish relations, Poland in the foreign policy of Russia and the USSR, the Russian factor in Polish history, Polish national memory.

Abstract. One of the leading Russian specialists in Polish history in his essay expresses his opinion on the key and most painful problems of Russian-Polish relations in recent times, discusses the reasons for mutual misunderstanding of two peoples.

если бы они поместили на свои банкноты мужественные профили императоров Священной Римской империи? Белорусы говорят о Великом княжестве Литовском как о белорусско-литовском государстве, ссылаясь при этом, в частности, на язык придворной канцелярии. А как же быть Польше, в которой до XVI в. языком канцелярий была латынь?

И. И. Баринов

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: ВЗГЛЯД ОППОЗИЦИИ

Ключевые слова: Белоруссия, оппозиция, национальная государственность, политика памяти.

Аннотация. В статье рассматриваются противоречия между оппозиционными политическими течениями и действующими властями Белоруссии по вопросам дальнейшего развития национальной государственности. На основе изучения первичных материалов выявляются основные претензии и требования оппозиции к белорусскому правящему режиму, исследуется история их формирования и применимость в сфере реальной политики. Фокус статьи нацелен на попытку структурирования идейных концепций белорусской оппозиции в области развития государства, национального языка и политики памяти. Как показывает анализ, в большинстве своем они оказываются устаревшими и нерелевантными для актуальной реальности. Из-за этого стратегии будущего, рассматриваемые оппозиционерами в качестве альтернативы текущего развития Белоруссии, представляются мало реалистичными.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-75-86

После распада Советского Союза возникшие на его основе независимые государства столкнулись с проблемой поиска и выстраивания новых идентичностей. Где-то данный процесс оказался сопряжен с насилием (как в случае некоторых государств Кавказа и Средней Азии), в других случаях он шел более спокойно (как в странах Балтии). Общим местом для ряда

бывших союзных республик стало то, что еще во время существования СССР часть общественных сил предлагала, в условиях глубокого идеологического кризиса, вернуться к старому, досоветскому наследию, которое стало бы основой будущего национального возрождения. Этот подход тем не менее осложнялся отсутствием непрерывной или по крайней мере длительной традиции государственности у большинства новообразованных стран.

В полной мере эти тенденции проявились в случае Белоруссии. В на-

© И. И. Баринов, 2019

Баринов Игорь Игоревич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (Москва);
barinovnoble@gmail.com

чале 1990-х гг. страна оказалась перед выбором — пойти по условно «национальному» пути развития или остаться в рамках квазисоветской системы. В силу ряда причин, как политического, так и не в последнюю очередь экономического характера, реализовался второй сценарий, внешним проявлением которого стал приход к власти Александра Лукашенко. Деятельность нового лидера нации была воспринята (и воспринимается) его оппонентами как «модифицированный советский консерватизм» (Czarnou 1999: 80–85), призванный обеспечить утилитарные интересы действующей политической элиты и личную власть президента (Смок 2015: 103).

Анализ текстов и интервью¹ различных авторов, которых так или иначе можно отнести к белорусской оппозиции, выявляет основные тезисы, в которых выражены претензии к действующему в стране режиму. В рамках данной статьи будет предпринята попытка структурировать их актуальные взгляды на будущее развитие государства и нации в Белоруссии и оценить возможности реализации программы действий, альтернативной политике текущих белорусских властей.

¹ Главным образом были проанализированы публикации Европейского гуманитарного университета (Вильнюс), Белорусского института стратегических исследований (BISS, Вильнюс), продукция независимых белорусских издательств, а также материалы новостных ресурсов Naviny.by и Belarusparitsan.by.

БЕЛОРУССКАЯ НАЦИЯ: ВОПРОС КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Сегодняшние дискуссии по вопросам белорусской идентичности во многом коренятся в амбивалентности советского нациестроительства. С одной стороны, в рамках официальной идеологии власти стремились реализовать знаменитый ленинский тезис о праве наций на самоопределение. Так, даже у малых наций, имевших лишь автономии в рамках союзных республик, поощрялось развитие языка, литературы, театра. В этой связи возникли любопытные феномены «народных поэтов», «народных писателей», «народных скульпторов». Другая магистральная линия была нацелена на формирование «советского человека», наднациональной идентичности, которая могла бы цементировать «братскую семью советских народов».

Белоруссия традиционно занимала здесь особое место из-за того, что была одной из республик-основательниц Советского Союза. Вместе с тем в белорусском случае указанная амбивалентность выразилась в полной мере. К моменту возникновения советской Белоруссии в 1919 г. местные интеллектуалы в целом выработали основные сюжеты национального мифа. Согласно ему, уже во времена средневековья белорусы обладали развитой национальной культурой и государственностью, оказывая значительное влияние на существование Великого княжества Литовского. Эта культура деградировала по мере вхождения белорусских земель в польскую, а затем и русскую

сферу влияния. Что важно, на тот момент данный нарратив не имел ярко выраженной проевропейской и антироссийской составляющей — осуждению подвергались скорее сословные и административные практики обеих сторон.

Начатая советской властью политика белорусизации вдохновила часть деятелей национального движения до такой степени, что они вернулись в Белоруссию и приняли участие в строительстве (или, с их точки зрения, возрождении) национальной государственности. Действительно, в течение короткого периода времени середины — второй половины 1920-х гг. в республике шли бурные процессы, связанные с кодификацией языка, разработкой учебных программ, изучением истории и культуры. Тем не менее эта политика шла до тех пор, пока она укладывалась в политическую логику союзного центра. Уже в начале 1930-х гг. белорусизация была достаточно резко свернута, а большинство национально ориентированных интеллектуалов и управленцев были репрессированы по обвинению в «буржуазном национализме». По мере того, как с середины 1930-х гг. возобладала официозная риторика об общей «советской родине», Белоруссия, вместе с Россией и Украиной, была включена в восточнославянское «братство народов», которое одновременно с этим рассматривалось как несущая конструкция советского государства.

Во многом рубежом для возрождения белорусского национального движения стали события, связан-

ные с XX съездом. Как раз в период оттепели у местных шестидесятников развивается интерес к фольклору, краеведению и народным традициям, а городская русскоязычная интеллигенция начинает принципиально переходить на белорусский язык. Выражением этого процесса становится появление таких групп интересов, как «Майстроўня» (1979) и «Талака» (1985). Вторым важным сюжетом стало осуждение репрессивных политических практик. Знаковым событием здесь стало открытие в 1988 г. места массовых казней жертв сталинских репрессий в Куропатах на окраине Минска.

В этом смысле в период перестройки по сути произошел возврат в нулевую точку — советские интеллигенты фактически приняли на себя роль новых «будителей» наподобие Франтишека Богушевича и других персонажей второй половины XIX в. Наряду с этим национальный нарратив приобрел выраженный антитоталитарный настрой. Подобное эклектичное сочетание стало одним из факторов, что определило дальнейшее развитие белорусского оппозиционного дискурса. В рамках «возвращения к национальному» в первой половине 1990-х гг. в стране «с наивысшей степенью русификации и денационализации» (Смок 2015: 102) особое значение придавалось формированию политики памяти и соответствующей культуры.

Упомянутые процессы характеризовались рядом любопытных и в каком-то смысле парадоксальных черт. С одной стороны,

главные носители новой парадигмы, местные интеллектуалы, сформировались в русско-советской культуре и в действительности являлись наследниками не «старого» национального движения, а скорее русской либеральной мысли. Использование идейного наследия белорусских активистов начала XX в., апеллировавшего к традиционному аграрному обществу, уже в ту пору смотрелось анахронично.

Вместе с тем осуждение тоталитаризма и советского строя как его проводника наталкивалось на тот факт, что единственным осязаемым белорусским государственным образованием была как раз союзная республика. Из-за этого сторонники «национального возрождения» толком не могли объяснить, в какой момент белорусы, собственно, ощутили себя белорусами. Кроме того, они отказывались верить, что по ряду причин исторического, социального и иного характера в Белоруссии не сформировалась массовая национальная культура, а инструменты ее реализации, такие как общепринятый литературный язык, были выработаны уже в ненавистное им советское время. Не способствовали восприятию новой реальности и социально-экономические подвижки после распада Советского Союза, более того, в эпоху перемен советская власть ассоциировалась у большинства населения с материальным достатком времен застоя.

Перечисленные сюжеты затрагивают лишь некоторые причины того, почему «возврат к национальному» не получил популярности в белорус-

ском обществе, обусловив успех «антинационального», с точки зрения оппозиции, блока. Пытаясь объяснить победу Лукашенко, его политические противники утверждали, что он сумел мобилизовать негативные атрибуты «патриархально-традиционалистического сознания» для реализации личных властных амбиций (Czarnou 1999: 80–85). Как представляется, на самом деле эти тенденции шли параллельно и не проистекали одна из другой. Можно с уверенностью говорить о том, что Лукашенко пошел по пути сохранения белорусской советской идентичности за неимением лучшего. Групповая солидарность на основе таких явлений, как оккупация 1941–1944 гг., вполне справедливо представлялась ему куда более ощутимой и значимой для современного белорусского общества, чем события далекого прошлого.

В подобных условиях поиск «золотого века» белорусской истории для создания альтернативной национальной идеи логично подвел оппозицию к Великому княжеству Литовскому (ВКЛ), когда-то включавшему территорию современной Белоруссии. Здесь виртуальное нацистроительство стало двигаться сразу по двум траекториям – форсированной национализации ВКЛ с целью сделать его исключительно белорусским достоянием и внешней европеизации белорусского наследия для максимального дистанцирования от советского прошлого.

Стоит отметить, что данный дискурс, продвигаемый белорусской оппозицией и в наши дни, зародился

еще в перестроечные времена и мало изменился за последние тридцать лет. Согласно ему, в рамках ВКЛ «белорусская культура доминировала», определяя социально-экономическую и культурную организацию всего государства (*Бич и др.* 2007: 27, 142). Еще одной общей чертой большинства оппозиционных течений (за исключением разве что крайне правых) является выраженная европоцентричность. Так, уже в XIII в. Белоруссия выбрала «стабильный Запад», а белорусские земли постепенно переориентировались «на политически и культурно притягательную Европу» (*Кравцевич и др.* 2011: 34, 47). Подлинное национальное развитие Белоруссии в европейском духе остановилось «из-за деспотического правления российской монархии и КПСС», в результате чего белорусы стали «эрзац-нацией» без соответствующей «духовной неповторимости». Соответственно, десять столетий «развития в рамках европейской традиции» противопоставляются двум векам «азиатчины» в составе России (*Ровдо* 2009: 12–16, 32–33), стратегический союз с которой расценивается как угроза самому существованию белорусской нации (*Силецкий* 2011: 16).

При ближайшем рассмотрении упомянутая концепция предстает внутренне противоречивой и непоследовательной. Так, начало европейского «поворота» Белоруссии связывается с переходом в католичество литовского князя Миндовга (*Кравцевич и др.* 2011: 48), при этом роль католической Польши, через которую во многом шла европеизация Белоруссии, оценивается негативно (*Бич и др.* 2007: 38). Подчеркивая сущность

белорусов как «нации пограничья», авторы соответствующей книги, с одной стороны, представляют их как единственных реципиентов европейских практик и традиций и носителей цивилизации², а с другой — исключают вариативность межкультурного взаимодействия, свойственного мультиэтничному ВКЛ.

Кроме того, учитывая масштаб европейского влияния на Россию не только в XVIII–XIX вв., но и раньше, а также моду на ориентализм в Речи Посполитой (*На путях становления... 2004: 41*), возведение непреодолимых цивилизационных барьеров в Восточной Европе кажется по меньшей мере надуманным. Даже если допустить, что Россию начал делать европейской страной царь Петр, к моменту включения белорусских земель в состав Российской империи она уже сто лет как не была «азиатской». Иногда высказывания могут принимать антинаучный характер. К примеру, белорусам уже в Средневековье приписывается «выраженная национальная направленность культуры» (*Бич и др.* 2007: 142), хотя даже в конце XIX – начале XX в. сама идея нации на белорусских землях была малоприменима (*Викс* 2005: 591).

ДИСКУССИЯ ВОКРУГ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛОРУССИИ

Наряду с исторической политикой, важным вопросом для оппозиции является повсеместное внедрение

² К слову, точно такие же концепции присутствовали в интеллектуальной традиции исторических соседей белорусов — поляков и балтийских немцев.

белорусского как языка образования и СМИ с целью создания альтернативы русскому информационному доминированию и стимуляции развития национального самосознания белорусов.

Проблема соотношения русского и белорусского языков в Белоруссии опять же берет свое начало в советском времени. Не считая короткого периода белорусизации, стандартизованный белорусский язык толком не преподавался в городах. При этом, как отмечают исследователи, хотя даже в 1989 г. 80 % белорусов называли белорусский родным языком, непонятно, шла ли речь о литературной норме или о местных обиходных диалектах. Другая проблема была связана с реальной ролью белорусского языка в жизни общества. Так, в СМИ он однозначно уступал русскому только в сфере телевидения, тогда как в области печати и радиопередач позиции были либо сопоставимы, либо оказывались не в пользу русского. Кроме того, на белорусском языке в советское время существовала развитая художественная литература, причем ее произведения издавались гарантированно большими тиражами в государственных издательствах, независимо от читательского интереса (*Brüggemann* 2014: 76–78).

Тем не менее престиж белорусского как языка высокого уровня коммуникации был низок, поскольку в советском обществе социальная мобильность была связана с русским. Таким образом, белорусский язык существовал и развивался, но при этом не мог претендовать на веду-

щие позиции в обществе. Подобное положение отразилось в известном произведении белорусского самиздата – «Письме русскому другу». В нем автор подчеркивает диспропорцию присутствия в республике русского и белорусского языков при их декларируемом равенстве, указывает на «стыдливость» местных в использовании белорусского как языка национальной культуры и, как следствие, ее упадок. Упоминается и русификаторская политика партийной бюрократии, которая, по мнению автора, еще во времена сталинских репрессий против белорусских национальных активистов отошла от ленинских принципов (*Letter to a Russian friend* 1979: 26–31).

Стоит отметить, что в период застоя, в условиях нарастающего кризиса официальной идеологии, среди творческой интеллигенции резко возрос интерес к «исконным началам». Так, в России некоторые «писатели-деревенщики» симпатизировали почвенничеству и русскому национализму. В случае с Белоруссией повсеместное распространение русского языка стало одной из причин обращения к элементам национального наследия. Данная тенденция проявилась не только у диссидентов, но и у вполне вписанных в официальную советскую литературу белорусских авторов вроде Василя Быкова. Более того, она пережила времена застоя и легла в основу одного из главных перестроечных лозунгов о восстановлении позиций национального языка. Неслучайно одновременно с «Талакой» в Минске возник клуб «Вавилон», где молодые специалисты

осуществляли переводы мировой классики на белорусский. Впоследствии из числа участников клуба вышли оппозиционные политики и общественные деятели, в том числе Леонид Борщевский и Сергей Шупа.

Продвижение белорусского языка стало одним из приоритетов в начале 1990-х гг., когда он был возвращен в школы и центральные СМИ. Остановку этого процесса оппозиция связывает с приходом к власти Александра Лукашенко, в условиях стратегического союза с Россией взявшего курс на повторную русификацию Белоруссии. В качестве примера приводится школьная статистика, согласно которой в 1994/95 учебном году по-белорусски обучались 75 % школьников, тогда как в 2013/14 — лишь 15 % (Смок 2015: 105) Тем не менее эта проблема связана с политикой действующего режима лишь опосредованно. Как признает сама оппозиция, белорусскоязычная продукция не находит значительного спроса у населения. Так, соответствующие интернет-СМИ охватывают лишь 0,5 % населения Белоруссии, а издательства в массе своей не заинтересованы в издании литературы на белорусском (Там же: 111, 123).

Таким образом, в данном случае речь идет скорее о практической стороне вопроса. Получателям белорусскоязычного контента, будь то образовательный или информационный контент, хочется гарантий относительно возможности его дальнейшего применения. Точно так же и для производителей информации проекты на белорус-

ском языке, в отличие от проектов на русском, английском и даже польском, являются заранее коммерчески провальными. В свою очередь, продвижение белорусского как языка высокой коммуникации смещается скорее в зону неофициальной культурной активности (Там же: 108). В частности, в этой сфере работают журнал «Arche» и независимые минские издательства, такие как «Зміцер Колас», «Янушкевіч» и «Логвінаў».

Власти страны, по крайней мере внешне, спокойно относятся к такого рода активности, однако крайне болезненно реагируют на использование национального языка и связываемых с ним смыслов в политических баталиях. Примечательно, что санкции здесь могут последовать даже в том случае, если изначально намерений критиковать действующий строй не было. Так, в 2013 г. издательство «Логвінаў» было оштрафовано на крупную сумму за то, что в одном из его белорусскоязычных изданий суд усмотрел «умышленно искаженные, не соответствующие действительности измышления о жизнедеятельности Республики Беларусь в политической, экономической, социальной и иных сферах, унижающие национальную честь и достоинство граждан Республики Беларусь» (Сифин 2015).

Указанная реакция становится еще более жесткой, если в какой-либо форме присутствует внешнее участие. Ярким примером здесь могут послужить события 2015 г., когда в типографии был уничтожен тираж книги оппозиционного политолога Виталия Силицкого «Долгая

дорога от тирании: посткоммунистический авторитаризм и борьба за демократию в Сербии и Белоруссии». По некоторым данным, это произошло после соответствующего указания из белорусского Министерства информации. Причиной подобного решения стал ряд факторов, причем остро критический по отношению к действующей власти настрой повествования, скорее всего, не был главным. Очевидно, свою роль здесь сыграло то, что книга готовилась в зарегистрированном на территории соседней России издательстве «Инбелкульт», которое к тому же специализируется на выпуске исследований, представляющих альтернативную официальной политике памяти точку зрения. Выход издания был профинансирован белорусской диаспорой Великобритании, а текст, изначально написанный по-английски, был переведен на белорусский.

Насколько можно полагать, власти Белоруссии скорее подстраиваются под ситуацию, чем диктуют обществу жесткую русскоязычную повестку. Тем не менее в представлении оппозиции политика по ущемлению белорусского языка является целенаправленной и связана с нежеланием признавать возможность национального развития за рамками русско-советской модели. Из-за этого дискуссия о взаимном бытовании двух языков всякий раз политизируется, при этом принципиальное использование белорусского становится неким видом фронды в отношении действующего режима. Это ощущается в высказываниях оппозиционных интеллектуалов, где подобная практика связывается с фор-

мированием новой ментальности и приближением к Европе (*Корсун* 2018). Как представляется, в действительности подобная практика ведет к искусственной самоизоляции и самомаргинализации, когда белорус, не говорящий по-белорусски, не будет считаться таковым. Подобные представления начала XX в. опять же не коррелируют с текущей европейской реальностью, где любой язык рассматривается лишь как один из многих способов коммуникации. Стоит ли говорить, что такая непоследовательность мешает самим попыткам расширить популярность и сферу применения белорусского языка.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ: ОППОЗИЦИЯ И ВЛАСТЬ

Говоря о будущем белорусского государства и общества, оппозиционные политики и интеллектуалы отмечают ряд препятствий на пути их развития. При этом социально-политические проблемы (консервация политической жизни, отсутствие элитных группировок, не связанных с властью, торможение либеральных реформ в экономике, внешняя ориентация на Россию) в их представлении тесно связаны с гуманитарными. К ним, в частности, относятся идеологизированная политика памяти, подцензурное историописание, искусственное ущемление позиций белорусского языка. Все это, по мнению оппозиции, обуславливает фактическое отсутствие артикулированного национального самосознания у белорусов и, как следствие, затрудняет отказ от тяготящего советского наследия.

Проевропейский вектор в данной связи предлагается в качестве однозначного решения болезненной задачи построения «постимперской» белорусской идентичности.

Подобный элемент «необратимого разрыва с тоталитарным прошлым» (*Komorowska, Kuzawińska* 2004: 29), которое для белорусской оппозиции как раз символизирует режим Лукашенко, в целом характерен для текущей политики памяти в Восточной Европе. Другой вопрос, что в постсоциалистических странах, вошедших в состав Евросоюза, уже есть опыт построения европейской солидарности через совместное изучение собственного тоталитарного наследия (*Чепайтене* 2016: 16–17). В случае Белоруссии дело в основном ограничивается банальной констатацией существующих негативных явлений в экономике и политическом устройстве страны (*Ровдо* 2009: 112; *Czarnou* 1999: 87–89). Невозможность сформировать реальную альтернативу Лукашенко, помимо противоречий внутри самой оппозиции, объясняется некими экономическими, социально-демографическими и другими особенностями белорусского общества, унаследованными от «советизации и русификации» (*Ровдо* 2009: 108–109; *Silitski* 2003: 38).

Вероятно, именно неподходящий «человеческий материал» подвигает оппозицию действовать в основном в гуманитарной сфере, раз за разом политизируя ее. Любопытно, что желание отринуть «неправильное прошлое» порой играет с оппонентами режима (прежде всего, представителями старшего

поколения) злую шутку. Стремясь «вернуть» Белоруссию в ареал европейских общественных ценностей, таких как верховенство закона, личная неприкосновенность и социальная справедливость, они одновременно считают «европейским» искусственное замыкание на белорусском языке и национальной культуре, что по определению противоречит нормам и практикам трансграничного и глобализованного Евросоюза. Из-за этого понятие «белорус» смещается из сферы национальной идентичности в разряд политического кредо (как в случае с «украинцами» во второй половине XIX в.), а оппозиционеры навлекают на себя обвинения в национализме как внутри Белоруссии, так и за ее пределами.

Таким образом, речь в основном идет о декларативных заявлениях, которые фактически не предлагают для Белоруссии альтернативной программы национального развития. Вместо этого присутствует достаточно эклектичный набор смыслов, близких и понятных узкой группе людей, однако возможности их реальной имплементации представляются смутными. В частности, не очень понятно, как будет восприниматься подобная «ребелорусизация снизу» за рамками городской интеллигенции, насколько предлагаемые смыслы близки широкой массе белорусского населения и не будет ли новая, «национально ориентированная» элита действовать фактически в ущерб собственным гражданам.

Примечательно, что авторы оппозиционных публикаций не раз

задаются риторическим вопросом об истоках устойчивости системы, созданной президентом Лукашенко. Любопытный ответ на этот вопрос в свое время дала британский политолог Наталья Лещенко. Автор, отказавшись от эмоциональных клише, охарактеризовала действующий белорусский режим как «эгалитарный национализм», своеобразную смесь советского коллективизма и национальной суверенности. При этом каждый мог наполнить этот концепт конкретным, близким ему смыслом, и Лукашенко не был здесь исключением, с той лишь разницей, что в силу своего положения он мог менять эти смыслы и управлять ими (*Leshchenko* 2008: 1420–1422). При желании власти могут использовать даже некоторые элементы и символы из арсенала своих оппонентов. Так, еще в феврале 2019 г. по распоряжению Лукашенко Информационно-аналитический центр при Администрации президента был преобразован в Белорусский институт стратегических исследований, который полностью повторяет название одного из главных оппозиционных исследовательских центров, расположенного в Вильнюсе. В этом смысле противники Лукашенко вряд ли осознают, что в своем нынешнем состоянии они являются неотъемлемой частью созданного им политического ландшафта, в зависимости от ситуации выступая в роли поставщиков негативных или позитивных смыслов.

Таким образом, белорусская оппозиция, декларирующая свою ориентацию на Европейский союз, рассматривает проблемы формирования «нового» национального го-

сударства в Белоруссии не с современных европейских, а с архаичных позиций, заикленных на идее национального государства начала XX в. При этом очевидно, что оппозиция пока что не имеет реальной программы политического, экономического и культурного развития, которая могла бы быть воспринята большинством белорусского общества.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Корсун 2018 — *Корсун О.* Национальный университет: как не загнать себя в «гетто» в условиях хронической стабильности. URL: <https://belaruspartisan.by/interview/420572/> (дата обращения: 05.04.2019).

Сирин 2015 — *Сирин С.* Власти против Логвинова: что происходит? URL: <https://bolshoi.by/power/logvinov/> (дата обращения: 05.04.2019).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Біч і др. 2007 — *Біч М. В., Гардзіенка Н. С., Гарэцкі Р. Г., Арлоў У. А.* Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы. Мінск: Медисонт, 2007.

Викс 2005 — *Викс Т. Р.* «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 гг. // *Российская империя в зарубежной историографии.* М.: Новое издательство, 2005. С. 589–609.

Кравцевич и др. 2011 — *Кравцевич А. К., Смоленчук А. Ф., Токть С. М.* Белорусы: нация Пограничья. Вильнюс: ЕГУ, 2011.

На путях становления... 2004 — На путях становления украинской и белорусской наций: факторы, механизмы, соотношения / ред. Л. Е. Горизонтов. М.: Институт славяноведения РАН, 2004.

Ровдо 2009 — *Ровдо В. В.* Политическая система республики Беларусь. Вильнюс: ЕГУ, 2009.

Силицкий 2011 — Силицкий В. Беларусь в международном контексте // Беларусь и Европейский Союз: от изоляции к сотрудничеству. Вильнюс: Фонд Конрада Адэнауэра, 2011. С. 14–39.

Смок 2015 — Смок В. Барацьба за «беларускась»: вынікі дзейнасьці культурных НДА // Arche. 2015. № 4. С. 102–124.

Ченайтене 2016 — Ченайтене Р. Стратегии и проблемы охраны наследия тоталитарных режимов // Вестник Пермского университета. Серия История. 2016. № 2. С. 14–27.

Brüggemann 2014 — Brüggemann M. Die weißrussische und die russische Sprache in ihrem Verhältnis zur weißrussischen Gesellschaft und Nation Ideologisch-programmatische Standpunkte politischer Akteure und Intellektueller 1994–2010. Oldenburg: BIS-Verlag, 2014.

Czarnou 1999 — Czarnou W. Reżim autorytarny na Białorusi: charakter, trwałość,

warianty transformacji // Inna Białoruś. Historia — polityka — gospodarka. Warszawa: Wiedź, 1999. S. 80–101.

Komorowska, Kuzawińska 2004 — Komorowska A., Kuzawińska B. Belarus: Catching up with Europe. Warsaw: Stefan Batory Foundation, 2004.

Leshchenko 2008 — Leshchenko N. The National Ideology and the Basis of Lukashenka Regime in Belarus // Europe-Asia Studies. 2008. № 8. P. 1419–1433.

Letter to a Russian friend 1979 — Letter to a Russian friend: a “Samizdat” publication from Soviet Byelorussia. London: Association of Byelorussians in Great Britain, 1979.

Silitski 2003 — Silitski V. Explaining post-communist authoritarianism in Belarus // Contemporary Belarus: Between democracy and dictatorship. New York: Routledge, 2003. P. 36–52.

PROBLEMS OF DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN NATIONAL STATEHOOD: VIEW OF THE OPPOSITION

Barinov Igor I. — candidat of science (History), Researcher at the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow)

Key words: Belarus, opposition, national statehood, politics of memory.

Abstract. The article examines the contradictions between the opposition and the acting authorities in Belarus concerning the further development of national statehood. The study of primary sources stress the main claims and demands of the opposition to the Belarusian ruling regime and provide a brief outline of their formation and applicability in the real politics. The article is also focused on an attempt to structure the common ideological concepts concerning the state development, the role of national language and the politics of memory, shared by the diverse groups of Belarusian opposition. As the analysis has shown, they mostly occurred to be outdated and irrelevant to reality. Because of this, the strategies of the future, considered by the opposition as an alternative to the current development of Belarus, does not seem to be realistic.

REFERENCES

- Bich M.V., Gardzienka N.S., Garehcki R.G., Arlou U.A. *Gistarychny shlyah belaruskaj nacyi i dzyarzhavy*. Minsk: Medison, 2007.
- Brüggemann M. *Die weißrussische und die russische Sprache in ihrem Verhältnis zur weißrussischen Gesellschaft und Nation Ideologisch-programmatische Standpunkte politischer Akteure und Intellektueller 1994–2010*. Oldenburg: BIS-Verlag, 2014.
- Chepaitene R. Strategii i problemy ohrany naslediya totalitarnyh rezhimov // *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istorija*, 2016, no. 2, pp. 14–27.
- Czarnou W. Reżim autorytarny na Białorusi: charakter, trwałość, warianty transformacji. *Inna Białoruś. Historia – polityka – gospodarka*. Warszawa: Więź, 1999, pp. 80–101.
- Komorowska A., Kuzawińska B. *Belarus: Catching up with Europe*. Warsaw: Stefan Batory Foundation, 2004.
- Kravcevič A.K., Smolenchuk A.F., Tokt' S.M. *Belorusy: nacyja Pogranič'ja*. Vil'nyus: EGU, 2011.
- Leshchenko N. The National Ideology and the Basis of Lukashenka Regime in Belarus. *Europe-Asia Studies*, 2008, no. 8, pp. 1419–1433.
- Letter to a Russian friend: a "Samizdat" publication from Soviet Byelorussia*. London: Association of Byelorussians in Great Britain, 1979.
- Na putyah stanovleniya ukraïnskoj i beloruskoj nacyj: faktory, mekhanizmy, sootneseniya*, red. L.E. Gorizontov. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN, 2004.
- Rovdo V.V. *Politicheskaya sistema respubliky Belarus'*. Vil'nyus: EGU, 2009.
- Silickij V. Belarus' v mezhdunarodnom kontekste. *Belarus' i Evropejskij Soyuz: ot izolyacii k sotrudnichestvu*. Vil'nyus: Fond Konrada Adenauera, 2011, pp. 14–39.
- Silitki V. Explaining post-communist authoritarianism in Belarus. *Contemporary Belarus: Between democracy and dictatorship*. New York: Routledge, 2003, pp. 36–52.
- Smok V. Barac'ba za «belaruskasc'»: vyniki dziejnasci kul'turnyh NDA. *Arche*, 2015, no. 4, pp. 102–124.
- Viks T.R. «My» ili «oni»? Belorusy i ofical'naya Rossiya, 1863-1914 gg. *Rossijskaya imperiya v zarubezhnoj istoriografii*. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2005, pp. 589–609.

«Я НЕ ВИЖУ, КАК ЧЕЛОВЕК, ЖИВУЩИЙ В XXI ВЕКЕ, МОЖЕТ ИМЕТЬ ЛИЧНОЕ ЧУВСТВО ВИНЫ ЗА ТО, ЧТО СДЕЛАЛИ ЕГО ПРЕДКИ».

Интервью с Р. Темпестом

Ключевые слова: Британская империя, Мюнхенский договор 1938, пакт Молотова – Риббентропа 1939, Сталин, Черчилль, голодомор, Гулаг, голод в Бенгалии (1943), концентрационные лагеря в Кении во время восстания Мау-Мау (1952–1960).

Аннотация. В интервью о проблемах британской памяти профессор Темпест сосредотачивается на восприятии современными британцами наследия Британской империи. Большое внимание уделяется сопоставлению Мюнхенского договора 1938 и пакта Молотова – Риббентропа 1939. Также профессор Темпест отвечает на вопрос, может ли вклад Сталина и Черчилля в победу над Гитлером искупить их преступления перед человечеством, включающие Голодомор и ГУЛАГ в СССР, а также голод в Бенгалии (1943) и концлагеря в Кении во время восстания Мау-Мау (1952–1960). DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-87-102

Ричард Темпест, автор книг: *Russian Dreams*. London: Omega Books, 1988. 200 p.; *Pierre Tchaadaev, Oeuvres inédites ou rares, éditées par François*. Paris: Bibliothèque Slave, 1990. 316 p. (Rouleau, Raymond T. McNally et Richard Tempest); *The Philosophical Works of Peter Chaadaev*, ed. Raymond T. McNally and Richard Tempest. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1991. 321 p.; Иван Гагарин. Дневник. Записки о моей жизни. Переписка. Составление, вступительные статьи, перевод с французского и комментарии

Ричарда Темпеста. М.: Языки русской культуры, 1996. 350 с.; Золотая кость. Приключения янки в стране новых русских. М.: НЛО, 2004. 452 с. (вышедший под псевдонимом «Роланд Харрингтон» кампусно-фантастический роман с элементами приключения и эротики о похождениях в России американского профессора, который узнает, что является внебрачным потомком Екатерины Великой и решает короноваться на царство); Александр Солженицын. Дясна китка. София: Христо Ботев, 2008. 350 с.; *Overwriting Chaos: Aleksandr Solzhenitsyn's Fictive Worlds* (Слово над хаосом. Художественные миры Александра Солженицына). Boston: Academic Studies Press, 2019 (в печати).

© Историческая Экспертиза, 2019
Темпест Ричард – ассоциированный профессор Департамента славянских языков и литературы Иллинойского университета в Урбане-Шампейне (США); rtempest@illinois.edu

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э. Спасибо, что согласились поговорить с нами о проблемах британской национальной памяти. Ряд ваших соотечественников, увидев вопросы, отказывались от интервью под тем предлогом, что они специализируются на других сюжетах истории. Но для того, чтобы рассуждать о памяти, надо быть прежде всего гражданином, поскольку эта тема касается всех. У нас в журнале уже выходили интервью по поводу проблем национальной памяти Франции, Америки, Польши, Италии, Румынии, Чехии, Венгрии и других стран, но Великобритании еще не было.

Первый вопрос, Соединенное Королевство сегодня состоит из четырех составных частей со своими титульными народами. Как прошлые взаимные конфликты англичан, шотландцев, валлийцев и ирландцев сказываются в современной политике?

Р. Т. Это очень широкий вопрос, и я попытаюсь его сузить. Прошлые взаимные конфликты, войны, междоусобицы можно проследить на истории средневековья и не только. Самый главный вопрос, стоящий сейчас перед Великобританией, — проблема выхода из Европейского союза, и здесь мнения этих четырех этносов, обитающих на Британских островах, разделились. Англичане и валлийцы проголосовали за выход из Европейского союза, а шотландцы и северные ирландцы — против. Кроме того, существует Ирландская Республика, которая является членом Европейского союза и оста-

нется им после выхода из него Великобритании. Поэтому мы сейчас видим, как эти региональные и в какой-то степени национальные разногласия проявляют себя в макрогосударственном, макроэкономическом вопросе отношений Великобритании с Европейским союзом.

Самый явный эффект прошлых взаимных конфликтов — это то, что Шотландия, которая заключила в начале XVIII в. унию с Англией, но сохранила при этом свое чувство национальной самобытности, — управляется теперь сепаратистской партией, Шотландской национальной партией, с достаточно талантливым руководством, в отличие от консервативного правительства в Лондоне. Шотландские националисты используют разногласия с Лондоном по поводу выхода из Европейского союза в целях реализации своей долгосрочной программы обретения Шотландией независимости.

Ирландская Республика, будучи членом Европейского союза, не имеет сейчас перманентной, четко очерченной границы с Северной Ирландией, потому что последняя входит в Евросоюз в качестве британской провинции. Однако выход Великобритании из Евросоюза приведет к тому, что эту границу нужно будет каким-то образом снова очертить. По этому поводу ведутся сложные дебаты в британском парламенте и между британским правительством и Евросоюзом, и вопрос объединения Ирландии в единое государство с католическим большинством все время маячит и снова

начинает представлять собой проблему для Великобритании.

Возможно, только с валлийцами дела обстоят не столь напряженно, потому что они проголосовали против Евросоюза, отчасти из-за того, что там довольно много угасающих отраслей промышленности и рабочий класс, так же как и в Англии, и в Америке, настороженно относится к тому, что он считает элитным проектом глобализации. В этом смысле валлийцы оказались солидарны не с кельтами, если французов тоже можно условно назвать кельтами, а со своими историческими оппонентами, с англичанами.

На эту тему можно говорить очень долго, но есть еще один момент, о котором я хочу упомянуть. Последние пятьдесят лет Великобритания, и в первую очередь Англия, стала мультикультурным обществом, поэтому к этим конфликтам англичан, шотландцев, валлийцев, ирландцев следует прибавить присутствие представителей групп эмигрантов из стран Британского Содружества и Европейского союза – факт, который явился, на мой взгляд, катализатором последовательности событий, приведшей к брекситу. Этот фактор мультикультурности еще больше усложняет картину, которую мы сейчас видим.

С.Э. В России сегодня любят говорить о «русском мире», а существует ли ныне «британский мир» в странах, некогда входивших в Британскую колониальную империю, скажем, в Индии или в Южной Африке? И воспринимают ли британцы американцев,

австралийцев, канадцев и новозеландцев, говорящих на одном языке и учащихся в школе зачастую те же стихи, как часть сегоднешнего «британского мира»? А с другой стороны, видят ли граждане бывших британских колоний в англичанах своих, конечно, не земляков, но в определенной мере соотечественников, носителей тех же культурных традиций?

Р.Т. Говоря в общем, для британцев американцы, канадцы, новозеландцы, австралийцы, англоязычные южноафриканцы безусловно ближе и понятнее, чем, скажем, французы или русские. Но если где-то до середины XX в., до начала 60-х гг., в британском обществе, среди всех его слоев, существовало чувство сопричастности, чувство того, что это действительно некий «британский мир», населенный выходцами из Британии или их потомками, то теперь это чувство исчезло. Не в последней степени и потому, что сейчас в Великобритании живет множество людей, которые являются мигрантами, или детьми мигрантов, или их внуками. Трансконтинентальное, трансокеанское чувство общей с другими англоговорящими народами исторической судьбы, или этноидентичности, им абсолютно чуждо, они такого родства не знают и не воспринимают. Среди многих коренных британцев, которые ныне живут в обществе гораздо более мультикультурном, чем то, которое существовало до середины XX в., чувство ксенофобии, всегда, конечно, существовавшее, теперь если не усилилось, то стало более видимым и более агрессивным себя выражающим. Так вот эта

ксенофобская установка определяет представителей перечисленных мною англоязычных этносов как чужих. Здесь есть некая динамика. Мне кажется, что брексит и связанные с ним процессы в какой-то степени превратили Англию в геополитическую улитку или моллюска, который пытается спрятать свои уязвимые части в скорлупу из ностальгической реконструкции уютного, отличного от остальных стран и континентов островного убежища, что в современном мире невозможно. Этот поиск национального уюта представляет собой попытку совершить скачок или прорыв в утопическое прошлое.

Вы знаете известное высказывание Оскара Уайльда о том, что Америка и Британия — это две страны, которые разделяет общий язык. Этот афоризм можно процитировать и сейчас. Для канадцев, австралийцев, новозеландцев, южноафриканцев, страны которых долгое время были доминионами Британской империи, а тем более для американцев — сегодняшняя Великобритания есть нечто совсем иное, чем то, что представлялось их родителям или предкам. Возьмите Австралию, которая вообще-то находится в Океании, впритык к Южной Азии, и население которой становится все более мультикультурным, с быстрым ростом китайского элемента и китайского влияния. Англия для современных австралийцев — это совершенно чужая история. Я не говорю, что это плохо. Но это факт. То же самое мы видим в Канаде и в Америке. Не следует забывать и о том, что в Америке в течение следующих пятидесяти

лет собственно белое население станет меньшинством. Поэтому какие-то семейные связи с британцами перестанут быть столь важны, как они были, скажем, в XIX в. и до середины XX в. То есть опять же процессы глобализации, миграции, мультикультурности, мультиэтничности будут все больше разделять эти государства в смысле чувства общей, исторически обусловленной идентичности. Хотя можно предположить, что элита, интеллектуалы, люди, для которых стихи, о которых вы упомянули, представляют большое значение, — они все равно будут на каком-то уровне исторической памяти чувствовать, что между ними и их аналогами в Америке, Австралии и Канаде все еще есть какая-то уникальная, интересная, культурно обоснованная связь.

С.Э. Какое место занимает в сегодняшнем британском историческом сознании ностальгия по имперскому прошлому? Какие исторические деятели и какие сферы деятельности символизируют и персонифицируют сегодня британское величие, к примеру, Нельсон, королева Виктория, Черчилль или же Шекспир?

Р.Т. Опять же, брексит, эта продолжающаяся и все время раскрывающаяся своими новыми сторонами политическая и государственная травма, — многое проясняет, многое высвечивает в смысле того, что происходит сегодня в британском историческом сознании и в отношении британцев к своему прошлому. Ведь выход Великобритании из Евросоюза не есть проявление ностальгии по имперскому

прошлому, а скорее это есть проявление ностальгии по прошлому островному. Британцы, и в первую очередь англичане, являются островитянами, и, так же как у японцев, у них существует сильный элемент отторжения от чужого, от того, что британцы традиционно называли континентом, the Continent — это Европа. Даже слово continental, как, например, во фразе «a continental gentleman» — «континентальный джентльмен», — носило в себе оттенок неодобрения, подозрения. Имперское прошлое присутствует в виде памятников, и исторических нарративов, и национальных мифов, но из названных вами персонажей Черчилль, на мой взгляд, был последним крупным британским государственным деятелем, для которого империя представляла бесспорную ценность, за которую можно было и следовало начать войну и которая представляла собой часть британской идентичности.

Был такой английский писатель Рональд Фредерик Делдерфилд, умерший в 1972 г. Он написал ряд эпических романов об Англии периода со второй половины XIX в. до середины XX в. Это Англия, которой уже не существует. Один из его романов называется «Бог по национальности англичанин» («God Is an Englishman») — кстати, это английская поговорка. В романах Делдерфилда выведена Англия провинциальная, подчеркнута островная и монокультурная. В его художественных мирах даже если присутствует иностранец, то он четко понимает, что он в каком-то смысле ущемлен в силу своей этнической принадлежности, и если он

личность достойная, то он все время испытывает некое чувство вины перед природными англичанами из-за этого.

Англия Делдерфилда — это уютная страна, которая, несмотря на то, что имеет за собой империю, не проникнута имперским духом. И хотя большинство сторонников брексита не читали этого писателя — они мало что читают вообще, — тем не менее такое представление об Англии как о провинциальной пасторали, которой присуща гармония, как об острове, который отделен от внешнего мира не только Ла-Маншем, но и своей самобытностью, — эта картина до сих пор существует в сознании многих англичан. Я бы даже не сказал, что это историческое сознание, потому что оно внеисторическое. Речь идет о ментальной утопии, которая пытается воссоздать то, что воссоздать нереально.

Это можно сравнить со следующим. Для людей, живущих в Вене или Будапеште, Австро-Венгерская империя — это историческое воспоминание, но там никто серьезно, даже самые экстремальные политики, не ратует за то, чтобы эту империю воссоздать. В Англии люди тоже не хотят воссоздать Британскую империю, но есть серьезные политики, которые призывают к тому, чтобы Англия вновь открыла для себя модус островного, отделенного от Европы, но зато открытого морям и океанам и англоязычной Америке существования, хотя ни большого военного, ни большого торгового флота у Британии теперь нет. Ретроспективные фантазии.

Подобное мы видим и в России, когда такие реконструкторы одеваются в доспехи средневековых витязей или в формы солдат 12-го года. Иногда это безобидно, но иногда это проявление некоего отторжения от современности. И тогда это может быть проблематично.

А названные вами другие герои, Нельсон, королева Виктория, Шекспир, — все это, конечно, преподается в школе, и это фигуры, которые представляют собой интерес для туристов, и английских, и чужестранных. Но я бы не сказал, что они персонифицируют британское величие как таковое или тем более имперское. Черчилль, впрочем, и в Великобритании, и в Америке воспринимается как величайшая фигура XX в., как государственный деятель, спасший Британию и, быть может, весь мир от нацистской Германии.

С.Э. Два следующих вопроса, очень чувствительные для британцев, имеют большое значение и для демократических сил России, поэтому я бы попросил на них ответить как можно более развернуто. Я заметил, что с английскими и французскими славистами можно долго обсуждать и осуждать пакт Молотова — Риббентропа 1939 г. Но стоит завести речь о Мюнхенском «сговоре» 1938 г., как беседа быстро сворачивается. Можно ли сказать, что фильм Седрика Турба (Cedric Tourbe) «Пакт Гитлер — Сталин»¹, где утверждается, что без «сгово-

ра» не было бы и «пакта», является «белой вороной» в памяти наших союзников по Второй мировой войне? Или в связи с этим фильмом мы можем говорить, что началось переосмысление традиционной политики памяти по снятию с себя ответственности за начало Второй мировой войны?

Р.Т. Я знаком с этим фильмом и предлагаемой там интерпретацией пакта нацистской Германии с коммунистическим Советским Союзом. Мюнхенское соглашение было событием столь же ошибочным с точки зрения сохранения мира в Европе, как и пакт Сталина с Гитлером 1939 г. Мотивации там были, естественно, разные, и участники разные. Кстати, Даладьё, который в отличие от Чемберлена достаточно хорошо представлял себе, что такое Гитлер, и ожидал, что по возвращении во Францию его растерзают, был удивлен, что французы с одобрением встретили Мюнхенское соглашение, когда Чехословакия была отдана Гитлеру. Можно сказать, что Мюнхенское соглашение 38-го года и Московский договор 39-го соответственно выявили самые уязвимые, самые нравственно слабые места западно-демократической и советско-коммунистической систем. В первую очередь, конечно, в лице Чемберлена, бывшего лорд-мэра Бирмингема, человека, который, по словам остроумного Черчилля, смотрел на мир через не тот конец муниципальной водосточной трубы. Это был человек совершенно не подготовленный, совершенно не понимающий, что такое Гитлер. И, конечно, там присутствовала, следует

¹ URL: rutube.ru/video/fd64dff0315c0a4282b3bd574237f348/.

это тоже учесть, надежда на то, что Гитлер пойдет на восток, а Чехословакия восточнее Франции и уж тем более Англии.

А с другой стороны, это цинизм, проявленный Молотовым, но в первую очередь Сталиным, по отношению к Гитлеру. Они так же недооценивали значение идеологии, как его недооценивали Чемберлен с Даладьё. Советские руководители считали, что Гитлер столь же циничен, как они сами, но в действительности Гитлер был фанатиком своей идеи.

Существуют соревнующиеся между собой исторические нарративы, которые не совпадают. Например, тот факт, что в России Вторая мировая война называется Великой Отечественной – это в определенном смысле плагиат. Второй Отечественной войной называли Первую мировую войну официальные пропагандисты, и сталинские агитпроповцы просто взяли этот термин и приложили его к кампании, которую вел Гитлер против Красной армии с 1941 г. Концептуально это неправильно – говорить о Великой Отечественной войне и о Второй мировой войне как о двух разных вещах, но это часть нарратива эксклюзивности. В России этот нарратив корректно указывает на определяющую роль военных действий на Восточном фронте в сравнении с тем, что происходило на Западе, но при этом отказывается признать, что без американских поставок Красной армии пришлось бы воевать много дольше и много медленнее – в 1943–1945 г. она была всецело моторизирована благодаря американским грузовикам

и «виллисам». Западными же источниками предлагаются доводы о том, что Советский Союз и та же Красная армия были де-факто союзниками нацистской Германии в течение более года после подписания пакта. На самом деле эти аргументы комплементарны, потому что все, что говорит та и другая сторона, можно свести вместе в единый нарратив. Но единого нарратива по Второй мировой войне пока нет, и, может быть, его и не будет.

А кто был ответственен за начало войны? Конечно, Адольф Гитлер. Мы помним, как она началась, с операции «Консервы», с инсценировки нападения польских вооруженных сил на немецкую радиостанцию в приграничном городе Гляйвице, когда агенты Гимmlера оставили там трупы переодетых в польскую форму узников из концлагеря. И война эта началась именно так, как всю жизнь вел свою политическую деятельность Гитлер, т. е. началась она со лжи и насилия.

Впрочем, политическая карьера большевиков и Иосифа Сталина, а до него Владимира Ленина тоже была составлена из актов лжи и насилия. В России, которая пострадала в чисто человеческом смысле намного больше, чем, скажем, Англия или Америка, вопрос об ответственности Советского Союза за Вторую мировую войну обсуждался всегда с трудом. Но история не телеологична, там нет неизбежной последовательности стечений обстоятельств, поэтому мне кажется, что этот вопрос ответственности – кто был ответствен и с чего все это началось, с фон Папена или Веймарской

конституции, с поражения фон Фанкельхайма под Верденом или пломбированного вагона с Лениным, или с какого-то другого исторического фактора, — проследить это, на самом деле, непродуктивно. Нужно помнить о том, что всегда будут существовать национальные исторические нарративы. Главное, чтобы между ними шел диалог, а не спор о том, кто ответствен и с какого именно события следует вести эту телеологию вины за ужасы Второй мировой войны.

С. Э. Я бы хотел уточнить, что тут речь идет не о выяснении исторических обстоятельств, — понятно, что мы всегда при желании найдем «крайнего», — а о том, что сейчас, для того чтобы подобные трагедии не повторялись в будущем, стала распространяться так называемая «политика раскаяния». 90 % извинений за внутренние и внешние нарушения прав человека приходится на последние двадцать лет. Есть известная книга Джеффри К. Олика «The Politics of Regret», где он об этом феномене подробно рассказывает. И с этой точки зрения можно сказать, что Советский Союз осудил пакт Молотова — Риббентропа, и более того, даже Путин долгое время придерживался этой линии. До сих пор действителен соответствующий законодательный акт: Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. № 979-1 «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года». В то же время я не знаю подобного документа применительно к Мюнхе-

ну 1938 г. со стороны парламента Франции. Со стороны Англии было извинение Маргарет Тэтчер, когда она посетила Прагу и извинилась перед чехами. Но это было ее личное извинение, а британский парламент до сих пор не осудил Мюнхенское соглашение. Поэтому для развития взаимопонимания между РФ и, как выражается Путин, «нашими западными партнерами» важно, чтобы и британский, и французский парламенты приняли такие документы.

Р. Т. Мне кажется, что это очень благородное побуждение — желание попросить прощение за проступок, за историческое преступление. Александр Солженицын, который ратовал за покаяние в России перед народом тех людей, которые были повинны в советском тоталитаризме, сам впоследствии признавал, что для политика покаяться — это самое сложное. Я думаю, что не только для политика, но и для любого человека, особенно когда речь идет об исторических реалиях. Вы сказали, что в 1989 г. был осужден пакт Молотова — Риббентропа.

С. Э. Да, осужден Съездом народных депутатов СССР.

Р. Т. Это на меня как раз не производит никакого впечатления, потому что это был Советский Союз, пусть даже распадающийся, и это было авторитарное государство, в котором нечто, называемое Президиумом Верховного Совета, могло от имени политической системы, которую он представлял, извиниться за события пятидесятилетней давности.

Вы упомянули визит госпожи Тэтчер в Чехословакию и ее извинения, выраженные в личных тонах, за поведение Англии, безусловно, позорное и неблагодарное, когда Англия отдала Чехословакию Гитлеру. Это высказывание, это жест человека, который в то время возглавлял правительство. Она выразила, мысля исторически, свою оценку — оценку, содержащую очень сильный нравственный элемент — этого прегрешения или проступка со стороны Великобритании по отношению к Чехословакии. Если говорить о Путине, который признал официально и достаточно прочувствованно говорил о НКВД, о преступлениях Сталина и политбюро, когда было расстреляно несколько тысяч польских офицеров в Катыни, — то, опять же, это был впечатляющий жест. Но я не вижу, как человек, живущий в XXI в., может чувствовать личную ответственность или иметь личное чувство вины за то, что сделали люди, которые были его предками, а может быть, ими даже и не были, потому что этот человек, живущий в Англии, может быть сыном или дочерью эмигрантов из той же Польши или Чехословакии. Отсюда проистекает целый ряд парадоксов.

Я думаю, что хороший тон, добрый вкус требуют, чтобы политические деятели, в определенных контекстах, когда они разговаривают с державой, пострадавшей от какой-то несправедливости, проявленной по отношению к ней, скажем, Штатами или Великобританией, — выразили сожаление. Но поиск прощения, или даже кающиеся, мне не представляется здесь чем-то кардинальным.

Приведу пример. В 2004 г. в Индонезии было серьезное землетрясение, оно повлекло за собой большие жертвы. В то время я был в Англии, в месте, где находится наш семейный дом, в районе Бромли. Это зажиточный район в графстве Кент. Я был в магазине на главной улице, High Street, когда вдруг завывли сирены и через динамик было объявлено, что на Суматре, в Индонезии погибли десятки тысяч людей, и предлагалось выйти на улицу, чтобы почтить их память минутой молчания. Тогда я подумал, что это настолько искусственно — и это было видно по лицам людей — такого рода выражение сопричастности, солидарности с этими погибшими там в большом количестве крестьянами, которые никогда о Великобритании не слышали и у которых были свои идентичности и свои проблемы. Этот организованный всеми магазинами на нашей High Street ритуал представлял собой характерную для западного либерализма поверхностную попытку показать в масштабе планеты глобализующуюся солидарность со страдающим человечеством. На самом деле, это было пустой жест.

Такого рода извинения, они эффективны, когда политический деятель, как, например, та же госпожа Тэтчер, т.е. личность, политический статус которой придает ее словам определенный вес, концептуализирует этическое изменение связи между страной, в которой она занимает руководящее положение, и страной, народом, который был ее же государством, ее же обществом обижен, унижен, даже травмирован. Только в этом

случае, когда у человека есть некий властный статус. Потому что, когда человек, облеченный властью, будь то политической или культурной, эту власть использует для того, чтобы выразить нравственное чувство, этически обусловленное чувство горечи, стыда за то, что произошло какое-то количество лет, десятилетий, столетий тому назад, — это действительно производит впечатление. А идея о том, что нужно выйти на улицу и постоять там неподвижно в течение одной минуты, потому что в Индонезии погибло 220 000 человек, и после этого снова заняться шопингом, — это, как мне кажется, довольно пошлый театр.

Мы видим нечто подобное в Америке. Можно сказать, что она основана на двух геноцидах. Один геноцид — геноцид индейского коренного населения, а другой — геноцид африканский, когда несколько миллионов африканских рабов были вывезены с их континента, доставлены на ужасных кораблях на невольничьи рынки и стали рабами. Одна треть этих рабов погибла еще при их этапировании морем из Африки в тогда еще даже не существовавшие Соединенные Штаты. Потом они работали на плантациях, и их мучили, как всем известно. И тем не менее когда афроамериканские активисты требуют, чтобы афроамериканцам XXI в. были выплачены репарации за этот геноцид, за это преступление — это требование меня оставляет равнодушным, потому что люди, к которым они обращаются, не только потомки рабовладельцев, но и потомки людей, которые воевали за свободу рабов в гражданской войне, в самой

кровавой войне в американской истории, на которой погибли сотни тысяч северян. Тогда был выплачен кровью выкуп за эту несправедливость. Опять же, большинство американского населения сейчас — это потомки эмигрантов, прибывших в страну уже после того, как рабство было упразднено. В каком смысле, в какой степени они, а тем более их неамериканские предки причастны к ужасному институту рабовладения?

Такого рода выкладки можно привести в целом ряде случаев, когда мы видим, как за какую-то историческую несправедливость ожидают покаяния. То есть с точки зрения активистов или с точки зрения людей, мыслящих исторически и нравственно и пытающихся восстановить какую-то общую справедливость во всем мире, она требует извинения со стороны потомков, со стороны людей, ассоциирующихся через множество поколений с теми политическими силами, которые были повинны в травме. Это не очень продуктивно, мне кажется. А продуктивно, когда об этом идет разговор, когда принимаются конкретные попытки со стороны людей, облеченных властью, как в примере с госпожой Тэтчер. Во-первых, риторика, т. е. слова, которые признают реальность пережитого страдания, — это само по себе очень важно, потому что когда вы говорите о том, что это было, вы уже даете возможность людям, которые страдали, или их потомкам почувствовать, что их страдание воспринимается всерьез. И во-вторых, конечно, конкретные экономические действия, которые облегчат их судь-

бу. Это вопрос какой-то конкретной политической программы в разных странах, касающийся разных исторических проблем, разных исторических травм и разных публик, аудиторий, чувствующих, что их страдания до сих пор не были учтены.

С.Э. То есть вы считаете, что это должно проходить не на законодательном уровне, а в публичном пространстве, что общество просто должно проговаривать эти темы. Согласен, что такая политика памяти наиболее эффективна. А есть ли какие-то фильмы или романы на тему «Мюнхена», которые имели широкий общественный резонанс в Англии, во Франции?

Р.Т. Есть целый ряд фильмов, посвященных Черчиллю. Он стал в какой-то степени кинематографически и даже культурологически фетишизированной фигурой. То есть этот человек воспринимается как ключевой государственный деятель британской и мировой истории XX в., и все, что он говорил в связи с угрозой со стороны нацистской Германии, является частью его биографической легенды.

Я сейчас не могу вспомнить какого-то конкретного примера художественного фильма, посвященного именно Мюнхенскому соглашению, хотя в плане сюжета это достаточно интересный момент. Но, к примеру, приезд Риббентропа в Москву и его встреча со Сталиным и с членами политбюро тоже очень многообещающая тема для кинорежиссера. Например, сцена, где Риббентроп, — который был человеком чрезвычай-

но неловким и весьма ограниченным в интеллектуальном смысле, не умеющим себя вести вне партийных контекстов, в чем он был похож и на членов советского политбюро, которые тоже были такого же рода партийными гангстерами и провинциалами, — приветствовал английского короля нацистским салютом, когда представлялся ему в качестве посла Германии в Лондоне. А когда Риббентроп вошел в Кремль и его встретил Сталин, он и Сталина приветствовал нацистским салютом. Одну эту сцену можно так здорово снять и обыграть в таком условном фильме, и жалко, что это еще не было сделано.

Тут нужно сказать, что, так же как в России есть постоянно повторяющиеся исторические сюжеты, скажем, Сталинград, — кстати, для немцев Сталинград это тоже ключевой сюжет, — или взятие Берлина, или до этого революция, то же самое мы видим и в западном кинематографе и литературе. «Мюнхен» — это богатый событиями эпизод истории, но это не сюжет, который был в центре внимания кинорежиссеров и писателей. А вот битва за Англию, т. е. бомбардировки Люфтваффе английских городов в 1940 г. — про это есть множество фильмов. Или про высадку в Нормандии. То есть в каком-то смысле эти нарративы очень консервативные. И недавний фильм, очень неплохой, «Дюнкерк», про эвакуацию британского экспедиционного корпуса из Северной Франции после прорыва вермахта через Арденны, — он был изобретательно сделан, но, опять же, это была инсценировка, экранизация

известного эпизода в английской истории, о котором говорилось очень много, когда сам Черчилль, будучи великолепным пропагандистом, сумел из безусловного поражения сделать нравственную и даже военную победу. И, как я уже сказал, хотя фильм сделан интересно, это не было чем-то новым, не представляло собой нового взгляда на французскую кампанию 1940 г.

Или Гитлер в бункере — про это тоже много фильмов. Все это расхожие сюжеты, и хотелось бы, чтобы писатели и режиссеры нашли что-то новое.

С. Э. Если бы творцы мирового кино объединили сюжеты Мюнхена и пакта Молотова — Риббентропа — это был бы замечательный сбалансированный фильм.

Р. Т. Я согласен.

С. Э. В Индии неодобрительно восприняли недавний оскароносный фильм «Темные времена» (Darkest Hour), где Черчилль изображается безупречным спасителем нации и мира от гитлеровского нашествия. Вот лишь одна из недавних публикаций². Односторонний взгляд на Черчилля, который был, согласно монографии уважаемого британского историка Ричарда Тойе (Richard Toye), убежденным расистом и шовинистом и на ос-

² URL: www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-02-16/churchill-was-more-villain-than-hero-in-britain-s-colonies?smd=premium-europe&fbclid=IwAR2cz4orhcSLGL4c2KmkXI7X7OjxrmieSHJVP4o-cRw7EbdSQF4pIZUpE_o.

нове своих убеждений допустил тяжелые преступления против человечности («голодомор» в Бенгалии, расправа с греческими коммунистами-партизанами в союзе с греческими союзниками нацистов, «ГУЛАГ» в Кении и т.д., этот список преступлений можно значительно расширить), играет на руку русским сталинистам. Их вдохновляет пример создателей фильма «Темные времена». Если можно прославлять британского людоеда за борьбу с Гитлером, то почему нельзя прославлять Сталина, который тоже сыграл не последнюю роль в победе над нацизмом? Русская либеральная интеллигенция считает, что никакие благие дела Сталина не могут искупить его преступлений против человечности. Для тех, кто противостоит нарастанию просталинских тенденций в современной России, огорчительно наблюдать, что британская профессура в большинстве своем разделяет в отношении Черчилля логику наших сталинистов. Смогут ли британские интеллектуалы встать в один ряд с русскими коллегами, решительно осудив «своего» людоеда?

Р. Т. Это вопрос любопытный. Во-первых, абсолютно верно, что Черчилль был человеком своего времени, представителем аристократического класса в британском обществе, и поэтому он был в какой-то степени ксенофобом. Шовинист — это слово французское, и к англичанам его применять трудно. Но ксенофоб — да, пожалуй. Но далее в вашем вопросе читаем, что он «допустил тяжелые преступле-

ния против человечности». Говоря об этих событиях, в которых его обвиняют, — а кстати, есть и другие, например, использование отравляющих газов против повстанцев в Ираке, и я могу назвать еще целый ряд фактов, — следует учесть следующее. Нужно различать те действия Черчилля, за которые он нес ответственность, будучи министром в консервативном правительстве 1920-х гг., и действия его как премьер-министра начиная с 1940 г. Он возглавил сопротивление против нацистской Германии, когда Британия практически осталась без союзников, и продолжал руководить страной и империей в течение оставшихся пяти лет войны. Эта его заслуга, на мой взгляд, перевешивает все остальное. Конечно, даже в период Второй мировой войны с его именем связаны кровавые страницы, как, например, расправа над греческими коммунистами — здесь речь идет о гражданской войне в Греции, где воевали коммунисты против антикоммунистов, а среди последних были и союзники фашистов, и их оппоненты. Расправа, кстати, согласием на которую Черчилль заручился у Сталина в обмен на то, что Болгария окажется в советской сфере влияния. Но когда речь идет о гражданской войне, иногда трудно сказать, на чьей стороне справедливость. Тем более что если бы греческие коммунисты пришли в Греции к власти, то они бы вытворяли там то же, что они делали в Югославии в первые несколько лет диктатуры Тито, т. е. убийство сотен тысяч человек; делали бы то же самое, что в Польше и других странах, где они обрели власть.

Да, Черчилль, безусловно, несет ответственность за решения, которые принимал, будучи облеченным властью человеком, но он не был создателем системы, которая была по своей природе противоестественной и даже человеконенавистнической. Черчилль был премьер-министром, за него голосовали, он был представителем уже давно сложившейся структуры в обществе, государственной системы, постоянно, на протяжении веков и десятилетий эволюционирующей в сторону большей демократичности и гуманности. В то время как Сталин был большевиком, а большевики пришли к власти, как мы знаем, в результате сговора с Германией, они предали свою страну, своих союзников, они начали с предательства, насилия и лжи, которые стали моторами их системы от Ильича до Ильича и далее. Сталин был главой и продуктом системы тоталитаризма, которая была противоестественна не только в смысле принципов этики, но и русской национальной идентичности, христианской религии, противостояла всем тем ценностям, которые определяют то, что мы называем русской культурой и историей. В то время как Черчилля, несмотря на все его безусловные изъяны, нельзя назвать автором или соавтором некой античеловечной системы, а тем более системы тоталитарной.

Да, он повинен, безусловно, но это делает его, если хотите, более интересным. Кроме того, что он был блестящий оратор, великолепный писатель, человек, исторически мыслящий, это был человек, который

менялся. Вот что тоже очень важно. Он эволюционировал. Он ошибался не только в приведенных выше случаях, даже совершал очень крупные, тяжелые ошибки, но это был человек, который пытался исправиться.

У него есть эссе о Гитлере, написанное задолго до того, как Гитлер пришел к власти, где он говорит, что его идеология отвратительна, но что в нем есть фанатическая преданность идее восстановления величия своей поверженной отчизны, и что это его, Черчилля, восхищает. Но Черчилль рано понял, что такое Гитлер, намного раньше, чем это поняли советские или германские коммунисты. То есть ключевым вопросом того периода был вопрос о проекте нацистской Германии, стремившейся добиться господства если не мирового, то, во всяком случае, континентального, при этом уничтожив Советский Союз как государственное образование, а народы, его населяющие, или подвергнуть геноциду, или поработить их. И по этому основному вопросу той эпохи Черчилль был абсолютно прав, в то время как почти все остальные политики были неправы, не понимали того, что там происходит. В том числе, конечно, и Иосиф Сталин.

Для меня Черчилль очень интересен. Я совершенно его не идеализирую, но это масштабнейший государственный деятель с масштабными же изъянами. В то время как Сталин — человек гораздо менее талантливый, гораздо менее интересный, и, кроме того, человек, как я сказал, олицетворяющий систему, которая противоестественна и антинациональна, в отличие от Чер-

чилля, который несколько лет был лидером патриотического и демократического сопротивления страшному улу.

Поэтому я согласен, что, безусловно, следует обсуждать эти изъяны, не идеализировать, не фетишизировать Черчилля, и историки этим занимаются и должны заниматься. Но с другой стороны, взгляд какого-нибудь индийского интеллектуала, для которого голод в Бенгалии является определяющим фактом в карьере Черчилля, мне кажется, и это может звучать надменно, провинциальным. В конце концов, мы же знаем, что Махатма Ганди, получивший еще при жизни статус секулярного святого, написал письмо Гитлеру, в котором искал с ним сотрудничества. А в 1940 г. Ганди провозгласил, что Гитлер не так уж и плох. Когда Британия вела борьбу против Японской империи, Индийский национальный конгресс саботировал эти военные действия, т. е. был на стороне союзника нацистской Германии, считавшего, кстати, самих индусов расово неполноценными. Это не делает чести Махатме Ганди или возглавляемой им кампании за освобождение Индии от британского господства. Но по большому счету Ганди и Конгресс были правы в своем стремлении сделать Индию независимой.

С.Э. Вы можете добавить еще какие-то сюжеты, которые важны для британской памяти, важны для современной Англии?

Р.Т. На это я могу ответить как человек, который начинал свою академическую карьеру как специалист

и по истории, и по литературе. Я до сих пор занимаюсь тематикой, которая существует на пересечении этих дисциплин, а также политологии. Например, когда я читаю лекции по харизматикам девятнадцатого, двадцатого, двадцать первого веков, я говорю о том, что их можно разделить на три категории. Это харизматики из Достоевского, из Толстого и из Диккенса. Харизматики Толстого — это люди усредненные, в том смысле, что у них нет никакой гениальности, никакой исключительности, это обыкновенные, нормальные люди, существующие в эмоциональной, психологической, интеллектуальной плоскости, достаточно доступной нашему пониманию. Но, конечно, обладающие сильной аурой. К примеру, Николай Ростов, герой, который нам очень симпатичен, но он не представляет собой чего-то выдающегося в интеллектуальном или духовном смысле.

Есть харизматики из Достоевского. Это суперинтенсивно чувствующие люди, часто испытывающие зависимость от какого-то наркотика, интеллектуального или эмоционального или даже фармакологического. Люди с многосложной, многопластовой психикой, которые очень интересны, но в то же самое время экстремальны.

Если к первому типу можно отнести, скажем, Манделу и Горбачева, то ко второму типу харизматиков можно отнести, к примеру, Адольфа Гитлера. А также Йозефа Геббельса, кстати, бывшего в последние два года войны симулякром Гитлера, замещавшего фюрера риторически, когда Гитлер укрылся от взора германской публики, будучи всецело поглощен и подавлен войной. Геббельс очень любил Достоевского, особенно роман «Бесы».

А третья категория харизматиков — из романов Диккенса. Они прежде всего сюжетны, у них есть невероятные перепады судьбы, стечений обстоятельств. То есть когда мы их видим на политической и исторической сцене, нас привлекает эта насыщенная приключениями жизнь. Надо сказать, что Черчилль великолепно подходит под такой тип харизматика, потому что его беспрестанные взлеты и падения, его военные приключения на разных континентах, его эксцентричная, яркая манера себя вести и, особенно, разговаривать, его остроумие, и даже его физический облик — он выглядит как член Пиквикского клуба — все это у меня ассоциируется с Диккенсом.

С.Э. Спасибо огромное за интервью!

"I DON'T SEE HOW A PERSON LIVING IN THE 21ST CENTURY CAN HAVE A PERSONAL SENSE OF GUILT FOR WHAT HIS ANCESTORS DID". INTERVIEW WITH R. TEMPEST

Key words: The British Empire, Munich Agreement (1938), Molotov-Ribbentrop Pact (1939), Churchill, Stalin, Holodomor, Gulag, the Bengal starvation (1943) and detention camps in Kenia during Mau Mau uprising (1952–1960).

Abstract. In the interview regarding problems of the British national memory: “I cannot understand why a person living in the 21st century should feel guilty for his or her ancestors acts”, professor Tempest tells how modern Britons reflect the British Empire heritage. He pays a lot of attention to the comparing of Munich Agreement (1938) to Molotov – Ribbentrop Pact (1939). In addition to that professor Tempest reflects what is more important for British and Russian memories: the personal input of Churchill and Stalin towards the victory over Hitler or their crimes against humanity including Holodomor and Gulag in the USSR, the Bengal starvation (1943) and detention camps in Kenia during Mau Mau uprising (1952–1960).

Л. Люкс

БОРЬБА С ЗАПАДОМ И СТРЕМЛЕНИЕ К «НОВОМУ ВЕЛИЧИЮ» — СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ГЕРМАНИЯ МЕЖДУ РАПАЛЛЬСКИМ ДОГОВОРОМ И НЕМЕЦКИМ «ОКТЯБРЕМ» 1923 ГОДА*. К дискуссиям в немецкой историографии

Ключевые слова: Эрнст Нольте, Ханс фон Сект, Артур Меллер ван ден Брук, В. И. Ленин, Карл Радек, Рапалло, КПГ, Веймарская республика, Густав Штретземан, национал-большевизм, национал-социализм.

Аннотация. Существовала ли в Германии непосредственно после Первой мировой войны реальная коммунистическая угроза? Берлинский историк Эрнст Нольте, который в 1986 г. своими спорными тезисами инициировал так называемый «немецкий спор историков», отвечает на этот вопрос утвердительно. Национал-социализм является для Нольте в первую очередь реакцией на эту якобы вездесущую большевистскую опасность.

Как же выглядела на самом деле эта постулируемая берлинским историком угроза? Этот вопрос мы рассмотрим в данной статье на примере так называемого немецкого «Октября» 1923 г. и его предыстории.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-103-120

© Л. Люкс, 2019

Люкс Леонид — профессор НИУ ВШЭ, католического университета г. Эйхштетт (Эйхштетт, Германия — Москва); Leonid.Luks@ku.de

* Письменная версия доклада, прочитанного в рамках конференции «Гибель империй. 1918 г.», организованной Международной лабораторией исследований русско-европейского интеллектуального диалога НИУ ВШЭ (22–23 ноября 2018 г.). В этом тексте я опираюсь частично на мою книгу «Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935», DVA, Stuttgart, 1984 и статью «Коминтерн и правый экстремизм в Германии в 1923 году» в моем сборнике статей «Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе», Московский философский Фонд, М., 2002.

СУЩЕСТВОВАЛА ЛИ В ГЕРМАНИИ В МЕЖВОЕННУЮ ЭПОХУ РЕАЛЬНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ УГРОЗА? ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

В 1986 г. в Германии разгорелся так называемый «спор историков» (Historikerstreit). В центре спора стоял берлинский историк Эрнст Нольте, который в 1960-е гг. немало способствовал тому, что была поколеблена теория тоталитаризма, утверждавшая тесное родство между правыми и левыми противниками парламентской демократии. В значительной мере благодаря анализу внутренней динамики и идеологии фашистских движений, произведенному Нольте, выявилась пропасть, отделявшая большевизм от фашизма (см.: *Nolte* 1963; 1966) — движения, укорененного в другой идеологической традиции и выполнявшего совершенно иные социальные и политические задачи. Во время «спора историков» Нольте предпринял, однако, попытку радикально пересмотреть свои прежние взгляды. Некоторые черты фашизма и национал-социализма, которые раньше описывались как первичные, вытекающие из внутренней динамики, рассматривались теперь всего лишь как реакция на большевизм. Коммунизм, этот «старший из тоталитарных режимов», сопровождал национал-социалистов в новых работах Нольте на каждом шагу в качестве «образца и пугала» и по существу определял их тактику. До сих пор исследователи считали антисемитизм идеей фикс гитлеровского мировоззрения, его краеугольным камнем. Нольте оспаривает теперь эту точку зрения. Для него ненависть Гит-

лера к евреям — это, по сути дела, лишь проявление антикоммунизма, хотя и очень важное. Страх перед большевизмом — вот что было подлинной пружиной деятельности нацистского вождя, считает Нольте.

Аргументы, которыми обставлено это безапелляционное заявление, не кажутся убедительными. Нольте приводит воинственно звучащие цитаты из «Роте Фане» (центрального органа КПП) и из коммунистических брошюр, «где самым тщательным образом разработаны вопросы о захвате власти» (*Nolte* 1987: 190). Достаточно ли этого, чтобы говорить о нависшей угрозе коммунизма в Германии? Как выглядела на самом деле эта постулируемая Нольте угроза? Несколько плохо подготовленных попыток поднять восстание (январь 1919 г., апрель/май 1919 г., весна 1920 г., март 1921 г., октябрь 1923 г.¹), неизменно заканчивавшихся поражением, — вот и все. В отличие от большевиков, имевших дело в 1917 г. с полностью дезорганизованным государственным аппаратом, с противниками, потерявшими веру в свое дело, — немецкие коммунисты, мечтавшие совершить переворот, столкнулись с эффективно действующей машиной власти «буржуазного» государства и чрезвычайно воинственными отрядами крайне правых.

Решающее отличие исходных позиций большевиков от ситуации, в которой находились западные коммунисты, весьма наглядно обрисовал в свое время русско-немецкий

¹ См. на эту тему данную статью.

социал-демократ Александр Шифрин: «В России вооруженное меньшинство одержало победу над беззащитным государством, в Европе беззащитному коммунистическому меньшинству противостоит вооруженное до зубов буржуазное государство» (*Schifrin* 1932: 189).

Фактическое бессилие немецкого коммунизма делает понятным, почему на его долю остался главным образом лишь словесный радикализм, с помощью которого коммунисты пытались запугать своих противников. Нольте вынужден и сам признать в одном месте, что радикализм КПГ был «скорее угрозой, чем реальностью» (*Nolte* 1987: 89)². Примером такой более словесной, чем реальной коммунистической угрозы был так называемый «немецкий Октябрь» 1923 г. На этой до сих пор вызывающей в историографии споры проблеме сосредоточимся в данной статье.

ПУТЬ В РАПАЛЛО

К самым большим недостаткам созданной после Первой мировой войны системы принадлежал тот

² Но может быть, революционная риторика сама по себе была достаточным поводом к тому, чтобы субъективно возбудить у немецких правых чувство смертельной опасности? Но даже если согласиться с этим, то уж во всяком случае после прихода к власти в январе 1933 г. национал-социалисты не могли не убедиться, насколько необоснованными были такого рода опасения. «Страшная компартия», чьей «потенциальной жертвой» они якобы рассматривали себя, была распущена и уничтожена одним росчерком пера Гитлера. Ничего, кроме презрения, не испытывал к этому моментально поверженному врагу новоиспеченный рейхсканцлер.

факт, что России и Германии — потенциально сильнейшим державам континента — не было позволено участвовать в ее создании; эти державы стали ее непримиримыми противниками. Советская Россия так и не была приглашена в Версаль. Германскую же делегацию державы-победительницы пригласили лишь для того, чтобы сообщить ей об уже принятых условиях заключения мира.

Если бы Германия победила в Первой мировой войне, то наверняка ее «победный мир» имел бы аналогичный Версалью характер. Брест-Литовский мирный договор был примером такого «победного мира». Ведущие германские политики и генералы имели похожие экспансионистские планы в отношении Запада. Этот факт отражен во многих памятных записках времен Первой мировой войны. Почти все документы содержали требования обеспечения безопасности Германии на основе аннексии Бельгии и части Северной Франции. Но так как Германия проиграла войну, этим планам не суждено было сбыться.

«Стряхнуть оковы Версаля» — таков был абсолютный приоритет германской внешней политики после войны. Для достижения этой цели годились все средства, даже союз с советским режимом, бросившим беспримерный вызов существующему миропорядку.

Особенно активным сторонником германо-советского альянса был шеф рейхсвера генерал Ханс фон Сект. Он считал, что Франция проводит в отношении Германии

настоящую «политику уничтожения». «Политика примирения с Францией... не имеет перспектив», — писал он осенью 1922 г. рейхсканцлеру Вирту. Сект находил, что единственной возможностью проводить активную внешнюю политику, которая осталась у стесненной ограничениями Версаля Германии, было сближение с Советской Россией (*von Rabenau* 1941: 317).

Образ мыслей Секта напоминает идеи Эриха Людендорфа, который так мотивировал поддержку, оказанную германским рейхом партии большевиков во время Первой мировой войны: «В военном отношении [отправка Ленина в Россию] была оправдана», так писал Людендорф в своих военных воспоминаниях: «Россия должна была пасть» (*Ludendorff* 1919: 407).

Для Людендорфа, так же как и для Секта, цель оправдывала средства. Тогда этой целью была «военная победа Германии в мировой войне».

ОТРИЦАНИЕ ЗАПАДА

После поражения Германии — якобы «не побежденной на поле боя» нации в Первой мировой войне — немецкие националисты все настойчивей демонизировали как победителей, так и отстаиваемые ими демократические ценности. Суровость Версальского договора поборники национального реванша считали вполне достаточным основанием для того, чтобы смести существующий европейский уклад. Оскорбленное национальное самлюбие стало господствующим мо-

тивом их образа мысли, определяло их тактику. Соображения касательно общеевропейского наследия уже не играли никакой роли: «Мы — притесняемый народ», — писал в 1923 г. один из провозвестников так называемой Консервативной революции Артур Меллер ван ден Брук. «Скудная территория, на которую нас отеснили, таит в себе огромную опасность, от нас исходящую. Не следует ли нам строить нашу политику на основе этой опасности?» (*Moeller van den Bruck* 1931: 71–72).

Заимствованный у Запада либерализм был провозглашен сторонниками Консервативной революции и других националистических группировок смертельным врагом немцев. Для Меллера ван ден Брука либерализм был «моральным заболеванием нации», свободой от каких бы то ни было убеждений, выдаваемой за убеждения (*Ibid.*).

Характерная для консервативных революционеров псевдоэтическая установка проявлялась здесь особенно отчетливо. Те, кто из-за допущенной в Версале несправедливости были готовы разрушить весь европейский порядок, кто готов был насмеяться над гуманизмом, не задумываясь бросали либерализму упрек в равнодушии к морали. Неудивительно, что этот морализаторский имморализм, заранее отпускаящий грехи своим единомышленникам, но изображавший своих противников неисправимыми преступниками, многим казался весьма заманчивым.

Жалость сторонников Консервативной революции к самим себе была

столь же безгранична, как и их магия величия. Получалось, что единственным средством, способным облегчить страдания немцев, было мировое господство. Меллер ван ден Брук разьяснял: «Власть над миром — единственная предоставленная перенаселенной стране возможность выжить. Наперекор всем препятствиям порыв людей в нашей перенаселенной стране направлен туда же, его цель — пространство, которое нам необходимо» (Ibid.: 63, 71–72).

Руководство советской России, так же как и национально настроенные германские круги, стремилось к разрушению созданного в Версале послевоенного порядка и к «новому величию». Достичь этого оно хотело, однако, при помощи пролетарской революции. Особые надежды питали большевики на победу этой революции в Германии.

ЗНАЧЕНИЕ ГЕРМАНИИ В ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ И КОМИНТЕРНА

Вплоть до захвата власти национал-социалистами Германия была для большевиков важнейшим участком на революционном фронте. Если бы в Германии возникла «диктатура пролетариата», то объединенных сил советской Германии и советской России было бы достаточно, по мнению ведущих большевистских идеологов, чтобы победить «капиталистический» мир³. Отно-

шение большевиков к Германии было окрашено исключительно сильными эмоциями, которые отсутствовали в отношении к любой другой стране. Творец марксизма родился в Германии, классические марксистские труды были изданы на немецком языке, здесь было самое сильное в мире и самое организованное рабочее движение, наконец, Германия была крупнейшей индустриальной страной Европы. Когда большевики говорили об электрификации, индустриализации и «цивилизации» России, они в первую очередь подразумевали Германию (*Ленин* 1958–1965: Т. 36, с. 82).

Пристальное внимание большевиков к Германии связано было также с тем, что непосредственное воздействие большевизма на немецкое общество было значительно большим, чем на ход событий в других европейских странах. Коммунистическая партия Германии после объединения с левым крылом Независимой социалистической партии в конце 1920 г. стала массовой партией со значительным политическим влиянием. Большинство членов КПП, как правило, прислушивалось к приказам, идущим из Москвы, иногда даже в противовес собственным убеждениям.

Таким образом, большевики смогли оказать немалое воздействие на внутреннюю политику Германии. Но они нашли средство влиять и на внешнюю политику этой страны.

наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями...» (*Ленин* 1958–1965: Т. 36, с. 300–301).

³ В апреле 1918 г. Ленин писал: «Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью, разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали...), осуществила бы победу мирового социализма

Находясь под давлением победителей — стран Антанты — Германия, как уже было сказано, нуждалась в России как в противовесе. Стесненное положение, в котором Германия оказалась после Версаля, отнюдь не было помехой для большевиков. Они рассматривали конфликт между Германией и силами победителей как некую константу европейской политики (*Carr* 1960–1961: 305–311). При выработке своей внешнеполитической тактики в первые годы после Мировой войны большевики исходили из того, что примирение Германии и Запада невыносимо. На этом основывались их далеко идущие внешнеполитические амбиции. Излюбленной концепцией Ленина, которой он следовал в продолжение всего своего руководства страной, было сотрудничество высокоразвитой индустриальной Германии и богатой природными ресурсами, но экономически недостаточно развитой России (ср.: *Abramovitch* 1963: 227–229; *Geyer* 1976: 5–9). Когда после поражения немецких коммунистов во время так называемых мартовских событий 1921 г. стало ясно, что ожидать победы революции здесь пока что не приходится, Ленин еще настойчивей стал добиваться союза с «буржуазной» Германией. Он был убежден в том, что объективные обстоятельства принудят немецких «капиталистов» к этому союзу. Такая кооперация, по его мысли, способствовала бы достижению независимости обоих государств (*Ленин* 1958–1965: Т. 42, с. 68–69, 105–106). Вождь русской революции исходил из кажущейся слабости обеих стран и недостаточно принимал во внимание то, что такое состояние мо-

жет быстро измениться. Он упустил из виду тот факт, что еще недавно Германия была достаточно сильна, чтобы вести войну против чуть ли не всех крупнейших держав мира; лишь четырехлетняя борьба сломила ее.

Правда, Ленин недооценивал не только политический и военный потенциал Германии, но и хозяйственные возможности собственной страны. На рубеже веков Россия переживала стремительную индустриализацию — не в последнюю очередь в результате мероприятий министра финансов Сергея Витте. Тогда многие наблюдатели ожидали, что Россия очень скоро станет одной из сильнейших индустриальных стран мира (см.: *Parvus* 1911: 48). Потенциальная мощь России была одной из причин — как убедительно показал в своем исследовании немецкий историк Фриц Фишер, — заставивших политическое и военное руководство империи Вильгельма планировать превентивную войну (*Fischer* 1961). Эта мысль играла не последнюю роль в развязывании Первой мировой войны.

В противоположность многим другим политикам и ученым, Ленин недооценил потенциал России. Хотя он мечтал об электрификации и индустриализации страны, но думал, что «чудовищная отсталость» оттянет решение этой задачи на многие десятилетия (*Ленин* 1958–1965: Т. 42, с. 110–117, Т. 43, с. 68–69). Военное и хозяйственное превосходство стран-победителей было в глазах Ленина столь неоспоримым, что для выживания

и Германии, и России ему казалось необходимым объединить силы обеих стран, чтобы хоть как-то защититься от этого превосходства. Поэтому он рассматривал Рапалльский договор как один из триумфов своей внешней политики. Договор должен был стать основой будущей внешней политики Советской России (Там же: Т. 45, с. 183).

Между тем Рапалльский договор привел в смятение Коммунистическую партию Германии. Бывший член руководства КПГ Рут Фишер сообщает, что многие немецкие коммунисты не приняли союз советского руководства с немецкой «контрреволюцией» (*Fischer* 1950: 235). Троцкий попытался успокоить КПГ и заявил, что Рапалло означает не союз, а лишь начало нормализации отношений Советской России с «капиталистическими» государствами (*Angress* 1963: 236). Однако это утверждение Троцкого было ослаблено высказываниями Бухарина и Радека на IV конгрессе Коминтерна в конце 1922 г. Бухарин заявил, что советское руководство имеет право заключить союз с буржуазией определенной страны, чтобы уничтожить буржуазию другой страны. Это вопрос исключительно тактической и стратегической необходимости. Коммунисты же других стран обязаны поддержать такой блок (*Protokoll des Vierten Kongresses...* 1923: 420).

Еще определеннее высказался Радек. В декабре 1922 г. он сказал, что западная политика подавления Германии имеет также своей целью уничтожение России как мировой державы. Независимо от того, ка-

кой режим будет в Германии, Россия нуждается в ее технологической поддержке и немецком противовесе могуществу Антанты — без этого Россия не сможет остаться мощным государством (*Radek* 1922: 22). Таким образом, борьба немецких коммунистов против собственного «буржуазного» правительства весьма осложнилась из-за того, что это правительство оказалось в союзе с Советской Россией. К своему ужасу немецкие коммунисты узнали, что сотрудничество между Веймарской республикой и Советской Россией охватывает не только хозяйственную и политическую, но и военную область. Тот самый рейхсвер, который стрелял в немецких рабочих, получил в Советском Союзе возможность производить запрещенное Версальским договором оружие и вооружать им своих солдат (см.: *Carr* 1951; *Freund* 1957; *Kochan* 1954; *Hilger* 1955; *Weber et al.* 2014: Band 2, S. 275).

РЕАКЦИЯ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА НА ОККУПАЦИЮ РУРА

Оккупация Рурской области французскими и бельгийскими войсками в начале января 1923 г. подтвердила тезис большевистских вождей о том, что Германия находится в глубокой депрессии и постепенно превращается в колонию Антанты. В одной из последних статей Ленина, опубликованной 2 марта 1923 г., он писал: «Все капиталистические державы так называемого Запада клонют (Германию) и не дают ей подняться» (*Ленин* 1958–1965: Т. 45, с. 403). Оккупация Рура чрезвычайно взволновала советское

руководство. Как писал ведущий советский публицист Стеклов 21 января того же года, беспомощность Германии может оказаться очень опасной для СССР. Теперь Франция может попытаться вместе с Польшей и Румынией напасть на Россию (*Eudin, Fischer* 1957: 200–201). В феврале Чичерин заявил, что Советский Союз отвергает оккупацию Рура: она нарушает процесс нормализации в Европе, служащий советским интересам (*Ibid.*: 198; *Weber et al.* 2014: Band 2, S. 274). Но оккупация Рура вызвала у московских руководителей не только негативную реакцию. Более или менее осторожно высказывалось мнение, что обострение немецко-французского конфликта будет содействовать оживлению революционного движения в Европе, которое уже к весне 1921 г. явно начало затухать.

В этом смысле высказался Бухарин на XII съезде РКП(б) в марте 1923 г. (Двенадцатый съезд РКП(б) 1968: 276). За несколько недель до этого Бухарин выразил ироническую благодарность французскому премьер-министру за то, что оккупацией Рурской области он вновь поколебал международную стабильность, которая только было установилась в Европе. Коммунисты приветствуют такой поворот событий, потому что стабилизация «капиталистической» системы была для них небезопасной, утверждал Бухарин. В период стабильности «пролетариат» удовлетворяется несущественным улучшением своих жизненных условий, становится жертвой реформистских иллюзий. В период же потрясений рабочие становятся более восприимчивыми к коммунистиче-

ским идеям (*Eudin, Fischer* 1957: 211). Столь противоречивые суждения иллюстрируют внутреннюю противоречивость позиции большевиков и Коминтерна по германскому вопросу. Коммунистам хотелось бы, чтобы Германия была одновременно и сильной, и слабой. От сильной Германии ожидали, что она станет преградой антисоветской агрессии Антанты. С другой стороны, в слабой Германии было больше шансов на революцию, на то, что осуществится большевистская мечта о «советской Германии». Такая неоднозначность в немалой степени определяла отношение Коминтерна к Веймарской республике на протяжении всего кризисного 1923 г.

Что касается КПП, то она высказалась за революционное решение кризиса. Несмотря на внешнюю угрозу немецкому государству, компартия была против компромисса с собственной буржуазией. Когда в берлинском рейхстаге было получено известие об оккупации Рурской области французами и бельгийцами, депутаты всех партий встали, чтобы минутой молчания выразить свой протест против насилия. Остались сидеть лишь депутаты КПП. Депутат от коммунистов сказал, что Либкнехт учил партию отвечать на национальную войну войной классово. Лозунг КПП — не классовый мир, а гражданская война (*Angröss* 1963: 294–295). Эта первая спонтанная реакция КПП совершенно не совпадала с тактическими соображениями Москвы. Это стало ясно на лейпцигском съезде КПП, состоявшемся в январе 1923 г., сразу после оккупации Рура. Карл Радек, который был делегатом

Коминтерна, стремился не допустить на съезде дискуссии о революционных перспективах, открывающихся в Германии из-за Рура (*Fischer* 1950: 277–279). Рут Фишер вместе с левым крылом КПП настаивала на такой дискуссии. Позднее она писала, что Радек не допустил дебатов, видя в них опасность для установившихся немецко-советских отношений (*Ibid.*: 278–282).

ТРЕБОВАНИЕ СОЮЗА С ПРАВЫМИ РАДИКАЛАМИ

Оккупация Рура вызвала в Германии волну националистических настроений и охватила широкие слои населения. Это обстоятельство повлияло на тактические установки теоретиков Коминтерна. Многим из них стало ясно, что плыть против течения, с порога отвергать национальные интересы Германии — значит обречь КПП на изоляцию (*Ibid.*: 118).

Борьба за влияние на националистически настроенные слои Германии была главным элементом тактики Коминтерна и КПП в последующие месяцы. На XII съезде РКП(б) (март 1923 г.) Бухарин заявил: Германия — одна из стран, поработанных Антантой, и КПП должна привлечь на свою сторону те слои населения, которые противятся этому поработанию. Немецким коммунистам надо найти в себе мужество встать на защиту немецкой нации (Двенадцатый съезд РКП(б) 1923: 292).

Национальный курс КПП был подтвержден на III пленуме исполнительного комитета Коминтерна

в июне 1923 г. В своей речи на пленуме Карл Радек заявил, что не следовало бы пренебрегать национальными идеалами и целями в коммунистической пропаганде. Компартия должна превратиться во всеохватывающую национальную организацию, только так она сможет стать решающим фактором в политической жизни страны. А этого можно достигнуть лишь в союзе с националистически ориентированными немецкими массами (*Protokoll der Konferenz... 1923*: 148). Речь Радека на пленуме в июне 1923 г. принадлежит к интереснейшим и важнейшим эпизодам тактики сближения Коминтерна с немецкими националистами и правыми экстремистами. Оратор восхищался правым экстремистом Лео Шлагетером, который был осужден на смерть французским военным судом. Речь Радека содержит прямое требование союза с немецкими правыми радикалами. По словам Радека, друзья Шлагетера по партии никогда не смогут достичь своей цели — освобождения Германии от Версальского договора, если будут рассматривать немецкий рабочий класс как своего врага, а не как союзника (*Ibid.*: 240–245; *Weber et al.* 2014: Band 1, S. 46–47; Band 2, S. 277).

В своей речи Радек, разумеется, апеллировал не только к правым экстремистам, но и к коммунистам. Он назвал Шлагетера храбрым солдатом контрреволюции, весьма лестно описал его национальный идеализм, причем сделал это не столько с целью привлечь симпатии немецких правых экстремистов, сколько для того, чтобы преодолеть опасения немецких коммунистов по поводу роста национализма в стране.

Коммунисты Германии должны научиться видеть в правых экстремистах не только врагов, но и «заблудших братьев», которые-де лишь по недоразумению воюют с коммунистами. Вожди Коминтерна не хотели видеть, как глубока в действительности была идеологическая пропасть между коммунистами и правыми экстремистами.

Зато многие немецкие коммунисты ясно отдавали себе в этом отчет. В отличие от русских товарищей они понимали, как далека от реальности выработанная в Москве стратегия, и пытались противостоять идеализации немецкого национализма руководством Коминтерна (*Fischer* 1950: 342–343; *Buber-Neumann* 1967: 92; *Sommer* 1923: 342–343).

Рут Фишер вспоминает, насколько униженным был для немецких коммунистов этот курс на Шлагетера. И все же она не совсем права, характеризуя в своих мемуарах Радека как чуть ли не единственного, кто отвечал за этот курс (*Fischer* 1950: 264–265, 341–343). Столь важное тактическое решение Коминтерна было бы немислимо без согласования с высшими органами большевистской партии.

ОШИБОЧНАЯ ОЦЕНКА КОМИНТЕРНОМ НЕМЕЦКОГО ПРАВОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Когда Радек говорил о возможности союза коммунистов с крайними немецкими националистами, он недооценивал интенсивность националистических эмоций в тогдашней Германии. Эти эмоции достигали порой такого накала, что не по-

зволяли подчинить себя никаким другим целям и стали самоцелью. Попытки руководства Коминтерна сделать эти эмоции инструментом политики, диктуемой из Москвы, с самого начала были обречены на провал.

Любые идеи, которые не выдвигали на передний план болезненно раздраженное чувство национального тщеславия, оказывались неэффективными в Германии периода между двумя войнами (*Fest* 1973: 694; *Rosenberg* 1961: 93–94). На предложение коммунистов о союзе немецкие правые экстремисты отреагировали скорее отрицательно (*von Klemperer* 1962: 157–159; *Mohler* 1950: 65; *Angress* 1963: 349; *Buber-Neumann* 1967: 93–94). В их глазах компартия была попросту иностранным агентом на немецкой земле (*Adolf Hitlers Reden* 1934: 57, 79, 93–94). Исключением были так называемые «национал-большевистские круги». Их представители, например, Меллер ван ден Брук и граф Ревентлов, были готовы приступить к диалогу с коммунистами (*von Klemperer* 1962: 157–158; *Mohler* 1950: 61–62; *Angress* 1963: 331–333; *Fischer* 1950: 343–345; *Sch ddekopf* 1960: 150–152), что и было торжественно отмечено Коминтерном как победа национального курса КПП. В июне 1923 г. на уже упоминавшемся III пленуме Коминтерна Зиновьев сказал, что национал-социалистская газета «Совесть» аттестовала КПП как партию националистическую. Зиновьев счел эту характеристику комплиментом и надеялся, что КПП его заслужит. Конечно, КПП не была националистической партией, даже если ее противники так ее называли, продолжал Зиновьев. Но это

указывало на то, что КПП уже развилась в такую партию, которая представляла целую нацию (Protokoll der Konferenz... 1923: 101). Двумя месяцами позднее Радек говорил: «...Наводящая на размышление форма, в которой “Совесть” и многие другие печатные органы немецких националистов обратились к моей речи, показывает, что и в руководящих кругах фашизма имеются элементы, борющиеся за истину, ищущие путь» (Radek 1923b: 38; Weber et al. 2014: Band 1, S. 47; Band 2, S. 302).

Однако оптимизм руководства Коминтерна не был обоснованным. Слишком глубока была пропасть между мировоззренческими концепциями национал-большевистской идеологии и представлениями коммунистов. Правда, Меллер ван ден Брук восхищался деятельностью большевиков в России и был готов к союзу с советским государством (Moeller van den Bruck 1931: 67). Тем не менее самой большой заслугой большевиков он считал то, что они форсировали национальное обновление России, не считаясь с марксистским тезисом об интернационализме (Ibid.: 36, 72–73). Меллер ван ден Брук добивался и для Германии аналогичного национального обновления с помощью революционных средств (Ibid.: 73–78). Предпосылкой для этого он считал преодоление всех конфликтов внутри нации и ее максимальную сплоченность (Ibid.: 202–206).

Таким образом, КПП, которая не могла отказаться от идеи классовой борьбы, не имела в концепции национал-большевиков, в сущности, права на существование. Тенденция национал-большевистских группировок

искать сотрудничества с Советским Союзом исключительно на внешнеполитической арене, но не входить в равноправную внутривнутриполитическую кооперацию с КПП, разочаровала Москву. На III пленуме Исполкома Коминтерна Радек говорил о графе Ревентлове, что тот считает борьбу против Антанты невозможной до тех пор, пока не повержен «внутренний враг». Этим «внутренним врагом» для Ревентлова был революционный рабочий класс (Protokoll der Konferenz... 1923: 242). Все же Радек надеялся убедить «национал-большевиков», что исключение КПП из национального фронта было бы чрезвычайной утратой для национального дела (Ibid.: 242–244). Диалог Коминтерна с национал-большевистскими идеологами не привел к сколько-нибудь значительным результатам. И не только потому, что идеи «национал-большевиков» противоречили идеям коммунистов. Еще важнее был тот факт, что национал-большевистские круги сумели образовать внутри правозкстремистского лагеря лишь мелкие разрозненные группы, которые не оказывали серьезного воздействия на массы (von Klemperer 1962: 154–163; Mohler 1950: 60–65). Наибольший вес в массах имели те идеологи, которые отвергали не только сотрудничество, но и какой бы то ни было диалог с марксистскими партиями.

ТАКТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ КОМИНТЕРНА ПОСЛЕ ОТСТАВКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА КУНО

Пока Веймарская республика следовала тактике пассивного сопротивления в оккупированной Рурской области, а окончания рурского

кризиса не предвиделось, Коминтерн продолжал «курс Шлагетера». КПГ должна была по распоряжению Москвы оставаться частью национального антизападного фронта. Немецкая компартия должна была лишь бороться за популярность среди радикализирующихся пролетарских и мелкобуржуазных масс, но не заниматься непосредственной подготовкой революционного переворота. Такая тактика встретила ожесточенное сопротивление левой оппозиции внутри КПГ. Левым казалось, что положение Германии исключительно благоприятно для революции. Они отвергали как тактику единого фронта с социал-демократами, так и курс Шлагетера и хотели свергнуть существующий строй силами одного немецкого пролетариата под руководством КПГ (*Fischer* 1950: 310–317). Курс Радека критиковали тоже и некоторые большевистские лидеры, в первую очередь глава Коминтерна Григорий Зиновьев (*Weber et al.* 2014: Band 2, S. 283–285). Но, пожалуй, самый влиятельный член большевистского руководства, И. В. Сталин, в то время, так же как и Радек, считал, что революционное решение рурского кризиса пока неактуально (*Ibid.*: 282, 292–293; *Bayerlein et al.* 2003: 99–100). Радек выступил 3 августа 1923 г. со статьей, где критиковал революционное нетерпение левой оппозиции. Компартия, напоминал он, насчитывает в своих рядах в настоящее время всего лишь 300 тысяч рабочих. Слишком мало, чтобы думать о захвате власти. Немецкая буржуазия организована как никакая другая в мире. И коммунистическая партия должна быть так же хорошо организована. Радек оговаривался, что

в России большевики в 1917 г. были еще малочисленней, чем немецкие коммунисты, и все же взяли власть в свои руки. Но русская буржуазия была полностью дезорганизована, и тогдашняя русская армия находилась под влиянием большевиков. Лагерь противников немецких коммунистов намного сильнее, в партии должен быть по меньшей мере миллион членов, чтобы думать о решающих битвах (*Radek* 1923a: 1116).

Высказывания Радека ясно показывают, что в начале августа 1923 г. группировки, отрицающие немедленное революционное наступление в Германии, еще преобладали в руководстве Коминтерна. Положение изменилось, когда 12 августа правительство канцлера Куно было вынуждено уйти из-за всеобщей забастовки в Берлине и новым рейхсканцлером стал Густав Штрэземан. Прозападные симпатии Штрэземана были хорошо известны в Москве. Теперь большевикам стало ясно, что на очереди – немецко-французское сближение; до сих пор такая возможность почти не принималась в расчет большевистским руководством. Результатом сближения бывших врагов – Германии и Франции и одновременного отхода Германии от политики Рапалло могла бы быть опасная внешнеполитическая изоляция СССР. Страх перед немецко-западным примирением привел к тому, что руководство Коминтерна, которое еще в начале августа критиковало левую оппозицию в КПГ за ее революционное нетерпение, считая нереальным коммунистический переворот в Германии, теперь само начало подталкивать КПГ к захвату власти.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ОЖИДАНИЯ
В МОСКВЕ И ОКТЯБРЬСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ

В первые сентябрьские недели 1923 г. атмосфера в Москве была полна революционных ожиданий, сознания близкого всемирно-исторического поворота. Казалось, непосредственно приблизился разгром «мирового капитала».

Начиная с сентября 1923 г. коммунисты полным ходом вели подготовку к перевороту в Германии (*Weber et al.* 2014: Band 2, S. 305, 311, 314–315, 321–330; *Bayerlein et al.* 2003; Коминтерн... 1998: 416–422). Повсеместно создавались пролетарские сотни. Тысячи немецких коммунистов проходили военную подготовку под руководством советских инструкторов. По плану, выработанному в Москве, ядром германской революции должны были стать земли Саксония и Тюрингия. В начале октября успешно прошли переговоры о создании коалиции между левыми социалистическими правительствами этих земель и коммунистами. Коммунисты должны были войти в состав саксонского правительства Цайгнера и тюрингенского правительства Фрелиха. Этот шаг должен был означать начало революционных преобразований по всей Германии (см.: *Die Lehren der deutschen Ereignisse 1924*: 60). Ведущим немецким коммунистам было понятно, сколь вызывающим выглядел этот шаг в глазах консерваторов, не говоря уже о правых экстремистах. Председатель КПП Брандлер пытался сопротивляться нажиму большевистских вождей, требовавших от него немедленно вступить в земельные правитель-

ства Средней Германии. Он хотел подождать до тех пор, пока коммунисты не завоюют на свою сторону большинство населения в обеих землях (*Fischer* 1950: 380, 410; *Angress* 1963: 400–401; *Deutscher* 1962: 145). Но большевики все же смогли навязать свою волю.

Непосредственно перед вступлением КПП в саксонское правительство один из идеологов КПП Пауль Беттхер анализировал возможную реакцию имперского правительства и «фашистов» на этот процесс. Беттхер был далеко не так оптимистичен, как некоторые большевистские вожди. По его мнению, средненемецкий пролетариат окружен «гитлеровскими гвардейцами» с юга и соединениями рейхсвера с севера. И хотя КПП, войдя в правительство, временно перехватила инициативу, контрреволюция может нанести удар в любой момент и начать карательные акции против пролетариата. Беттхер обратился с призывом к рабочему классу всей Германии не допустить разгрома рабочих правительств в Саксонии и Тюрингии (*Böttcher* 1923: 1364). Таким образом, он весьма реалистически оценивал угрозу, нависшую над коммунистическо-социалистическими правительствами в Средней Германии.

Опасность сознавал и Радек. Его статья в «Правде» в конце сентября была посвящена этой теме. Он указал на то, что и «фашисты» во главе с Людендорфом и Гитлером, и имперское правительство в одинаковой мере стремятся уничтожить «красную» Среднюю Германию. Однако Радек находил правительство

Штреземана слишком слабым для решающей борьбы со своими внутриполитическими противниками (*Радек* 1923).

В бессилии веймарского правительства были убеждены не только коммунисты, но и национал-социалисты, которые всего лишь через год после похода итальянских фашистов на Рим планировали свой собственный поход на Мюнхен, а потом на Берлин, чтобы рассчитаться с парламентским государством, как это сделали фашисты в Италии.

В октябре 1923 г. коммунисты вступили в союз с политической группировкой, боеспособность и политические цели которой сами коммунистические лидеры оценивали по меньшей мере скептически. Хотя вожди Коминтерна и приветствовали то, что левые социал-демократы предпочли сотрудничество с КПП практиковавшемуся большинством СДПГ союзу с буржуазными партиями, это признание было обставлено, однако, множеством оговорок. 25 октября 1923 г. Зиновьев сравнил левых социал-демократов с левыми эсерами, которые после Октябрьской революции некоторое время сотрудничали с большевиками, чтобы затем выступить против них (*Zinov'ev* 1923: 1404). По словам Зиновьева, радикализация масс вынудила левую социал-демократию пойти на сотрудничество с коммунистами, чтобы не допустить окончательного перехода масс на сторону коммунистов. С этим не вполне добровольным партнером надо быть начеку, коммунисты не должны допустить, чтобы левые социал-демократы играли само-

стоятельную роль в коалиционном правительстве: «Как только эти господа вступят в революционное правительство, они наверняка предпримут попытку в решающий момент превратить революционное правительство в дискуссионный клуб. В тот момент, когда потребуются железная диктатура и стальная решимость, они будут висеть на революционном правительстве, как гири на ногах. Излишняя “поддержка” со стороны левого крыла СДПГ может оказаться роковой для пролетарской революции» (*Ibid.*). С такими настроениями коммунисты вступили в союз с левыми социал-демократами. Сомнения коммунистов в готовности левых социал-демократов противостоять общегерманскому правительству оправдались. Когда рейхсвер приступил к ликвидации «саксонского эксперимента», левые социал-демократы отвергли требование коммунистов предпринять насильственные контрмеры. «Ненадежность» социал-демократии нанесла окончательный удар и без того малореальным революционным планам Коминтерна.

В бессилии веймарского правительства в 1923 г. были убеждены не только коммунисты, но и национал-социалисты.

Но несколько недель после октябрьского поражения немецких коммунистов также и Гитлер имел возможность убедиться в «ненадежности» своих союзников. Марш на Берлин потерпел такое же поражение, как и «немецкая Октябрьская революция». Гитлер увидел, что его консервативные партнеры

не хотят вооруженного столкновения с государственной властью. Опыт политического флирта с мнимыми союзниками, приобретенный коммунистами и национал-социалистами, оказался весьма сходным. Но обе группировки сделали из этого принципиально разные выводы. В отличие от коммунистов, не подвергавших сомнению правильность собственной тактики и считавших причиной своего поражения лишь «неустойчивость» своих союзников (Коминтерн... 1999: 14, 115–116; *Luks* 1984: 81–82), Гитлер не настаивал на непогрешимости своей тактики. Лучше коммунистов он понял, что нельзя ждать многого от политических сил, отвергающих применение прямого насилия. Поэтому он решил изменить не характер своих союзников, а собственную тактику. Тогда, быть может, колеблющиеся союзники превратятся в надежных партнеров.

Так зарождалась гитлеровская идея «легализма» — прихода к власти при помощи государственного аппарата, а не вопреки ему.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Ленин 1958–1965 — *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений (ПСС). М., 1958–1965.

Двенадцатый съезд РКП(б) 1968 — Двенадцатый съезд РКП(б). 1923. Стенографический отчет. М., 1968.

Радек 1923 — *Радек.* Капитуляция Германии и фашистский переворот в Баварии // *Правда.* 28.09.1923.

Böttcher 1923 — *Böttcher P.* Die sächsisch-thüringische Regierung // *Inprekorr.* 12.10.1923. № 160.

Die Lehren der deutschen Ereignisse 1924 — Die Lehren der deutschen Ereignisse. Das Präsidium der Kommunistischen Internationale zur deutschen Frage. Januar 1924. Hamburg, 1924.

Fischer 1950 — *Fischer R.* Stalin und der Deutsche Kommunismus. Der Übergang zur Gegenrevolution. Frankfurt am Main, 1950.

Ludendorff 1919 — *Ludendorff E.* Meine Kriegserinnerungen. Berlin, 1919.

Moeller van den Bruck 1931 — Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Hamburg, 1931.

Parvus 1911 — *Parvus.* Der Klassenkampf des Proletariats. Berlin, 1911.

Protokoll der Konferenz... 1923 — Protokoll der Konferenz der Erweiterten Exekutive der Kommunistischen Internationale. Moskau 12.–13. Juni 1923. Hamburg, 1923.

Protokoll des Vierten Kongresses... 1923 — Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale. Petrograd — Moskau vom 5. November bis 5. Dezember 1922. Hamburg, 1923.

Radek 1922 — *Radek K.* Die Liquidation des Versailler Friedens. Bericht an den 4 Kongreß der Kommunistischen Internationale. Hamburg, 1922.

Radek 1923a — *Radek.* Der nahende Bankrott der deutschen Bourgeoisie // *Inprekorr.* 03.08.1923

Radek 1923b — *Radek K.* Die internationale Lage, das Abflauen der kapitalistischen Offensive und die Aufgaben der Kommunistischen Internationale // *Die Kommunistische Internationale.* 15.8.1923. № 27. S. 3–41.

Schifrin 1932 — *Schifrin A.* Staatstriebe der Gegenrevolution // *Die Gesellschaft.* 9/1932.

Sommer 1923 — *Sommer.* Der nächste Feind, das nächste Ziel // *Die Internationale* 01.06.1923.

Zinov'ev 1923 — *Zinov'ev*. Die Probleme der deutschen Revolution // Inprekorr. 25.10.1923. № 165.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Коминтерн... 1998 — Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998.

Коминтерн... 1999 — Коминтерн против фашизма. Документы. М., 1999.

Abramovitch 1963 — *Abramovitch R.* Die Sowjetrevolution. Hannover, 1963.

Adolf Hitlers Reden 1934 — Adolf Hitlers Reden / Hrsg. E. Voeppele, München, 1934.

Angress 1963 — *Angress W.* The Communist Bid for Power in Germany 1921–1923. Princeton/N.J., 1963.

Bayerlein et al. 2003 — *Bayerlein B. H., Babichenko L., Firsov F., Vallin A.* Deutscher Oktober 1923: ein Revolutionsplan und sein Scheitern. Berlin, 2003.

Buber-Neumann 1967 — *Buber-Neumann M.* Kriegsschauplätze der Weltrevolution. Ein Bericht aus der Praxis der Komintern 1919–1943. Stuttgart, 1967.

Carr 1951 — *Carr E. H.* German-Soviet Relations between the two World Wars 1919–1939. Baltimore, 1951.

Carr 1960–1961 — *Carr E. H.* The Bolshevik Revolution. London, 1960–1961. Vol. 3.

Deutscher 1962 — *Deutscher I.* Der unbewaffnete Prophet. Stuttgart, 1962.

Eudin, Fischer 1957 — *Eudin X., Fischer H.* Soviet Russia and the West 1920–1927. Documentary Survey. Stanford/Calif., 1957.

Fest 1973 — *Fest J. C.* Hitler. Eine Biographie. Frankfurt/Main, 1973.

Fischer 1961 — *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. Die Kriegspolitik des kaiserlichen Deutschland 1914–1918. Düsseldorf, 1961.

Freund 1957 — *Freund G.* Unholy Alliance. Russian-German Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin. London, 1957.

Geyer 1976 — *Geyer D.* Sowjetrußland und die Deutsche Arbeiterbewegung 1918–1932 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1976.

Hilger 1955 — *Hilger G.* Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten. Frankfurt/Main, 1955.

Kochan 1954 — *Kochan L.* Russia and the Weimar Republic. Cambridge, 1954.

Luks 1984 — *Luks L.* Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935. Stuttgart, 1984.

Mohler 1950 — *Mohler A.* Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Grundriß ihrer Weltanschauung. Stuttgart, 1950.

Nolte 1963 — *Nolte E.* Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963.

Nolte 1966 — *Nolte E.* Die faschistischen Bewegungen. Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschismen. München, 1966.

Nolte 1987 — *Nolte E.* Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt/Main, 1987.

Rosenberg 1961 — *Rosenberg A.* Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt/Main, 1961.

Schüddekopf 1960 — *Schüddekopf O.-E.* Linke Leute von rechts. Die nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1960.

von Klemperer 1962 — *von Klemperer K.* Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1962.

von Rabenau 1941 — *von Rabenau F.* Seeckt. Aus seinem Leben 1918–1936. Leipzig, 1941.

Weber et al. 2014 — *Weber H., Bayerlein B. H., Drabkin J., Galkin A.* Deutschland, Russland, Komintern. Berlin; Boston, 2014.

A STRUGGLE WITH THE WEST AND A DESIRE FOR "NEW GREATNESS". SOVIET-GERMAN RELATIONS FROM THE TREATY OF RAPALLO TO THE GERMAN "OCTOBER" OF 1923. DEBATES IN THE GERMAN HISTORIOGRAPHY

Luks Leonid – professor, HSE, the Catholic University of Eichstätt (Eichstätt, Germany – Moscow)

Key words: Ernst Nolte, Hans von Seeckt, Athur Moeller van den Bruck, V.I. Lenin, Karl Radek, Rapallo, The Communist Party of Germany, Gustav Stresemann, National Bolshevism, National Socialism.

Abstract. Was there a real communist threat in Germany right after the First World War? The Berlin historian Ernst Nolte, who initiated the so-called "German historians' dispute" in 1986 with his controversial theses, answers this question in the affirmative. National Socialism for Nolte is primarily a reaction to this allegedly ever-present Bolshevik danger. What did this threat, postulated by the Berlin historian, actually look like? This question will be considered in the present article on the example of the so-called German "October" of 1923 and its prehistory.

REFERENCES

Abramovitch R. *Die Sowjetrevolution*. Hannover, 1963.

Adolf Hitlers Reden, Hrsg. E. Boepple, München, 1934.

Angress W. *The Communist Bid for Power in Germany 1921–1923*. Princeton/N.J., 1963.

Bayerlein B.H., Babichenko L., Firsov F., Vatlin A. *Deutscher Oktober 1923: ein Revolutionsplan und sein Scheitern*. Berlin, 2003.

Buber-Neumann M. *Kriegsschauplätze der Weltrevolution. Ein Bericht aus der Praxis der Komintern 1919–1943*. Stuttgart, 1967.

Carr E.H. *German-Soviet Relations between the two World Wars 1919–1939*. Baltimore, 1951.

Carr E.H. *The Bolshevik Revolution*. London, 1960–1961. Vol. 3.

Deutscher I. *Der unbewaffnete Prophet*. Stuttgart, 1962.

Eudin X., Fischer H. *Soviet Russia and the West 1920–1927*. Documentary Survey. Stanford/Calif., 1957.

Fest J.C. *Hitler. Eine Biographie*. Frankfurt/Main, 1973.

Fischer F. *Griff nach der Weltmacht. Die Kriegspolitik des kaiserlichen Deutschland 1914–1918*. Düsseldorf, 1961.

Freund G. *Unholy Alliance. Russian-German Relations from the Treaty of Brest-Litovsk to the Treaty of Berlin*. London, 1957.

Geyer D. *Sowjetrußland und die Deutsche Arbeiterbewegung 1918–1932. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*, 1976.

Hilger G. *Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten*. Frankfurt/Main, 1955.

Kochan L. *Russia and the Weimar Republic*. Cambridge, 1954.

Komintern i ideia mirovoi revoliutsii. Dokumenty. Moscow, 1998.

Komintern protiv fashizma. Dokumenty. Moscow, 1999.

Luks L. *Entstehung der kommunistischen Faschismustheorie. Die Auseinandersetzung der Komintern mit Faschismus und Nationalsozialismus 1921–1935*. Stuttgart, 1984.

Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932. Grundriß ihrer Weltanschauung. Stuttgart, 1950.

Nolte E. Der europäische Bürgerkrieg 1917–1945. Nationalsozialismus und Bolschewismus. Frankfurt/Main, 1987.

Nolte E. Der Faschismus in seiner Epoche. München, 1963.

Nolte E. Die faschistischen Bewegungen. Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschismen. München, 1966.

Rosenberg A. *Geschichte der Weimarer Republik*. Frankfurt/Main, 1961.

Schüddekopf O.-E. Linke Leute von rechts. Die nationalrevolutionären Minderheiten und der Kommunismus in der Weimarer Republik. Stuttgart, 1960.

von Klemperer K. Konservative Bewegungen. Zwischen Kaiserreich und Nationalsozialismus. München, 1962.

von Rabenau F. Seeckt. Aus seinem Leben 1918–1936. Leipzig, 1941.

Weber H., Bayerlein B.H., Drabkin J., Galkin A. *Deutschland, Russland, Komintern*. Berlin; Boston, 2014.

«ИСТОРИК ПРОТИВОСТОИТ ПРЕДРАССУДКУ, А ВОВСЕ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ХРАНИТЕЛЕМ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ, КОТОРАЯ ВСЕГДА ЛУКАВИТ».

Интервью с В. П. Булдаковым

Ключевые слова: системный кризис Российской империи, предпосылки русской революции, Февраль 1917 в русской истории, Октябрь 1917 в русской истории, цикличность в истории, роль личности в революции, социальная психология масс в революции, межэтнические конфликты в условиях русской революции, культурная элита в русской революции, источники изучения Великой русской революции.

Аннотация. Крупный специалист по истории русской революции рассуждает о состоянии, ключевых проблемах и перспективах изучения Великой российской революции в свете недавно отмеченного 100-летия событий 1917 г.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-121-132

Владимир Прохорович Булдаков – выдающийся российский историк, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Среди важнейших работ: Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с. (Издание 2-е, доп.: М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. 967 с. (Серия «История сталинизма»)); Россия нэповская. М., 2002. С. 230–278; Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления / Серия: Рос-

сия. В поисках себя... М.: РОССПЭН, 2007. 204 с.; Тверская губерния в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг. Сб. док. Тверь, 2009. 494 с. (науч. ред., предисловие, комментарии); Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М.: Новый хронограф, 2010. 1088 с.; Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М., 2012. 759 с.; Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис. М.: РОССПЭН, 2014. С. 715–747, 748–812, 824–948 (авторский вклад) (в соавт.); Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию: Россия, 1914–

© Историческая Экспертиза, 2019

Булдаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

1917 г. М.: Новый хронограф, 2015. 720 с.; Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. 1917 год. Элиты и толпы: куль-

турные ландшафты русской революции. М.: Издательство «ИстЛит», 2017. 624 с.

Беседовал В. Аксенов

В. А. Здравствуйте, Владимир Прохорович. Юбилейные мероприятия, посвященные годовщине революции 1917 г., уже позади, с другой стороны, столетие долгой, Великой российской революции еще продолжается, в связи с этим уже можно делать некоторые предварительные выводы и давать прогнозы относительно вектора будущего развития исторических исследований. О чем бы и хотелось сегодня поговорить. Но первым делом мне хочется спросить вас о вышедшей в 1997 г. монографии «Красная смута: природа и последствия революционного насилия», ставшей в свое время научным бестселлером и наметившей новое направление в изучении российской революции. Скажите, когда и при каких обстоятельствах родилась идея написания этой книги?

В. Б. Эта книга — естественный продукт времен перестроечной «смуты в умах» и открывшейся возможности показать «непричесанное» прошлое, воспользовавшись «подсказками» очередной революции. А их было предостаточно. Прежде всего, поневоле пришлось задуматься над природой революционного насилия: отчего и как взбунтовались люди того времени, причем вновь взбунтовались *все*. Тогда я и попытался сравнить русскую революцию не с французской революцией, не с

последующими «политическими» революциями, а со Смутным временем XVII в. В связи с этим оформилось убеждение в цикличности российского исторического развития, обусловленной архаичностью сознания большинства населения. Конечно, эта мысль не могла быть в полной мере востребована в тогдашней (да и сегодняшней) научной среде. Мы как мыслили в прогрессистской парадигме, так и продолжаем. Результат известен — подгонка прошлого под удобные для современности представления. Об этом я откровенно писал в одной из последних статей¹. Мысли о повторении российских смут высказывали еще сто лет назад правый либерал Петр Струве, профессор-аграрник Тимофей Локоть, медик-сионист Д. Пасманик и др. А в литературе и поэзии реальный облик «красной смуты», а не просто революции, описан весьма впечатляюще. И в сознании «протрезвевшей» части политиков того времени события революции и Гражданской войны неслучайно стали ассоциироваться не с демократической и социалистической революциями, а с разинщиной и пугачевщиной. Думаю, что я был прав. Сложно, однако, убедить людей в том, что представления, которые нам предписывала

¹ Булдаков В. П. Революция, которую мы выбираем. Итоги и перспективы «юбилейного» бума // Российская история. 2018. № 6. С. 3–26. — *Прим. ред.*

и предписывает идеология XIX в., т.е. прогрессистское представление об однонаправленном движении вперед, не работают. Между тем, если нетерпеливые элиты впадают в «самообольщение разумом», провоцируя при этом архаичное бунтарство, — жди попятного движения, отката к якобы стабилизирующей деспотии. Сама человеческая природа, психика человека, словно одергивает зарвавшийся «прогресс».

В.А. Мне кажется, что более обстоятельно эти идеи вы сформулировали в другой своей монографии «*Quo Vadis? Кризисы в России: пути переосмысления*». Действительно, идеи о цикличности истории ранее высказывали разные ученые, выдвигались порой довольно экзотические версии, описывавшие механику этой цикличности, а в чем вы усматриваете механизм, движущую силу этого процесса?

В.Б. Мини-монография «*Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления*» была написана на одном дыхании под влиянием некоего личного кризиса — украли компьютер с неоткопированными материалами (около 1,5 лет поисков в архивах). Книга была написана «со злости», чтобы преодолеть последствия стресса. И тогда я просто сопоставил течение российских кризисов — XVII в., начала XX и конца XX в. Обнаружилось поразительное сходство человеческих реакций, даже бытовые детали совпадали. Чтобы объяснить происходящее, следовало исходить из человеческой природы, отталкиваться от чело-

веческих качеств. Человек лишен, в отличие от животных, инстинктивной программы поведения. Поэтому, с одной стороны, он конформист (соответственно сдержкам культурной среды), с другой — бунтарь против существующего «порядка», давление которого подчас оказывается невыносимым. Кстати, об этом писал и Ленин, напоминая о «революционной роли реакционных периодов». Рано или поздно наступает время, когда государственность словно не выдерживает собственной (бюрократической) «переусложненности». Сказывается и переломный характер эпохи.

Начало XX в. — это не просто время и бремя империй. Это и европейская информационная революция, и демографический бум с его резким «омоложением» населения и «избыточной» агрессивностью традиционных социумов, и «футуристическое» нетерпение так называемых диссипативных элементов, и разлив утопий — как наукообразных, так и традиционных. Вся европейская цивилизация сделалась неуправляемой — отсюда «безумие» Первой мировой войны. В этих условиях вторжение марксизма в Россию сыграло поистине роковую роль. Марксизм — это своего рода светская религия, соединившая в себе и эмоциональный порыв, и позитивистски-убедительную «научную» аргументацию. К Марксу добавился Дарвин с его идеей естественного отбора. По всей Европе люди устремились к «новому миру» — одни через революцию, другие через войну. Но человеческая психика не выдерживает безудержности, как не выдерживала

застоя. Такова природа человека: сегодня он бунтует — завтра устает от неопределенности ситуации. У А. С. Пушкина есть проницательные строки:

Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Здесь, в сущности, описан весь механизм циклического движения от бунта к смирению. Многие революционеры со временем недоуменно разводили руками: куда делись те восставшие народные массы, где революционеры? А революционеров уже нет, они перебили друг друга или выдохлись, осталось покорное стадо людей. В революции, как и в бунте, попеременно задействованы противоречивые человеческие качества. Они выступают действенной силой, когда люди сбиваются в какие-то неформальные сообщества, коллективы, тот же пролетариат, к примеру. Однако силы разрушения действуют до определенного предела. Пролетариат — не мессия и не класс, который построит будущее, как у Маркса. Это просто сообщество людей, которые хотели жить «нормально», как и все. А потому после бунта неизбежен разлив фрустрационных настроений. А если пришла относительная сы-

тость — отчаянного революционного порыва вообще не будет, возобладает склонность к эволюционному развитию и желание отдаться на волю государства. Напротив, в начале XX в. не только массы, но и правители сделались нетерпеливыми, нетерпимыми и даже «авантюристичными». Люди, как всегда, не ведают, что творят. «Коммуникативный разум» (если такой вообще присутствует) вытесняется коллективным безумием. Прогрессистское «самообольщение разумом» не оправдало, да и не могло оправдать себя. Эмоции бунтуют против «сухого» рассудка. Об этом можно говорить до бесконечности, всего в интервью не скажешь...

В. А. Когда мы говорим о человеке в истории, наверное, нужно уточнить, имеем ли мы в виду роль личности, политика в истории или маленького человека из толпы?

В. Б. Мой подход как раз отличается от так называемого народнического: «герои и толпа». Я считаю, что в начале XX в. ход событий *уже* определялся «восстанием масс», а не действиями и планами выдающихся личностей. Последние могли сыграть «решающую» роль лишь в качестве утопичных провокаторов. Так называемые вожди революции — всего лишь душеприказчики бунтующих масс. А когда толпа успокаивается, она своих вожжаков, как было принято на Руси, непременно выдаст на заклание. И никакой конспирологии: история «хитрее» и умнее всех выдающихся умов вместе взятых. Задача «мудрого» лидера сводится лишь к тому, чтобы

предугадать настроение масс, уловить основные векторы их порыва, чтобы стихию их надежд и возможностей то ли «поумерить», то ли ввести в более-менее конструктивное русло. Однако политики, как всегда, тянутся в хвосте событий. Действия лидеров конструктивны лишь тогда, когда они способны предугадать перспективу развития и совместить ее с практиками сегодняшнего дня. Но кто на это способен? Гении? Но они, как известно, рождаются редко, да и предпочитают области деятельности далекие от политики. Так или иначе, в прошлом веке все уже стало решаться «по большинству», причем большинству зыбкому. Это и есть синергетика — логика стихийного и стохастического, а не «железные» законы» истории, избранные позитивистами XIX в.

В.А. Вспоминаются слова Воланда: «Для того, чтобы управлять, нужно, как-никак, иметь точный план на некоторый, хоть сколько-нибудь приличный срок. Позвольте же вас спросить, как же может управлять человек, если он не только лишен возможности составить какой-нибудь план хотя бы на смехотворно короткий срок, ну, лет, скажем, в тысячу, но не может ручаться даже за свой собственный завтрашний день?» Получается, что всякие Керенские, Корниловы, Ленины были порождением своего времени?

В.Б. Керенские, Ленины, Троцкие — всего-навсего функциональные элементы определенного исторического момента, калифы на час. История использует их, действует через них, если угодно. Ходом ис-

тории управляют не они, но они по-своему помогают ее ходу. Они не творцы революции, они заложники ее синергетического цикла. Известно, что большевики, осуществив невероятный, как казалось, рывок, в конечном счете оказались у разбитого корыта. Случился грандиозный самообман, и это был самообман выдающихся пассионариев.

В.А. Когда мы говорили о стихии, вы упомянули, что задача историка — понять ее. Но как понять стихию, случайное? В своих работах вы используете термин «синергетика». Как синергетический подход можно историку применить в своем исследовании?

В.Б. Что касается принципа синергетики, то это просто: это порядок из хаоса. Прежний «порядок» рассыпается, система теряет равновесие, возникает хаос, постепенно этот хаос успокаивается. За счет чего? За счет тех самых человеческих качеств, прописанных в слабых людских душах. Еще раз подчеркну: человек с одной стороны конформист, традиционалист, а с другой — бунтарь. Мы привыкли мыслить надуманными позитивистскими критериями классов и бихевиористскими интерпретациями «разумного» поведения масс. Мы остаемся в плену надуманных понятий и категорий. В природу человека, его поведения в экстремальных ситуациях не вникаем, а если и пытаемся вникнуть, то получается нечто уныло-позитивистское. Пытаемся разложить все «по полочкам», но как быть, если в ход истории врываются непонятно откуда взявшиеся дикие страсти?

В переломные моменты начинает работать не сознание, а инстинкт и подсознание масс. С одной стороны, в человеке просыпается дурак, с другой — зверь, наконец, пробуждается и трус.

В. А. В феврале 1917 г. какой человек проснулся — дурак, зверь?

В. Б. Ну, зверства было предостаточно, но удивительно другое: зверства было много, но всем показалось, что его как будто и не было...

В. А. Бескровная революция...

В. Б. Да, смешная такая история с «бескровной» революцией. Жертвы были, их хоронили на Марсовом поле... Но все перевернулось. Появились плакаты: «Вперед по мертвым телам!» и тому подобное. Чего было больше в Феврале? С одной стороны, восторга, с другой — насилия. Это все тоже в природе человека. В любом случае реальность воспринималась неадекватно, в один момент истории человек видит одну сторону реальности, в другой — другую. Колеблется между надеждой и страхом, но при этом видит то, что хочет видеть. Поскольку человек лишен инстинктивной программы поведения, то в нем всегда сидит «метафизический» испуг перед превратностями собственного существования. Иной раз он и бунтует со страха. В феврале 1917 г. возобладала эйфория победы, затем пробудилось недоумение, а летом возобладали страхи неизвестности. Историю следовало бы писать не по официальным текстам и документам политиков, а по таким смутным явлениям, как

слухи, ожидания, эмоции, образы людских масс. Чтобы понять революцию, надо изучить, что именно происходило в душах людей, каким им виделся выход из незнакомой ситуации. А это требует иной — все еще непривычной — «зыбкой» источниковой базы.

В. А. Вы в своих последних работах пишете о том, что октябрь 1917 г. был запрограммирован массовым сознанием. С какого момента начинается это программирование на приход большевиков?

В. Б. Вряд ли это возможно установить с хронологической точностью. Ясно, однако, что после июльского выступления большевиков все, в первую очередь особо нервные люди, жили ожиданием неизбежного, как им казалось, выступления большевиков. Причем большевики того времени были неким собирательным понятием, точнее, образом — анархия, сброд, шкурники, пьянь... Большевизм приравнивался к «темным силам» (знаковый образ времени). Ленин к тому времени уже не надеялся на «сознательность» пролетариата. Однако если в газетах гадают, когда же большевики выступят, то последние волей-неволей пойдут на поводу у агрегированных людских эмоций. Характерно, что практически все большевистские лидеры, кроме Ленина, не знали, что делать. VI съезд большевистской партии был сборищем недоумевающих и испуганных людей. В таких условиях и произошла «заранее объявленная» сознанием обывателей «неизбежная» революция. Подчеркиваю, объявленная не большевиками, не Лениным,

а возобладавшая в «общественном» сознании.

В.А. В публицистике периодически поднимается вопрос, не был ли Февраль изначально обречен на поражение, не был ли в Феврале запрограммирован Октябрь. Как вы считаете, был шанс у революции на позитивный исход?

В.Б. Я таких шансов не вижу, как не видели в свое время многие, не обязательно консервативного склада, люди. Индоктринированные элиты бессильны перед лицом хаоса. Общественной силы, которая могла бы взять на себя управление страной, не было. Это показали всевозможные псевдособорные акции: Государственное совещание, Демократическое совещание, «предпарламент». Лидера привычного парламентского типа, который бы мог ввести хаос в эволюционную колею, — просто не могло быть, как не могло быть и парламента. Время интеллигентских вождей ушло. Российские элиты все более отчуждались от народа. Победило ленинское — «учиться у масс».

В.А. Возвращаясь к теме юбилея. Понятно, что консенсуса достичь не удалось ни в обществе, ни в профессиональной среде. Тем не менее как вы считаете, историческое сообщество в каком направлении движется в осмыслении событий столетней давности? В целом побеждают взвешенные оценки или еще сохраняются какие-то мифы? Например, как мне кажется, научное сообщество ту же тему немецких денег для себя закрыло...

В.Б. Понимаете, немецкие деньги — это не проблема, это вообще не для историков. Это, выражусь неполиткорректно, для дураков. Насколько мы продвинулись в осмыслении революции? Сказать трудно. Проще сказать, что если мы в России, пережив в XX в. несколько революций, не понимаем их природы — дело плохо. Лично мне кажется, что успехи незначительны. Слава Богу, договорились до признания Великой российской (отнюдь не социалистической!) революции. Хотя говорить о величии нашей революции сложно, поскольку само это слово в русском языке несет в себе конструктивную, позитивную коннотацию.

Строго говоря, для изучения «красной смуты», «хаоса и этноса», а равно и прочих российских кризисных ситуаций следовало бы создать междисциплинарный научный центр, даже институт. Пользы было бы много больше, чем от пустопорожних институтов «стратегических», «евразийских» и прочих якобы исследований. Но где взять исследователей соответствующего уровня?

В.А. Под Великой революцией имеется в виду длинный промежуток с 1917 по 1922 г.?

В.Б. Совершенно верно. 1917–1922 гг. — это и есть цикл «красной смуты», или часть цикла системного кризиса империи. Признание этого — уже познавательный прогресс. Но надо разобраться, что превалировало в этом цикле. А вот с этим у нас из рук вон плохо. Некоторые экономисты, опираясь на казенную статистику, к примеру,

считают, что системного кризиса в России вообще не было — Россия двигалась по пути всеобщего благосостояния и прогресса. Но кто сказал, что революционный взрыв замеряется по таким параметрам? «Великие умы» из бывшего ЦСУ СССР? Другие авторы даже пытаются доказать, что в России (сословно-патерналистской!) существовало развитое гражданское общество. Это уже из серии идеологических «подсказок» нашего времени. Получается, кто-то «обличает» революцию, кто-то восторгается ею, а кто-то «прихорашивается» на ее «дурном» фоне. А в целом все наше «непредсказуемое» прошлое настойчиво вычерчивается по сомнительным лекалам. Вдобавок некоторые приплетают к этому умозрительные аналогии из «мирового опыта». И это прогресс исторического самопознания? Если мы признаем «красную смуту» Великой российской революцией, значит, требуется как минимум перепроверка гипотезы цикличности отечественной истории. Но что сказать в связи с этим о попытках объяснить исход Гражданской войны исходя из механических подсчетов материальных и людских ресурсов противоборствующих сторон? Это ложный подход, противоречащий самой идее Великой российской революции. Революционная цикличность нашей истории основывается на глубинных факторах, связанных с человеческим сознанием, поведением, психикой. Историки-марксисты этого принципиально не признавали. В советское время, к примеру, всерьез гадали: если у большевиков бывших офицеров и генералов больше, то

они и выиграли. Вот примерно в таких наивных сопоставлениях тогда и оценивали революционную эпоху. Сегодня рассматривать события Великой российской революции в контексте синергетического процесса разрушения и воссоздания империи, т. е. культурно-исторического целого, еще не научились. Революция не просто многофакторное, но системно взаимосвязанное явление. При ее изучении нельзя ограничиваться ни партиями, ни элитами, ни полюбившимися «классами». К тому же «красная смута» не была изолированным от мировой истории явлением. Российская революция была связана с концом эпохи Просвещения, базирующемся, как было многократно сказано, на том самом самообольщении прогрессом, которое свергло Европу в Первую мировую войну. Всякий видимый «прогресс» имеет свои психосоциальные и социокультурные ограничители. Внутри «красной смуты» был заложен своего рода «предохранитель» в лице «косного» людского большинства. Как известно, «скорость эскадры измеряется скоростью ее самого тихоходного судна» — иначе это уже не эскадра. Первая мировая война стала ускорителем революции в России — это признавал и Ленин, и Милуков. Но о «тормозе» они не задумались.

В. А. Война пробудила того зверя, о котором вы говорили?

В. Б. Скорее «зверь», именуемый resentmentом (Ф. Ницше, М. Шелер), подтолкнул войну. Первая мировая война воспринималась на Западе, особенно в Германии, как некая революционная

перспектива. В Германии будущая война воспринималась как возможность утверждения своего рода культурно-имперского лидерства. Там открыто говорили: «старые империи отжили свое, Германия должна встать во главе мира». Что касается России, то тут действовали другие факторы. Россия в этой войне-революции попыталась стать сама собой – выйти из традиционного застойного существования. Но возобладала традиция, носителем которой было крестьянское большинство, не принимающее основ гражданско-патриотического существования. И такое крестьянство пришлось ломать через колено. Впрочем, и это не удалось: можно было уничтожить крестьянство, но невозможно было уничтожить его традиционную психологию. В результате краха прогрессистских надежд возобладала архаичная патерналистская ментальность. Отсюда и Сталин – об этом моя книга «Утопия, агрессия, власть», посвященная постреволюционному времени. Многие историки просто избегают таких представлений. Они все еще находятся под властью культурно-политических сдержек ушедшего времени. Ничего удивительного. Историки по-своему боязливые существа. Историк привязан к факту, реалиям прошлого; он «увязает» в них, боится подняться над ними. В отличие от философа и тем более литератора, ему не до фантазий. К тому же, опираясь на реальный материал, для его осмысления он использует заимствованные категории. Писатель живет в образах, как философ живет в мире абстракций. В конечном смысле все не умеют или боятся заглянуть в реальную

природу человека, которая к тому же является не всегда вдохновляющей субстанцией.

В.А. По сути вы подняли сейчас проблему свободы интерпретации источника, как далеко мы можем зайти за рамки...

В.Б. Да, да: как далеко мы можем выйти за рамки позитивизма. Ну, во-первых, от позитивизма как от факта никуда не денешься. Другое дело интерпретация этого самого факта. А такая интерпретация, на мой взгляд, должна осуществляться – по крайней мере применительно к революции – через психику обычных людей. То есть подлинный язык того времени мы должны донести до современника, чтобы он смог окунуться в реалии истории. Если у современного человека не возникнет органичного ощущения связи с прошлым, то дело плохо – возможна всеобщая «слепота», чреватая очередным революционным ослеплением. Это мы уже проходили. А как интерпретировать тот или иной источник, каким источникам уделять особое внимание в нынешней историографической ситуации, я уже говорил – слухам, фантазиям... Нельзя забывать и о семантике и семиотике кризисных событий истории – без них не понять их глубинных смыслов.

В.А. Это можно почерпнуть из дневников, периодической печати...

В.Б. Да, документы личного происхождения. И анонимные источники. Хоть надписи, хоть на заборах, хоть в клозетах, как у Фрейда.

Фрейд же изучал все это. Кто и как, где и почему нацарапал, намалевал, кто и когда их стер или замазал. В общем, речь идет о «тонких» (не обязательно вдохновляющих, но о плотских) материях человеческого быта, бытования, бытия. Мы обязаны прощупать плоть ушедшей культурной среды и, соответственно, ощутить «дух» и «скорость течения» исторического времени в каждом конкретном месте. Человек всегда пребывает в рамках господствующих культурных кодов своей эпохи. Историк не составляет исключения, но он обязан выбраться за их рамки в силу императивов своей профессии. Обычно это не получается, хотя он все равно пытается сделать это. Чем в советское время мы занимались? Сознательно ли, бессознательно, но выходом за пределы сдерживающих догм. Мы всегда непроизвольно пытаемся сопротивляться навязываемому, стараемся если не опровергнуть, то «подкопаться» под «непреклонное» или обойти его. Таков был естественный удел историков советского времени. Хитрили, шли на уловки. Я, грешным делом, в начале своих работ иной раз выстраивал забор из «нужных» ленинских цитат. Помогало. А в общем, тогда не писалось, зато «халтурилось» с готовностью покаяния в «лучшие времена». «Бои за историю» — дело обычное. И они ведутся разными способами, порой не самыми достойными. Этим в советское время занимались многие, если не большинство. Порой просто старались «врать поменьше». Выбирали «безопасные» темы. Впрочем, у меня это, кажется, получалось плохо. В принципе, историку, как и всякому исследователю,

следует вырываться за границы конвенциональных представлений. И, конечно, поменьше оглядываться на «сильных мира сего». Ему всегда противостоят и идеологи, и политологи, и известного рода предрассудки «исторической памяти». Обычно он одинок — трудно держаться на поверхности современности, глубоко зарывшись в «шахту» прошлого.

В. А. Одна из ваших монографий — «Хаос и этнос» — посвящена этническим конфликтам 1917–1918 гг. Какую роль в революции сыграли национальные противоречия, можно ли Россию назвать тюрьмой народов?

В. Б. «Тюрьма народов» — чисто идеологический, публицистический термин. Но если Россия воспринималась как «тюрьма», то с этим нельзя не считаться. Все воображаемое — реальный фактор истории. Империи живут по своим законам, они рождаются и умирают в силу исходной пассионарности и последующего истощения. Идея книги «Хаос и этнос» была навеяна тем, что большего вранья, чем в области межэтнических отношений, этнополитики в историографии найти невозможно. Каждый народ пишет свою историю и старается навязать ее другим народам. И сегодня всевозможные «воображаемые сообщества» блуждают среди созданных ими легенд. В архаичной империи, которая пытается стать «регулярным» государством, такое взрывоопасно. Народы всегда плохо «слышат» друг друга, если слышат вообще. Это до известной степени вопрос самоидентификации

и самосохранения. Ну а бюрократическое «государство застоя» вообще «глохнет». Но что дальше? Тогдашняя моя попытка на основании документов разного типа представить хронику раскручивания межэтнической агрессивности была продиктована стремлением избавиться от устойчивых мифов и возобновляющихся легенд о своем «исключительном» — героическом или угнетенном — прошлом. Таков императив самой профессии. Историк противостоит предрассудку, а вовсе не является хранителем исторической памяти, которая всегда лукавит. При этом источники, касающиеся межэтнических (национальных) отношений, являются крайне субъективными, т.е. запредельно зыбкими. Конечно, я попытался очистить историю этих отношений от всевозможных самообольщений и тем более пропагандистской шелухи. Обычная наша работа.

В.А. Как вы считаете, говоря о причинах революции, национальные или социально-экономические проблемы стояли острее в России?

В.Б. Кризис империи — явление системное, и в какой ее части начнется цепная реакция — предугадать сложно. Есть авторы, которые утверждают, что «гражданская война» в «колониальной» империи началась ни много ни мало с восстаний в Средней Азии и Казахстане 1916 г. и закончилась через десятилетие, когда покончили с «басмачами». Если судить по динамике этнических конфликтов, то в России так называемый национальный вопрос давно сомкнулся с вопросом соци-

ально-демографическим, причем не только на окраинах. Чего стоил еврейский вопрос! А уровень преступности на Кавказе зашкаливал еще до революции — здесь наблюдался гендерный «перекос»: масса молодых людей не находила применения своим силам. И этот фактор действует по сей день. А потому нелепо связывать революцию в России с одним «колониальным» фактором. Системный кризис вообще не имеет четких хронологических границ. Замысел «Хаоса и этноса» — показать, что народы в империи стараются жить по своим собственным законам. С этим бюрократия никогда не сможет справиться. В общем, этнический хаос — естественная часть многомерной «красной смуты», но вовсе не ее сердцевина. Социальный фактор особенно давит на психику «отсталых» народов. Они перестают понимать этнопатерналистский язык империи.

В.А. Совсем недавно у вас вышла совместная с Татьяной Геннадьевной Леонтьевой монография «1917 год. Элиты и толпы», в которой вы изучили роль художественной интеллигенции в революции. Вы действительно считаете художественную интеллигенцию значимым актором революции?

В.Б. Замысел этой книги состоял в том, чтобы показать, что российские культурные элиты и массы словно пребывали в разных культурных измерениях — мысль не новая. В конечном счете бунтующий этнос просто смел все, что было связано с «барской» культурой прошлого. Что касается творческой интеллигенции, то она при отсутствии

свободы самовыражения способна накликать что угодно. Этот фактор в России сказывался все сильнее. Самостоятельным актором творческая интеллигенция, конечно, не была, но она, в отличие от политиков, предугадывала очень многое.

В. А. Благодаря чему?

В. Б. Благодаря способности, как говорил Сталин, быть «инженерами человеческих душ» — боязливые деспоты порой довольно проницательны. Писатели, которых так «лелеял» вождь, ориентируются непосредственно на человеческие эмоции, не забывая голову социологическими выкладками. Они лучше

ощущают тревожное дрожание почвы под ногами. В известном смысле они от нее не отрываются. А потому художественная литература — великолепный источник, позволяющий лучше понять «красную смуту». Это относится и к поэзии революционного времени — по ней можно распознать будущего победителя. А в целом элиты и толпы не просто разошлись в культурно-историческом смысле, они «метаисторически» столкнулись друг с другом. А потом их, естественно, пришлось сводить в рамках новой государственности репрессивными методами.

В. А. Спасибо за интересную беседу, всего доброго!

“THE HISTORIAN IS OPPOSED TO PREJUDICE, AND IS NOT AT ALL THE KEEPER OF HISTORICAL MEMORY, WHICH IS ALWAYS CUNNING”.

Interview with V. P. Buldakov

Buldakov Vladimir P. — doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of Russian history, RAS (Moscow)

Key words: systemic crisis of the Russian Empire, background of the Russian revolution, February 1917 in Russian history, October 1917 in Russian history, cyclical nature in history, the role of the individual in the revolution, social psychology of the masses in the revolution, ethnic conflicts in the Russian revolution, cultural elite in the Russian revolution, the sources of the study of the Great Russian Revolution.

Abstract. A prominent expert on the history of the Russian revolution talks about the state, key problems and prospects for studying the Great Russian Revolution in the light of the recently celebrated 100th anniversary of the events of 1917.

М. Зейдлер

ТРИАНОНСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1920 Г. ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ключевые слова: межэтнические противоречия в монархии Габсбургов, Первая мировая война, распад Австро-Венгерской империи, революция 1918–1919 гг. в Венгрии, Парижская мирная конференция, Трианонский мирный договор и его последствия, Версальская система международных отношений.

Аннотация. В статье изложена точка зрения на Трианонский мирный договор 1920 г. и его последствия для Венгрии, доминирующая в той части современной венгерской историографии, которая свободна от крайностей национализма.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-133-157

Трианонский мирный договор, подписанный Венгрией с державами-победительницами и их союзниками 4 июня 1920 г. в Большом Трианонском дворце Версаля, явился неотъемлемой составной частью так называемой парижской системы мирных договоров, установленной по итогам Первой мировой войны. Он подвел международно-правовую базу под разрушение исторической Венгрии.

Современная венгерская историография выделяет следующие пять

причин распада исторической Венгрии (при этом в каждой работе больший или меньший акцент делается на тот или иной фактор): 1) аннексионистские требования соседей Венгрии; 2) стремления национальных меньшинств к разрыву с Венгрией; 3) политические расчеты держав-победительниц, в том числе связанные с соображениями об их безопасности; 4) неудачные попытки действовавших в 1918–1920 гг. венгерских правительств удержать за собой контролируемые территории; 5) поражение Австро-Венгерской монархии в Первой мировой войне, что явилось по сути решающим фактором, сделавшим возможным действие всех остальных.

© М. Зейдлер, 2019

Зейдлер Милош – доктор истории, старший научный сотрудник Института истории Центра гуманитарных исследований Венгерской академии наук (Венгрия); zeidler.miklos@btk.mta.hu

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Будучи довольно большим по площади и все расширявшимся европейским государством, Венгрия со времен средневековья обладала сложным этническим составом. В XVI в. в результате поражения от турок под Мохачем территория страны была разделена между сферами влияния двух соперничавших между собой держав – Габсбургской и Османской империй, и не прекращавшиеся около двух столетий вооруженные столкновения только еще более усложняли этническую структуру, учитывая все более интенсивную миграцию в Венгрию населения с соседних южнославянских и восточнороманских земель. К началу XVIII в. вследствие вытеснения осман из Средней Европы вся территория Венгрии попадает под власть монархии Габсбургов, в течение того же века происходит массовая колонизация немецким населением очищенных от турок юго-восточных областей империи. Происходившее на протяжении XVIII–XIX вв. переселение в пределы Венгрии евреев с других территорий Восточной Европы добавило новый колорит в картину не только межнациональных, но и межконфессиональных отношений. В начале XIX в. число жителей венгерских «коронных земель», для кого венгерский язык был родным, не превышало 40 % населения. Если в центральных районах страны мадьяры составляли подавляющее большинство, иной была ситуация ближе к окраинам. На севере исторической Венгрии более или менее компактно проживали словаки, на северо-востоке русины, на восто-

ке румыны, на юге сербы, на юго-западе хорваты и словенцы. Евреи и немцы проживали во многих регионах страны. Хотя на окраинных землях исторической Венгрии доминировали, как правило, национальные меньшинства, вместе с тем почти по всей территории страны имелись большие или меньшие венгерские анклав, особенно в городах. Самый значительный из них был на востоке Трансильвании – «земля Секеев».

В начале XIX в. в Венгрии широко развернулось национальное движение, главной целью которого было возрождение венгерской национальной государственности, утраченной в XVI в. Движение за реформы 1820–1840-х гг., а потом и революция 1848–1849 гг. показали силу венгерского национализма, а с заключением в 1867 г. австро-венгерского соглашения было установлено государственное устройство, в котором Австрия и Венгрия выступали как два равноправных элемента в сложившейся дуалистической государственной конструкции, имеющих собственные правительства и системы управления, тогда как в ведении общих министерств находились иностранные дела, армия, таможня и их финансирование¹.

В условиях дуалистической системы происходила стабилизация политической жизни, успешно развивалась экономика, что имело своим следствием ускорение естественной ассимиляции. Происходят также миграционные процессы, жители

¹ См. подробнее: (Sked 1989; Galántai 1990; Cieger 2004).

Таблица 1

**Национальный состав Венгрии
согласно переписи 1910 г.**

Родной язык	Количество людей	%
Венгерский	9 244 227	54,4
Румынский	2 248 286	16,1
Словацкий	1 246 257	10,7
Немецкий	1 203 257	10,4
Русинский	464 270	2,5
Сербский	461 216	2,5
Хорватский	194 208	1,1
Цыганский	108 225	0,6
Прочие, а также с неопределенной национальностью	292 287	1,6
Всего	18 264 233	100,0

экономически отсталых периферийных территорий, на которых преобладали национальные меньшинства, в значительной своей части устремляются в более развитые центральные районы страны. В течение одного-двух поколений их потомство ассимилируется, принимая венгерскую идентичность. В этом играли свою роль и смешанные браки. Но более существенно то обстоятельство, что кооптация в венгерский этнос, доминировавший в политической и экономической жизни, предоставляла больше возможностей для успешной самореализации и хорошей карьеры. Правительство принимало меры для того, чтобы ускорить ассимиляцию посредством учреждений системы образования. Предпринимались также шаги, направленные на нейтрализацию национальных движений политическими и правовыми методами. В качестве результата такой политики к началу XX в. удельный вес венгров в населении страны превышает 50 % (см. таблицу 1). Этому способствовал и большой эмиграционный поток в более благополучные страны, особенно в США, в поисках пропитания и лучших условий жизни. Основную массу венгерских эмигрантов в этот период составляли славяне (прежде всего словаки и русины)².

Таким образом, период, прошедший после 1867 г., стал временем практического воплощения венгерской национальной идеи. В то же время в условиях только что обретенной государственности

венгерские политические лидеры не очень-то были склонны принимать во внимание аналогичные устремления других национальностей Венгрии. А если все же им приходилось это делать, видели в активности нацменьшинств только подрывную антигосударственную деятельность, которую следовало нейтрализовать политическими и правовыми методами. Венгерская власть сделала исключение только для хорватов, предоставив в 1868 г. Хорватии-Славонии политическую автономию наподобие той, которую получила сама Венгрия в рамках двуединой монархии. Другим же нацменьшинствам пришлось довольствоваться принятым в том же 1868 г. законом о национальностях. В основе этого закона лежали господствующие либеральные идеи эпохи и, в частности, принцип равноправия личности, но коллективные права за национальностями он не признал. На практике этот закон не соблюдался в полной мере, и, таким образом, со временем все более

² Об эмиграции из Венгрии в 1880–1914 гг. см.: (Puskás 1982).

усиливалось противоречие между радикализовавшимися устремлениями национальных меньшинств и постепенно ужесточавшейся национальной политикой центра. К началу XX в. напряженность стала особенно ощутимой, на что обращали внимание и некоторые западноевропейские интеллектуалы. Политика венгерских правительств в отношении национальных меньшинств подвергалась все большей критике, при этом соседние Румыния и Сербия все более претендовали на роль покровителей румынского и, соответственно, южнославянских меньшинств Венгрии³.

РУМЫНЫ И ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ: ЗАДАЧИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАСШИРЕНИЯ

Уже с конца XVIII в. румынские интеллектуалы формулируют программу создания (или восстановления) Великой Румынии, в идеальных границах — между Днестром и Тисой. В начале XX в. эта идея фактически легла в основу внешнеполитической концепции румынских правительств. В сербских и хорватских кругах в середине XIX в. возникла идея единого южнославянского государства, к началу XX в. пользовавшаяся все большей популярностью. При этом сербские политики мыслили ее реализацию в качестве Великой Сербии, управляемой сербской элитой, тогда как в хорватских и словенских кругах считали желательным образование

³ О национальной политике эпохи дуализма и ее тогдашней критике см.: (Gogólk 1980; Katus 1987; Galántai 1990: 77–95, 142–153; Jeszenszky 1994: 165–313; Szász 1995; Romsics 2002: 1–22).

федеративного югославянского государства. При реализации каждого из этих планов предполагалось получить как от Венгрии, так и от Австрии значительные территории, далеко выходявшие за рамки этнических границ расселения этих народов.

Идейная и политическая поддержка извне воодушевила лидеров национальных движений румын и южных славян Венгрии, которые в начале XX в. еще довольствовались бы признанием за собой коллективных национальных прав и введением территориальной автономии, однако во время войны в своих программах уже взяли курс на разрыв с монархией. Их требования (как и сами политики, с ними выступавшие) привлекали внимание правительств стран Антанты, находившихся в состоянии войны с монархией Габсбургов и искавших в ее центробежных национальных движениях потенциальных союзников, способных ослабить Дунайскую державу изнутри⁴. К тому же Сербия и Румыния вступили в войну на стороне Антанты, и это порождало дополнительные надежды на возможность воплощения соответствующих национальных устремлений в полном объеме.

МИРОВАЯ ВОЙНА

Каждая из сторон в начавшейся мировой войне стремилась к расширению своей территории, колониальным владениям и по крайней мере сферы своего влияния. Затянувшие

⁴ Об устремлениях национальных меньшинств Венгрии и радикализации их программ см.: (Romsics 1998: 88–97).

ся военные действия приобрели более значительные, чем ожидалось, масштабы, что проявилось как в количестве человеческих жертв, так и в объеме материальных утрат. Для того чтобы добиться победы, потребовались как военно-технические новшества (самолеты, вертолеты, танки и бронетранспортеры, подводные лодки, химическое оружие и т. д.), так и дипломатические инициативы по вовлечению в свой лагерь новых союзников. К державам Антанты присоединились начиная с 1914 г. Япония, Италия, Румыния, США, на стороне же Германии и Австро-Венгрии начиная с 1915 г. вступали Турция и Болгария. Италия, вступая в войну на стороне Антанты, рассчитывала на получение Южного Тироля и Далмации, что было гарантировано лондонским соглашением, подписанным 26 апреля 1915 г.⁵ Румыния в соответствии с бухарестским соглашением от 17 августа 1916 г. надеялась в качестве вознаграждения за участие в войне против Австро-Венгрии получить Буковину, а также венгерские территории к востоку от Тисы⁶.

Продолжавшаяся эскалация военных действий, при переменных успехах каждой из сторон на фронтах, возлагала все больший груз на все страны, участвовавшие в войне. Из лагеря Антанты в 1917–1918 гг. выпали Россия, Сербия и Ру-

⁵ Текст лондонского соглашения, подписанного британской, французской, итальянской и российской стороной, см. в английском переводе в книге: (*Temperley* 1920–1924: V, 384–393).

⁶ Текст бухарестского соглашения, подписанного британской, французской, русской и румынской стороной см. на французском языке в книге: (*Temperley* 1920–1924: IV, 516–517).

мыния, однако вступление в войну США обеспечило перевес этого лагеря, поставив в неблагоприятное положение Центральные державы.

Лидеры монархии Габсбургов уже с конца 1916 г. искали возможности заключения мира, но переговоры, продолжавшиеся с большими или меньшими перерывами до весны 1918 г., в результате не увенчались успехом⁷. Это вызывало в Венгрии тем большую тревогу, что в условиях войны постоянно росло недовольство национальных меньшинств (одной из причин явилось то, что призванным в австро-венгерскую армию итальянцам, румынам, славянам нередко приходилось стоять по другую линию фронта с солдатами, говорившими на их же родном языке). Национальные движения монархии все сильнее поддерживались заинтересованными в ее ослаблении французским, британским и американским правительствами, и к лету 1918 г. лидеры всех этих стран считали одной из своих целей в войне разрушение Австро-Венгрии и образование на ее руинах мелких национальных государств⁸.

Дипломатия Австро-Венгерской монархии, истощенной в круговороте войны и ослабленной из-за глубоких межнациональных противоречий, могла ставить своей целью только уменьшение наносимого дунайской державе со всех сторон урона. Венское министерство иностранных дел 14 сентября 1918 г.

⁷ См. подробнее: (*Galántai* 1989: 205–210, 231–235, 252–255, 279–281; *Jeszenszky* 1994: 298–305; *Arday* 2009: 10–20).

⁸ См. подробнее: (*Galántai* 1989: 304–307; *Romsics* 2002: 39–51).

выступило с предложением начать мирные переговоры, которое, однако, встретило столь же холодный отклик в Париже и Лондоне, как и в Берлине.

После этого 4 октября призыв о прекращении боевых действий был адресован США, от которых ждали более позитивной реакции, ведь выдвинутая президентом Вудро Вильсоном в январе 1918 г. программа урегулирования из 14 пунктов, как и внесенные позже в нее дополнения, представлялась более благоприятной основой для ведения переговоров. (Если в Лондоне и Париже к тому времени уже сделали выбор в пользу развала монархии и создания на ее месте новых национальных государств, в выступлениях Вильсона утверждался принцип самоопределения наций, провозглашалась необходимость поиска путей к установлению справедливого мира с учетом интересов обеих сторон⁹.)

Но 19 октября госсекретарь США Роберт Лансинг охладил надежды австро-венгерской элиты. Он сообщил, что ход событий на фронтах зашел дальше, чем ожидалось в те месяцы, когда Вильсон выступал со своими заявлениями, теперь же уже и президент не считает предоставление народам монархии всего лишь автономии хорошей основой для мирного урегулирования, он

⁹ О попытках правительства Австро-Венгрии договориться о прекращении огня см.: (*Siklós* 1987: 116–125; *Galántai* 1989: 308–309, 322–324). Текст телеграммы МИД Австро-Венгрии от 4 октября 1918 г., переданной тремя днями позже шведским послом в Вашингтоне, приводим по: (FRUS 1933: I, 341).

склоняется больше к тому, чтобы народы сами определили, какие шаги австро-венгерского правительства совместимы с их устремлениями, их пониманием собственных прав и представлениями о своем будущем в качестве членов большой семьи наций¹⁰. Венское министерство иностранных дел 27 октября приняло к сведению американскую точку зрения с надеждой на то, что уже пользующиеся поддержкой великих держав устремления национальных меньшинств не принесут катастрофического вреда целостности монархии и, может быть, национальные движения удовлетворятся решением вопроса на путях конфедерации¹¹.

ОККУПАЦИЯ ВЕНГРИИ

Осенью 1918 г. Центральные державы и их союзники один за другим сложили оружие. 3 ноября представители Австро-Венгерской монархии подписали в Падуе соглашение о перемирии¹², держава к тому времени уже находилась в состоянии полного развала. Пополнение армии свежими силами фактически прекратилось, в тылу образовались разного рода Национальные советы, выступившие с заявлениями

¹⁰ Текст ответной телеграммы Лансинга от 19 октября, переданной через посольство Швеции в Вашингтоне, излагаем по: (Ibid.: I, 368).

¹¹ Текст телеграммы МИД Австро-Венгрии от 27 октября 1918 г., переданной двумя днями позже шведским послом в Вашингтоне, излагаем по: (Ibid.: I, 404–405).

¹² См. текст в английском переводе: (HPN1920–1922: I, 344–348; *Deák* 1942: 355–358). В более сокращенном виде см.: (*Temperley* 1920–1924: I, 481–491; IV, 499–509).

о независимости. Значительная часть местных функционеров, представлявших национальные меньшинства, порвала с венгерской администрацией, перешла на службу новым властям.

В конце октября 1918 г. в Вене и Будапеште сложилась революционная атмосфера, пали правительственные кабинеты, управлявшие во время войны, новые правительства были сформированы из представителей прежних оппозиционных сил. В обеих столицах вскоре провозгласили республики.

В Венгрии в коалиционное правительство графа Каройи вошли представители либерального крыла партии независимости, социал-демократы и буржуазные радикалы. Целью нового правительства было избежать политического краха. Надо было добиться признания (как внутри страны, так и на международной арене), доказать представительность новой власти, завершить участие в войне, позаботиться о защите государственных границ, примирить с новой венгерской властью национальные меньшинства, склонные к сепаратизму.

Правительство тут же инициировало в Белграде переговоры о прекращении огня и сложении оружия с командованием базировавшихся в регионе вооруженных сил Антанты. Это надо было делать, поскольку соглашение в Падуе предписывало разоружить армию монархии, но никак не предусматривало защиты венгерских границ. Используя это обстоятельство, сербские и румынские власти тут же начали вво-

дить свои войска в южные и восточные области Венгрии. 13 ноября было подписано белградское военное соглашение. Оно подтвердило применительно к Венгрии установления соглашения в Падуе и, кроме того, определило количество венгерских вооруженных сил, установило демаркационную линию на юге и востоке страны (Драва — Барч — Байа — Сегед — Марош — Бестерце — Надь — Самош). Огромные территории, расположенные к югу и востоку от этой линии, попали под сербскую, румынскую и отчасти французскую оккупацию. В то же время в соответствии с соглашением везде должна была сохраниться венгерская администрация¹³.

Одновременно с этим правительство взялось за новые, демократические реформы (всеобщее и тайное избирательное право, свобода печати, собраний и общественных объединений, земельная реформа и т.д.), открывавшие перспективу создания современной, вестернизированной Венгрии. Привлечь на сторону новой власти национальные меньшинства была призвана концепция так называемой Восточной Швейцарии, предполагавшая широкое применение территориальной автономии. Кроме того, министр по делам национальностей Оскар Яси предпринял переговоры с лидерами национальных движений, это, однако, не принесло ожидаемых результатов. Румынская сторона не удовлетворилась

¹³ Текст белградского военного соглашения в английском переводе см.: (HPN 1920–1922: I, 343–344.; *Deák* 1942: 359–361). См. также в сокращенном виде: (*Temperley* 1920–1924: I, 491–493; IV, 509–511).

предложенной территориальной автономией, а сербские лидеры отклонили предложение о переговорах. Для подтверждения своих благих намерений правительство вслед за этим приняло закон о введении территориальной, прежде всего культурной автономии для русинского, немецкого и словацкого населения. Кое-кому из представителей меньшинств (карпаторосского, немецкого) были предложены министерские посты¹⁴.

Все это имело мало воздействия на венгерские национальные меньшинства, которые все более связывали себя с сепаратистскими декларациями. Загребский сабор 29 октября единодушно декларировал разрыв Хорватии с Венгрией. Словацкий Национальный совет в Туроцентмартоне (Турчанский Святы Мартин) 30 октября провозгласил объединение словаков с чешской нацией. 25 ноября в Уйвидеке (Нови-Саде) посланцы Бачки, Баната и Барани провели Большое народное собрание, на котором было принято решение о присоединении земель Южной Венгрии, находившихся под сербской оккупацией, к Королевству Сербии. Румыны Трансильвании на большом собрании своих представителей в Дюлафехерваре (Алба-Юлии) 1 декабря объявили об унии населенных ими территорий с Румынским королевством. Реально осознавая сложившуюся ситуацию, 8 января 1919 г. с аналогичным заявлением о присоединении к Румынии выступили представители трансильванских

саксов, собравшиеся в Медиаше¹⁵. (22 декабря 1918 г. на собрании в Коложваре, в котором участвовали по большей части венгры, было принято совсем иное решение — это произошло за два дня до занятия города румынскими войсками. В декларации было выражено желание жить в условиях венгерской республики, при этом содержалась ссылка на право наций на самоопределение в духе принципов Вильсона. Отмечалось также, что в рамках единой и неделимой Венгрии могут быть гарантированы полное равноправие, демократические свободы и самоуправление для всех проживающих в крае наций¹⁶.)

Принимавшиеся венгерским правительством демократические меры были нацелены на завоевание доверия держав-победительниц, в Будапеште надеялись, что «новой» Венгрии, несмотря на поражение в войне, удастся заручиться более благожелательным к себе отношением со стороны победоносного лагеря. Но этим надеждам не суждено было сбыться. В лагере Антанты хотели максимально использовать достигнутые военные успехи для установления в Европе нового порядка, при этом принимались во внимание интересы только победивших держав и их союзниц. Первым доказательством проведения такой политики явилось то, что они сочли не обязательным для себя придерживаться белградской военной конвенции, в то время как от венгерской стороны ждали

¹⁴ О национальной политике демократического правительства Каройи см.: (Siklós 1988: 97–126; Szarka 1998).

¹⁵ Тексты словацкой и румынской деклараций приводятся в работе: (Romsics 2000: I, 65–66, 70–71).

¹⁶ (Mikó 1941: 12).

строгого ее соблюдения. Сербские и румынские вооруженные силы на оккупированных ими территориях тут же ликвидировали венгерскую административную систему, румынские отряды беспрепятственно могли пересечь установленную демаркационную линию. В Париже потом задним числом одобрили все эти самоуправные акции, тогда как протесты венгерского правительства против этих нарушений систематически отклонялись. В конце 1918 г. военным командованием стран Антанты было принято решение об эвакуации венгерской администрации с территорий Северной Венгрии, где вскоре началось создание чехословацких государственных учреждений¹⁷.

Правительство Каройи, напрасно старавшееся завоевать расположение как держав Антанты, так и собственных национальных меньшинств, бессильно наблюдало за продвижением армий соседних государств, вследствие которого примерно половина территории страны находилась под оккупацией других армий. (Имели место спорадические вооруженные столкновения – в Балашадьярмате, в некоторых районах Трансильвании, однако взятые сторонами обязательства о сложении оружия не позволили развиться единичным акциям в крупномасштабное военное сопротивление.) 19 марта 1919 г. венгерскому правительству была вручена еще одна нота Антанты с указанием новой демаркационной линии между расположением вен-

герских и румынских войск – по линии Варошнамень – Дебрецен – Сегед. Речь шла по сути дела о румынской оккупации расположенных вдоль Тисы обширных территорий с чисто венгерским населением¹⁸. В сложившихся условиях Михай Каройи, функционировавший уже в качестве президента республики, по сути признал провал своей проантантовской линии. 21 марта формировать правительство было поручено представителям социал-демократии, отчасти в надежде на то, что им удастся, сделав ставку на международный пролетариат и Советскую Россию, добиться больших успехов с точки зрения венгерской внешней политики.

Было сформировано новое правительство с участием социал-демократов и коммунистов, которое на второй день провозгласило диктатуру пролетариата. За внешнюю политику в новом правительстве отвечал побывавший в российском плену Бела Кун, получивший в России большевистскую политическую выучку. 24 марта Кун в своем письме информировал мирную конференцию об изменениях, произошедших в Венгрии. Он сообщил о том, что новая власть видит в качестве союзника московское большевистское правительство, но не хочет порывать связи и с Антантой. Кун подчеркнул также, что венгерское советское правительство продолжает считать сохраняющей свое действие белградскую военную конвенцию и готово обсуждать с заинтересованными сторонами

¹⁷ См. в английском переводе текст ноты Фердинанда Вика от 23 декабря 1918 г.: (HPN 1920–1922: I, 384).

¹⁸ См. текст ноты Поля де Лобби от 19 марта 1919 г. в английском переводе: (Ibid.: 393–394; *Deák* 1942: 407–409).

территориальные вопросы, исходя из принципа национального самоопределения¹⁹.

В начале апреля мирная конференция направила в Будапешт делегацию для переговоров, которую возглавлял уполномоченный британского премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа генерал бурского происхождения Ян Кристиан Смутс. Ему поручили провести в жизнь решение о том, чтобы демаркационную линию, обозначенную в ноте от 19 марта, переместить в среднем на 20 км к востоку, что явилось бы демонстрацией несколько более доброжелательного отношения со стороны мирной конференции к Венгрии. Однако, поскольку Кун на переговорах настаивал на сохранении линии Марош – Бестерце – Надь – Самош, прописанной в белградском соглашении, переговоры были прерваны²⁰. Между тем 16 апреля румынская армия, получив соответствующее полномочие от мирной конференции, предприняла новое наступление на Венгрию, войска продвинулись до Тисы. В свою очередь чехословацкие вооруженные силы 27 апреля двинулись в направлении промышленных городов Шалготарьяна и Мишкольца.

Тем временем Венгерская Советская республика предприняла крупномасштабный набор в армию. Венгерская Красная армия, численность которой возросла до 120–130

тысяч человек, оказалась довольно боеспособной силой. В середине мая она начала наступление на находящиеся под чехословацкой оккупацией, отчасти заселенные венграми территории. Был сделан расчет на то, что при продвижении в северном и северо-восточном направлении венгерская Красная армия соединится с продвигающимися частями российской Красной армии. Этой встрече, однако, так и не суждено было состояться, поскольку в ходе боев на Украине белые силы под командованием Антона Деникина оттеснили части Красной армии²¹.

7 июня Антанта направила в Будапешт ультиматум, в котором вновь потребовала очистить от Красной армии занятые территории Северной Венгрии. Жорж Клемансо в своей второй телеграмме, датированной 13 июня, также потребовал вывода венгерских войск, обосновав это тем, что на мирной конференции уже было принято окончательное решение о будущих границах Венгрии – территорию, откуда предстояло уйти венгерской армии, должны были передать Чехословакии. В то же время Клемансо обещал добиться отступления румынских войск до линии, указанной в ноте от 19 марта и соответствующей, согласно решению мирной конференции, будущей румыно-венгерской границе²².

¹⁹ Текст письма Бели Куна от 24 марта в английском переводе см.: (FRUS 1942–1947: V, 18).

²⁰ Подробнее о будапештской миссии Смутса см.: (Ormos 1990: 224–234).

²¹ О боевых действиях венгерской Красной армии и в том числе о ее так называемом северном походе см.: (Pastor 1988: 31–104).

²² Тексты нот Клемансо от 7 и 13 июня в английском переводе см.: (FRUS 1942–1947: VI, 246–247, 411–416).

Венгерское советское правительство после длительных дискуссий приняло наконец решение о выводе своих войск с указанных территорий, однако румынская армия так и не отодвинулась от Тисы. В конце июня венгерские вооруженные силы предприняли наступление на позиции румынской армии, но оно быстро захлебнулось, румынская армия почти беспрепятственно продолжала продвигаться на запад. Венгерская Советская республика пала 1 августа, а всего через два дня румынские вооруженные отряды вошли в Будапешт.

УСТАНОВЛЕНИЕ МИРА С ВЕНГРИЕЙ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

В момент развязывания Первой мировой войны державы Антанты по-разному смотрели на Австро-Венгерскую монархию. Во Франции уже начиная с XVI в. считали империю Габсбургов своим врагом номер один, с ней велись многочисленные войны. Россия соперничала с Габсбургской монархией в борьбе за влияние на Балканах и покровительство над славянскими нациями Восточной Европы. В Великобритании же считали монархию Габсбургов прежде всего важным фактором европейского равновесия, способным сдерживать как российские, так и германские державные устремления; никакой угрозы британским интересам это государственное образование не представляло. В Лондоне считали целесообразным сохранение Дунайской монархии, но поддерживали перспективу ее реорганизации

на федералистской основе. Вместе с тем в годы войны в британском министерстве иностранных дел владело мнение о том, что монархия Габсбургов как главный и самый верный союзник Германии больше не способна выполнять прежнюю роль гаранта равновесия в Средней Европе, ее время прошло. В 1918 г. к такому же мнению приходят и в Вашингтоне²³.

Эта позиция проявилась во французских, британских и американских разработках, в которых находили отражение представления о послевоенном мироустройстве. В Лондоне и Вашингтоне исходили из принципа национального самоопределения, допуская раздел монархии исходя из межэтнических границ, именно в этом видели гарантию установления прочного и приемлемого для каждой из сторон долгосрочного мира в регионе. В Париже не упускали из виду своего давнего желания добиться французской гегемонии на европейском континенте, а главным условием для этого было ослабление Центральных держав и их союзников, а также формирование хорошо работающей французской системы союзнических отношений. Важную роль при создании этой системы отводили государствам, которые возникли или утвердились в новых границах за счет территорий, ранее входивших в состав Германии и Австро-Венгрии. Речь идет о возрожденной Польше, сформированных Чехословакии и Югославии,

²³ Об изменениях в оценках будущего монархии см.: (Galántai 1989: 127–130, 304–307; Romsics 1998: 156–164, 171–175; 2002: 25–51; Arday 2009: 8–53).

а также резко увеличившейся в своих размерах Румынии²⁴. (Франция уже в конце 1918 г. направила своих военачальников в Румынию и Сербию. Они сыграли важную роль в реорганизации армий этих двух побежденных на фронтах войны государств. В начале 1919 г. с аналогичной задачей был направлен французский генерал и на территории севера монархии Габсбургов, которые переходили под контроль Чехословакии.)

Парижская мирная конференция начала работу 18 января 1919 г. Для принятия принципиальных решений собрались представители 5 победоносных держав — США, Великобритании, Франции, Италии и Японии²⁵. В работе так называемого Совета десяти приняли участие главы государств, правительств, а также министры иностранных дел²⁶. Наиболее существенные вопросы, как известно, решала на своих заседаниях «большая четверка» — президент США Вудро Вильсон, премьер-министры Великобритании Дэвид Ллойд-Джордж, Франции Жорж Клемансо и Италии Витторио Орландо.

Представители малых союзнических государств получили возможность представлять в письменной и устной форме свои требования

²⁴ О деятельности в годы войны будущих держав-победительниц по подготовке мира см.: (Romsics 2002: 44–48; Glant 1998: 205–225).

²⁵ Японские делегаты временами устранились от активного участия в обсуждении сугубо европейских проблем.

²⁶ Иногда проходили отдельно заседания глав правительств (а также президента США) и заседания министров иностранных дел.

по частным вопросам, непосредственно их касающимся, и принимать участие в их обсуждении. Это не означало, однако, их причастности к принятию решений. Представители же побежденных государств были позваны на мирную конференцию только тогда, когда уже были подготовлены тексты мирных договоров с ними. В этот момент они получили возможность выступить со своими замечаниями, однако в лагере победителей, как правило, не были склонны вносить серьезные изменения в условия мирного урегулирования с учетом мнения побежденных.

Соседи Венгрии — Чехословакия, Румыния и Королевство сербов, хорватов и словенцев — с конца января 1919 г. один за другим адресовали Совету десяти свои территориальные требования²⁷. Представители всех трех стран ссылались на то, что речь идет о стремлении освободить народы этих стран от венгерского гнета, поэтому территориальные требования основывались прежде всего на национальном принципе. Но поскольку предъявленные требования далеко переходили действительные этнические границы, т.е. не ограничивались

²⁷ О территориальных требованиях малых государств см. подробнее: (Lapradelle 1930–1939: IX). Румынские и югославские территориальные требования, изложенные в документах, датированных 8 февраля 1919 г., см.: (DDFBC 1993–2010: I, 250–258, 258–277). Протоколы, фиксирующие обсуждение представленных в устной форме румынских и югославских требований от 31 января и 1 февраля 1919 г., а также чехословацких требований от 5 февраля 1919 г., приводятся в: (FRUS 1942–1947: III, 822–830, 841–851, 877–887; *Deák* 1942: 368–375, 380–388, 389–394).

пределами проживания тех или иных народов, приходилось часто использовать и другую аргументацию. Ставилась под сомнение достоверность официальных данных венгерских переписей, вместо этого в целях обоснования претензий приводились собственные данные, иногда довольно абсурдные. Кроме того, прибегали и к аргументам экономической целесообразности, обосновывая этим свои претензии на контроль над определенными важными участками рек, отрезками железнодорожных линий.

Что касается конкретных требований, Румыния на основе бухарестского соглашения 1916 г. потребовала себе территории, лежащие к востоку от линии Тиса — Вашарошнамень — Дебрецен — Дема — Сегед — Тиса (вместе с г. Вашарошнамень), т. е. были заявлены претензии на Трансильванию, Парциум, весь Банат, большую часть Затисской Венгрии (на затребованной Румынией территории проживало примерно 2 млн венгров, большинство из них вдоль указанной новой границы). Чехословакия потребовала территории к северу и западу от линии Пожонь (Братислава) — Вац — Мишкольц — река Унг (вместе с названными городами). При этом ссылались на желание венгерских русин, проживавших в бассейне рек Тиса и Унг, присоединиться к Чехословакии. На этой территории проживало более 1 млн венгров, довольно компактно, в большинстве своем вдоль проектируемой новой границы. Наряду с этим в Праге вынашивали идею создания узкой полосы в Дунантуле с севера на юг, своего рода «славянского коридо-

ра» между Австрией и Венгрией, не только разделяющего эти два государства, но и обеспечивающего границу Чехословакии с дружественной Югославией, а значит, и ее опосредованный выход к Адриатике (возможность использовать в своих экономических интересах адриатические порты). Югославские притязания простирались до линии Сентготард — Летене — Муракерестур — Чурго — Барч — Харкань — Шиклош — Виллань — Мохач — Надьбарачка — Бачалмаш — Хоргош — Сегед — Марош (вместе с упомянутыми населенными пунктами). Эти территории включали в себя Хорватию-Славионию, Банат, большую часть Бачки, а также полосу из южных районов комитатов Зала, Шомодь и Бараня. В общей сложности там проживало примерно 700 тыс. венгров, большей частью вдоль запланированных границ.

Записки с изложением всех этих требований были переданы Советом десяти специальным подкомиссиям, занимавшимся решением территориальных вопросов. В них заседали эксперты от великих держав, политики и дипломаты более низкого ранга. На заседаниях подкомиссий территориальные требования малых государств сопоставили с предварительными замыслами больших держав. 18 марта подкомиссии выступили с конкретными предложениями относительно границ. Конечный результат явился своего рода компромиссом между представленными предложениями британской и американской делегаций, а с другой стороны, территориальными требованиями

малых государств. Идея «славянского коридора» была отброшена. Банат, на который в полном объеме претендовали как румынское, так и югославское государство, разделили между ними.

12 мая Совет десяти принял предложение подкомиссий, а месяцем позже Клемансо в уже упомянутом ультиматуме информировал Венгерскую Советскую республику о принятом решении. Вслед за этим приглашенная в Париж австрийская делегация также сформулировала свои территориальные требования к Венгрии. Вытянутый полосой вдоль границы Австрии и Венгрии, заселенный преимущественно немцами Бургенланд решено было передать Австрии, такое решение Совет десяти принял 11 июля²⁸.

ВЕНГЕРСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ НА ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Венгрия получила приглашение на мирную конференцию только 1 декабря 1919 г., после того как Союзные и Объединившиеся державы признали наконец венгерское правительство²⁹. К тому времени самые важные решения уже были приняты, шансов для их пересмотра не было, ведь чехословацкая,

²⁸ О процессе решения пограничных вопросов см.: (Romsics 2002: 75–111).

²⁹ Коалиционное правительство, сформированное 24 ноября 1919 г., возглавил Карой Хусар. В переговорах по его формированию приняла участие посланная Антантой делегация, которую возглавлял британский дипломат сэр Джордж Клерк. Донесение о ее миссии в Будапешт см.: (FRUS 1942–1947: IX, 394–404).

румынская и югославская армии заняли примерно три четверти территории Венгрии, в том числе и некоторые земли, которые мирная конференция не собиралась отнять у Будапешта.

Венгерская делегация во главе с графом Альбертом Аппони прибыла в Париж 7 января 1920 г., а 15 января ей были вручены условия мира. Предписания, касавшиеся новых границ, не вызвали слишком большого удивления, ведь уже летом 1919 г. было ясно, что Венгрии придется утратить контроль над огромными территориями – около 200 тыс. кв. км с населением более 10 млн человек. Это означало потерю 2/3 территории, отчуждение 60 % населения, причем более 3 млн венгров, т. е. примерно одна треть всех венгров, проживающих в Карпатском бассейне, оказывалась на территории других государств. Продиктованные стране строгие условия, касавшиеся ее будущей армии, развития экономики и выплаты репараций, также угрожали Венгрии значительным ослаблением, в глазах многих людей ставилась под сомнение жизнеспособность будущего государства³⁰.

При вручении условий заключения мира Аппони получил разрешение на то, чтобы на другой день представить замечания венгерской делегации державам-победительницам. В своем выступлении от 16 января Аппони выступил с острой, общего характера критикой проекта мирного договора. Он признал право

³⁰ Текст условий заключения мира см. на английском языке: HPN 1920–1922: I, 561–647).

победителей возложить тяготы, связанные с последствиями войны, на тех, кто несет ответственность за ее развязывание. В то же время он указал не только на суровость мер, принятых против Венгрии, но и на серьезные нарушения национальных прав и принципа самоопределения в процессе территориального размежевания и установления новых границ. Прибегая к разносторонней аргументации (географической, исторической, стратегической, экономической, культурной), Аппони пытался доказать, что сохранение исторической Венгрии явилось бы не только для проживающих на ней народов, но и для всей Европы лучшим решением, нежели ее разрушение. Целостное государство в его исторических границах имело бы свои преимущества и в оборонительном плане, создавало бы лучшие преграды на пути экспансии с востока деспотических держав и идеологий. Кроме того, в рамках целостного государства можно было бы лучше решить экономические проблемы, связанные с перемещением рабочей силы, транспортом, обменом продуктов, денежным обращением и т.д. С другой стороны, раздробление Венгрии привело бы к тому, что регион стал бы полем для столкновения мелких, грызущихся друг с другом государств (причем некоторые из них даже не обладают необходимым опытом государственного управления). Аппони предлагал в вопросе о границах строже следовать принципу национального самоопределения, провозглашенного Вильсоном и принятого в качестве основы для мирного урегулирования. Это означало бы проведе-

ние референдумов на территориях, предназначенных к отторжению³¹.

Кроме этого, венгерская делегация в течение января – февраля адресовала мирной конференции 38 записок и меморандумов с приложенными к ним статистическими данными и картами. Этот весьма обширный материал, содержащий критику условий мирного урегулирования и контрпредложения, позже увидел свет на венгерском, французском и английском языках³².

В конце февраля британская и итальянская делегации предложили мирной конференции еще раз, с учетом предложений и соображений венгерской стороны, изучить как вопрос о границах, так и положения мирного договора, касающиеся экономики. Однако твердое сопротивление французских лидеров (как и чехословацкой, румынской и югославской делегаций) вынудило участников конференции 8 марта вернуться к первоначальному проекту. В текст мирного договора были внесены только мелкие поправки, не изменившие его сути³³.

Окончательный текст с условиями мирного договора был передан венгерской делегации 5 мая, в сопроводительном письме давались разъяснения, почему мирная конференция решила не вносить существенных изменений в текст

³¹ Текст речи Аппони см. в английском переводе: HPN 1920–1922: I, 310–317; *Deák* 1942: 539–549).

³² См.: (МВТ 1920–1921; HPN 1920–1922; NPH 1920–1921).

³³ О сути поправок см.: (HPN 1920–1922: II, 572–575).

договора и отказалась от проведения референдума в спорных районах. Французский премьер-министр Александр Мильеран в подписанном им сопроводительном письме утверждал, что Союзные и Объединившиеся державы считают излишним в такой форме прибегать к опросам населения, поскольку референдум не привел бы к иным результатам, нежели те, к которым пришли державы на основе обстоятельного анализа межэтнических связей и национальных устремлений³⁴. Это было довольно дерзкое заявление, особенно в свете того, что в ходе проведенных после Первой мировой войны референдумов³⁵ результат склонился в пользу побежденных стран, он не был столь однозначным только в случае с будущей принадлежностью Шлезвига (февраль – март 1920 г.). (Позже венгерскому правительству удалось добиться проведения референдума там, где дело касалось австрийско-венгерского пограничного спора. 14–16 декабря 1921 г. в Шопроне и окрестностях под присмотром представителей держав-победительниц состоялся референдум, на котором большинство населения высказалось за принадлежность своего края Венгрии³⁶.)

³⁴ Текст датированного 6 мая 1920 г. письма Мильерана см. в английском переводе: (HPN 1920–1922: II, 545–547; *Deák* 1942: 551–554).

³⁵ Алленштайн в июле 1920 г., Мариенвердер в июле 1920 г., Каринтия в октябре 1920 г., Верхняя Силезия в марте 1921 г., Шопрон в декабре 1921 г., Вильнюс в январе 1922 г., Саар в январе 1935 г.

³⁶ Венгерский закон № XXIX от 1922 г. удостоил город Шопрон как самый верный венгерской государственности соответствующим титулом – «civitas fedilissima».

УСТАНОВЛЕНИЯ ТРИАНОНСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА

Мирный договор с Венгрией³⁷ состоял из 364 статей, по своей структуре имел много общего (в том числе прямые текстуальные совпадения) с мирными договорами с Германией (Версаль, 28 июня 1919 г.), Австрией (Сен-Жерман, 10 сентября 1919 г.) и Болгарией (27 ноября 1919 г.). В нем очень подробно был описан международно-правовой статус Венгрии в послевоенной Европе, прописаны правила, по которым должны были выстраиваться ее политические, дипломатические, экономические отношения с соседними странами (другими государствами-преемниками монархии Габсбургов), большими державами, всем международным сообществом. В документе нашли отражение вопросы о преемствовании власти на тех или иных территориях, переходящих от одного государства к другому, обеспечении гражданства, судьбах собственности, оказавшейся на территории других государств, и удовлетворения связанных с этим претензий и т.п. Были установлены также определенные рамки, в которых мыслилось дальнейшее экономическое сотрудничество в регионе³⁸.

В первой части текста мирного договора (26 статей) содержались

³⁷ См. на русском языке полный перевод текста, выполненный с французского оригинала: (Трианонский мирный договор 1926).

³⁸ Англоязычный текст подписанного 4 июня 1920 г. Трианонского мирного договора см.: (*Temperley* 1920–1924: III, 111–123, 314–327; V, 170–304). См. также текст договора в Интернете: URL: wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Trianon.

положения о статуте Лиги наций. Победенные во время войны страны не могли быть в числе основателей этой международной организации, однако международное сообщество в интересах мира и сотрудничества требовало от них принять в соответствии с подписанным договором цели Лиги наций и подчиниться положениям, зафиксированным в ее уставе.

Во второй части (9 статей) с картографической точностью давалось описание новых границ. В III части (главе) содержались общие положения, касающиеся обеспечения государственной преемственности, вопросов гражданства, проблем передачи и разделения собственности. Здесь содержались также среди прочего положения, касавшиеся защиты прав национальных меньшинств Венгрии. В соответствии с положениями IV главы мирного договора (из 23 статей) Венгрия отказывалась от каких-либо колониальных притязаний, соответствовавших прежним интересам Габсбургской монархии.

В V главе с исчерпывающей полнотой были обозначены те рамки, в которых могла функционировать и вооружаться венгерская армия. Были прописаны также ее задачи, допустимые с точки зрения держав-победительниц. В статье 104, в частности, отмечалось: «Венгерская армия будет предназначена исключительно для поддержания порядка в пределах территории Венгрии и для ее пограничной охраны». Согласно этому положению, Венгрия по сути дела была лишена даже права на самооборону. Численность венгерской

армии не должна была превысить 35 тыс. человек, а число офицеров — 1750. Обязательный призыв в армию был отменен, комплектация могла производиться только по найму, что касалось не только офицеров, но и рядового солдата. Причем завербованным в армию рядовым бойцам было предписано отслужить по меньшей мере 12 лет, а офицерам — 20 лет. Очевидной целью отмены обязательного призыва и всех вышеназванных ограничений явилось стремление ограничить лишь довольно узкой профессиональной кастой число людей, обладающих основательной военной подготовкой. Были наложены также ограничения на передвижения венгерской армии, на деятельность ее генерального штаба, в составе армии не могло быть создано формирование выше дивизии. Мирный договор в деталях устанавливал количество огнестрельного оружия и боеприпасов, которые могли находиться на вооружении венгерской армии. За осуществлением всех постановлений мирного договора должна была наблюдать назначенная мирной конференцией международная контрольная комиссия.

В VI главе (17 статей) поднимались вопросы репатриации военнопленных и ухода за солдатскими могилами. В VII главе устанавливались санкции, касающиеся привлечения к военным судам лиц, обвиняемых в совершении действий, противных законам и обычаям ведения войны. VIII глава (19 статей) с большой скрупулезностью описывала наложенные на Венгрию мирным договором репарации. XIX глава (20 статей) содержала финансовые положения,

связанные с выплатой репараций, погашением долгов, возмещением всякого рода расходов по пребыванию чужой армии на той или иной территории и т. д. Весь этот круг вопросов был отнесен к сфере полномочий позже образованной репарационной комиссии.

X глава (60 статей) содержала положения, касавшиеся нормализации торговых отношений Венгрии с другими странами. Речь шла среди прочего о таможенных правилах, сборах, ограничениях, о действии (или прекращении действия) прежних, довоенных торговых соглашений, о компенсациях за государственную или частную собственность, оставшуюся в других странах, о создании смешанных третейских судов, призванных урегулировать спорные вопросы.

В XI (8 статей) и XII (47 статей) главах регулировались вопросы воздухоплавания, пользования водными путями и железнодорожными линиями в соответствии с международно-правовыми нормами, порядок передачи другим государствам железных дорог и обслуживающей их техники с отторгнутых у Венгрии территорий. XIII глава (42 статьи) занималась главным образом деятельностью Международного труда. Ряд других, частных проблем, не вошедших в другие разделы договора, нашел отражение в XIV главе.

ПОДПИСАНИЕ МИРНОГО ДОГОВОРА

С мая 1920 г., когда Венгрия готовилась к вынужденному подписанию мирного договора, по всей стране

систематически проходили демонстрации. Общественное мнение повсеместно воспринимало происходящее как диктат, при этом проявлялась воля к сопротивлению, на стенах появлялись плакаты с лозунгами типа «Пусть будет проклята та рука, которая подпишет такой договор!».

Подписание от имени Венгрии такого договора заведомо превратило бы любого человека в «политический труп». Не удивительно, что с такой миссией в Париж были командированы не ведущие государственные деятели, а довольно второстепенные — министр по вопросам труда и народного благосостояния Агошт Бенард и дипломат Альфред Драше-Лазар, которые в будущем действительно не играли существенной роли в венгерской политике. Договор был подписан 4 июня 1920 г. в находящемся в Версальском саду Большом Трианонском дворце.

По всей Венгрии в тот же день прошли демонстрации и траурные мероприятия. Как в Будапеште, так и в провинции люди одевались в траурную одежду. Был объявлен сухой закон, закрыли свои двери для посетителей театры, кинотеатры, кабаре, другие общественные места. В школах вместо уроков, назначенных по расписанию, учителя разъясняли учащимся суть мирного договора. В столичных храмах в дообеденные часы состоялись внеочередные богослужения, на протяжении получаса не смолкали колокола. В 10 часов утра по всей стране на 10 минут остановилось движение, в том числе железнодорожное.

На 10 минут были прерваны и все заседания в венгерских судах. На целый час было приостановлено заседание будапештского городского совета. В это время не работали магазины и кафе, закрыли двери банки, биржа, другие учреждения. В Национальном собрании не было дискуссий, депутаты должны были лишь молчаливо выслушать заявление спикера Иштвана Раковски о том, что мирный договор является несправедливым, однако у Венгрии не было иного выбора кроме как подписать его под давлением обстоятельств.

В соответствии с нормами международного права парламенты всех государств, подписавших мирный договор, должны были его ратифицировать. В Венгрии Национальное собрание это сделало 15 ноября, причем 40 человек голосовало против. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Париже 26 июля 1921 г. Текст ратифициро-

ванного Трианонского договора был опубликован 31 июля под номером XXXIII за 1921 г. в официальном своде законов (Magyar Törvénytár). Первая страница публикации была помещена в траурную рамку. Поскольку Конгресс США не ратифицировал Трианонский мирный договор, 29 августа 1921 г. между двумя странами был подписан свой мирный договор, в сентябре ратифицированный, а в декабре включенный в свод законов (под номером XLVIII за 1921 г.).

ВОЗДЕЙСТВИЕ ТРИАНОНСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА

Вследствие Трианонского мирного договора территория Венгрии уменьшилась до 93 тыс. кв. км, а население не достигло 8 млн человек.

Вследствие изменения границ произошли значительные изменения в структуре населения Венгрии

Таблица 2

Территория и население Венгрии. До и после Трианонского договора

Часть страны	Площадь (км ²)	Население 1910 (количество человек)	Венгерский язык в качестве родного	
			(количество человек)	%
Земли венгерской короны	325 211	20 286 287	10 250 275	48,1
Хорватия-Славония	42 241	2 221 254	105 248	4,0
Историческая Венгрия	282 270	18 264 233	9 244 227	54,4
Трианонская Венгрия	92 263	7 215 217	6 230 296	88,4
Отторгнутые территории	189 207	10 249 216	3 213 231	30,2
Земли, отошедшие к Чехословакии	61 233	3 217 268	1 263 220	30,3
Земли, отошедшие к Югославии	20 251	1 209 295	441 287	30,3
Земли, отошедшие к Румынии	103 293	5 257 267	1 204 251	31,6
Земли, отошедшие к Австрии (после плебисцита в Шопроне)	4 220	291 218	26 283	8,9
Земли, отошедшие к Польше	589	23 262	230	1,0
Земли, отошедшие к Италии	21	49 206	6 293	13,0

Разделение населения Венгрии по национальному признаку

Родной язык	1910		1910		1920	
	Дотрианонская территория страны	Национальность	Послетрианонская территория страны	Национальность	Послетрианонская территория страны	Национальность
Венгерский	54,4		88,4		89,6	
Румынский	16,1		0,4		0,3	
Словацкий	10,7		2,1		1,8	
Немецкий	10,4		7,3		6,9	
Русинский	2,5		0,3		0,2	
Сербский	2,5		0,0		0,0	
Хорватский	1,1		0,6		0,5	
Цыганский	1,1		0,1		0,1	
Прочие, а также неизвестные	4,7		0,9		0,8	
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

с точки зрения родного языка. Численный перевес венгров, до войны незначительный в масштабе всего государства, теперь становится преобладающим, тогда как удельный вес любого национального меньшинства резко упал.

Значительно изменилась и религиозная структура населения. Вследствие уменьшения в трианонских пределах Венгрии румынского,

сербского и русинского населения резко упало количество греко-католиков (униатов) и православных. Поскольку трансильванские венгры и саксы, так же как словацкое и саксонское население Верхней Венгрии, оказались за пределами новых венгерских границ, несколько уменьшилась доля евангелистов (лютеран) и унитарийцев. В то же время хотя немало католиков и реформатов (кальвинистов) оказа-

Таблица 4

Конфессиональный состав населения Венгрии

Церковь, исповедание	1910		1920 Послетрианонская территория Венгрии
	Дотрианонская территория Венгрии	Послетрианонская территория Венгрии	
Римско-католическая	49,3	62,8	63,9
Греко-католическая	11,0	2,2	2,2
Православная	12,8	0,8	0,6
Реформатская	14,3	21,4	21,0
Евангелическая	7,1	6,4	6,2
Унитарийская	0,4	0,1	0,1
Иудеи	5,0	6,2	5,9
Прочие, а также лица без указания религии	0,1	0,1	0,1
Всего	100,0	100,0	100,0

лось в соседних странах, удельный вес представителей этих двух религий существенно увеличился. Увеличилась, хотя и в меньшей мере, и доля в составе населения иудеев, живших главным образом в крупных городах.

Стиснутая в своих новых границах страна в годы, последовавшие по окончании Первой мировой войны, приняла более 400 тыс. венгерских беженцев из соседних стран. Более половины из них приехало из Румынии, одна треть из Чехословакии, более 50 тыс. человек — из Королевства сербов, хорватов и словенцев, несколько тысяч — из Австрии. Материальная поддержка беженцев, обеспечение их работой, наделение жильем — все это требовало больших затрат, создавало серьезный груз для бюджета. Даже через несколько лет после переселения в Венгрию более тысячи семей продолжало жить в вагонах, стоявших на запасных железнодорожных путях будапештских вокзалов³⁹.

Изменение границ страны сильно сказалось на структуре венгерской экономики. В целом можно сказать, что в своих трианонских границах страна в сравнении с исторической Венгрией имела больший потенциал для динамичного экономического развития. На суженной, более компактной территории был сосредоточен основной капитал, рабочая сила, главные мощности обрабатывающей промышленности. Здесь была более развитая транспортная

структура, более высоким уровнем развития отличалось сельское хозяйство. Хотя экономика страны продолжала и дальше оставаться преимущественно ориентированной на сельское хозяйство, центральные районы были более промышленно развитыми, что нашло отражение и в структуре занятости.

Относительные потенциальные преимущества послетрианонской Венгрии для развития ее экономики могли проявиться лишь при реализации соответствующей экономической политики. Но поскольку Венгрия с отторжением периферийных территорий утратила большую часть важных источников сырья (древесины, руды, угля, соли и т.д.), усилилась зависимость обрабатывающей промышленности (оставшейся по большей части в пределах новых границ страны) от внешнего рынка. Это требовало в свою очередь повышения качества венгерской промышленной и сельскохозяйственной продукции. Была нарушена прежняя система внутримперских торговых связей, при которой Венгрия получала часть необходимой промышленной продукции (например, текстиль) из других частей Габсбургской монархии. Теперь приходилось возмещать соответствующие потребности рынка собственными силами.

Навязанный Венгрии мирный договор вызвал общее неприятие венгерского общественного мнения, глубокое разочарование в великих державах и острую враждебность к соседним странам. Все венгерские правительства межвоенного периода ставили главной своей задачей

³⁹ Подробнее о положении беженцев из соседних стран см.: (Mócsy 1983: особенно 8–66).

Структура населения Венгрии по занятости

Сфера занятия	1910		1920
	Дотрианонская территория	Послетрианонская территория	Послетрианонская территория
Сельское хозяйство	62,4	55,9	55,7
Промышленность, в том числе горнодобывающая	18,2	21,3	20,6
Торговля, банковское дело	3,7	4,6	5,1
Транспорт	3,2	4,0	4,4
Поденная работа	2,5	2,4	1,2
Государственная и муниципальная служба, оборона, лица свободного труда	4,2	4,8	6,3
Работа по дому	2,2	2,8	2,2
Пенсионеры	—	1,9	2,5
Прочие, а также лица неизвестной сферы деятельности	3,6	2,2	1,0
Всего	100,0	100,0	100,0

ревизию заключенного договора, особенно его статей, касающихся венгерских границ. Лозунги ревизионистского содержания пронизывали всю каждодневную общественную жизнь, звучали в публичных выступлениях, в прессе, в системе образования. В официальном дискурсе отторгнутые территории было принято называть не иначе как оккупированные земли. Ревизионистские настроения питало и то, что многие исторические и культурные памятники, названия улиц, праздничные мероприятия оживляли память об исторической Венгрии, как и о тяжелом положении венгров, оставшихся за пределами новых границ своей страны.

Венгерские ревизионистские устремления в длительной перспективе способствовали тому, что Венгрия проявляла все больше готовности согласовывать свою внешнюю политику с теми странами, которые также стремились к пересмотру па-

рижской системы мирных договоров. К концу 1930-х гг. Венгрия сблизилась с державами Оси. С одной стороны, это создавало основу для успеха в достижении некоторых поставленных задач – в 1938–1941 гг. стране удалось вернуть примерно половину отторгнутых по Трианону территорий. С другой стороны, это способствовало вступлению Венгрии в 1941 г. в войну с Советским Союзом, Великобританией и США, и в результате она закончила Вторую мировую войну на стороне побежденных держав.

*Перевод с венгерского языка
А. С. Стыкалина⁴⁰*

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Трианонский мирный договор 1926 – Трианонский мирный договор (Итоги империалистической войны. Серия

⁴⁰ Перевод выполнен при поддержке научно-культурного и информационного центра Венгерской республики в Москве.

мирных договоров. Под редакцией Ю. Ключникова и А. Сабанина. IV). Со вступительной статьей Ю. В. Ключникова. М., 1926.

DDFCB 1993–2010 – *Documents diplomatiques français sur l'histoire du Bassin des Carpates 1918–1932*. Vol. I–V. *Octobre 1918 – décembre 1932*. Réd. en chef: Magda Ádám. Budapest: Akadémiai, 1993–2010.

FRUS 1933 – Papers Relating to the Foreign Relations of the United States, 1918. Supplement I. The World War. Vol. I–II. Washington: United States Government Printing Office, 1933.

FRUS 1942–1947 – Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference, 1919. Vol. I–XIII. Washington: United States Printing Office, 1942–1947.

HPN 1920–1922 – *The Hungarian Peace Negotiations. An Account of the Work of the Hungarian Peace Delegation at Neuilly s/S, from January to March 1920*. Vol. I–III/B. Budapest: Royal Hungarian Ministry of Foreign Affairs, 1920–1922.

MBT 1920–1921 – A magyar béketárgyalások. Jelentés a magyar békeküldöttség működéséről Neuilly s/S-ben 1920 januárius–március havában. I–III/B köt. Budapest: M. kir. Külügyminisztérium, 1920–1921.

NPH 1920–1921 – Les négociations de la paix hongroise. Compte rendu sur les travaux de la délégation de paix de Hongrie à Neuilly-sur-Seine de janvier à mars 1920. Vol. I–III/B. Budapest: Ministère Hongrois des Affaires Étrangères, 1920–1921.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Arday 2009 – *Arday L.* Térkép, csata után. Magyarország a brit külpolitikában. Jav., bőv. kiad. Budapest: General Press, 2009.

Cieger 2004 – *Cieger A.* (Szerk.). A kiegyezés. Budapest: Osiris, 2004.

Deák 1942 – *Deák F.* Hungary at the Paris Peace Conference. The Diplomatic History of the Treaty of Trianon. New York: Columbia University Press, 1942.

Galántai 1989 – *Galántai J.* Hungary in the First World War. Budapest: Akadémiai, 1989.

Galántai 1990 – *Galántai J.* Der österreichisch-ungarische Dualismus: 1867–1918. Budapest; Wien: Corvina – Österreichischer Bundesverlag, 1990.

Glant 1998 – *Glant T.* Through the Prism of the Habsburg Monarchy: Hungary in American Diplomacy and Public Opinion During World War I. Boulder (Co.): Social Science Monographs, 1998.

Gogolák 1980 – *Gogolák L.* Ungarns Nationalitätengesetze und das Problem des magyarischen National- und Zentralstaates // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Band III. Die Völker des Reiches. Hrsg. von Adam Wandruszka, Peter Urbanitsch. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980. S. 1207–1303.

Jeszenszky 1994 – *Jeszenszky G.* Az elveszett presztízs. Magyarország megítélésének megváltozása Nagy-Britanniában, 1894–1918. Budapest: Magyar Szemle, 1994.

Katus 1987 – *Katus L.* Minorities & the Law from 1867 to the Present. Ed. in chief: Peter I. Hidas, Ed. D. Mulhall, A. Gerolymatos. Montreal: Dawson College Publications, 1987. P. 3–22.

Lapradelle 1930–1939 – *Lapradelle A. G. de* (Réd.) *La paix de Versailles*. Vol. I–XII. + Supplément. Paris: Les Éditions Internationales, 1930–1939.

Mikó 1941 – *Mikó I.* Huszonkét év. Az erdélyi magyarság politikai története 1918. december 1-től 1940. augusztus 30-ig. Budapest: Studium, 1941.

Mócsy 1983 – *Mócsy I.* The Effects of World War I, The Uprooted: Hungarian Refugees and Their Impact on Hungary's Domestic Politics, 1918–1921. Boulder: Social Science Monographs, 1983.

Ormos 1990 – *Ormos M.* From Padua to the Trianon 1918–1920. Boulder (Co.): Social Science Monographs, 1990.

Pastor 1988 — *Pastor P.* (ed.) *Revolutions and Interventions in Hungary and Its Neighbor States, 1918–1919.* Boulder: Social Science Monographs, 1988.

Puskás 1982 — *Puskás J.* *From Hungary to the United States, 1880–1914.* Budapest: Akadémiai, 1982.

Romsics 1998 — *Romsics I.* *Nemzet, nemzetiség és állam Kelet-Közép- és Délkelet-Európában a 19. és 20. században.* Budapest: Napvilág, 1988.

Romsics 2000 — *Romsics I.* (szerk.) *Magyar történeti szöveggyűjtemény, 1914–1999.* I–II. köt. Gyűjt. Nagy István és Romsics Ignác. Jegyz., szerk. Romsics Ignác. Budapest: Osiris, 2000.

Romsics 2002 — *Romsics I.* *The Dismantling of Historic Hungary: The Peace Treaty of Trianon.* Boulder., Social Science Monographs, 2002.

Siklós 1987 — *Siklós A.* *A Habsburg birodalom felbomlása 1918. A magyarországi forradalom.* Budapest: Kossuth, 1987.

Siklós 1988 — *Siklós A.* *Revolution in Hungary and the Dissolution of the Multinational State 1918.* Budapest: Akadémiai, 1988.

Sked 1989 — *Sked A.* *The Decline and Fall of the Habsburg Empire.* London; New York: Longman, 1989.

Szarka 1998 — *Szarka L.* *Kelet Svájc – illúzió vagy utópia? A Károlyi-kormány Nemzetiségi Minisztériumának működése // Szarka L. Duna-táji dilemmák. Nemzeti kisebbségek – kisebbségi politika a 20. századi Kelet-Közép-Európában.* Budapest: Ister, 1998. P. 113–125.

Szász 1995 — *Szász Z.* *Government Policy and the Nationalities.* In: *Hungarians and Their Neighbors in Modern Times, 1867–1950.* Ed. Ferenc Glatz. Boulder (Co.), Social Science Monographs, 1995. P. 23–32.

Temperley 1920–1924 — *Temperley H. W. V.* (ed.) *A History of the Peace Conference at Paris.* Vol. I–VI. London: Frowde — Hodder and Stoughton, 1920–1924.

THE TRIANON PEACE TREATY OF 1920. A VIEW OF CONTEMPORARY HUNGARIAN HISTORIOGRAPHY

Zeidler Milosh — doctor of history, senior researcher of the Institute of history, Centre for humanitarian studies, Hungarian Academy of Sciences (Hungary)

Key words: interethnic contradictions in the Habsburg monarchy, the First World War, the collapse of the Austro-Hungarian Empire, the revolution of 1918–1919 in Hungary, Paris Peace Conference, Trianon Peace Treaty and its aftermath, Versailles International Relations System.

Abstract. The article presents a point of view on the Trianon Peace Treaty of 1920 and its consequences for Hungary, dominant in that part of modern Hungarian historiography that is free from the extremes of nationalism.

REFERENCES

Arday L. *Térkép, csata után. Magyarország a brit külpolitikában.* Jav., bőv. kiad. Budapest: General Press, 2009.

Cieger A (Szerk.). *A kiegyezés.* Budapest: Osiris, 2004.

Deák F. *Hungary at the Paris Peace Conference. The Diplomatic History of the Treaty of Trianon.* New York: Columbia University Press, 1942.

- Galántai J. *Der österreichisch-ungarische Dualismus: 1867–1918*. Budapest; Wien: Corvina – Österreichischer Bundesverlag, 1990.
- Galántai J. *Hungary in the First World War*. Budapest: Akadémiai, 1989.
- Glant T. *Through the Prism of the Habsburg Monarchy: Hungary in American Diplomacy and Public Opinion During World War I*. Boulder (Co.): Social Science Monographs, 1998.
- Gogolák L. Ungarns Nationalitätengesetze und das Problem des magyarischen National- und Zentralstaates. In: *Die Habsburgermonarchie 1848–1918*. Band III. Die Völker des Reiches. Hrsg. von Adam Wandruszka, Peter Urbanitsch. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1980, pp. 1207–1303.
- Jeszenszky G. *Az elveszett presztízs. Magyarország megítélésének megváltozása Nagy-Britanniában, 1894–1918*. Budapest: Magyar Szemle, 1994.
- Katus L. *Minorities & the Law from 1867 to the Present*. Ed.-in-chief: Peter I. Hidas, Ed. D. Mulhall, A. Gerolymatos. Montreal: Dawson College Publications, 1987, pp. 3–22.
- Lapradelle A.G. de (ed.) *La paix de Versailles*. Vol. I–XII. + Supplément. Paris: Les Éditions Internationales, 1930–1939.
- Mikó I. *Huszonkét év. Az erdélyi magyarság politikai története 1918. december 1-től 1940. augusztus 30-ig*. Budapest: Studium, 1941.
- Mócsy I. *The Effects of World War I, The Uprooted: Hungarian Refugees and Their Impact on Hungary's Domestic Politics, 1918–1921*. Boulder: Social Science Monographs, 1983.
- Ormos M. *From Padua to the Trianon 1918–1920*. Boulder (Co.): Social Science Monographs, 1990.
- Pastor P. (ed.) *Revolutions and Interventions in Hungary and Its Neighbor States, 1918–1919*. Boulder: Social Science Monographs, 1988.
- Puskás J. *From Hungary to the United States, 1880–1914*. Budapest: Akadémiai, 1982.
- Romsics I. (ed.) *Magyar történelmi szöveggyűjtemény, 1914–1999*. I–II. köt. Gyűjt. Nagy István és Romsics Ignác. Jegyz., szerk. Romsics Ignác. Budapest: Osiris, 2000.
- Romsics I. *Nemzet, nemzetiség és állam Kelet-Közép- és Délkelet-Európában a 19. és 20. században*. Budapest: Napvilág, 1988.
- Romsics I. *The Dismantling of Historic Hungary: The Peace Treaty of Trianon*. Boulder: Social Science Monographs, 2002.
- Siklós A. *A Habsburg birodalom felbomlása 1918. A magyarországi forradalom*. Budapest: Kossuth, 1987.
- Siklós A. *Revolution in Hungary and the Dissolution of the Multinational State 1918*. Budapest: Akadémiai, 1988.
- Sked A. *The Decline and Fall of the Habsburg Empire*. London; New York: Longman, 1989.
- Szarka L. Kelet Svájc – illúzió vagy utópia? A Károlyi-kormány Nemzetiségi Minisztériumának működése. In: Szarka L. *Duna-táji dilemmák. Nemzeti kisebbségek – kisebbségi politika a 20. századi Kelet-Közép-Európában*. Budapest: Ister, 1998, pp. 113–125.
- Szász Z. Government Policy and the Nationalities. In: *Hungarians and Their Neighbors in Modern Times, 1867–1950*. Ed. Ferenc Glatz. Boulder (Co.), Social Science Monographs, 1995, pp. 23–32.
- Temperley H.W.V. (ed.) *A History of the Peace Conference at Paris*. Vol. I–VI. London: Frowde – Hodder and Stoughton, 1920–1924.

А. А. Рыбалка

АНТОНИН РАМЕНСКИЙ: ЛЕНИНСКИЙ СЛЕД

Ключевые слова: мистификация, Ленин, Программа партии, экспертиза, Ульянов и Раменский.

Аннотация. В статье излагаются подробности первой и одной из наиболее резонансных мистификаций Антонина Раменского (1913–1985), автора масштабной мистификации «учительская династия Раменских» – презентации документов из личного архива семьи Раменских с автографами и записями В. И. Ленина. Автор показывает, как особенности тогдашнего идеологического бытия привели к тому, что эти документы, несмотря на очевидные промахи авторов мистификации, успешно прошли экспертизу специалистов и были введены в научный оборот «Ленинианы». DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-158-171

«Люди труда – это цвет нашего общества, наша слава и гордость. Чего стоят всяческие дворянские и аристократические родословные, которыми еще кичатся в буржуазном обществе, при сравнении с родословными наших славных потомственных тружеников! В течение века трудится на “Красном Сормове” рабочая династия Калмыковых, двести лет учителствует на русской земле династия Раменских. А династия металлургов Коробовых, земле-

дельцев Ярошенко? Как не гордиться такими людьми!» (ВИК 1962: 74).

Осуществление своей продуманной и хорошо подготовленной мистификации Антонин Аркадьевич Раменский¹ начал осенью 1961 г., в канун эпохального для страны события – очередного, XXII, партийного съезда, призванного поставить задачу построения коммунизма в СССР в ближайшие десятилетия. Время было выбрано, разумеется, не случайно – ведь основной проект мистифика-

© Историческая Экспертиза, 2019

Рыбалка Андрей Александрович – начальник управления внедрения систем и средств обеспечения информационной безопасности, Научно-производственная фирма «Кристалл» (Пенза); anrike@yandex.ru

¹ Личность Раменского и особенности его мистификаторского проекта были описаны автором в № 3 журнала за 2018 г. в статье «Мы, Раменские: такой добрый, хороший миф».

ции Раменского на тот момент — «подарок партийному съезду» — должен был органично вписаться в ряд подготовительных мероприятий, предварявших открытие форума КПСС. Журналист еженедельника «Огонек» Олег Куприн пару недель спустя не без пафоса охарактеризует эту ситуацию так: «Среди многочисленных подарков XXII съезду нашей партии — электростанций и автоматических линий, сверхплановой стали и рекордных урожаев пшеницы — один был не совсем обычный. Всего несколько листов бумаги» (Куприн 1961: 6).

Впрочем, эти листки были «бесценны» — ведь речь шла о первой Программе РСДРП с автографами Ильича. Легализацию этого подлога Раменский сопровождал широкой (по тем временам) информационной атакой на редакции центральных и региональных СМИ. Атаки велись двумя способами — вербально (телефонные звонки) и текстуально (заказные письма), семантически же включали в себя сообщения, презентующие самого Раменского, его семью и ценные культурные артефакты, находящиеся в его распоряжении. Специальный корреспондент «Красной звезды» М.С. Маковеев характеризовал презентацию Антонина Аркадьевича так: «В канун XXII съезда КПСС в редакцию... пришло письмо. В голубом конверте были стихи, посвященные нашим космонавтам. Недостатки формы стихов искупались их неподдельной взволнованностью, патриотической убежденностью» (Маковеев 1961: 4)². Ка-

лининский журналист Б.Н. Булатов, некогда одноклассник Раменского, вторит Маковееву: «В ноябре прошлого года в редакцию Бологовской районной газеты почта принесла заказное письмо из Москвы» (Булатов, Петров 1962). В обоих случаях письма сопровождались стихами и автохарактеристикой, делавшей акцент на потенциально интересной для конкретной редакции информации — инвалид войны либо местный уроженец, и ненавязчивое указание, что автор прикован к постели и не сегодня-завтра покинет этот мир, что, видимо, должно было побудить газетчиков оперативно заинтересоваться им.

Основной информационный удар пришелся на редакции столичных изданий, коллективы которых должны были подробно освещать события предстоящего съезда — газету Моссовета «Вечерняя Москва» и еженедельник издательства ЦК КПСС «Правда» — «Огонек». В конце первой декады октября 1961 г. предсъездовскую суету в редакции «Вечерней Москвы» прервал телефонный звонок. Звонивший попросил к телефону специализировавшегося по вопросам науки корреспондента газеты Наталью Александровну Дилигенскую: «Незнакомый голос сообщил по телефону, что меня ищет Антонин Аркадьевич Раменский. Мне напомнили, что это — мой давний знакомый, которого я знала более двадцати лет назад. Тогда он был комсомольцем и работал на одном из предприятий Москвы, где я бывала.

М.А. Раевской, поделившейся также своими наблюдениями над мотивами и особенностями действий Антонина Аркадьевича.

² Материалы о Раменском из периодики того времени любезно предоставлены автору журналисткой «Вечерней Москвы»

Теперь он очень болен, прийти сам не может и просит меня приехать. Он хочет показать мне редкую находку — очень интересную книжку» (*Дилигенская* 1962а: 45).

Дилигенская, видимо, была выбрана с прицелом на дальнейшие «пушкинские находки» Раменского, поскольку в 50-е гг. темой ее статей и репортажей было именно освещение разных интересных событий научной жизни страны, о чем Антонин Аркадьевич, несомненно, знал из газет. Указание на физическую беспомощность — «инвалид войны», срабатывало безотказно — Дилигенская отправилась по указанному адресу, где в маленькой комнате на верхнем этаже старого дома в одном из московских переулков ее встретил бодрый, едва начавший седеть мужчина ее поколения, сразу располагающий к себе взглядом и улыбкой, ровный и уверенный голос которого привлекал и вызывал доверие. Казалось даже странным, что этот человек лишен возможности свободно передвигаться и вынужден употреблять лекарства из многочисленных склянок, расставленных у кровати. «Здесь царствует запах валерьянки. Значит с хозяйном стряслась беда... На табуретки стоят лекарства — пузырьки, коробочки. Мой собеседник лежит в постели. Так он лежит седьмой год» (*Куприн* 1961: 6).

Раменский ждал Дилигенскую и сразу после обмена дежурными любезностями и воспоминаниями приступил к сути. «У него есть книжка, которую он долгое время считал утерянной. Недавно она вернулась к нему. Вот эту-то книжку он

и хочет преподнести в дар съезду. Я смотрю на маленькую брошюрку. Странички ее, желтые от времени, тонкие, как сухие осенние листья, оборваны, обожжены. Книжка побывала в огне. Но сохранилась обложка, а на ней название. Да ведь это одно из старых и, по-видимому, редких изданий Программы и Устава Российской социал-демократической рабочей партии! Первая Программа партии, принятая на II съезде в Лондоне в 1903 году. Одним из ее авторов был В. И. Ленин. Года издания нет, но указано, что книжка напечатана в типографии Марии Малых. Как же попала эта брошюра к Антонину Аркадьевичу. Где хранилась? Почему обгорела?» (*Дилигенская* 1962а: 45)

Раменский пояснил, что, по семейным преданиям, его семья, потомственные народные учителя в многих-многих поколениях издавна находились в дружеских отношениях с Ульяновыми (и объяснил, кто именно и как) и от Ульяновых-то брошюрка и попала в родное село Раменских, Мологино, неподалеку от Ржева. Он подростком видел брошюру в библиотеке деда, а во время войны дом в Мологино сгорел, все имущество и библиотека погибли, но вот, несколько лет спустя после войны, на старом пепелище нашли несколько книг и переслали Раменскому. Начав недавно приводить брошюру в порядок, он обнаружил на ней интересную надпись. Да, Ленин. Но она почти не читается, нет полной уверенности, а без нее дарить брошюру съезду не хотелось бы. Сам же он, в силу очевидных причин, не может... Разумеется, Дилигенская предложила свои услуги.

«Мы решили показать книжку в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС: именно там работают люди, занимающиеся изучением наследия В. И. Ленина. На следующий день с брошюрой в портфеле я уже была в помещении архива при Институте марксизма-ленинизма. Мне пришлось подождать минут десять, пока освободятся специалисты, к которым меня направили. Захотелось еще раз посмотреть на книжку с Программой, хорошенько разглядеть карандашные пометки на ней, о которых вскользь упомянул А. А. Раменский, передавая брошюру. Я начала тщательно вглядываться в особенно заинтересовавшую меня надпись карандашом. Она еле виднелась вверху на правой стороне обложки. Сначала я ничего не смогла разобрать в этих полустертых строчках, так были они бледны и тусклы. Но я всматривалась и всматривалась. От напряжения заболели глаза. И вдруг от внезапно охватившего меня волнения чуть не выронила книжку из рук... Я разглядела начало первой строчки надписи, вернее, ее начальные буквы: В. У... Дальше я прочесть уже ничего не смогла, но мне казалось, что я вижу все слово — Ульянов. А первое слово последней строки этой двустрочной надписи сейчас, когда я уже пригляделась к почерку, прочла без труда. Это было название города, где происходил II съезд партии, написанное латинскими буквами: Лондон (London).

Снова и снова я перечитывала бледные буквы. Этот почерк был мне знаком. Разве я не видела его много раз в книгах, на документах, на фотокопиях, хранящихся в Музее В. И. Ле-

нина? Неужели это — автограф Владимира Ильича, и предание семьи Раменских о том, что книжка побывала в руках у самого Ленина и подарена им, теперь подтверждается? Через несколько минут я уже рассказывала о своих догадках радушно встретившим меня научным сотрудникам института Юлии Яковлевне Махиной и Музе Степановне Веселиной. Они заинтересовались. Вооружившись лупой, они, как и я, прочли начальные буквы записи В. У. Но все это надо было тщательно проверить.

Требовалась экспертиза знатоков почерка В. И. Ленина. А прежде всего предстояло прочесть надпись до конца. Для этого следует “поднять” текст. О том, что значит “поднять текст”, мне рассказала Маргарита Яновна Лебедева, срочно вызванная из фотолаборатории института. Она объяснила, что для восстановления неясных текстов применяется съемка их в инфракрасных лучах на пластинку чрезвычайно высокой чувствительности. Инфракрасные лучи воспринимают невидимое простым глазом и фиксируют на пластинке. Так получают четкие фотокопии документов, которые без съемки в инфракрасных лучах было бы невозможно прочесть. Прошло несколько дней, и экспертная комиссия, состоявшая из специалистов, смогла прочесть полностью “воскрешенный” инфракрасными лучами текст полустершейся надписи: “В. Ульянов. Лондон. Съезд 1903 г.” Эксперты, много лет изучавшие рукописи Владимира Ильича, безоговорочно подтвердили, что надпись сделана В. И. Лениным. Это — его почерк. Книжка

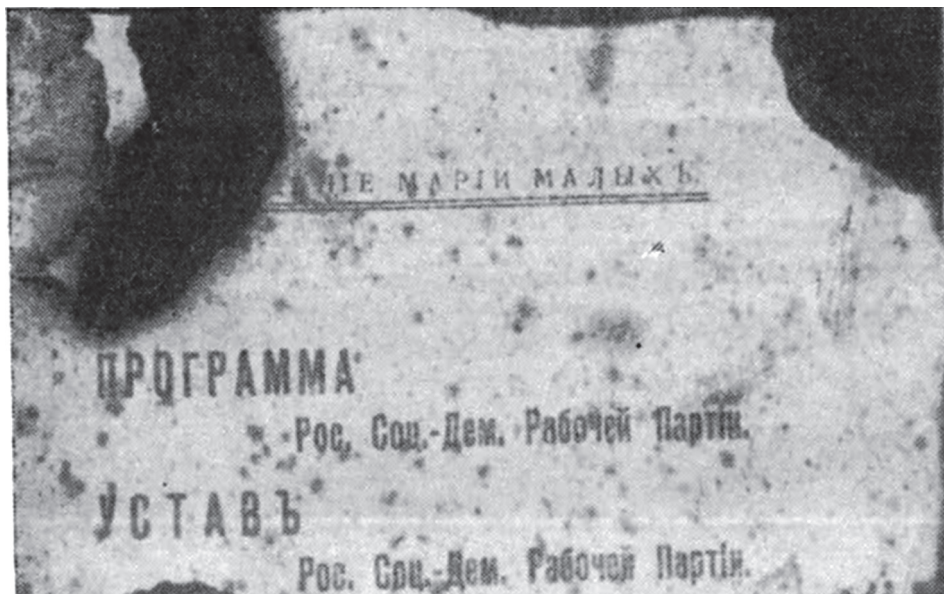

Рис. 1

действительно побывала у него в руках» (Диллигенская 1962а: 46).

Сама М.Я. Лебедева несколько лет спустя рассказывала об эксперименте следующее: «Надпись в правом верхнем углу настолько вытерлась, что в подлиннике трудно было разобрать содержание. Кроме того, книга еще и обгорела при пожаре во время Великой Отечественной войны. На темно-желтом фоне обложки едва угадывались карандашные штрихи. После тщательного просмотра под ультрамикроскопом, через ЭОП [электронно-оптический преобразователь] и под микроскопом было установлено, что текст исполнен не фиолетовым химическим карандашом, как предполагалось сначала, а простым графитным. Это определило условия съемки в инфракрасных лучах с применением светофильтра марки КС-17. В качестве приемника изображения была использована

инфрахроматическая пленка И-760. После ее проявления на негативе стали ясно видны буквы текста, а желтые пятна ожогов исчезли. <...> Первый негатив (см. рис. 1) был сделан в обычных условиях на фототехнической пленке ФТ-30... Второй негатив был выполнен на инфрахроматической аэрофотопленке И-760 (см. рис. 2). Коэффициент контрастности в этом случае понизился... но степень выявления текста заметно возросла... Для увеличения контрастности карандашного текста был отпечатан контра-тип на фототехнической пленке ФТ-30 с повышенным коэффициентом контрастности (см. рис. 3)... в результате проводимого исследования постепенно проступали строчки, принадлежащие В.И. Ленину: “В. Ульянов, London, съезд 1903”» (Лебедева 1967: 73–74). Из сказанного ясно, что эксперты решали лишь задачу прочтения невидимого текста, о каких-либо графологи-

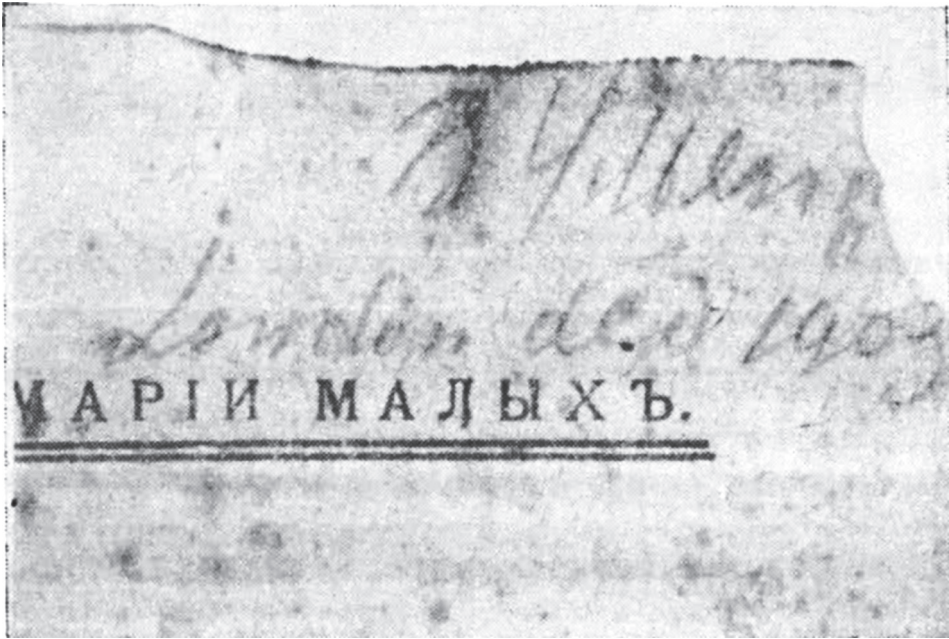

Рис. 2

ческих экспертизах речи и не велось³ — по факту «похожести» надпись без лишних рассуждений сочли принадлежавшей В. И. Ленину.

Чтобы объяснить, как такой редкий артефакт попал в семью Раменских, Дилигенская пересказала сотрудникам ИМЛ легенду, которой Раменский сопровождал свой дар съезду — его дед работал с отцом Ильича в Симбирске, был его близким другом и преемником в должности директора народных училищ.

³ Впрочем, как отмечала Т.И. Краснобородько, исследовавшая другое произведение Антонина Аркадьевича: «Графологическая экспертиза как таковая не может быть единственным и достаточным доводом в пользу подлинности документа. К тому же ее надежность для таких дефектных записей... — едва видимых или тщательно зачеркнутых, весьма проблематична» (*Краснобородько* 1995: 283). Надо полагать, Раменский имел это в виду.

Младший брат Ильича Дмитрий — участник II съезда РСДРП — рос, дружил и учился на врача вместе с дядей Антонина Аркадьевича — Анатолием. Брошюрка с пометками брата осталась после съезда у Дмитрия, и «во время одной из их встреч Дмитрий Ульянов дал Анатолию Раменскому только что вышедшую в свет “Программу...” русских социал-демократов. Страницы этого исторического документа содержали ленинские пометки... Ознакомившись с “Программой...”, Анатолий Раменский передал ее своим ближайшим родственникам... Как самую дорогую святыню хранили они эту брошюрку. К людям приносили ее за пазухой, согретую сердцем». В целях конспирации Раменские вклеили брошюру в комплект вполне благонамеренной «Нивы», дабы никто не заподозрил их в неблагонадежности. «А

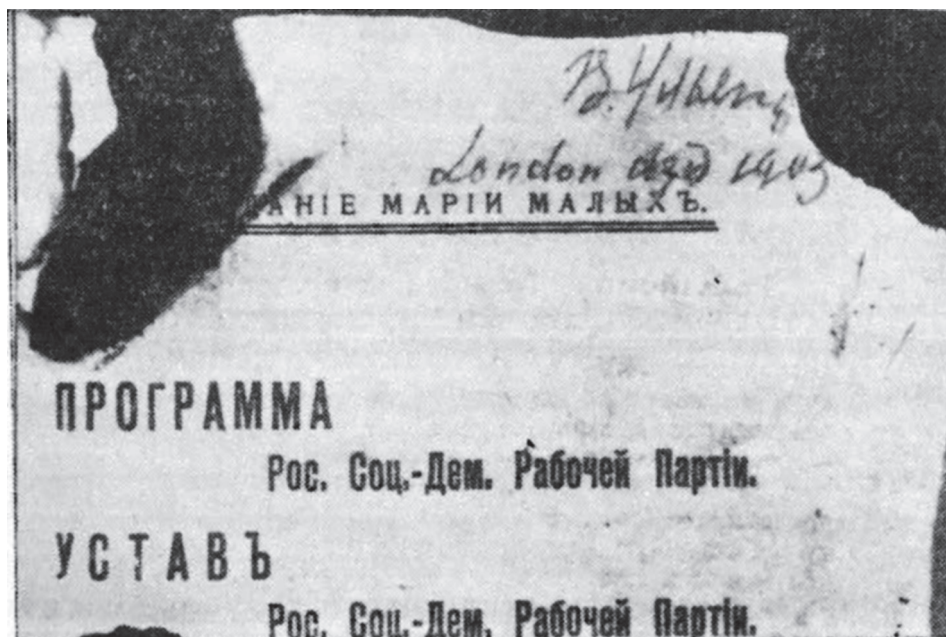

Рис. 3

когда после разгрома революции 1905 года в их дом зачастили жандармы, Раменские... зарыли ленинский экземпляр программы в землю под своим домом». Позже, во время войны, «видимо, в результате бомбежек, рытья окопов был поднят он из земли...». Дилигенская поторопилась написать заметку в свою газету, которая и появилась 16 октября 1961 г.; в ней кратко рассказывалось об Антонине Аркадьевиче (инвалидности, стихах) и его даре. Заметка завершалась характерным резюме, вложенным в уста Раменского: «Как хорошо, что в эти исторические дни я могу сделать свой подарок партии — передать книгу Институту марксизма-ленинизма, — говорит он со счастливой улыбкой» (Дилигенская 1961).

Между тем Муза Степановна Веселина передала книжку своим коллегам

для идентификации и включения в описи, в результате чего в деле возникла неожиданная коллизия. Коллеги указали Веселиной, что первое легальное издание программы, действительно, вышло немалым тиражом в типографии Марии Малых в Петербурге, но было это в ноябре 1905 г. и вместе с Программой издавался тогда Манифест I съезда, а не Устав. Да и выходные данные на обложке были указаны. Но это было не первое издание Программы как таковое — первое вышло в Женеве в приложении к «Искре» осенью 1903 г., но издание имело другое название, не «Программа...». Однако все это было спустя месяцы либо годы после съезда, на самом съезде, летом 1903 г., делегаты могли пользоваться разве что проектом программы, напечатанном в «Искре», но это совсем не брошюра, да и устава там не было.

Внимание Веселиной обратили на то, что, помимо Программы, в брошюре были еще резолюция группы «Единство» и статья Г.В. Плеханова «Наша тактика». Группа «Единство» была образована Плехановым из меньшевиков-оборонцев в августе 1914 г., а статья его впервые была опубликована в одноименной же газете «Единство» 20 апреля 1917 г. Таким образом, это была меньшевистская брошюра, отпечатанная в Петрограде не ранее мая-июня 1917 г., когда Ильич уже последовательно позиционировал себя Лениным и просто «В. Ульянов» обычно не подписывался. Да и остальные части записи в контексте 1917 г. смотрелись как-то странно...

О непредвиденных сложностях Веселина сообщила Дилигенской, а та Раменскому, однако Антонин Аркадьевич несколько не смутился и тут же сообщил, что это, видимо, другая ленинская брошюра, попавшая к Раменским позже. «Я припоминаю семейное предание о том, что дядя Анатолий, будучи военным врачом в Красной Армии в годы гражданской войны, часто бывал в Москве в семье Ульяновых. И будто бы сам Владимир Ильич передал ему эту книжку с Программой и Уставом партии». Дилигенская задумалась: «Что в этом рассказе быть, а что легенда? И какими все-таки путями пришел драгоценный документ истории партии в библиотеку учителей Раменских? Ответить на это Антонин Аркадьевич пока что не может» (*Дилигенская* 1962а: 46). Конечно, опытной журналистке и уже весьма не юной даме могли бы прийти в голову и иные вопросы —

(1) зачем вообще «вождю мирового пролетариата» понадобилось хранить у себя до 1919 г. меньшевистскую, совершенно неактуальную брошюру? (2) зачем ему нужно было делать пометки к тексту Программы, явно неактуальные в тот момент? (3) как ему могло прийти в голову кому-то ее «дарить»? (4) какие ностальгические чувства могли его заставить поставить на обложке выявленную инфракрасными лучами подпись?

Наталья Александровна была воспитанным человеком, и если такие вопросы и приходили ей в голову, об этом никто не узнал⁴. Муза Веселина, видимо, более склонна была рассматривать новый артефакт с «ленинским автографом» как объект почитания, чем как объект исследования, а посему качественные его характеристики, возможно, уступали место приоритетного критерия характеристикам количественным. Как бы там ни было, «автограф Ленина» был принят на хранение в ЦПА, о чем оперативно сообщили несколько центральных и региональных изданий. В декабре 1961 г. «Правда» в передовице одного из шести целевых номеров, посвященных принятой партийным съездом Программе⁵, написала

⁴ Несколько лет спустя, в августе 1963 г., Наталья Александровна писала Т.Г. Цявловской, что, «побывав на днях у Ант. Арк., была как всегда ошеломлена потоком рассказов, фантастических, но занятых. Рассказать обо всем невозможно, да и не стоит...» (РГАЛИ) [за сообщение этих сведений автор искренне благодарен журналистке газеты «Вечерняя Москва» Марии Раевской].

⁵ В них обосновывался прозвучавший в Программе партии тезис «Коммунизм утверждает на Земле мир, труд, свободу, равенство,

о двухсотлетней учительской династии Раменских (ВИК 1962: 74), чем фактически легализовала и Раменского, и его рассказы.

Но Антонин Аркадьевич понимал, что осталась какая-то недосказанность, и постарался в ближайшие месяцы эту недосказанность устранить. Дополнительную коллизию в ситуацию внесло то обстоятельство, что, узнав из газет историю подарка, некоторые коллеги Веселиной по ИМЛ вежливо заметили ей, что директором народных училищ в Симбирске никакой Раменский точно никогда не служил, а служили иные, известные своей близостью к И.Н. Ульянову люди, да и среди инспекторов никто не может припомнить человека с такой фамилией, да и судя по многочисленным собранным в ИМЛ воспоминаниям, включая весьма подробные воспоминания А.И. Ульяновой-Елизаровой, среди симбирских знакомых Ульяновых Раменский не упоминается... [персональный состав инспекции народных училищ см. в (Макарова 2013)].

Для преодоления этой трудности Антонин Аркадьевич представил «личные» воспоминания А.П. Раменского – в 1936 г. ему из Симбирска, где провел последние годы жизни его дед, пришла посылка от старого учителя Егора Пастухова, содержавшая несколько книг и воспоминания самого Пастухова о дед, Алексее Пахомовиче Раменском, как он был знаком с Ульяновыми, как служил директором, наконец,

братство, счастье». Эти материалы вскоре вышли и отдельной книгой «Великие идеалы коммунизма».

о встрече его с Лениным во время Гражданской войны. Оказывается, Алексея Пахомовича накануне 1917 г. разбил паралич, из-за чего он не мог писать и вынужден был уйти в отставку. А в 1919 г., слегка поправившись, он решил съездить в гости к брату в Мологино, и когда собирался назад, то местные учителя попросили его возглавить их делегацию к Ленину. Учителя хотели хлеба и всем своим видом показывали это. В частности, бывший действительный статский советник и кавалер Алексей Раменский, 74 лет, прибыл в Кремль в фуфайке и валенках с галошами, кои были к валенкам прикручены бечевой во избежание утери. Несмотря на это, Ильич сразу узнал человека, с которым некогда удил рыбу в Волге, принял с ласковым прищуром, но строго, сразу дав понять, что хлеба не даст, а даст книгу, хлеб же предложил взять у кулаков, о чем тут же и запись на книге сделал. Книга та так и называлась: «Борьба за хлеб», и когда Пастухов ее прислал, еще и надпись была видна, однако от времени она практически стерлась, и Антонин Аркадьевич своевременно ее на отдельный листочек выписал.

Книжку с листочком Раменский вновь через безропотно выполнявшую его поручения Дилигенскую передал в ИМЛ Веселиной, добавив, что есть же и совсем независимые доказательства. Вот, например, известная фотография И.Н. Ульянова в окружении сослуживцев. Крайний справа там стоит его дед, это же сразу видно, если сравнить с фотографией А.П. Раменского, сделанной, правда, тридцатью годами позже...

К делу вновь была привлечена Маргарита Лебедева со своими приборами, однако в этом случае результаты оказались более скромными⁶. Представленный для экспертизы ленинский автограф находился на книге «с почти стершейся надписью, от которой сохранились только черные точки в углах бывших букв, трудно разбираемая дата и чуть более ясно видная подпись: “В. Ульянов (Ленин)”». При экспертизе Лебедевой «прежде всего были сделаны попытки восстановить текст с помощью съемки надписи в инфракрасных лучах. Под освещающими книгу лучами надпись ясно видна и не хватает лишь какого-то малейшего напряжения зрения, чтобы прочесть ее человеческим глазом. На фотоизображении же надпись пока не читается» (*Козлов* 2001: 147). Получить фотоизображения надписи так и не удалось, реальным подтверждением ее содержания оставались своевременно сделанная выписка на отдельном листочке да письмо никому не известного Пастухова.

Неудовлетворенная результатом и, возможно, смущенная сомнениями кого-то из коллег, Муза Степановна предприняла отчаянные поиски

в архивах, стремясь обнаружить следы связей Ульяновых и Раменских. Сколь велика была радость от результата поисков, следует из эмоционального комментария Дилигенской, написавшей, что «розыски, предпринятые в архивах... М.С. Веселиной, поиски самого Антонина Аркадьевича, подтвердили почти все, о чем рассказывала легенда. Найдены документальные свидетельства о долголетних связях Алексея Пахомовича с семьей Ульяновых». Если документальным свидетельством от Антонина Аркадьевича были «письмо Пастухова» да упомянутое выше коллективное фото, то Веселиной, действительно, удалось найти независимый от Раменского источник — в семейном архиве Фармаковских обнаружили письма от И.Н. Ульянова бывшему сослуживцу и новому оренбургскому гимназическому директору В.И. Фармаковскому, в одном из которых, от 14 февраля 1882 г., Илья Николаевич упомянул между делом, что вернувшиеся из Оренбурга Кабанов и Раменский (в ту пору учителя симбирской классической гимназии) рассказали ему о делах Фармаковского в Оренбурге (*Фармаковская* 1970: 193). К тому времени были подняты документы Ульяновского архива, из которых выяснилось, что А.П. Раменский служил в Симбирске с 1873 г. преподавателем в духовной семинарии, кадетском корпусе, затем (с 1879) в мужской и женской гимназиях, а в апреле 1882 г. отбыл на службу инспектором народных училищ в Оренбург (преддверием чего и была его совместная поездка с А.С. Кабановым, который, к слову, хлопотную должность принять не рискнул). Из этого определенно

⁶ М.Я. Лебедевой же в лаборатории ИМЛ чуть позже были выполнены «фотографирование, расчистка и реставрация» листов романа В. Скотта «Иванго» («Айвенго») с «автографами Пушкина» (*Дилигенская* 1962б; *Цявловская* 1966: 5). Результаты работы, однако, не были переданы в Пушкинский Дом, принявший на хранение этот артефакт Раменского (*Краснобородько* 1995: 278). Таким образом, проверить выводы Т.Г. Цявловской и С.М. Бонди ленинградским пушкинистам было затруднительно, поскольку «в оригинале прочесть текст было невозможно» (*Дилигенская* 1962б).

следовало, что Раменский прослужил в Симбирске достаточно долго, чтобы, вне сомнения, быть знакомым с Ульяновым, важным региональным чиновником, однако непосредственным сослуживцем Ульянова он не был и степень близости между ними на основании службы в одном городе по одному ведомству просвещения еще не могла быть определена.

Дилигенская с Веселиной, впрочем, смотрели на дело иначе. Резюмируя некоторое время спустя свои поиски, Муза Степановна писала про групповое фото: «...Наше внимание привлекла также фотография Ильи Николаевича Ульянова в группе инспекторов г. Симбирска, опубликованная в книге “Отец Владимира Ильича Ленина – Илья Николаевич Ульянов”. До сих пор точно еще не установлены все запечатленные на этой фотографии лица (крайний справа, во втором ряду, предположительно, А.П. Раменский). Возможно, этот снимок сделан именно в 1882 году, когда из Симбирска в разные города Поволжья разъехались с новыми назначениями бывшие учителя и инспектора, работавшие под руководством Ильи Николаевича. А ведь такой же снимок должен быть и у остальных участников съемки или их родственников. И.Н. Ульянов переписывался с В.И. Фармаковским, а возможно, и с А.П. Раменским и другими учителями и инспекторами после 1882 года. В архивном фонде Фармаковских хранится большое количество писем инспекторов и учителей, в некоторых из них сообщаются сведения о семье Ульяновых. Родственники Бот-

киных, Ишерских, Красевых, Стрыжалевских, Хохловых, Яковлевых, Барсовых, Покровских, Архангельских и других, возможно, до сих пор хранят письма И.Н. Ульянова, которые могут дополнить многие факты из жизни семьи Ульяновых в Симбирске и дать дополнительные ценнейшие сведения об истории развития народного образования в Поволжье...» (Марков 1983: 94–95). Ответ на этот призыв был незамедлителен, Муза Степановна получила письмо из Астрахани от семьи бывшего инспектора и директора местных народных училищ К.М. Аммосова: «Многоуважаемая тов. Веселина! Пишу Вам по поводу Вашей статьи, помещенной в “Учительской газете” от 26/1 1963 г. Я внучка Константина Михайловича Аммосова, одного из инспекторов Ильи Николаевича Ульянова. Он в 1889 году переехал в Астрахань на должность директора народных училищ. Умер в 1921 году. На фотографии он стоит справа крайним. Его Вы принимали за Раменского. Справа от Ильи Николаевича сидит Ишерский – дедушкин товарищ по Казанской духовной академии» (Там же: 96–97). Аммосов, женатый, к слову, на сестре жены Фармаковского, был назначен инспектором в 1880 г. по представлению И.Н. Ульянова как «лично ему известный», а в 1886 г. был автором некролога Ильи Николаевича. Таким образом, явное документальное свидетельство близости Ульянова и Раменского было похоронено, хотя и из послужного списка Раменского следовало, что делать на этой фотографии ему было нечего, будь он хоть брат или сват Ильи Николаевича (идентификация всех лиц

на обсуждаемой фотографии была позднее выполнена Ж.А. Трофимовым, см. (*Трофимов* 1988)).

Смутило ли это Музу Степановну? Отнюдь нет. Письмо Аммосовых осталось неизвестным, а два года спустя сведения о новом артефакте «Ленинианы» оказались в очередном томе ПСС Ленина: № 471. Учителям Тверской губернии. «Представителю Тверской губернии тов. Раменскому / Передайте учителям Тверской губернии, что их хлеб находится у кулаков и что задача Советской власти заключается в том, чтобы этот хлеб передать трудящимся. 22/II. 1919 г. / В. Ульянов (Ленин)». Далее следовал комментарий: «Печатается впервые, по копии, написанной рукой неизвестного», и примечание: «Написано В.И. Лениным на титульном листе своей брошюры “Борьба за хлеб” (Москва, 1918), которую он через А.П. Раменского (сослуживца отца Владимира Ильича – И.Н. Ульянова) передал делегации учителей из Тверской губернии. Делегация приехала в Москву ходатайствовать об оказании продовольственной помощи тверским учителям...» (ПСС 1965: 261). Приоритет ПСС, впрочем, может уверенно оспорить самый верный и активный апологет Раменского – упомянутый выше М.С. Маковеев, еще в 1963 г. опубликовавший эту запись в своей книге (*Маковеев* 1963: 22). Любопытно, что Антонина Аркадьевича определили в ПСС как «неизвестного», хотя из его рассказа явно следовало, что выписку сделал он сам.

Первому же подарку Раменского пришлось ждать Биохроники, в ко-

ей его также обессмертили в «Лениниане»: Позднее 20 апреля (3 мая). / Ленин делает надпись: «В. Ульянов London съезд 1903» на обложке брошюры «Программа Рос. соц.-дем. рабочей партии. Устав Рос. соц.-дем. рабочей партии. Резолюция соц.-дем. группы “Единство”. Г.В. Плеханов “Наша тактика”», изданной в Петрограде. / ЦПА ИМЛ, ф. 2, оп. 1, д. 25247; Программа Рос. соц.-дем. рабочей партии. Устав Рос. соц.-дем. рабочей партии. Резолюция соц.-дем. группы «Единство». Г.В. Плеханов «Наша тактика». [Пг.], изд. М. Малых, [1917]. 16 с; «Веч. Москва», 1961, № 245, 16 октября. (БХ 1973).

Вот так Наталья Александровна Дилигенская подрядилась на много лет в глашатаи все новых и новых «находок» Раменского, Муза Степановна Веселина получила два новых объекта почитания в «Лениниану» ИМЛ, а сам Антонин Аркадьевич Раменский отдельную квартиру в новом доме в центре Москвы. Но главным результатом, конечно, был карт-бланш, полученный на дальнейшее продолжение мистификации, благодаря благосклонному упоминанию «учительской династии Раменских» в передовице газеты «Правда»...

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

РГАЛИ – РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Д. 1207. Л. 1 – 1 об.

Булатов, Петров 1962 – Булатов Б., Петров В. Шел парнишке в ту пору лишь семнадцатый год // Смена. 1962. 16 февраля.

БХ 1973 – Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника, 1870–1924. Том IV (март – октябрь 1917 г.). М.: Политиздат, 1973.

ВИК 1962 – Владыкой мира будет труд (статья) // Великие идеалы коммунизма: [Мир. Труд. Свобода. Равенство. Братство. Счастье: материалы газ. «Правда» с 3 дек. 1961 г. по 25 марта 1962 г.]. М.: Правда, 1962. С. 73–76.

Дилженская 1961 – *Дилженская Н.* Дар коммуниста. Книга с автографом В.И. Ленина // Вечерняя Москва. № 245. 16 октября 1961 г.

Куприн 1961 – *Куприн О.* Сквозь время, огонь и войну // Еженедельный общественно-политический и литературно-художественный журнал «Огонек». № 44(1793). 29 октября 1961 г. С. 6.

Маковеев 1961 – *Мих. Маковеев.* Двести лет они сеяли вечное // Красная Звезда. № 287(11587). 9 декабря 1961 г. С. 4.

ПСС 1965 – Владимир Ильич Ленин. Полное собрание сочинений. 4-е изд. (1965) Т. 50.

Фармаковская 1970 – *Фармаковская Т.* Из семейного архива (Новые материалы об Ульяновых) // Звезда. 1970. № 3. С. 191–195.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дилженская 1962а – *Дилженская Н.* Судьба одной книги // В мире книг. М.: Книга, 1962. С. 45–46.

Дилженская 1962б – *Дилженская Н.А.* Находка в Мологине // Литературная газета. № 153. 27 декабря 1962.

Козлов 2001 – *Козлов В.П.* «Бесценное собрание рукописей и книг» в последнем «акте» драматической судьбы Раменских // Обманутая, но торжествующая Клио: подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М.: Росспэн, 2001. С. 137–171; 219–221.

Краснобородько 1995 – *Краснобородько Т.И.* История одной мистификации (Мнимые пушкинские записи на книге Вальтера Скотта «Айвенго») // Легенды и мифы о Пушкине. СПб.: Академический проект, 1995. С. 277–289.

Лебедева 1967 – *Лебедева М.Я.* Работа архивистов по выявлению угасших текстов // Советские архивы. 1967. № 4. С. 70–78.

Макарова 2013 – *Макарова Р.В.* Состав дирекции народных училищ Симбирской губернии при И.Н. Ульянове. (По документам Государственного архива Ульяновской области // Вестник Ленинского мемориала. Выпуск № 14. Материалы межрегиональной научной конференции «Мемориальный музей и общество», приуроченной к 90-летию Дома-музея В.И. Ленина. Ульяновск: Издательство «Корпорация технологий продвижения», 2013. С. 143–145.

Маковеев 1963 – *Маковеев М.* Династия учителей Раменских. М.: Советская Россия, 1963.

Марков 1983 – *Марков А.С.* Ульяновы в Астрахани. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1983.

Трофимов 1988 – *Трофимов Ж.А.* Кто они, помощники Ильи Николаевича? // Трофимов Ж.А. Ульяновы. Поиски, находки, исследования. Ульяновск: Приволжское книжное изд-во, 1988. С. 87–94, 217–218.

Цявловская 1966 – *Цявловская Т.Г.* Новые автографы Пушкина на русском издании «Айвенго» Вальтера Скотта // Временник Пушкинской комиссии, 1963. Л.: Наука, 1966. С. 5–30.

ANTONIN RAMENSKY: THE TRACE OF LENIN

Rybalka Andrey A. – head of Department of implementation of systems and means of information security, Scientific and production company «Kristall» (Penza)

Key words: mystification, Lenin, Party program, expertise, Ulyanov and Ramensky.

Abstract. The article presents the details of the first and one of the most resonant mystifications of Antonin Ramensky (1913–1985), the author of the large-scale mystification “Ramensky teachers' dynasty” — the presentation of documents from the personal archive of the Ramensky family with autographs and records by V.I. Lenin. The author shows how the features of the ideological situation of the time led to the fact that these documents, despite the obvious mistakes of the authors of the mystification, successfully passed the expertise of specialists and were introduced into the academic circulation of “Leniniana”.

REFERENCES

- Diligenskaia N. Sud'ba odnoi knigi. *V mire knig*. Moscow: Kniga, 1962, pp. 45–46.
- Diligenskaia N.A. Nakhodka v Mologine. *Literaturnaia gazeta*, no. 153, 27 dekabria 1962.
- Kozlov V.P. "Bestsennoe sobranie rukopisei i knig' v poslednem "akte' dramaticheskoi sud'by Ramenskikh. *Obmanutaia, no torzhestvuiushchaia Klio: podlogi pis'mennykh istochnikov po rossiiskoi istorii v XX veke*. Moscow: Rosspen, 2001, pp. 137–171; 219–221.
- Krasnoborod'ko T.I. Istoriia odnoi mistifikatsii (Mnimye pushkinskie zapisi na knige Val'tera Skotta "Aivengo"). *Legendsy i mify o Pushkine*. St. Petersburg: Akademicheskii proekt, 1995, pp. 277–289.
- Lebedeva M.Ia. Rabota arkhivistov po vyiaвлению ugasshikh tekstov. *Sovetskie arkhivy*, 1967, no. 4, pp. 70–78.
- Makarova R.V. Sostav direktsii narodnykh uchilishch Simbirskoi gubernii pri I.N. Ul'ianove. (Po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Ul'ianovskoi oblasti. *Vestnik Leninskogo memoriala*. Vypusk № 14. Materialy mezhtseoblastnykh nauchnoi konferentsii "Memorial'nyi muzei i obshchestvo", priurochennoi k 90-letiiu Doma-muzeia V.I. Lenina. Ul'ianovsk: Izdatel'stvo "Korporatsiia tekhnologii prodvizheniia", 2013, pp. 143–145.
- Makoveev M. *Dinastiia uchitelei Ramenskikh*. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1963.
- Markov A.S. *Ul'ianovy v Astrakhani*. Volgograd: Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1983.
- Trofimov Zh.A. Kto oni, pomoshchniki Il'i Nikolaevicha? Trofimov Zh.A. *Ul'ianovy. Poiski, nakhodki, issledovaniia*. Ul'ianovsk: Privolzhs кое knizhnoe izd-vo, 1988, pp. 87–94, 217–218.
- Tsiavlovskaia T.G. Novye avtografy Pushkina na russkom izdanii "Aivengo' Val'tera Skotta. *Vremennik Pushkinskoi komissii, 1963*. Leningrad: Nauka, 1966, pp. 5–30.

А. А. Куницын, А. А. Орлов

«ЛЕПТА ПРЯДИЛЬЩИЦ». ДЕНЕЖНАЯ ПОМОЩЬ БРИТАНЦЕВ РОССИЯНАМ ПОСЛЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г., английские пожертвования 1812–1814 гг., британская благотворительность в начале XIX в., финансы России эпохи наполеоновских войн.

Аннотация. В отечественной историографии давно утвердилась идея о том, что Англия не оказала России действенной помощи в период Отечественной войны 1812 г. Правящие круги Британии, действительно, медлили с поддержкой, опасаясь, что Наполеон сможет быстро разгромить русскую армию и Александр I заключит с ним антианглийский мирный договор. Но общественность Великобритании, особенно представители деловых кругов, заинтересованные в скорейшем возобновлении англо-русской торговли и в оживлении зависящих от нее отраслей экономики, сильно пострадавших от континентальной блокады, сумела организовать по всей стране сбор средств для пострадавших россиян. Архивные документы свидетельствуют о том, что английские пожертвования 1812–1814 гг., часть которых была собрана простыми людьми, были значительными и это позволило оказать действенную помощь жителям разоренных войной губерний России. Кроме того, архивные источники позволяют скорректировать имевшуюся ранее в отечественной литературе информацию об употреблении российскими властями поступивших из Англии в 1812 г. денежных средств не на нужды своего населения, а на военные расходы. DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-172-187

Вопрос о материальной помощи Англии России в 1812–1814 гг.

© А. А. Куницын, А. А. Орлов, 2019
Куницын Александр Александрович — аспирант кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики МПГУ (Москва); alexandermartes@mail.ru

Орлов Александр Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, кафедра новой и новейшей истории Института истории и политики, Московский педагогический

до сих пор остается живо обсуждаемой темой в историографии войн с наполеоновской Францией. Исследователи затрагивают такие вопросы, как: роль британских субсидий в финансовой политике российского правительства в период

государственный университет (Москва); arkigolkin@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг., источники и различные проекты (реализованные и не реализованные) финансирования, своевременность выплат и подлинные размеры субсидий, количество поставленных ружей и другого вооружения, а также материально-технических средств, их качество и пр. (Марней 2009; 2014; Носова 2016; Орлов 2005: 215–275; Трошин 2016; Хартли 2014). Конечно, деньги, ружья, порох — неотъемлемая часть успешной военной кампании, как и споры потомков победителей о том, чей вклад в победу был весомее. Однако, на наш взгляд, исследователи упускают из виду важный элемент непростых русско-английских отношений, а именно помощь, оказанную рядовыми британцами россиянам, оставшимся на разоренных французами территориях.

Сама по себе благотворительность в пользу пострадавших в войне не была в новинку для Британии. Так, например, в 1805 г. в Лондоне был создан «Комитет по оказанию помощи бедствующим жителям Германии и других частей континента». Одним из инициаторов создания общества был священник немецкой Лютеранской церкви в Лондоне К.Ф. Штайнкопф, который получал письма из германских земель с описанием тяжелого положения людей. Первое собрание Комитета состоялось 22 ноября (н. ст.) 1805 г. Из 27 его членов-основателей 23 были купцами и ремесленниками, еще 4 — лидерами немецких общин Лондона и 17 из них были членами Британского и иностранного Библейского общества (Kloes 2014: 182).

В тот день собрали около 300 ф. ст., а также объявили о начале сбора пожертвований на страницах «Евангелического журнала» с приложением писем, полученных из Германии (The Evangelical Magazine 1805: 569–570). Позже, в 1807 г., один из основателей Комитета Дж. Хардкасл писал, что они «стремились материально облегчить самые насущные потребности [пострадавшего] населения и укрепить их связь со своим британским союзником» (Memoir of Joseph Hardcastle 1860: 202). За первый месяц на призыв откликнулись 1129 чел., собравших чуть более 6 тыс. ф. ст. (Kloes 2014: 183).

Несмотря на победу в Трафальгарском сражении (1805 г.), в Британии все еще был силен страх перед угрозой вторжения французов, и члены Комитета призывали к солидарности с населением германских земель, потому что страдания немцев — «это пример того, что ждет британцев в случае успешного вторжения французов» (Götz 2014: 190). Сбор шел по всей стране, но сразу собрать внушительную сумму не сумели. К 1808 г. было собрано около 25 тыс. ф. ст. Самое большое единовременное пожертвование сделал Георг принц Уэльский — 500 ф. ст. Среди жертвователей был и член парламента, знаменитый аболиционист У. Уилберфорс (20 ф. ст.) (Ibid.: 189).

Комитет помогал не только жителям германских государств. По инициативе священника шведской церкви в Лондоне Г. Бруннмарка 26 августа (н. ст.) 1807 г. был создан специальный «Шведский

патриотический фонд», собиравший в Англии деньги для помощи раненым в боях с французами в Померании шведским солдатам, солдатским вдовам и сиротам (*Götz* 2015: 520). После начала в феврале 1808 г. Русско-шведской войны Комитет собирал деньги для помощи финским беженцам. В 1809 г. Комитет также начал доставлять им и одежду: было приобретено и погружено на корабль, направляющийся в Швецию, 5590 пар шерстяных чулок, 114 шерстяных трикотажных изделий и 246 курток и свитеров (*Ibid.*: 522). По подсчетам шведского историка Н. Гётца, за 1808–1809 гг. Швеция получила от Комитета помощь на общую сумму 7–8 тыс. ф. ст. (включая одежду, лекарства, хирургические инструменты, продукты и пр.) (*Ibid.*: 533).

Деятельность Комитета, близкого к Библейскому обществу, имела религиозный подтекст и, конечно, в первую очередь была направлена на помощь протестантскому населению стран, пострадавших от военных действий. Комитет продолжал оказывать гуманитарную помощь по мере возможности до конца войны. Так, например, за январь – март 1814 г. были собраны средства на общую сумму в 49 200 ф. ст. (*Reports...* 1814: 1–3).

Британское правительство также старалось оказывать поддержку своим союзникам, однако такая помощь, в условиях ослабленной континентальной блокадой экономики, была небольшой: так, в 1811 г. было выделено всего лишь 100 тыс. ф. ст. для Португалии (*The Parliamentary Debates...* 1812: 757). Когда

перед началом Отечественной войны 1812 г. Россия и Швеция во время тайных переговоров с британскими представителями поставили вопрос о предоставлении субсидий по примеру коалиционных войн 1805–1807 гг., правительство и парламент Великобритании сдержанно отнеслись к заявлениям Александра I, т.к. он говорил только о защите своей страны, но не давал никаких обязательств участвовать в войне до полной победы. Исходя из этого, Великобритания отказалась от финансирования военных действий. Британский представитель в Стокгольме сэр Э. Торнтон уклонился от поддержки плана совместного российско-шведского десанта в Северной Германии, поскольку это требовало немедленно предоставления крупных средств (*Рогинский* 1978: 123).

То, что в первый период войны 1812 г. Великобритания как государство занимала выжидательную позицию, является непреложным фактом. Однако британцы как нация оказали России немаловажную моральную и материальную поддержку. Удивительные примеры героизма и стойкости ее народа вызывали у них искреннее восхищение. Русский посол гр. Х.А. Ливен, прибывший в Лондон в начале декабря 1812 г., сообщал министру иностранных дел гр. Н.П. Румянцеву: победы российского оружия наполняют сердца британцев подлинным энтузиазмом. «С того времени, как я высадился в Англии, – писал он, – я слышал лишь выражения восхищения со стороны всех классов населения; все партии едины в этом вопросе и соперничают друг

с другом, расточая похвалы в адрес России и создавая настоящий культ ее» (ВПР 1962: 616–617). Известия об успехе российских войск в битве при Малоярославце 12/24 октября 1812 г. и начале гибельного для Наполеона отступления вызвали новую волну радости в Великобритании. «Пушки Парка (т. е. Ковент-Гарден. — *Авт.*) и Тауэра сразу же известили столицу о радостных известиях, полученных из России. Впервые успехи союзной державы отмечались здесь столь торжественно, все население Лондона приняло эти известия с восторгом, и радостное волнение охватило представителей всех классов. ...Многие состоятельные люди здесь собираются начать подписку в целях оказания помощи жителям наших провинций, больше всего пострадавших от войны, а принц-регент¹, как мне стало известно, обратится с посланием к парламенту по этому же вопросу», — писал Ливен в депеше от 6/18 декабря 1812 г. (*Радецкий, Горхова* 1962: 156).

Принц-регент Георг действительно 17 декабря (н. ст.) направил в парламент послание, в котором говорилось: узнав о лишениях, выпавших на долю жителей Российской империи, и о том «необычайном великодушии и мужестве, с которыми они претерпевали великие... страдания

при защите их страны», он просит депутатов вотировать предоставление им денежной помощи, т.к. сопротивление русского народа было в интересах Великобритании и всей Европы (АВПРИ 2: 9 — 9 об.). Таким образом, факт общеевропейского значения борьбы России все же был признан, но сделано это было, во-первых, слишком поздно и, во-вторых, привело к половинчатому результату.

Послание принца-регента обсуждалось в обеих палатах парламента на следующий день, 18 декабря (н. ст.) 1812 г. (*The Parliamentary Debates... 1813: 324*). Палата лордов по предложению премьер-министра Р. Б. Дженкинсона лорда Ливерпула приняла его единогласно. В Палате общин государственный казначей Н. Ванситтарт предложил ассигновать 200 тыс. ф. ст. с условием, что деньги будут использованы только для выплат компенсаций жителям пострадавших от нашествия врага губерний (Сочувствие англичан... 1876: 497). Предложение вызвало жаркие дебаты. Сэр Ф. Кавендиш лорд Понсонби заявил: защищать своих поданных должно русское правительство, поскольку это его долг. Деньги могут быть даны только в виде субсидий. Он голосовал бы «за», если бы деньги шли не на помощь русским крестьянам, а как подарок императору. Граф Г. Батхерст ответил Понсонби: мнение, что деньги пойдут не для страдающих людей, а для российской казны — лицемерно. «Но действительно ли джентльмен думает, что такую ничтожную сумму в 200 000 ф. (ст.) можно было бы рассматривать как помощь России в такой войне,

¹ Георг принц Уэльский был назначен регентом королевства 5 февраля (н. ст.) 1811 г., после того, как его отца короля Георга III из-за обострившейся психической болезни признали недееспособным. Принцем-регентом Георг оставался до смерти отца 29 января (н. ст.) 1820 г. Этот период в истории Великобритании называется «эпохой Регентства» (*англ. Regency*), после чего начался период правления короля Георга IV (до 1830 г.).

в которой она участвовала?» (The Parliamentary Debates... 1813: 328–331).

Решительно против выделения средств выступили представители вигов, полагавшие: мизерная сумма не принесет России ни малейшей пользы, но нарушит справедливость по отношению к британским трудящимся. «В сущности, это пособие оказалось жалкой, ничтожной субсидией, выдаваемой для продолжения войны», — отмечал С. Уайтбред (Сочувствие англичан... 1876: 497). Его поддержал радикал Ф. Бэрдетт, обративший внимание парламентариев на тот факт, что, когда умирающие от голода английские рабочие обращались к ним за помощью, им отвечали: в настоящее время необходима строгая экономия, а парламент не в состоянии выдать пособие таких размеров, чтобы оно принесло им действительную пользу (Там же: 497–498). Все же, несмотря на протесты, Палата общин приняла решение о предоставлении россиянам, пострадавшим от нашествия врага, 200 тыс. ф. ст. и для его исполнения образовала специальный «Комитет помощи» («Committee of Supply») (АВПРИ 2: 10)².

В отечественной историографии подчеркивались ничтожность этой суммы и стремление британского правительства подменить свои союзнические обязательства «частной благотворительностью отдель-

ных богатых англичан» (Зак 1963: 56). Действительно, разрушение одной только Москвы стоило России, по оценке британского представителя при штабе М. И. Кутузова генерала Р. Т. Вильсона, не менее 25 млн ф. ст. (Вильсон 1995: 233). Общий ущерб от разорения Москвы и Московской губернии доходил до 321 млн руб. (Жафинов 1912: 128). Румянцев умолял императора «отклонить сие предложение, имеющее вид милостинного подаяния от народа чуждого и иноплеменного великодушным подданным обширной вашей империи». Он сообщал о том, что во время встречи с британским послом генералом У. Шоу лордом Каткартом тот заявил ему о возможности предоставить России только часть выделенной суммы наличными деньгами (по 50 руб. на чел.), а остальное товарами (в основном одеждой и обувью) британского производства из расчета на 50 тыс. чел. Здесь «легко может скрываться и то намерение, чтобы привить им (русским. — *Авт.*) новые привычки, и среди самого народа, и между крестьянами посеять привязанность, вместо отечественной простоты, к тем иностранным прихотям, которые одни только англичане удовлетворить в состоянии», — высказывал опасение протекционистски настроенный министр (Указы... 1870: 475–476).

Адмирал Н.С. Мордвинов, находившийся в ссылке в Пензе за связь с опальным бывшим государственным секретарем М.М. Сперанским, советовал Александру I просить у Великобритании заем в 20 млн ф. ст. (320 млн руб. асс.) с 6% годовых в течение 16 лет и с 4% в 17-й год.

² Текстовую версию дебатов см.: URL: api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1812/dec/18/prince-regents-message-for-relief-to-the (дата обращения: 15.11.2018).

Часть денег (60 млн) он предлагал раздать москвичам в виде кредитов с рассрочкой платежа, другую часть (160 млн) употребить на выкуп у населения обесценившихся ассигнаций, ежегодно сжигая из них по 20 млн. Из оставшихся 100 млн руб. можно было, по его мнению, образовать военный капитал, который в мирное время превратить в трудопоощрительный (Адмирал Мордвинов... 1911: 442–446).

Император не последовал ни тому, ни другому совету. Возможно, в них содержались зерна истины, но они были политически несвоевременными. Отказ от предложенных денег мог оскорбить британскую общественность и укрепить недоверие правящих кругов страны к России. Реально рассчитывать на предоставление столь крупного займа, как уже показал опыт 1806–1807 гг., не приходилось. («На займы иностранные вряд ли можно много считать (т. е. рассчитывать. — *Авт.*), по недостатку везде денег, даже в самой Англии», — еще в июле 1812 г. писал Александр I председателю Государственного совета и Комитета министров гр. Н.И. Салтыкову (Император Александр Павлович... 1881: 663).) Поэтому 20 января 1813 г. он официально повелел канцлеру «вступить в нужные сообщения с Великобританским послом... объявляя ему, что предлагаемые пособия приемлются с признательностью» (АВПРИ I: 5; Указы... 1870: 476–477), а на письмо ссыльного Мордвинова, естественно, не последовало вовсе никакого ответа.

Деньги поступили в Россию двумя партиями в марте и мае 1813 г. Сум-

ма за вычетом издержек по переводу составила 2268227 руб. 25 коп. (Сын Отечества 1813: 256; Вестник Европы 1813а: 150; 1813б: 155). Не трудно подсчитать, что это была лишь часть обещанного кредита, а именно та, которую Каткарт предлагал предоставить наличными деньгами.

Общественность Великобритании, крайне недовольная затяжками с финансовой помощью России, самостоятельно начала проводить по всей стране подписку на эти цели. Списки пожертвований, публиковавшиеся в газетах, удивляют количеством небольших даров от бедных людей. Например, 8 ф. ст. 13 шил. 6 пенсов были даны группой парусных мастеров и ткачей фабрики Лаймхаус, 3 ф. ст. 3 шил. — двумя плотниками и каменщиком, 1 ф. ст. 10 шил. поступил от 15 рабочих мануфактуры Уэлера и Картрайта, 1 шил. был пожертвован «для бедных людей в армии Кутузова», 5 или 6 (в тексте указано так: 5/6) пенсов записаны как «лепта прядильщиц» («Spinster's Mite») и т. д. Эти суммы резко контрастировали с богатыми дарами состоятельных британцев: принца-регента (2 тыс. ф. ст.), его брата Фредерика герцога Йоркского (300 ф. ст.), Ливерпула, министра иностранных дел Р.Г. Стюарта лорда Каслри, лорда Бекингэма³, Д. Райдера лорда Гарроуби (по 100 гиней от каждого) — и с такой же суммой, собранной коллективом

³ Вероятно, имеется в виду маркиз Бекингэм, племянник У. Гренвилла, член Палаты общин Р. Темпл-Ньюджент-Брайдос-Чандос-Гренвилл, или его отец Дж. Ньюджент-Темпл-Гренвилл (умер в феврале 1813 г.).

газеты «Таймс» (*Anderson* 1956: 415; 1958: 220).

Простые британцы были готовы идти практически на любые жертвы, чтобы поддержать борьбу континентальных государств против Наполеона. Их чувства отразились в одном любопытном факте. Во время визита Александра I и прусского короля Фридриха Вильгельма III в Великобританию в июне 1814 г., проезжая из Дувра в Лондон по территории графства Кент, около дороги они увидели небольшой домик, украшенный флагами, венками, лентами и пр. На большом листе было написано: «Благодарим вас, Цари-посетители, за храбрую помощь в общем деле. Вы сразились и победили. Теперь мы можем спокойно жить в старой Англии, и в мире есть говяжье жаркое и пудинг с изюмом» (Перечень известий... 1814: 89). Наивное проявление чувства благодарности весьма понравилось союзным монархам. Ясно, что британцы представляли себе возможные последствия завоевания их родины Наполеоном как тотальное ограбление населения. Радость победы вылилась в понятный простому человеку, жизнь которого в эпоху наполеоновских войн была далеко не изобильной, лозунг.

В конце декабря 1812 г. в Лондоне начался сбор пожертвований. Он сопровождался немалыми трудностями, в основном в плане того, чтобы привлечь влиятельных лиц из королевской семьи, правительства, парламентских партий для придания кампании общегосударственного значения. В дневнике Уилберфорса под 23 декабря (н. ст.) записано:

«Русская встреча в таверне “Корона и Якорь”. Председательствовал принц Йоркский. Были лорд Ливерпул, лорд Каслри, принц Йоркский, Н. Ванситтарт (лорд Бексли)⁴, лорд Гарроуби, лорд Бекингэм, несколько заместителей секретарей (т.е. заместителей министров. — *Авт.*), 4–5 русских купцов⁵. Всего человек 60–70». Далее он записал, что о состоявшейся встрече мало кто знал из влиятельных лиц. Видный аболлиционист Г. Брум прислал узнать, есть ли на встрече виги, и если есть, тогда он придет. Уилберфорс очень просил его («я надавил на него» — «I pressed him...») написать лидеру вигов в Палате лордов (племяннику знаменитого Ч.Дж. Фокса) Г.Р. Вассал-Фоксу лорду Холланду с целью организовать еще одну такую встречу. 24 декабря Адольф Фредерик герцог Кембриджский (младший сын короля Георга III) ничего не знал о «русской встрече». Не знал об этом и мистер Стивен (вероятно, Дж. Стивен (Stephen), муж сестры Уилберфорса). Автор написал банкиру С. Торнтону (члену правления «Российской компании») и Ливерпулу с просьбой организовать предварительную встречу до наступления Рождества. Встреча состоялась 26 декабря (н. ст.). Уилберфорс отметил: все еще много проблем с организацией. Но все же на встрече были Ливерпул, лорд Гарроуби, Ванситтарт, С. Торнтон.

⁴ Титула 1-го барона Бексли из Бексли в графстве Кент Ванситтарт был удостоен в марте 1823 г.

⁵ То есть, видимо, купцов «Российской (Московской) компании» (*англ.* Muscovy Company) — английской торговой компании, основанной в 1551 г. и до 1698 г. обладавшей монополией на торговлю с Россией. Действовала до Октябрьской революции 1917 г.

Оттуда Уилберфорс отправился к секретарю российского посольства, чтобы сказать ему, что английские купцы и производители хотели бы организовать поставки товаров в Россию (The Life of William Wilberforce [1838]: 89–90)⁶. На возобновление в полном объеме российско-британской торговли очень надеялись и российские, и британские купцы, однако эту проблему удастся урегулировать только к началу 1816 г. (Орлов 2005: 258–260).

При сборе средств в Лондоне и других городах проходили многолюдные митинги, выступавшие на которых неоднократно подчеркивали: «русские не только спасли свою страну, но спасут и Европу». «Помогая России, мы служим Англии», — утверждали они (Гуткина 1962: 89). 30 декабря (н.ст.) 1812 г. на большом собрании в столичном районе Стрэнд С.Торнтон говорил следующее: «Цель Наполеона — изгнать с континента промышленную продукцию Великобритании. Это должен понять каждый англичанин». Но его карьера «скоро будет кончена» и в этой «великой перемене усилия русских сыграли главную роль» (Гуткина, 1962: 89). Британская армия в Испании также выиграла от поражения французов в России, говорили другие ораторы. Нередкими, однако, были и выражения радости по поводу того, что их родине «не пришлось пережить русских невзгод». Митинг посетили 60 или 70 чел. публики из не-

знатных сословий. Весьма важным представляется факт присутствия на нем герцога Йоркского и наиболее влиятельных министров кабинета Ливерпула (Anderson 1958: 220, note 2). В этот же день состоялась встреча купцов в «Лондонской таверне» («City of London Tavern») в помощь государственной подписке для русских солдат. В течение нескольких часов было собрано 10 200 ф. ст. Около 12 тыс. ф. ст. было собрано в Вестминстере, и, как сообщал «Европейский журнал», большие суммы денег продолжали поступать ежедневно (The European Magazine... 1813: 53).

В начале 1813 г. общественная кампания по сбору средств была подкреплена театральной постановкой двухактной музыкальной пьесы ирландского актера и писателя (отца знаменитого драматурга Р. Шеридана) Т. Шеридана «Русский». Премьера пьесы, написанной в марте 1813 г. (она никогда не была издана), состоялась 13 мая (н. ст.) в театре Друри-лейн в Лондоне. По сценарию, русские солдаты оставили своего раненого товарища на поле боя, посчитав его убитым. Его жена хочет отыскать тело мужа, чтобы достойно похоронить, но никто из соотечественников не соглашается прийти ей на помощь. Единственным, кто вызвался помочь, оказался доброжелательный ирландец (его образ символизирует Великобританию). Женщина с ребенком и их добровольный помощник отправляются на поиски. Мужа женщины они находят живым, но теперь уже вчетвером вынуждены спастись от холода и снега. Муж сначала спасает от смерти ребенка,

⁶ Дневник Уилберфорса за 1812–1818 гг. см: URL: books.google.ru/books?id=0i7dE45d1ZQC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 20.11.2018).

но вынужден задержаться, и его жену находят казаки и приводят к нему («then he is in his turn distracted till the Cossacks bring him his wife»). Пьеса заканчивается «русским» танцем и комплиментами в адрес английской щедрости и добродетели (The Literary Panorama 1813: 976). Эта пьеса выдержала 14 показов на лондонской сцене.

Широкая общественная кампания и все более утешительные вести с полей сражений заставили правящие круги Великобритании сменить позицию осторожной политической поддержки России на словах на понимание необходимости более действенной помощи. Хотя все это происходило очень медленно. «Мы не испытываем к ним (русским. — *Авт.*) такого же расположения, как к испанцам, хотя они сделали нам больше добра и за меньшую цену», — писал 8 января (н. ст.) 1813 г. жене своего младшего брата британский дипломат Ф. Джексон (The Bath Archives 1873: 3).

Тем временем газеты разнесли по всей Великобритании известия из России, и простые люди продолжали собирать по подписке деньги для жителей разоренных наше­ствием французов областей империи Александра I. Насколько существенной была эта помощь? Один из авторов данной статьи в свое время писал: «Остается неизвестным, поступила ли в Россию другая часть выделенных (парламентом) средств. Но полученные деньги, скорее всего, как и опасался Уайтбред, были израсходованы на военные нужды» (Орлов 2005: 234). Архивные документы позволяют про-

яснить этот вопрос и дополнить его новыми сведениями⁷.

Указом императора 19 ноября 1812 г. была образована, говоря современным языком, общественная организация под государственным контролем с названием «Сословие призрения разоренных от неприятеля»⁸. Она вела учет поступивших от россиян, а позже и полученных из Англии пожертвований. В 1817 г., в связи с закрытием организации, ее руководители составили «Генеральную ведомость» поступивших средств и их расходов. Общая сумма пожертвований, собранных «Сословием» за период с 19 ноября 1812 г. по 7 августа 1817 г., составила 6264227 руб. Из Англии было получено пожертвований на сумму в 4223225 руб. 5 коп., т.е. доля английских денег, по нашим подсчетам, составила почти 75,8%. Согласно ведомости, материальную помощь от «Сословий» получили 9446 семей. Большинство получате-

⁷ Сведения о пожертвованиях, поступивших из Англии, взяты из «Дела об учреждении "Сословия по оказанию помощи пострадавшим от войны 1812 года"...» (7 декабря 1812 г. — 6 августа 1817 г.), хранящегося в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Петербурге (РГИА: Д. 1).

⁸ В источниках встречаются и другие названия: «Сословие по оказанию помощи пострадавшим от войны 1812 года» и «Сословие попечителей призрения разоренных от неприятеля в 1812 году». Государственный контроль за деятельностью организации обеспечивался составом попечителей. Это были пять высших сановников: председатель Департамента законов Государственного совета гр. В. П. Кочубей, государственный секретарь адмирал А. С. Шишков, обер-шенк гр. Н. Н. Головин, обер-гофмаршал гр. Н. А. Толстой и обер-прокурор Святейшего Синода кн. А. Н. Голицын. 6 декабря 1812 г. общество возглавил Кочубей.

лей было из Московской (2284227 руб. на 3316 семей) и Смоленской губерний (2243270 руб. на 4777 семей) (РГИА: Д. 5. Л. 59; об этом см. также: *Болдина* 2013: 263–270).

Но случалось и так, что пособие выдавалось жившим в России англичанам, пострадавшим от вражеского нашествия. В «Генеральной ведомости» можно найти информацию о более чем 70 (число приблизительное, поскольку некоторые прошения подавались от всей семьи) британских подданных, получивших в 1812–1815 гг. разные суммы (от 400 до 8 тыс. руб.) в качестве компенсации потерянного имущества. Крупные суммы получили пасторы Л.К. Питт (он просил выдать 4–5 тыс. руб., но по воле Александра I выдали 6 тыс.) и Б. Бересфорд (1 тыс. руб., кроме 5 тыс., выданных лично ему за утраченное имущество)⁹ для раздачи своим прихожанам (РГИА: Д. 29. Л. 27 – 27 об.; Д. 34. Л. 115 – 115 об.). Знаменитый ирландский композитор Джон Филд (Иван Фильд) получил 2 тыс. руб., механик по шерсточесальным машинам Василий (Уильям) Шервуд (отец донесшего на декабристов Ивана (Джона) Шервуда и дед архитектора В.И.(О.) Шервуда) – 3 тыс., лектор английского языка и английской словесности в Московском университете Ф.Я. (Томас) Эванс – 1 тыс. руб. (РГИА: Д. 5. Л. 35, 49, 52). Но и простые ремесленники не оставались без помощи. Так, 15 декабря 1812 г. трое из пяти попечителей «Сословий» по ходатайству Питта одобри-

ли выдачу 1 тыс. руб. английскому ювелиру Ивану (Джону) Баннистеру, «потерпевшему весьма много в Москве от разорения неприятельского...». Деньги для него получил Голицын (РГИА: Д. 29. Л. 2).

Ходатайства британцев, оставшихся во время оккупации в Москве, позволяют дополнить новыми подробностями ужасную картину бед, перенесенных не только русскими, но и англичанами. (Эта информация уточняет сведения о тех британцах, кто не смог уехать из города и погиб или потерял свое имущество (*Орлов* 2003; 2005: 237–253)). Так, например, англичанка Елизавета Ембер (Эмбер), воспитательница дочерей кн. Д. Е. Багратиона, вместе с которыми она покинула Москву, в ходатайстве на имя императрицы Елизаветы Алексеевны сообщала, что ее муж и сын «не имели никаких средств выехать, оставались в Москве и безвести (так в тексте. – *Авт.*) пропали» (РГИА: Д. 31. Л. 78). Супруга шотландского купца Джона Тиориаса Изабелла, оставшаяся в Москве с дочерью, писала: «...узнав, что мы аглинской нации, (неприятель) не удовольствовался тем, что он изторгнул все наше имение, даже (не исключая) белья и платья, но, поступая с нами так сурово и насильственно, что мы и сдоровья (так в тексте. – *Авт.*) нашего лишились». Врач рекомендовал ей с дочерью отправиться для лечения «переменной климата» в Англию, и с этой целью они выехали в Петербург, вероятно, в феврале – марте 1813 г. Однако по дороге случилось новое несчастье: их карета перевернулась, Изабелла сломала правую руку и долго не могла получить медицинскую

⁹ Питт был капелланом церкви британской фактории в Петербурге, а Бересфорд – пастором реформатской церкви в Москве. О них см.: (*Кросс* 2005: 106, 128–132).

помощь. Все это заставило женщину по прибытии в Петербург обратиться к А.Н. Голицыну (в прошении он ошибочно назван Николаем Александровичем) (РГИА: Д. 32. Л. 105). Перед отъездом из России она оставила Бересфорду доверенность на получение денег (РГИА: Д. 32. Л. 107). «Сословия» постановили выплатить несчастной 6 тыс. руб., но точно неизвестно, получил ли Бересфорд эту сумму (в деле нет его расписки). Изабелла Тиориас, скорее всего, не дождалась компенсации. Она скончалась в Эдинбурге в октябре 1817 г. (*The Scots Magazine... 1817: 399*).

Стоит отметить, что, кроме «Сословия», в России были и другие общественные благотворительные организации, занимавшиеся сбором средств в пользу жертв войны. Так, например, «Женское патриотическое общество», начавшее свою деятельность в ноябре 1812 г.¹⁰, в 1812–1817 гг. оказало пособие разоренным от нашествия неприятеля семьям в Смоленске, Москве и Можайске на сумму 95 275 руб., а также организовало раздачу прибывшим из разных губерний и потерпевшим от войны семействам, возвратившимся из ополчения к родственникам (1018 семей), 339 290 руб. (*Рогошина 2016: 42*). Дж. Хартли сообщает о том, что «Женское патриотическое общество» только в 1812–1813 гг. израсходовало на помощь пострадавшим от войны семьям 187 201 руб., из каковой суммы жителям Москвы было выдано 103 262 руб. (*Хартли 2014: 153*).

¹⁰ Оно существовало до Октябрьской революции 1917 г.

Но даже если брать более крупные цифры, которые приводит Хартли, английская доля пожертвований в общей массе собранных средств уменьшается незначительно.

Что же поступало из Англии и когда именно? Из числа попечителей «Сословий...» английские пожертвования принимали Головин и Голицын. Они вели свои «Книги...» с записями пожертвований. Деньги поступали из Англии послу Каткарту, и тот передавал их в «Сословия...» через британского генерального консула в Петербурге Д. Бейли, судя по записям в архивном деле, уже в рублях или в билетах Заемного банка (РГИА: Д. 1. Л. 202 об.)¹¹. В марте 1813 г. (с 13 по 28 марта) из Англии поступили пожертвования на сумму 829 234 руб. 55 коп. плюс 1 руб. 80 коп. медными деньгами. В апреле (с 3-го по 28-е) – 1 244 289 руб. 92 коп. В мае (числа не указаны), кроме оставшейся части суммы от 200 тыс. ф. ст., выделенных парламентом, учтены деньги, собранные по добровольной подписке в таверне «Корона и Якорь» (25 тыс. ф. ст. – 359 245 руб. 46 коп.). 30 июня Бейли передал Голицыну деньги, собранные в Манчестере и Лондоне, на сумму 503 263 руб. 63 коп. Согласно записи от 9 сентября 1814 г., поступили 11 тыс. ф. ст. (224 107 руб.), от 3 октября 1814 г. – 13 264 руб. (РГИА: Д. 14. Л. 6 об. – 8 об., 10 об., 12 об.).

¹¹ Курс ассигнационного рубля по отношению к фунту стерлингов в 1813–1815 гг. постоянно падал, и это создавало дополнительные трудности при обмене валюты. Начавшись в январе 1813 г. с 15 руб. асс. за 1 ф. ст., к концу 1815 г. курс упал до 24 руб. асс. (*Орлов 2005: 350, табл.*).

Бейли регулярно доставлял в «Соловья...» деньги из Англии. Это были пожертвования «от жителей (шотландского портового) города Гринок» (1 тыс. ф. ст.), суммы, собранные в «Лондонской таверне» (38 тыс. ф. ст.), в таверне «Корона и Якорь» (10 200 ф. ст.), в т. ч. и 215 ф. ст. «от жителей Бристоля», просивших употребить деньги исключительно «в пользу Русских крестьян, кои, не участвовав действительным образом в войне, потеряли свою собственность от нашествия французов» (РГИА: Д. 1. Л. 202). Бристольские квакеры-пацифисты присылали деньги и в дальнейшем, но при этом просили выдавать их «только таким особам, которые, претерпевшие от войны, в оной не участвовали» (РГИА: Д. 1. Л. 204). Всего английских пожертвований на 22 декабря 1813 г. поступило: по книге Головина – 3 221 212 руб. 21 коп.; по книге Голицына – 1 240 269 руб. 84 коп. (всего – 4 261 232 руб. 21 коп.) (РГИА: Д. 1. Л. 244). Согласно «Генеральной ведомости», как говорилось выше, эта сумма увеличилась еще на 262 293 руб. и составила 4,8 млн руб. (РГИА: Д. 5. Л. 60).

Таким образом, архивные документы свидетельствуют о том, что английские пожертвования 1812–1814 гг., большая часть которых была собрана представителями общест-венности, деловых кругов и даже простыми людьми (вспомним «лепту прядильщиц»), заинтересованными, кроме победы над Наполеоном, в скорейшем возобновлении англо-русской торговли и в оживлении зависящих от нее отраслей экономики, оказались очень важны для жителей разоренных войной

губерний России. Эти пожертвования, конечно, не могли коренным образом повлиять на улучшение положения россиян, долгое время остававшегося крайне тяжелым, но все же способствовали тому, что значительная часть потерявших кров и имущество людей не умерли с голода в течение двух самых трудных послевоенных годов. Кроме того, введенные в оборот источники позволяют скорректировать имевшуюся ранее в отечественной литературе информацию об употреблении российскими властями поступивших из Англии в 1812 г. денежных средств не на нужды своего населения, а на военные расходы.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

АВПРИ 1 – Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 1 (Административные дела), III-11 (1813 г.). Д. 38.

АВПРИ 2 – АВПРИ. Ф. 133 (Канцелярия министра иностранных дел). Оп. 468. Д. 4343.

РГИА – Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1309 (Сословие попечителей призрения разоренных от неприятеля в 1812 г.). Оп. 1.

Адмирал Мордвинов... 1911 – Адмирал гр. Н. С. Мордвинов и его «способ вспомоществования» участникам Отечественной войны (Материалы для войны 1812 г.). Сообщ. В. [А.] Пасенко // Русская старина. 1911. Т. 147. № 9. С. 442–446.

Вестник Европы 1813а – Вестник Европы. 1813. Ч. 68. № 5.

Вестник Европы 1813б – Вестник Европы. 1813. Ч. 69. № 10.

Вильсон 1995 – Вильсон Р. Т. Дневник путешествий, службы и общественных

событий в бытность при европейских армиях во время кампаний 1812–1813 года. Письма к разным лицам / сост. С.Н. Исколь, Д.В. Соловьев. СПб., 1995.

ВПр 1962 – Внешняя политика России XIX и начала XX в. (ВПр). Документы российского Министерства иностранных дел. Серия 1. 1801–1815 гг. Т. VI. М., 1962.

Император Александр Павлович... 1881 – Император Александр Павлович и его время. Исторические материалы, к нему и к его эпохе относящиеся. 1804–1820. II. Из переписки императора Александра I с графом Салтыковым. 1812 г. // Русская старина. 1881. Т. 32. № 11. С. 662–665.

Сочувствие англичан... 1876 – Сочувствие англичан к русскому народу. Из протоколов Английского Парламента. 1812 г. Сообщ. Ральстоном // Русский архив. 1876. Кн. III. № 12. С. 496–498.

Сын Отечества 1813 – Сын Отечества. 1813. Ч. III. Раздел VI. Новости.

Указы... 1870 – Указы, рескрипты, письма, донесения, предания, заметки // Русская старина. 1870. Т. I. № 1. С. 389–482.

Memoir of Joseph Hardcastle 1860 – Memoir of Joseph Hardcastle, Esq., First Treasurer of the London Missionary Society. A Record of the Past for his Descendants. L., 1860.

Reports... 1814 – Reports of the Committees formed in London in the Year 1814 for the Relief of the Unparalleled Distresses in Germany and other parts of the Continent. L., 1814.

The Bath Archives 1873 – The Bath Archives. A further selection from the Diaries and Letters of Sir George Jackson, K. C. H., From 1809 to 1816 / ed. by Lady [C. H. Ch.] Jackson. Vol. II. L., 1873.

The European Magazine... 1813 – The European Magazine, and London Review. Vol. LXIII. L., 1813.

The Evangelical Magazine 1805 – The Evangelical Magazine. Vol. XIII. L., 1805.

The Life of William Wilberforce [1838] – The Life of William Wilberforce. By His Sons, Robert Isaac Wilberforce and Samuel Wilberforce. In five volumes. Vol. 4. L., MDCCCXXXVIII [1838].

The Literary Panorama 1813 – The Literary Panorama. Vol. XIII. L., 1813.

The Parliamentary Debates... 1812 – The Parliamentary Debates from the Year 1803 to the Present Time. Vol. XIX. L., 1812.

The Parliamentary Debates... 1813 – The Parliamentary Debates from the Year 1803 to the Present Time. Vol. XXIV. L., 1813.

The Scots Magazine... 1817 – The Scots Magazine and Edinburgh Literary Miscellany. Vol. LXXX. Edinburgh, 1817.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

Болдина 2013 – *Болдина Е.Г.* Западные уезды Московской губернии после освобождения (ноябрь 1812 – март 1813 г.) // «Сей день пребудет вечным памятником...» Бородино 1812–2012. Материалы международной научной конференции, 3–7 сентября 2012 г. / сост. А.В. Горбунов. Можайск, 2013. С. 254–288.

Гуткина 1962 – *Гуткина И.Г.* Отклики в Англии на Отечественную войну 1812 г. // Новая и новейшая история. 1962. № 5. С. 84–91.

Жаринов 1912 – *Жаринов Д.* Москва и пожар московский // Отечественная война и ее причины и следствия. Иллюстрированный сборник / под ред. В.И. Пичеты. М., 1912. С. 117–129.

Зак 1963 – *Зак Л.А.* Англия и германская проблема. (Из дипломатической истории наполеоновских войн). М., 1963.

Кросс 2005 – *Кросс Э. [Г.]* Британцы в Петербурге: XVIII век / пер. с англ. Н.Г. и Ю.Н. Беспятовых. СПб., 2005.

Марней 2009 — *Марней Л. П.* Д. А. Гурьев и финансовая политика России в начале XIX века. М., 2009.

Марней 2014 — *Марней Л. П.* Финансы Российской империи периода Отечественной войны 1812 года и зарубежных походов русской армии // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международной конференции «Россия и Наполеоновские войны» (Межотне). XII. Сборник материалов: К 200-летию Зарубежных походов российской армии 1813–1814 годов / ред.-сост. В. М. Безотосный, А. А. Смирнов. М., 2014. С. 177–191.

Носова 2016 — *Носова Г. В.* О роли основных налогоплательщиков (физических лиц) в формировании доходной части бюджета в 1813–1815 гг. // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XIV. Сборник материалов / ред.-сост. В. М. Безотосный, Л. В. Митрошенкова, А. А. Смирнов. М., 2016. С. 260–293.

Орлов 2003 — *Орлов А. А.* Британцы в Москве в 1812 году: вымысел и реальность // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 129–136.

Орлов 2005 — *Орлов А. А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005.

Перечень известий... 1814 — Перечень известий из Англии // Сын Отечества. 1814. Ч. XV. Первое прибавление к 27 книжке журнала. № LIII. Отд. VII. Смесь.

Радецкий, Горохова 1962 — *Радецкий М., Горохова Н.* 1812 год: Мир приветствовал великую победу русского народа // Международная жизнь. 1962. № 8. С. 154–158.

Рогинский 1978 — *Рогинский В. В.* Швеция и Россия. Союз 1812 года. М., 1978.

Розушина 2016 — *Розушина Л. Г.* Общественная благотворительность пострадавшим от Отечественной войны

1812 г.: Женское патриотическое общество (организация, структура, состав, деятельность) // Петербургские военно-исторические чтения. Всероссийская научная конференция с международным участием. Санкт-Петербург, 20 марта 2015 г. Сборник научных статей. СПб., 2016. С. 37–44.

Трошин 2016 — *Трошин Н. Н.* Деньги для Европы (из истории финансирования Зарубежного похода русской армии 1813–1814 гг.) // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. XIV. Сборник материалов / ред.-сост. В. М. Безотосный, Л. В. Митрошенкова, А. А. Смирнов. М., 2016. С. 109–118.

Хартли 2014 — *Хартли Дж. М.* 1812 год — патриотизм в провинции: добровольцы и пожертвования // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Доклады Международной конференции «Россия и Наполеоновские войны» (Межотне). XII. Сборник материалов: К 200-летию Зарубежных походов российской армии 1813–1814 годов / ред.-сост. В. М. Безотосный, А. А. Смирнов. М., 2014. С. 141–158.

Anderson 1956 — *Anderson M. S.* British Public Opinion and the Russian Campaign of 1812 // The Slavonic and East European Review. 1956. Vol. 34. № 83 (June). P. 408–425.

Anderson 1958 — *Anderson M. S.* Britain's Discovery of Russia 1553–1815. L., 1958.

Götz 2014 — *Götz N.* Rationales of Humanitarianism: The Case of British Relief to Germany, 1805–1815 // Journal of Modern European History. 2014. Vol. 12. № 2. P. 186–199.

Götz 2015 — *Götz N.* 'The Good Plumpuddings' Belief: British Voluntary Aid to Sweden During the Napoleonic Wars // The International History Review. 2015. № 37 (3). P. 519–539.

Kloes 2014 — *Kloes A.* The Committee for the Relief of Distress in Germany: A Case Study of Cooperation and Solidarity between

British Evangelicals and German Pietists during the Napoleonic Era // Pietismus und Neuzeit: Ein Jahrbuch zur Geschichte

des neueren Protestantismus. Band 40. Göttingen: Vandenhoeck & Rupprecht, 2014. P. 163–201.

"SPINSTER'S MITE". BRITISH MONETARY ASSISTANCE TO RUSSIANS AFTER THE PATRIOTIC WAR OF 1812

Kunitsyn Alexander A. — Postgraduate student of the Department of Modern and Contemporary History, Moscow Pedagogical State University (MPGU) (Moscow)

Orlov Alexander A. — doctor of historical sciences, professor of the Department of Modern and Contemporary History, Moscow Pedagogical State University (MPGU) (Moscow)

Key words: Patriotic War of 1812, British donations of 1812–1814, British charity at the beginning of the 19th century, Russian finances of the Napoleonic Wars era.

Abstract. The idea that England did not provide Russia with effective assistance during the Patriotic War of 1812 was established in Russian historiography a long time ago. The ruling circles of Britain, indeed, hesitated with help, fearing that Napoleon would be able to defeat quickly the Russian army and Alexander I would conclude a peace treaty with him. But the public of Great Britain, especially business representatives interested in the early resumption of Anglo-Russian trade and in reviving its dependent sectors of the economy badly affected by the continental blockade, managed to organize a fund-raising campaign for the affected Russians throughout the country. Archival documents indicate that the English donations of 1812–1814, some of which were collected by ordinary people, were significant and this made it possible to provide effective assistance to the inhabitants of Russia's war-torn provinces. In addition, archival sources make it possible to correct information previously available in the domestic literature about the use of money by the Russian authorities from England in 1812 not for helping its people, but for military needs.

REFERENCES

Anderson M.S. British Public Opinion and the Russian Campaign of 1812. *The Slavonic and East European Review*, 1956, vol. 34, no. 83 (June), pp. 408–425.

Anderson M. S. *Britain's Discovery of Russia 1553–1815*. L., 1958.

Boldina E. G. Zapadnye uезdy Moskovskoi gubernii posle osvobozhdeniia (noiabr' 1812 – mart 1813 g.). *"Sei den' prebudet vech-*

nym pamiatnikom...' Borodino 1812–2012. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 3–7 sentiabria 2012 g., sost. A. V. Gorbunov. Mozhaisk, 2013, pp. 254–288.

Gotz N. Rationales of Humanitarianism: The Case of British Relief to Germany, 1805–1815. *Journal of Modern European History*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 186–199.

Gotz N. 'The Good Plumpuddings' Belief: British Voluntary Aid to Sweden During

the Napoleonic Wars. *The International History Review*, 2015, no. 37 (3), pp. 519–539.

Gutkina I. G. Otkliki v Anglii na Otechestvennuiu voynu 1812 g. *Novaia i noveishaia istoriia*, 1962, no. 5, pp. 84–91.

Khartli Dzh. M. 1812 god – patriotizm v provintsii: dobrovol'tsy i pozhertvovaniia. *Epokha 1812 goda. Issledovaniia. Istochniki. Istoriografiia. Doklady Mezhdunarodnoi konferentsii "Rossiia i Napoleonovskie voiny" (Mezhotne). XII. Sbornik materialov: K 200-letiiu Zagranichnykh pokhodov Rossiiskoi armii 1813–1814 godov*, red.-sost. V. M. Bezotosnyi, A. A. Smirnov. Moscow, 2014, pp. 141–158.

Kloes A. The Committee for the Relief of Distress in Germany: A Case Study of Cooperation and Solidarity between British Evangelicals and German Pietists during the Napoleonic Era. *Pietismus und Neuzeit: Ein Jahrbuch zur Geschichte des neueren Protestantismus*. Band 40. Göttingen: Vandenhoeck & Rupprecht, 2014, pp. 163–201.

Kross E. [G.] *Britantsy v Peterburge: XVIII vek*, per. s angl. N. G. i Iu. N. Bespiatykh. St. Petersburg, 2005.

Marnei L. P. D. A. *Gur'ev i finansovaia politika Rossii v nachale XIX veka*. Moscow, 2009.

Marnei L. P. Finansy Rossiiskoi imperii perioda Otechestvennoi voiny 1812 goda i zagranichnykh pokhodov russkoi armii. *Epokha 1812 goda. Issledovaniia. Istochniki. Istoriografiia. Doklady Mezhdunarodnoi konferentsii "Rossiia i Napoleonovskie voiny" (Mezhotne). XII. Sbornik materialov: K 200-letiiu Zagranichnykh pokhodov Rossiiskoi armii 1813–1814 godov*, red.-sost. V. M. Bezotosnyi, A. A. Smirnov. Moscow, 2014, pp. 177–191.

Nosova G. V. O roli osnovnykh nalogoplatel'shchikov (fizicheskikh lits) v formirovanii dokhodnoi chasti biudzheta v 1813–1815 gg. *Epokha 1812 goda. Issledovaniia.*

Istochniki. Istoriografiia. XIV. Sbornik materialov, red.-sost. V. M. Bezotosnyi, L. V. Mitroshenkova, A. A. Smirnov. Moscow, 2016, pp. 260–293.

Orlov A. A. Britantsy v Moskve v 1812 gody: vymysel i real'nost'. *Voprosy istorii*, 2003, no. 12, pp. 129–136.

Orlov A. A. *Soiuz Peterburga i Londona. Rossiisko-britanskii otnosheniia v epokhu napoleonovskikh vojn*. Moscow, 2005.

Perechen' izvestii iz Anglii. *Syn Otechestva*. 1814. Ch. XV. Pervoe pribavlenie k 27 knizhke zhurnala. No. LIII. Otd. VII. Smes'.

Radetskii M., Gorokhova N. 1812 god: Mir privetstvoval velikuiu pobedu russkogo naroda. *Mezhdunarodnaia zhizn'*, 1962, no. 8, pp. 154–158.

Roginskii V. V. *Shvetsiia i Rossiia. Soiuz 1812 goda*. Moscow, 1978.

Rogushina L. G. Obshchestvennaia blagotvoritel'nost' postradavshim ot Otechestvennoi voiny 1812 g.: Zhenskoe patrioticheskoe obshchestvo (organizatsiia, struktura, sostav, deiatel'nost'). *Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniia. Vserossiiskaia nauchnaia konferentsiia s mezhdunarodnym uchastiem. Sankt-Peterburg, 20 marta 2015 g. Sbornik nauchnykh statei*. St. Petersburg, 2016, pp. 37–44.

Troshin N. N. Den'gi dlia Evropy (iz istorii finansirovaniia Zagranichnogo pokhoda russkoi armii 1813–1814 gg.). *Epokha 1812 goda. Issledovaniia. Istochniki. Istoriografiia. XIV. Sbornik materialov*, red.-sost. V. M. Bezotosnyi, L. V. Mitroshenkova, A. A. Smirnov. Moscow, 2016, pp. 109–118.

Zak L. A. *Angliia i germanskaia problema. (Iz diplomaticheskoi istorii napoleonovskikh vojn)*. Moscow, 1963.

Zharinov D. Moskva i pozhar moskovskii. *Otechestvennaia voina i eia prichiny i sledstviia. Illiustrirovannii sbornik*, pod red. V. I. Pichety. Moscow, 1912, pp. 117–129.

АРХИВЫ И КОНСПИРОЛОГИЯ

Ключевые слова: Свердлов, конспирология, исторические мифы, Гражданская война, террор, Ленин, Троцкий, Николай II.

Аннотация. В статье анализируются конспирологические и мифологические версии истории, связанные с описанием деятельности Я. Свердлова в 1918 г. Для мифостроителей Свердлов важен и как еврей, и как фигура, апологизированная в советской историографии, и как один из лидеров РКП(б) и формальный глава советского государства. Рассматривая описание деятельности Свердлова такими авторами, как С. С. Войтиков, Ю. Г. Фельштинский и П. В. Мультагули, автор статьи показывает, что мифостроительство может сочетаться с обильным цитированием источников и литературы, что совершенно не гарантирует корректность выводов и построений историка, который подбирает факты под заранее созданную идеологическую картину.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-188-201

Может показаться, что создание исторических мифов и конспирологических теорий вытекает из плохого знания источников, дилетантского фантазерства и примитивных идеологических заказов, характерных для журналистики. Однако это совсем не обязательно так. Раньше, обличая мифотворчество, я рекомендовал студентам перед тем, как начинать читать или даже принимать решение — стоит ли читать книгу, — смотреть на сноски к ней. Если мало архивов и ссылок на научную, академическую литературу, то нужно быть осторожными, настраивать себя на скептический лад, а то и экономить время

на ознакомлении с очередной экзотической версией. Но процессы постмодернизации знания продолжают углубляться, вчерашние экзотические мнения благодаря телевидению превращаются в доминирующие в публицистике и все глубже проникают в научную среду. Сегодня увлечься конспирологическими теориями вполне может человек, работающий в архивах. А насыщенность публикации архивными материалами традиционно придает ей солидность и впечатление доказательности.

Однако научность основана на двух столпах — источниках и их рациональном (логичном) анализе и синтезе. Обилие источников ничего не дает, если нарушается логика. Есть два пути работы с источниками. При первом, научном,

© А. В. Шубин, 2019

Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва); historian905@gmail.com

автор не знает ответа на свои вопросы заранее, источники позволяют ему находить эти ответы в несколько этапов. Сначала выстраивая гипотезу — модель реальности, опирающуюся на предшествующие исследования и ту часть источников, с которых исследователь начал свое исследование. Затем происходит уточнение или пересмотр гипотезы. В этом случае исследователю наиболее интересны те источники и факты, которые не вписываются в первоначальную гипотезу.

Но возможен и противоположный путь, более простой — сформировать жесткую гипотезу в начале исследования и затем подбирать материалы под нее. Такой путь называется мифотворчеством. В мифической конструкции кроме обильного материала, подтверждающего некоторые положения, существуют и неизбежные пробелы и изъяны, которые требуют объяснения, но источниками не подтверждаются. Отсутствие источников, подтверждающих мифическую версию, можно объяснить тайным заговором, который скрыл все доказательства. Мифотворчество и конспирология идут рука об руку.

Фигура Я. Свердлова — один из любимейших объектов для мифостроительства, особенно его деятельность в 1918 г., когда он был формальным главой и одним из лидеров Советского государства. Для мифостроителей Свердлов важен и как еврей, и как фигура, апологизированная в советской историографии.

СВЕРДЛОВ КАК СМЕРТЕЛЬНЫЙ ВРАГ ЛЕНИНА

Для начала рассмотрим это явление на примере исследований автора, обильно использующего архивные источники, — С. С. Войтикова. Историк С. С. Войтиков имеет заслуги перед исторической наукой в связи со своими архивными находками, которые его стараниями введены в научный оборот. Он также публикует архивные документы в качестве приложения к своим трудам, давая возможность читателям самим ознакомиться с документами так, как это имеет место в архивных сборниках. И в этом отношении публикации С. С. Войтикова полезны для исследователей независимо от всей той критики, которая с моей стороны последует ниже.

Обнаружив несколько интересных документов, относящихся к механизму принятия решений в большевистском руководстве осенью 1918 г., С. С. Войтиков пытается выстроить на основе своих архивных находок грандиозную картину непримиримой борьбы за власть между Свердловым и Лениным. С. С. Войтиков видит смысл создания нового неконституционного органа Революционного военного совета республики (РВСР) в установлении «военной диктатуры» (Войтиков 2016б: 107) (хотя в документах таких решений нет) и в том, что «Свердлов и Троцкий фактически получили возможность править, прикрываясь Советом как ширмой» (Войтиков 2016а: 219). С тем же успехом можно написать, что Ленин «прикрывался Совнаркомом как ширмой», а Свердлов — «ВЦИКом

как ширмой». Впрочем, даже документы, приводимые С.С. Войтиковым, если их читать так, как они написаны, показывают, что ни о каком самовольном правлении двух лиц речь не могла идти. Даже при принятии решения о создании РВСР во главе с Троцким в бюро ЦК (весь ЦК трудно было собрать в той обстановке), планировалось решить и такой вопрос: «Троцкому разрешается поехать из Москвы...» (Там же: 221). Решения и действия даже самых влиятельных вождей нужно было обсуждать и согласовывать с окружающими товарищами. Этот заведенный Лениным порядок координации в высшем эшелоне власти никто не отменял. Коммунистический режим вообще был основан на том, что решения, принимавшиеся узким кругом руководителей (не двумя людьми, конечно, а ЦК, СНК, президиумом ВЦИК, теперь и РВСР), освящались авторитетом съездов, ВЦИК и Советов. Но советские органы были не просто ширмой, но и аппаратом, через который шла мобилизация кадров и организовывалось осуществление решений.

С.С. Войтиков конструирует некий антиленинский заговор Свердлова по разделу власти на основании списка руководителей, приглашенных на заседание бюро ЦК. Дзержинский оценивается как явный противник Ленина, он же «постоянно выступал против В.И. Ленина по важнейшим политическим вопросам» (Там же: 226). По каким кроме Брестского мира? Сноска стоит — на старческие воспоминания В. Молотова и на заседание Военного совета при Наркоме обороны

1–4 июня 1937 г. (Там же: 707)! Нет надежнее источника для конспирологических теорий.

Коварный Свердлов уже получил «ширму» в виде РВСР, но ему мало, и ширмы начинают множиться. «Свердлову Троцкий подходил в качестве “ширмы” по всем параметрам: амбициозный, властный, но, в силу небольшевистского прошлого, окруженный очень слабой... свитой — а потому управляемый. И тоже еврей — то есть был шанс, что рано или поздно террорист а-ля Леонид Канегисер найдется» (*Войтиков* 2016б: 98–99). То есть Свердлов, окруженный ширмами, ловко управляет Троцким, но почему-то мечтает, что того застрелят враги евреев.

Забыв, что объявил Троцкого ширмой Свердлова, С.С. Войтиков рассказывает: когда Ленина ранили, то у Троцкого возник «реальный шанс укрепить свои позиции во власти. А потому у Свердлова были все основания опасаться соратника» (Там же: 103). Жуки в банке боятся не наступающих со всех сторон белых армий, а друг друга. Параноики просто. Впрочем, С.С. Войтиков, приписывая свои мысли советским вождям, не приводит доказательств, что они действительно так думали.

Свердлов, который после ранения Ленина вел заседания Совнаркома, становится «новым “хозяином”» (Там же: 112). Здесь С.С. Войтиков очевидно перепутал 1918 г. с 1948-м. Вообще образ Свердлова С.С. Войтиков рисует по тем же лекалам, по которым «шестидесятники»-антисталинисты изображали Сталина.

Но при этом, по С.С. Войтикову, хитрый Свердлов «пошел на провозглашение новым вождем революции Л.Д. Троцкого» (Там же: 111), хотя и не находит документы, которые подтверждают такое сенсационное провозглашение. Зато идея о том, что нужно зачем-то обязательно при этом убить Троцкого, становится у Свердлова (точнее, у С.С. Войтикова) просто-таки навязчивой: «подставить другого человека под удар очередной Шарлотты Корде» (Там же). Похоже, у Свердлова (за которого взялся думать С.С. Войтиков) появилась точная информация, что у террористов теперь остался только один патрон (или кинжал). Так что если они убьют Троцкого, то Свердлов спасется.

Пока Свердлов молча обдумывает свои коварные думы, не проявляя придуманных С.С. Войтиковым намерений словесно, то Троцкого просто распирает от ненависти к Ленину. В заголовок одной из глав своей книги С.С. Войтиков выносит «цитату» из Троцкого, который якобы сказал, что Ленину «не хватает металла... в теле...» (Там же: 105). Если бы Троцкий действительно такое сказал, он бы очень удивил слушателей. Но ничего такого Троцкий не говорил. С.С. Войтиков сконструировал эту цитату сам из обрывков слов Троцкого, имеющих совершенно иное значение: «Мы знали, что о т. Ленине по его характеру никто не может сказать, что ему не хватает металла, сейчас у него не только в духе, но и в теле металл...»¹ Здесь и сочувствие,

и комплимент, а совсем не «злорадство», которое Троцкому хочет приписать С.С. Войтиков.

Ранение Ленина вызвало небольшое обсуждение того, кто будет подписывать решения Совнаркома в его отсутствие. Зиновьев предложил, чтобы это был один из наркомов, а не Свердлов, чтобы не нарушать формальное разделение полномочий Совнаркома и ВЦИК. Также Зиновьев предложил сформировать бюро ЦК в составе: Свердлов, Троцкий, с совещательным голосом Рыков, и еще кандидатами Дзержинский, Крестинский и Каменев (Там же: 122–123).

Из этих деловых предложений С.С. Войтиков делает неожиданный вывод, что Зиновьев «признал как совершившийся факт» «временную постановку во главе государственно-партийного механизма Я.М. Свердлова», и это не что иное, как «предательство вождя» (Там же: 124). В чем же предательство? С.С. Войтиков не приводит никаких свидетельств того, что Ленин был противником Свердлова и что Зиновьев обещал Ленину не допустить Свердлова к ведению Совнаркома, а потом предал. Тезис о предательстве нужен для того, чтобы подкрепить конструкцию о борьбе Ленина и Свердлова резкой эмоциональной оценкой и опереть ее, таким образом, на стереотипы, сформированные во время внутрипартийной борьбы 20–30-х гг., где коварный Зиновьев интриговал уже против Сталина.

Но дальше начинается самое интересное. Дело не только

¹ Цит. по: (Войтиков 2016б: 109).

в предательском характере Зиновьева. Он испугался «врагов Ленина», которые могли бы просто убить трусливого Григория, если бы он остался верен Ленину: «упрочение властных позиций Я.М. Свердлова и Л.Д. Троцкого... при демонстративных возражениях сулило председателю Петросовета совершенно случайную, не имеющую, конечно, никакого отношения к товарищам по ЦК, смерть от “эсеровского” (30 августа, выстрелы якобы Ф. Каплан), как вариант — организованного некими “анархистами подполья” (от такого через год погиб друг юности Я.М. Свердлова — секретарь Московского комитета РКП В.М. Загорский-Лубоцкий) теракта или банального схода с рельс поезда...» Здесь С.С. Войтиков почему-то обращается не к облюбованной конспирологами катастрофе, унесшей жизнь Артема (Сергеева), а к авариям с участием Подвойского и Маниковского. Подвойский, правда, остался жив, и новых «покушений» на него не последовало, а Маниковский, как и Артем, погиб уже после кончины самого Свердлова. Но разве такие мелочи могут остановить конспирологические рассуждения? «Тонкая ирония» о «не имеющих никакого отношения» к Свердлову убийствах в этом контексте подчеркивает, насколько наивны те, кто не видит — за всеми убийствами, покушениями и катастрофами 1918–1919 гг. стоят «товарищи из ЦК» и прежде всего Свердлов. Чтобы придать вид научности картине, в которой убийства соратников по партии были поставлены Свердловым на поток, нужно было бы еще поискать связи между Свердловым и лидером «анархистов

подполья» К. Ковалевичем и как-то объяснить изумленному читателю, зачем Свердлову понадобилось тащить своего друга юности Загорского в могилу через несколько месяцев после собственной смерти.

Упоминание в этом контексте Каплан говорит о влиянии на С.С. Войтикова конспирологической версии Ю.Г. Фельштинского о причастности Свердлова к покушению на Ленина. Ю.Г. Фельштинский уверен, что Ленина «заказал» именно Свердлов. Какие основания его подозревать? Во-первых, Ю.Г. Фельштинский считает, что руководители РСФСР с самого начала ее существования вели друг с другом смертельную борьбу. А раз Свердлову удалось после ранения Ленина посидеть в кресле предсовнаркома, то на нем и шапка горит. И к тому же он, не дождавшись результатов расследования, сразу обвинил в преступлении эсеров, которые ни сном ни духом. А Свердлов как раз и сном, и духом, потому что он, по версии Ю.Г. Фельштинского, выпустил свое воззвание о покушении на Ленина практически одновременно с выстрелами: «Это могло произойти только в том случае, если обращение было написано заранее, если Свердлов был осведомлен о планируемом покушении, если он умышленно допустил теракт, а может быть, через ВЧК и Дзержинского, является его непосредственным организатором» (Фельштинский 1999: 193). Вот такой приговор без права обжалования на столь жидкой доказательной базе. Раскрыл дело на зависть чекистам. Как в анекдоте: «Соболезнования СССР поступили за день до покушения на Садата».

Однако при малейшей проверке логикой такая версия рассыпается. Четкого хронометража покушения Ленина не существует. Опубликовать даже написанный заранее документ до поступления известий о покушении может только глупец из анекдота, но не Свердлов. В любом случае заявление о покушении было опубликовано вскоре после поступления сообщения о покушении на Ленина. Насколько позднее — на час или десять минут — мы не знаем. Воззвание — это не картина маслом, такой опытный писатель воззваний, как Свердлов, может справиться с задачей и за пять минут. Тем более что ему все было ясно — виноваты эсеры. Они — главные враги в это время, и к тому же большевики не без оснований боялись, что эсеры могут вернуться к террористическим методам борьбы (в июле другими эсерами были убиты Мирбах и Эйхгорн).

Ю.Г. Фельштинский пишет: «Спустя три года, на открытом судебном процессе против эсеровской партии, советское правительство формально признало тот факт, что покушение на Ленина 30 августа 1918 года готовили сотрудники ВЧК Г.И. Семенов-Васильев и Л.В. Коноплева (проникшие в эсеровскую партию)» (Там же: 206). Ну какие еще нужны доказательства, что покушение на Ленина организовала ЧК! Подтасовка заключается в том, что в 1918 г. Семенов и Коноплева никакими чекистами не были, а были собственно эсерами. А чекистами, разочаровавшись в эсерстве, они стали к 1922 г. Никаких доказательств, что Семенов и Коноплева были чекистами («проникшими»

в ПСР) уже в 1918 г., — Ю.Г. Фельштинский не приводит.

Во-вторых, Свердлов приказал уничтожить Каплан (Там же: 181). Следы заметал. Правда, если Каплан не стреляла и непричастна — тогда она безопасна для «заказчика». Что у нее можно узнать? Можно выяснить, кто ее привел на место действия. Но это ведь явно не какой-то известный чекист или сотрудник Свердлова. Максимум информации, которую из нее можно было бы «выбить» (в способностях чекистов сделать это Ю.Г. Фельштинский не сомневается), — это все та же группа Семенова, которая привела бы следователей куда? Правильно — все к той же партии эсеров. Такой же результат получается, если Каплан стреляла в Ленина при поддержке Семенова или других «агентов ВЧК». Так что если Свердлов как-то таинственно заказал Ленина агентам ВЧК, то бояться расследования не было никаких оснований. Если покушение на Ленина по «заказу» Свердлова организовали чекисты, то у Свердлова не было нужды изымать Каплан из ведения ВЧК. А тут Свердлов забирает у чекистов обвиняемую. Это как-то не вяжется со схемой их совместного заговора против Ленина. Еще Каплан, по версии Ю.Г. Фельштинского, была уничтожена, чтобы ее нельзя было опознать (Там же: 197). Так может быть расстреляна не Каплан, а неведомая жертва? А Каплан потом выполнила еще немало заданий ЧК?

Это — просто дежавю историй об останках-лжеостанках царской семьи, о которой речь пойдет ниже. Большевики прятали останки, жгли

их. Малькову пришлось уничтожить один труп. Зачем? Да все затем же, зачем прятали трупы екатеринбургские коммунисты — не должно быть могилы, места поклонения. Ничего загадочного в таком поведении нет.

В-третьих, на верную гибель Ленина послал именно Свердлов, который отвечал за проведение митингов в Москве. Ю.Г. Фельштинский в этом не сомневается: «По приказу Свердлова “совнаркомщик” Ленин без охраны отправился на выступление, о котором заранее были извещены в районе» (Там же: 191). Так это Свердлов считал, что нужно проводить митинги, а Ленин выступал против этого? И Свердлов запретил давать Ленину охрану? Никаких источников, которые подтверждали бы столь экзотическую версию, Ю.Г. Фельштинский не нашел. Практика участия советских лидеров в митингах была обычной и Лениным вполне одобрялась. Путевки на выступления выдавались и МГК РКП(б), и агитотделом ВЦИК, т.е. не лично Свердловым. Вставал вопрос о том, чтобы освободить Ленина от участия в митингах. И конечно, если бы Ленин не хотел участвовать в этой работе, он легко мог бы добиться снятия с себя обязанности ездить на митинги в связи с занятостью. Но он считал для себя необходимым такой вид общения с массами (Выстрел... 1989: 65–70).

К организации охраны Ленина Свердлов вообще не имел никакого отношения. Тут же сам Ю.Г. Фельштинский упоминает произошедший за два дня до этого эпизод, когда Ленин возмущался слишком нарочитой охраной, организован-

ной Дзержинским, а Дзержинский нехотя шел на уступки. В этот раз Дзержинского нет в Москве — поехал расследовать убийство Урицкого.

А еще, по версии Ю.Г. Фельштинского, «у заговорщика Свердлова были планы расправиться с раненым Лениным», но ему очень мешали управляющий делами Совнаркома В. Бонч-Бруевич и его жена. И представляете, что сделал коварный Свердлов? Жена Бонча умерла. А причина смерти такая невероятная в то время — от испанки (Фельштинский 1999: 205). Ну явная рука Свердлова, кого же еще. Так и хочется спросить Ю.Г. Фельштинского, что за противоядие от свердловской испанки было у Бонч-Бруевича, который как раз и мешал Свердлову по этой версии, а ведь выжил же как-то. Но автора его увлекательная версия уже ведет дальше. И он цитирует Бонч-Бруевича, который рассказывает о кончине Свердлова от испанки через несколько месяцев. Вот она — ответка! Бонч с Лениным сумели-таки своего врага то ли заразить, то ли отравить. Если читать Бонч-Бруевича не так, как написано, а глазами Ю.Г. Фельштинского — это же явное «устранение Свердлова, но уже по указанию Ленина, оправившегося от августовского покушения 1918 года» (Там же: 206).

В действительности поведение Свердлова и чекистов в тех условиях может быть объяснено без конспирологических допущений. Свердлов был одним из инициаторов террора, предусматривавшего бессудный расстрел тысяч людей.

Сохранение при этом в живых Каплан, признавшей в покушении на Ленина, выглядело странным и даже возмутительным для жаждущих мести коммунистов, а указание расстрелять ее было естественным. То, что оно исходило от высшего государственного руководителя, тоже объяснимо без конспирологических предположений — это была большая ответственность, политическое решение, которое руководители ВЧК не хотели принимать самостоятельно (чтобы не возникло подозрения, что они чего-то скрывают — еще были памятны подозрения, возникшие по поводу Дзержинского после убийства Мирбаха).

Перевод особо важного преступника, каковой была Каплан, в Кремль тоже не удивителен — там и до этого содержались важные политические преступники, например лидеры левых эсеров.

Расстрел Каплан был призван показать всем, что дело уже раскрыто, преступник понес заслуженную кару, связи убийцы с эсерами и буржуазией, на чем базировалось идеологическое обоснование террора, не вызывают сомнения.

Ю.Г. Фельштинский строит свою версию на основе опубликованных источников, а С.С. Войтиков подключает архивные. Но документальных доказательств своей версии о борьбе фракций Свердлова и Ленина за власть С.С. Войтиков не нашел. Что же ему теперь делать? А вот что: отсутствие документов, подтверждающих конспирологическую версию С.С. Войтикова, «наводит на мысль о целенаправленном

уничтожении документов о борьбе за лидерство в РКП(б) при жизни В.И. Ленина» (Войтиков 2016б: 140).

Ленин, по С.С. Войтикову, панически боится военного переворота со стороны Троцкого. Споры нет, коммунисты опасались повторения сценария французской революции и внимательно следили за военными, которые «почитывали биографию Наполеона» (Троцкий 1990: 127). Но Троцкий, как и Ленин, понимал важность партийно-государственных гражданских структур, и ждать от него собственно военного антипартийного переворота не приходилось. В случае необходимости Ленин выяснял отношения с Троцким на политических площадках, прежде всего в ЦК. А Троцкий, в свою очередь, уступал перед угрозой раскола партии, как это было перед Брестским миром и будет во время дискуссии о профсоюзах. Но С.С. Войтиков не видит ничего, кроме «противостояния» партийных вождей в придуманной им схватке за власть, и так комментирует обсуждение в СРКО проблемы размеров армии, которую может выдержать экономика республики: «Осознав готовность вождя в очередной раз рискнуть обороноспособностью Советской России для предотвращения потенциальной угрозы военного переворота, Троцкий 18 декабря вторично был вынужден почтить своим присутствием Совет Оборона» (Войтиков 2016б: 201). С.С. Войтикову невдомек, что для совершения военного переворота общая численность армии не имеет никакого значения. Конспирологический метод основан на том, что любой факт, любая

цитата вырывается из собственно исторического контекста и служит повторению заранее придуманного идеологического штампа: Троцкий готовит переворот, Ленин так этого боится, что готов белым войну проиграть и быть повешенным, лишь бы навредить «военному диктатору» (так С. С. Войтиков называет Троцкого, забыв, что тот еще не совершил военного переворота, о котором якобы мечтал).

Конечно, партия большевиков не была монолитной, в ней явно выделяются более умеренное и более радикальное течения. Заметны также трения между сторонниками укрепления центральной власти и регионалистами, этакристами и синдикалистами, сторонниками и противниками широкого привлечения офицерства в военное строительство, есть и личная неприязнь между влиятельными лидерами. Но это не значит, что сторонники разных тенденций большевизма в 1917–1922 гг. были готовы уничтожать друг друга. И не приведено доказательств, что Свердлов, следующий во всех публичных дискуссиях в фарватере политики Ленина, был на самом деле его тайным стратегическим оппонентом и даже врагом. Ленин выполнял роль координатора партии, стараясь находиться над группировками, и лишь иногда резко вставал на одну из сторон. Свердлов в таких ситуациях всегда оказывался вместе с Лениным. Так что версии о противостоянии Свердлова и Ленина требуют очень серьезных доказательств, и такие доказательства не приведены, что приводит к выводу о ложности самих версий.

Между большевистскими руководителями было множество тактических деловых разногласий и ведомственных трений, которые тогда было принято обсуждать, иногда довольно эмоционально. Культура спора, которая в последующие десятилетия будет вырвана с корнем из отечественной государственной иерархии, тогда не была признаком принципиальных разногласий и враждебности спорящих. И лишь нынешние конспирологи пытаются из этих споров вывести схему смертельной борьбы между большевиками, которые предстают не борцами за свой идейный проект, а бандой гангстеров, дорвавшихся до власти.

Суть деятельности Ленина, Троцкого, Свердлова, Сталина и других видных большевистских политиков в это время заключалась не в мелких интригах и подставах, не в борьбе за место «хозяина», которого не было, а в борьбе за выживание коммунистического проекта, крах которого обернулся бы для них физической гибелью или в лучшем случае прозябанием в эмиграции. И для этой эмиграции, в отличие от дореволюционного периода, было бы тяжело найти безопасное место. Борьбой за власть между собой можно будет заняться в мирное время, после победы в Гражданской войне, а пока у них были совсем другие приоритеты.

СВЕРДЛОВ КАК ОККУЛЬТНЫЙ ЖРЕЦ

Другое амплуа Свердлова в мифах и легендах о 1918 г. связано с его ролью в расстреле Николая Романова и его близких. Для некоторых осо-

бенно истовых монархистов невыносима мысль, что царя и его семью какие-то местные плебеи перебили как собак (в прямом смысле слова, потому что собак тоже убивали в этой трагедии). И они строят совершенно фантастические версии. Историк И. Ф. Плотников считает, что Ленин не хотел суда и желал именно «внесудебной расправы», но почему-то стеснялся в этом открыто признаться. Именно Ленин стал инициатором убийства в Екатеринбурге (Плотников 2003: 30). П. В. Мультиатули, назвав И. Ф. Плотникова «большинством историков» (Мультиатули 2018: 435), счел эту версию необоснованной (в чем с ним трудно не согласиться) и предложил свою — куда более необоснованную.

Рассмотрим ее подробнее как пример, достойный звания классического. Во-первых, П. В. Мультиатули собрал под одной обложкой множество распространенных конспирологических идей. Во-вторых, его книга распространяется в магазинах православной литературы, что свидетельствует о соответствующей поддержке этих идей. Завершение биографии Николая II, написанной П. В. Мультиатули, читается как сценарий фильма в жанрах фэнтези и хорор.

Центральный злой персонаж этой страшной сказки — это Свердлов, который «был склонен к каббалистическому оккультизму и придерживался его ритуалов» (Там же: 437), с юности искал связей с заграницей. Он их нашел в начале XX в. знаете через кого? Никогда не догадаетесь. Через будущего убийцу царской семьи Юровского: «Нельзя

исключать того, что Юровский был направлен в США Свердловым для установления контактов с Бродвейским сообществом, от которого он получил необходимый инструктаж и был снабжен деньгами» (Там же: 475). Если убрать нотку неуверенности («нельзя исключать») — это просто как цитата из следственного дела НКВД. Был за границей — явно, чтобы получить деньги и инструкции. Если следовать «логическим» приемам конспирологов, то «нельзя исключать», что Романовы были выходцами из созвездия Большой Медведицы, которых уничтожили инопланетяне из созвездия Медведицы Малой.

При чем здесь Бродвейское сообщество? О, нельзя преуменьшать его роль в событиях мировой истории, которая едва ли меньше, чем роль Снежной королевы: «Говоря об убийстве Царской семьи, невозможно не коснуться роли в нем влиятельного мирового сообщества, центром которого к началу XX в. стали США. Главной стратегической целью этого сообщества было создание т.н. нового мирового порядка». Мы знаем о планах гитлеровского мирового порядка, но монархические конспирологи используют это раскрученное название для обозначения замыслов этого самого «Бродвейского сообщества» и еще не менее злобедного «Круглого стола». «В начале XX в. лидеры этого сообщества понимали, что без уничтожения Российской Империи поставленные ими цели недостижимы» (Там же: 497). Но если вы наивно думаете, что эта задача была решена уже в марте 1917 г., то напрасно. Без ритуального убийства

царской семьи тут никак не обойтись. Недаром Юровский передавал от бродвейских оккультистов инструкции и деньги для Свердлова в начале XX в. Это для того делалось, чтобы «оккультный интернационал» (Там же: 498) мог наконец организовать ритуальное убийство в Екатеринбурге в 1918 г. В этом деле Свердлова мог подстраховать кадет В. Пепеляев — будущий глава правительства Колчака. А что — он тоже связан с одним из членов «Бродвейского сообщества» (Там же: 499) — хороший помощник Свердлову будет. У Пепеляева и с инженером Ипатьевым есть общие знакомые. Он, Ипатьев, не иначе как по заданию оккультного интернационала домик заранее присмотрел, чтобы своей фамилией создать красивую аллегорию — ведь воцарение Романовых связано с Ипатьевским монастырем. А домик тоже что надо — рядом когда-то языческое капище было. Это, увы, только в 20-х гг. выяснилось. Но оккультный интернационал об этом, разумеется, заранее знал (Там же: 499, 523–525). И день убийства был выбран не случайный, а символический — День памяти Андрея Боголюбского, который был чем-то вроде первого русского царя (Там же: 528) (до годовщины смерти Ивана Грозного, который действительно был первым царем, как-то не дотянули — чехословацкое наступление, наверное, помешало). Впрочем, если бы казнь произошла чуть позднее, П. В. Мультипули мог бы связать ее с днем памяти Сергея Радонежского. У Церкви что ни день — то со смыслом. Так что приписать коммунистам какой-то сакральный умысел нетрудно в любой день календаря.

П. В. Мультипули находит у убийц Романовых и прекрасное знание иудейских обрядов. Еще бы — они ели яйца на Ганиной яме недалеко от костра (Там же) — явная иудейская оккультная обрядность, что же еще. Юровский и компания очень бы удивились, что в их действиях был столь глубокий сакральный смысл. Мифостроительство конспирологов очень бы облегчилось, если бы жертв было 12 или 13 — сразу можно было бы усмотреть в этом сакрально-оккультную нумерологию. Но их, как назло, было 11. Эту загадку П. В. Мультипули объясняет так: мальчик Седнев был козлом отпущения, которого следовало прирезать потом, а сначала отпустить (Там же: 530–531). Мальчик, впрочем, участниками расстрела царской семьи убит не был, вырос, а погиб только в 1942 г. Как намекает П. В. Мультипули, его уничтожила все та же оккультная организация. Оно и понятно — а кто же еще мог развязать Вторую мировую войну, которая поглотила несчастного Седнева.

Конспирологи уверены, что Романовых убили вовсе не так, как рассказывают убийцы, а совсем иначе — по-оккультному. Их сначала обездвигили выстрелами (что за оккультный обряд это предполагает, П. В. Мультипули не объясняет), а потом специальные оккультные люди, приехавшие из-за океана, закололи жертв ритуальными трехгранными оккультными кинжалами. Почему трехгранными? А в комнате есть следы ударов от трехгранного штыка винтовки Мосина, в то время как убийцы рассказывают, что у них были другие штыки. Значит,

делает вывод П. В. Мультиатули, это были не штыки, а кинжалы, которыми оккультные жрецы зачем-то потыкали стену (Там же: 543–545). Предположить, что в этой комнате, использовавшейся охраной в течение всего пребывания здесь Романовых, кто-то еще, кроме жрецов, мог штыком в стену потыкать — это выше понимания монархического конспиролога.

Еще одна распространенная среди конспирологов идея — об отрезании венценосных голов. Ясное дело, жрецам неудобно было отрезать головы трехгранными ножами. Но они таки отчленили их и отправили в Москву для совершения кремлевских черных месс, продолжавшихся как минимум до времен Андропова (Там же: 554–558). Поэтому П. В. Мультиатули никак не может признать подлинность останков, найденный в Поросятковом логу, ибо там головы оказались на месте.

П. В. Мультиатули так увлекся, рассказывая читателю о своих познаниях в области оккультных практик, что как-то забыл о своей версии о роли Пепеляева в убийстве царской семьи. Так что в итоге лавры в организации этой оккультной акции достаются Свердлову. Именно он, вопреки воле «немецкого агента» Ленина, добился переброски Николая Романова и его близких на подконтрольный Свердлову Урал (Там же: 439–440). Там можно было не торопясь подготовить все ритуалы, придуманные биографом Николая II.

Если бы авторы конспирологической литературы претендовали

на ту же степень достоверности, как авторы мультфильма «Анастасия» или фильмов «Люди X», было бы полбеды (хотя даже такое художественное глумление над историей меня как историка немного смущает). Но конструкторы конспирологических версий претендуют на роль носителей научной истины и в этом качестве воспринимаются в клерикальных кругах. В своем стремлении укрепить сон разума они рожают чудовищ, которые превращают заупокойную молитву в фарс.

Мифотворчество и конспирология работают на укрепление националистического и консервативного идеологических секторов, стремящихся представить перемены, направленные против иерархического государственного и социального порядка, как результат инородных и иностранных влияний, а революции — как происки корыстных себялюбцев, сбивших с панталыку добрый народ, преданный правителям и жаждущий покоя.

Массы читателей хорошо принимают стиль изложения исторических событий, адаптирующий их до уровня понимания простого человека «среднего класса». Я бы назвал этот стиль мелкобуржуазным — когда человек с буржуазным сознанием, чуждым поиска стратегий развития общества и перемен вообще, начинает писать о больших событиях и идейных людях, об эпохе перемен, воспринимаемой как бунт, бессмысленный и беспощадный. При этом автор ставит себя

и читателя на место деятелей такой эпохи, не желая воспринимать их идеи всерьез и, соответственно, считая их обманом и мороком, а самих деятелей — гангстерами, шулерами с неадекватными амбициями. Художественные персонажи, названные именами исторических деятелей, в таких произведениях стремятся не изменить мир к лучшему, а сделать лучше свою собственную жизнь за счет других игроков, в том числе и товарищей по партии. Впрочем, некоторые привержены сатанинским практикам, разумеется — тоже ради эгоистических мотивов. Мелкие порочные мечты мешанского сознания, понятные массам таких читателей и заказчикам таких книг и телепередач, гиперболизируются сообразно масштабу событий, но количество не переходит в качество, становится еще дальше от исторической реальности, в которой участники событий были мотивированы совсем иначе.

Сказанное никак не призвано обелить исторических деятелей рево-

люционных эпох. Последствия их решений могли вести к кровопролитию и другим бедствиям широких масс людей. Но причины этих бедствий заключались не только в действиях революционных лидеров, а сами эти лидеры мотивировались преимущественно идейными факторами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Войтиков 2016а — *Войтиков С. С.* Армия и власть. М., 2016.

Войтиков 2016б — *Войтиков С. С.* Узда для Троцкого. Красные вожди в годы гражданской войны. М., 2016.

Выстрел... 1989 — *Выстрел в сердце революции.* М., 1989.

Мультатули 2018 — *Мультатули П. В.* Император Николай II. Мученик. М., 2018.

Плотников 2003 — *Плотников И. Ф.* Правда истории. Гибель Царской Семьи. Екатеринбург; М., 2003.

Троцкий 1990 — *Троцкий Л. Д.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. М., 1990. Т. 2.

Фельштинский 1999 — *Фельштинский Ю. Г.* Вожди в законе. М., 1999.

ARCHIVAL SOURCES AND CONSPIRACY THEORIES

Shubin Aleksandr V. — doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow)

Key words: Sverdlov, conspiracy, historical myths, civil war, terror, Lenin, Trotsky, Nicholas II.

Abstract. The article analyzes the conspiracy and mythological versions of history associated with the description of the activities of Y. Sverdlov in 1918, when he was the formal head and one of the leaders of the Soviet state. For myth builders Sverdlov is important as a Jew and as a figure, which Soviet historiography considered apologetically. Considering the description of the activities of Sverdlova of such authors as S. S. Voytikov, Y. G. Felshtinsky and P. V. Multatuli, the author of the article shows that today myth-building can

be combined with abundant citation of sources and literature, which does not guarantee the correctness of the conclusions of the historians who selects the facts under a pre-created ideological picture.

REFERENCES

Fel'shtinskii Iu.G. *Vozhdi v zakone*. Moscow, 1999.

Mul'tatuli P.V. *Imperator Nikolai II. Muchenik*. Moscow, 2018.

Plotnikov I.F. *Pravda istorii. Gibel' Tsarskoi Sem'i*. Ekaterinburg; Moscow, 2003.

Trotskii L. D. *Moia zhizn'. Opyt avtobiografii*. Moscow, 1990. Vol. 2.

Voitikov S.S. *Armia i vlast'*. Moscow, 2016.

Voitikov S.S. *Uzda dlia Trotskogo. Krasnye vozhdi v gody grazhdanskoi voiny*. Moscow, 2016.

Vystrel v serdtse revoliutsii. Moscow, 1989.

А. А. Тесля

ОТМИРАНИЕ ИСКУССТВА*

Рец.: Арватов Б. Искусство и производство. Сборник статей / вступ. ст. Д. Робертс; послесл. А. Пензин. М.: V-A-Cpress, 2018. 184 с.

Ключевые слова: Левое искусство, авангард, производственное искусство, советская художественная культура 1920-х гг., социология искусства.

Аннотация. Рецензируется новое издание книги «Искусство и производство» Бориса Арватова (1926 г.), одного из наиболее значимых теоретических текстов ЛЕФа и одновременно одной из работ, оказавших большое влияние не только на последующее развитие авангардной мысли, но и на современное его теоретическое осмысление, равно как и на социологическое понимание искусства.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-202-205

«Искусство и производство» Бориса Арватова, вышедшее впервые в 1926 г., — один из наиболее значимых лефовских теоретических текстов и одновременно одна из работ, оказавших большое влияние не только на последующее развитие аван-

гардной мысли, но и на современное его теоретическое осмысление, равно как и на социологическое понимание искусства. О значительных пересечениях и влияниях — как явных, так и весьма вероятных — конспективно говорит в послесловии к современному переизданию (первому с 1926 г.) Алексей Пензин, отмечая связь с мыслью Арватова о «социализации искусства» последующих рассуждений о «политизации искусства» В. Беньямина и одновременно подчеркивая разницу контекстов, ведь «в катастрофической атмосфере 1930-х <...> не было смысла говорить о “социализации” без революционных преобразований и социалистического правителя. В то время

© А. А. Тесля, 2019

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

* Работа выполнена в рамках гранта РФФ (№ 18-18-00442) «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках» в Балтийском федеральном университете им. И. Канта.

это (имеется в виду тезис о “политизации искусства”. — А. Т.) звучало скорее как слабый и запоздалый призыв и стало канонической цитатой гораздо позже <...>» (с. 169).

Разумеется, пересказывать работу более чем 90-летней давности — нет никакой нужды. Но несколько моментов следует отметить: во-первых, то, что благодаря переизданию этот не только знаковый, но и весьма плодотворный в своих теоретических наблюдениях текст получит новых читателей — и, как остается надеяться, продуктивное развитие изложенных в нем идей, прочитываемых сквозь призму долгих дискуссий минувшего века как о природе, так и о путях развития искусства (начало чему уже положено в ряде работ последнего десятилетия, в первую очередь в книге И. Чубарова (*Чубаров* 2014)). Переиздание самой известной книги Арватова послужит, как полагаем, не только стимулом к новым публикациям других его работ, в том числе рассеянных в периодике, — но и исследовательскому обращению к его, увы, совсем небольшому архиву, хранящемуся в РГАЛИ.

Во-вторых, большой интерес представляют наблюдения за общей логикой рассуждений Арватова в плане используемых им понятий. Переводя эти рассуждения на существенно более поздний язык, занимавшую его теоретическую проблему можно определить как трансформацию «искусства» в ситуации, когда оно перестает быть товаром в рамках капиталистического обмена, т. е. когда исчезает феномен художественного рынка. Как отме-

чает Арватов, много внимания уделявший реконструкции развития искусства в рамках большой хронологии, изменение социально-экономических условий трансформирует, в числе прочего, иерархию родов искусства. Так, для буржуазного мира на передний план выходит станковое искусство, «станковизм» в силу возможности его перемещения — т. е. способности выступить идеальным капиталистическим товаром, максимально свободно функционирующим в системе обменов. Произведение искусства этого рода деконтекстуализируется физически (и здесь Арватов противопоставляет его иконе, которая, изъятая из храмового пространства, причем действующего, утрачивает многое в своей эстетической ценности, — перемещенное в музейные залы и, добавим от себя, даже сохраненное в храмовом пространстве, подвергнутом музеефикации, оно «тускнеет»¹) — и контекстуализируется уже

¹ Из чего Арватов делает примечательный вывод, где интересна первая часть альтернативы: «старое можно либо целиком принять, либо отвергнуть, отобрав минимум в склады науки» (с. 78, прим. 8). Понятно, что выбор им делается в пользу второго утверждения, согласно которому «революция в художественном мировоззрении» «не может также не привести к уничтожению музеев как кладезей “вечных” индивидуальных ценностей. Вместо них создадутся общенаучные хранилища с исторически необходимым и скупым выбором экспонатов. В музеях будут не любоваться и не копировать, а исследовать» (с. 158, 159). В этом утверждении обращает на себя внимание внутреннее противоречие суждения. Обращение музея в исследовательскую институцию сопрягается со «скупым», «необходимым» выбором экспонатов, т. е. именно сокращением исследовательской базы — в чем, как нам кажется, следует видеть иное, собственно эстетическое отношение к художественному музею, как раз в конце XIX — первые десятилетия

через «проявление духа времени», «автора» и т. п.

В этой логике «отмирание искусства»² вполне последовательно — в силу того, что исчезает как особая фигура «художника» (в смысле в первую очередь XIX в.), так и порождающая ее система функционирования, обменов произведениями искусства.

Но та «страстная жажда прорыва в будущее» (с. 107), наличествующая в левом искусстве и тем самым сближающая его с революцией³, дает в большинстве случаев разрушение, «в том числе и самих себя»

XX в. вступившего в стадию бурного разрастания коллекций и образованию запасников, сначала в разы, а затем и на порядки превышающих экспонируемые предметы (а соответственно, и расширения самих музейных помещений). Скупость и лаконичность, вопреки исходному замыслу, оказываются здесь противоположенным жестом — возвращению эстетической ценности, статуса «иного» посреди «производственного искусства», в идеале вообще снимающего «искусство» как особую реальность (возникшую в XVIII в.).

² Впрочем, вне этого броского и тиражируемого тезиса, у Арватова на самом деле речь идет исключительно об отмирании «в организованном, целостном социальном строе изобразительного искусства как особой специализированной профессии» (с. 159).

³ Отметим, что для Арватова принципиально разведение правого/левого искусства и революции, он фиксирует, что «левое» искусство оказалось на первых порах ближе, востребованнее в силу объективного совпадения устремлений, хотя «к советской власти пришли договариваться и правые, и левые. И те, и другие принесли с собой проекты и планы, и те, и другие соглашались сотрудничать с пролетарской революцией» (с. 108). И с ходом времени, вполне недолгим, лишь немногое из «левого» искусства оказалось в глазах Арватова все еще двигающимся вместе с революцией.

(Там же). «Производственное искусство», провозглашаемое Арватовым вместе с Николаем Чужаком, ставит своей целью «превратить все искусство в строительство материальной культуры общества в тесном контакте с инженерией. <...> Социально-техническая целесообразность — вот единственный закон, единственный критерий художественной, то есть формообразующей деятельности» (с. 118). Преодолевается отчуждение, и тем самым должна исчезнуть особая реальность «искусства» как украшения жизни. Роль художника рядом с инженером состоит в том, что он украсит, облагородит безобразный результат труда последнего (прекрасным должен стать сам этот результат, сама реальность). облагородит сам предмет в своей сути, и, следовательно, здесь не требуется сокрытие, речь не идет об «искусстве» как родне обману или во всяком случае иллюзии. И здесь текст Арватова с его понятийным выбором обращает внимание на ключевой момент — связь «конструктивизма» с «органическим» искусством: конструктивизм не противопоставляется последнему, а, напротив, мыслится именно как частный случай органического, т. е. следования природе вещей (или возвращения к последним), из чего праотцом конструктивизма определяется Се-занн.

Искусство, по Арватову, требует преодоления, ему в идеале надлежит отмереть — именно потому, что сам феномен искусства в своей обособленности предполагает разделение мира: отсюда и специфическая логика «жизнестроительства», проти-

воположная обращению себя в предмет самосозидания, искусства — в плане «арт-объекта», т.е. в глазах как своих собственных, так и наблюдателя. Искусство, становящееся «жизнестроительством» в арватовском понимании, действительно перестает быть искусством — поскольку делается инструментом. Оно и создаваемое им — предмет не созерцания, а действия; им, посредством него

осуществляется благая жизнь. И тем самым, если это действительно становится возможным, само искусство исчезает, его здесь уже нет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Чубаров 2014 — Чубаров И. Коллективная чувственность: теории и практики левого авангарда. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

WASTING ART

Rev.: Arvatov B. *Iskusstvo i proizvodstvo*. Sbornik statei, vstup. st. D. Roberts; poslesl. A. Penzin. Moscow: V-A-Cpress, 2018, 184 p.

Teslya Andrei A. — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Key words: Left art, avant-garde, industrial art, Soviet artistic culture of the 1920s, sociology of art.

Abstract. The new edition of the book “Art and Production” by Boris Arvatov (1926) is reviewed which is one of the most significant theoretical texts of the Left Front of Arts and, simultaneously, one of the works that had a great influence not only on the subsequent development of avant-garde thought, but also on its modern theoretical understanding.

REFERENCES

Chubarov I. *Kollektivnaia chuvstvennost': teorii i praktiki levogo avangarda*. Moscow: Izdatel'skii dom Vyshei shkoly ekonomiki, 2014.

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ?

Рец.: Сафронова Ю. А. Историческая память: введение: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с. (сер. «Учебники Европейского университета»)

Ключевые слова: историческая память, коллективная память, культурная память, «места памяти».

Аннотация. Рецензируется учебное пособие Ю. А. Сафроновой, посвященное изучению различных аспектов феномена исторической памяти.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-206-218

Европейский университет в Санкт-Петербурге, несмотря на все трудности, сохраняет репутацию одного из лучших в России университетов, и один из залогов этого успеха — собственное издательство, которое помимо научных исследований выпускает учебные пособия по современным направлениям в гуманитарных и социальных науках. Ранее в серии «Учебники Европейского университета» увидели свет пособия «Введение в историческую компаративистику» (Кром 2015) и «Лингвистический поворот в историографии» (Потанова 2015). Новый учебник, подготовленный деканом факультета истории Ю. А. Сафроновой (Сафронова 2019), продолжает ряд публикаций по тем проблемам современной историографии, ко-

торые сегодня находятся в фокусе внимания профессионалов во всем мире.

Эта небольшая книга построена по проблемному принципу: в нескольких главах автор раскрывает основные тенденции в развитии *memory studies*, порой выходя за рамки «чистой» историографии, как и должно быть при обращении к междисциплинарному исследовательскому полю. В первой главе автор дает общую характеристику исследовательскому направлению *memory studies* — обсуждает мемориальный бум рубежа столетий и институциональный кризис в исследованиях коллективной памяти. Читателю предоставляется возможность познакомиться с некоторыми известными именами в современной науке, получить ясное представление о феномене коллективной памяти. Ю. А. Сафронова показывает, что коллективная память — это социокультурная конструкция, которая функциональна, изменчива

© И. О. Дементьев, 2019
Дементьев Илья Олегович — кандидат исторических наук, доцент Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград); IDementev@kantiana.ru

и нуждается в выборе конкретного объекта для анализа (с. 33)¹.

Четыре следующие главы посвящены всемирно известным теоретикам и практикам мемориальных исследований. Читатель знакомится с концепциями «социальных рамок памяти» (М. Хальбвакс), «мест памяти» (П. Нора), коммуникативной и культурной памяти (Я. и А. Ассманы), «воображаемых сообществ» (Б. Андерсон) и «изобретенных традиций» (Э. Хобсбаум и Х. Тревор-Ропер). Во всех главах Ю.А. Сафронова следует стратегии, о которой предупреждает в предисловии: изложение основных положений сопровождается экскурсом в биографию ученого, а также кратким пересказом аргументов критиков обсуждаемых концепций.

Во второй главе названы основные работы Хальбвакса, которые помещены в широкий контекст социогуманитарного знания XX в. Ю.А. Сафронова далека от наивного пиетета перед «отцами-основателями» и прививает читателям трезвый взгляд на сочинения Хальбвакса: «...начинающему историку непременно следует самостоятельно их прочитать. Если эти труды не будут полезны для методологического введения к его собственной работе, они все же откроют ему увлекательный мир аргументации и методов, далеко отстоящих от современного понимания науки» (с. 57).

Весьма доходчиво рассказано в третьей главе о биографии

П. Нора, венцом которой стал издательский проект «Места памяти» (1984–1993). Ю.А. Сафроновой удалось лаконично представить в общих чертах концепцию Нора и его соавторов, продемонстрировав на примере «блестящей работы» (с. 74) М. Винока о Жанне д'Арк и возможности метода Нора, и его ограничения. Четвертая глава освещает достижения супругов Ассманов²: показан их профессиональный путь, охарактеризована интеллектуальная генеалогия (понятие культурной памяти, которая носит коллективный характер, восходит к Ю.М. Лотману и М. Хальбваксу). Ю.А. Сафронова подчеркивает, что Ассманы не заменили термин «коллективная память» новыми концептами (знаменитыми коммуникативной и культурной памятью), а уточнили его содержание (с. 91). После египтологических работ Я. Ассмана эстафету в пионерских исследованиях приняла А. Ассман, которая углубила понимание трех уровней (биологического, социального, культурного) и двух видов (социальная и политическая) памяти. Автор пособия виртуозно вовлекает читателей в лабиринт связей и перекличек между разными концепциями, научными языками и дискурсами.

В пятой главе очередь доходит до группы классиков – от Э. Ренана с его знаменитым докладом 1882 г. «Что такое нация?» (Ю.А. Сафронова

² Ю.А. Сафронова называет их культурологами, но это, пожалуй, не очень точно с учетом всех различий между понятиями *культурология* в российской традиции, *Kulturwissenschaften* в немецкой и *Cultural studies* в британской. См.: (Куренной 2012; Степанов 2015).

¹ Здесь и далее в круглых скобках приводятся номера страниц рецензируемого пособия.

показывает следом за А. Ассман, что Ренан предвосхитил многие достижения *memory studies* XX–XXI вв.) и конструктивиста Б. Андерсона до изобретателей «Изобретения традиции». Автор демонстрирует, как Ренан полемизирует с немецкими романтиками, Андерсон черпает свое вдохновение в политических реалиях Индонезии, а Тревор-Ропер анализирует изобретение горской культуры как неотъемлемого компонента шотландской идентичности, компенсируя в некотором роде свой досадный промах с признанием подлинности фальшивых «Дневников Гитлера». На этих страницах ученые становятся персонажами большой интеллектуальной истории, где все важно — происхождение, образование, круг чтения, общественный статус и политические взгляды. Такой подход к сложному для восприятия материалу — несомненное достоинство рецензируемого пособия. При изложении концепций характеристики заслуг и признаний чередуются с констатациями недостатков и ограничений. Автор периодически задается очень важным вопросом о связи теоретических построений и конкретно-исторических работ — осмысление этой проблемы будет очень полезным для начинающих исследователей.

В заключительных четырех главах пособия Ю. А. Сафронова обращается к широкому кругу современных направлений как *memory studies*, так и соседних исследовательских полей. В шестой главе она рассматривает понятие «культурная травма» в контексте *trauma studies*, апеллируя к интерпретациям травмы в психологии (включая

психоанализ) и к критике этих трактовок Дж. Александером. Последний предлагает собственную конструктивистскую модель, трактуя травму как «социокультурный процесс приписывания какому-то опыту травматического статуса» (с. 134). Теоретические положения удачно иллюстрируются примерами из практики историков и других ученых; тщательный разбор методологических проблем, возникающих в исследованиях травмы, которая стала «бродячим концептом» (с. 141), позволяет Ю. А. Сафроновой доступно изложить суть текущих дебатов в социогуманитарных науках. После чтения этой главы вопрос, звучащий в заголовке одного из разделов, — «Читать ли историю психоаналитиков?» — превращается в риторический.

Седьмая глава погружает читателя в прекрасный дивный мир новых и очень популярных концептов — ностальгия, забвение, постпамять. Первое понятие актуализирует обращение к работам С. Бойм, второе заставляет вспомнить незабвенных Ф. Ницше и П. Рикёра и познакомиться с типологией забвения по П. Коннертону, третье позволяет познакомиться с идеями М. Хирш. Автор пособия подчеркивает, что все эти, скажем, искажения памяти заслуживают тщательного анализа и побуждают задуматься об этическом измерении мемориальной проблематики (впрочем, этические проблемы приобретают злободневность во всех заключительных главах пособия).

В восьмой главе «Медиа и память: институты, формы и практики»

освещаются проблемы медиации памяти, в том числе влияние средств массовой информации и вообще медиакультуры на коллективную память, роль цифровых технологий и дигитализации источников, динамику культурной памяти. Эпоха цифровых медиа — это время бурных перемен не только в повседневной жизни, но и в научном дискурсе, так что именно в этой главе на читателя обрушивается поток новых терминов: ремедиация, премедиация, гипермедиация, мнемонический диспозитив... Ю.А. Сафронова предостерегает начинающих исследователей от чрезмерной увлеченности конъюнктурными темами и предлагает рассматривать проблематику *media studies* как вызов, ответ на который каждому предстоит искать самостоятельно.

Девятая глава посвящена исторической политике, политике памяти и публичной истории. Здесь Ю.А. Сафронова анализирует различные стратегии инструментализации памяти, в том числе виктимизации и криминализации прошлого. Студентам предстоит разобраться в том, что такое политика памяти и как ее реализация отражается на статусе историков-профессионалов — экспертов по прошлому, некогда пользовавшихся непрекращаемым авторитетом; в том, как соотносятся историческая политика и политика памяти (для одних авторов они синонимичны, для других, как, скажем, для А.И. Миллера, — историческая политика есть частный случай политики памяти); в том, что такое ставшая модной публичная история (ее перспективы, впрочем, автор на с. 206 объявляет «довольно

туманными») и как она соотносится с историей прикладной.

Содержание учебника, написанного Ю.А. Сафроновой, вводит читателей в курс дел современной историографии. Пособие написано ясным языком, снабжено значительной библиографией; публикации, рассматриваемые в тексте, в большинстве доступны. Формулировки названий разделов в главах зачастую носят характер вопроса: читателю предлагается подумать о том, *как писать историю забвения* или вообще — *что читать начинающему ученому?* После каждой главы приводятся творческие задания — студентам предстоит познакомиться с важнейшими текстами в традиции *memory studies*, осуществить поиск информации в Интернете, ответить на ряд вопросов. Последние носят, как правило, проблемный характер и требуют от читателей высокой степени самостоятельности. Например, предлагается найти в Интернете информацию о странице, созданной в *Facebook* от имени малолетнего Геньо Житомирского, погибшего в Майданеке. Страница была удалена в 2010 г. Студенту нужно выразить свое отношение к такому рода работе с памятью и сравнить эту инициативу с проектом «1917. Свободная история» (с. 189). Любого читателя заинтересуют и иллюстрации — не обычные для учебников «лакированные портреты», а юмористические рисунки, в которых художники Р.И. Казаков и Е.С. Михайлова-Смоляникова отразили свое видение тематики истории и памяти.

Любая значительная работа вызывает вопросы и сомнения. Начну с парадокса: понятие, которое

Ю.А. Сафронова использует в названии пособия, вообще не рассматривается в тексте (за исключением краткого изложения взглядов Хальбвакса на с. 51–52³). Между тем это важный вопрос: что такое *историческая память*? В книге разбираются всевозможные памяти — индивидуальная, коллективная, коммуникативная, культурная, политическая, социальная... Не доходит дело только до памяти исторической⁴. О границах этого понятия писали И. М. Савельева и А. В. Полетаев в статье, которая приводится в списке литературы рецензируемого пособия. Они, в частности, отмечали, что в современной ситуации словосочетание «историческая память» то используется метафорически, то подменяет хорошо знакомое понятие «историческое сознание» (Савельева, Полетаев 2005: 190). В конечном счете исследователи выражают свою неудовлетворенность «нечеткой концептуализацией понятия “историческая память”, неоправданным увлечением новым термином, противоречивостью формулировок и недодуманностью трактовок» (Там же: 192). За прошедшее с момента публикации

³ Хальбвакс действительно использует понятие «историческая память» (противопоставляя ее памяти автобиографической), но его легитимность давно поставлена под сомнение. Жан Дювigny в предисловии к переизданию «Коллективной памяти» М. Хальбвакса называет этот термин «почти абсурдным», потому что он соединяет два взаимоисключающих понятия (Duvignaud 1968: xiii).

⁴ Из предисловия можно понять, что «историческая память» была выбрана по принципу «меньшего зла» — за неимением в русском языке адекватного перевода словосочетания *memory studies* (с. 10). Это, впрочем, не объясняет отказ от обсуждения *исторической памяти* как концепта.

статьи время это понятие, пожалуй, не стало более внятным — тем более было бы целесообразным обсудить его в книге, где оно вынесено на обложку.

Трудно удержаться от искушения обратить внимание на упреки, которые Ю.А. Сафронова адресует авторам публикаций, использующих в заглавии понятие «политика памяти»: «...очень часто заглавием все и ограничивается. Авторы не считают нужным не только дать определение этому термину, но иногда даже не используют его в тексте. Под рубрикой “политика памяти” можно найти обсуждение публичных дискурсов, культурной травмы, нарративов, оспариваемого прошлого и т.д. Такая ситуация в значительной степени затрудняет понимание политики памяти как самостоятельного феномена и отдельного объекта исследования» (с. 194).

Вопрос об уместности использования понятия «историческая память» — далеко не праздный. Конечно, оно существует — достаточно набрать в Google разные словосочетания, чтобы найти множество ссылок — *historical memory* в англоязычных работах, *das historische Gedächtnis* и *das Geschichtsgedächtnis* в немецкоязычных или *la mémoire historique* — во франкоязычных. Тем, кто задумывается над проблемами соотношения истории и памяти, такое словосочетание навязывается как бы автоматически.

Между тем многие теоретики историографии прекрасно обходятся без него. Йорн Рюзен, например, оперирует всеми видами

памяти, обсуждаемыми в пособии. Говоря об историческом сознании (*Geschichtsbewusstsein*), исторической культуре (*Geschichtskultur*), культуре памяти (*Erinnerungskultur*) (*Rüsen* 2013: 223–234), он не нуждается только в одном понятии — *историческая память*. Иногда в работах Рюзена заветное словосочетание все же проскальзывает, однако оно явно не выглядит как основополагающий концепт, а используется скорее метафорически и крайне редко (*Rüsen* 1997: 38; 2011: 15), хотя может быть вполне легитимным в названии сборника «Историческая память в Африке», соредактором которого выступил Рюзен (*Historical Memory in Africa* 2010). Филипп Жутар в статье о коллективной памяти, вошедшей в словарь с эпатажирующим названием «Историографии», употребляет словосочетание *la mémoire historique*, но скорее просто из соображений хорошего стиля — как синоним «коллективной памяти», когда речь заходит об источниках идентичности каких-либо групп (*Joutard* 2012: 786). Строго говоря, в этом контексте оно совсем не обязательно к употреблению.

Одна из возможных претензий к понятию «историческая память» состоит в том, что использование этого термина имплицитно предполагает существование некоего единственно правильного воззрения на прошлое, т. е. априори аутентичной исторической памяти. Подобная оптика, имманентная историографии позапрошлого века, сегодня может выглядеть слишком архаичной. В этом смысле концепты «коллективная память» или «культурная

память» адекватнее отражают плюралистичный взгляд на прошлое. Как бы то ни было, представить читателю противоречия, сопровождающие употребление термина, вынесенного на титульный лист пособия, было бы более чем уместным.

Несмотря на всю замысловатость современного академического дискурса для малоподготовленных читателей, Ю.А. Сафронова смогла представить богатую палитру актуальных исследований в междисциплинарном поле *memory studies* и смежных с ним областях науки. Тем не менее в двух случаях материал пособия может быть расширен с пользой для дела. Во-первых, последняя глава все же выбивается из общего ряда как лапидарностью, так и «политкорректностью». С одной стороны, широкое проблемное поле, охватывающее и политику памяти, и *public history* (каждая из заявленных здесь тем достойна отдельного пособия), трудно охарактеризовать в главе, которая занимает чуть меньше 20 страниц (не будем забывать, что мы имеем дело лишь с *введением в проблематику исторической памяти*). С другой — автор обходит проблемы, связанные с тематикой мемориальных войн. В этой главе читатель практически ничего не узнает о мемориальном законодательстве в России и за рубежом, о конфликтах вокруг трактовки советского присутствия в странах Восточной Европы, о трудностях и противоречиях в работе с памятью о Холокосте в Литве и Польше, о дискуссиях по поводу бегства и изгнания немцев из Центрально-Восточной Европы после Второй

мировой войны. Ю.А. Сафронова мельком упоминает в тексте о «темных страницах европейской истории» (с. 198), отсутствие консенсуса по поводу которых затруднило принятие конституции Евросоюза, а в заданиях предлагает обсудить статью Г. Касьянова о мемориальных законах в Украине, но, строго говоря, актуальные для понимания современной проблематики памяти темы остались за рамками пособия.

Во-вторых, недостаточно проработанной оказалась тематика «мест памяти», где автор пособия ограничилась пересказом основных моментов биографии П. Нора и переведенных на русский язык фрагментов его масштабного издательского проекта. Последний раздел главы, посвященный «“местам памяти” на других языках», проработан недостаточно глубоко. Речь в нем идет о сложностях перевода понятия *lieux de mémoire*, с которыми не сталкиваются лишь романские языки; из зарубежной нефранкофонной историографии предлагается два примера — книга Дж. Винтера о местах памяти в европейской культурной истории и почему-то статья М. Исненги об итальянских местах памяти. Ю.А. Сафронова констатирует, что «хуже всего понятие передается на немецкий язык» (с. 75), а из примеров применения понятия к российской истории упоминает первый том проекта Ж. Нива с подзаголовком «География русской памяти»⁵ и книгу Б. Шенка

⁵ Любопытно, кстати, что это издание на французском языке носит заглавие «Места русской памяти», но не *lieux de mémoire*, а *sites de la mémoire* (Les sites de la mémoire russe 2007).

об Александре Невском. Автор пособия оставляет открытыми вопросы о том, как «можно представить себе исследование “мест памяти” Европы» или отдельной деревни (с. 75).

К сожалению, такое изложение интереснейшей проблемы трансфера концепта, изобретенного П. Нора, не отражает современного состояния публикаций. Начать с того, что на итальянском языке существует не только статья М. Исненги, а трехтомник под его редакцией (*I luoghi della memoria* 1996–1997). В реализации этого проекта его создатели, вдохновленные французским примером, построили характеристику мест итальянской памяти от символов и мифов итальянского единства к его персонажам и датам, а затем структурам и событиям.

С немецким языком все проблемы перевода давно решены, хотя, возможно, не идеальным способом. В немецкоязычной литературе существует два варианта передачи концепта *lieux de mémoire* — *Erinnerungsorte* и *Gedächtnisorte*. Проинформировав читателей о различиях между немецкими *Erinnerung* и *Gedächtnis*, автор пособия также привела примеры немецких аналогов слова *lieux* в версии Нора — «очаги», «узлы», «перекрестки», «буйки» (с. 75) — почему-то кроме того, которое активно используется уже почти два десятилетия немецкоязычными авторами: *Orte*. Между тем целесообразно рассказать, что в Германии еще в 2001 г. вышел аналогичный французскому трехтомник — «Немецкие места памяти» (*Deutsche Erinnerungsorte* 2001) под редакци-

ей Этьена Франсуа и Хагена Шульце. Через несколько лет увидело свет и отдельное издание «Мест памяти ГДР» (*Erinnerungsorte der DDR* 2009).

Исследование европейских мест памяти не есть предмет для игры воображения, оно давно и плодотворно ведется в разных форматах. Сборник «Транснациональные места памяти в Центральной Европе» появился в 2002 г. (*Transnationale Gedächtnisorte in Zentraleuropa* 2002), перспективы исследований транснациональных мест памяти в Южной и Северной Европе обсуждались в более поздней публикации (*Transnationale Erinnerungsorte* 2009). Центральнo-Восточная Европа в последние годы приобретает все большую популярность для исследователей: многократный передел границ и мультикультурная история региона дают новые возможности для анализа культуры памяти по сравнению с гомогенными национальными государствами Западной Европы (*Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa*, 2011; *Gedächtnisorte in Osteuropa*, 2003). Еще один заслуживающий обсуждения опыт — совместный проект немецких и польских историков «Польско-немецкие места памяти» в 4 томах (*Polsko-niemieckie miejsca pamięci 2012–2015*) (его дублер на немецком «Немецко-польские места памяти» занял 5 томов, дополнительный том содержит публикации польских авторов). В этом издании рассмотрено множество мест памяти под разными углами зрения — и отдельные для каждой из двух наций, и общие для них обеих, и параллельные в их культурах. Уже появились и коллективные проекты, посвящен-

ные общеевропейскому самосознанию, в частности трехтомник «Европейские места памяти» (*Europäische Erinnerungsorte* 2012). Разумеется, есть множество исследований городов и провинций как мест памяти.

В целом надо признать, пока французские «основоположники» в первые десятилетия нашего века почитали на лаврах, как раз немецкие историки стали лидерами в области изучения мест памяти разного масштаба — прежде всего на уровне как всей Европы, так и отдельных ее регионов. Этот колоссальный коллективный опыт заслуживает явно большего внимания, чем лаконичная ремарка о том, что понятие *lieux de mémoire* плохо передается на немецком.

Наконец, тематика русских (российских) мест памяти выходит далеко за рамки названных в пособии публикаций. Для русскоязычного читателя учебника было бы небесполезным получить подробные сведения о применении концепта в историографии российской истории. Зарубежные историки здесь работают особенно плодотворно — помимо упомянутых в пособии это также работы по широкому спектру тем от Куликовской битвы как места памяти (*Parppei* 2017) до Первой мировой войны в русской памяти (*Petrone* 2011). Кроме того, в отечественной литературе предприняты первые попытки на основе концепции П. Нора «выяснить, какими смыслами наполнен опыт рода» (*Веселкова и др.* 2016).

Конечно, объем литературы по местам памяти настолько возрос за последние два десятилетия, что для

подробного освещения всех проблем, связанных с этим направлением, потребовалось бы еще одно пособие. Однако в рецензируемой публикации воспроизводится ряд явно устаревших суждений (как, например, критика Т. Джадтом галлоцентричности проекта или тезис о затруднениях с переводом на иностранные языки), что несколько искажает картину современной историографии.

Ю.А. Сафронова очень тонко вводит в свои рассуждения проблематику языка, которым пользуются историки. Она обращает внимание на сложности перевода терминов с одного языка на другой; показывает «тонкие различия между забыванием и забвением», которые не схватываются теми, кто использует английское *forgetting* (с. 151); делает множество других ценных замечаний, которые нацелены на то, чтобы побудить начинающих исследователей крайне внимательно относиться к своему языку.

Однако нельзя не отметить, что некоторые языковые клише, которые использует автор пособия, также нуждаются в рефлексии. Например, Ю.А. Сафронова незаметно приписывает присущую советской историографии номинацию «Великая Французская революция» то Пьеру Нора (с. 61), то Полу Коннертону (с. 157). Оба автора, разумеется, не применяли подобную конструкцию. В параграфе о знаменитой книге Б. Андерсона не помешало бы уточнить, что ее название корректнее переводить «Воображенные сообщества» (оговорка по этому поводу сделана в предис-

ловии к русскому переводу). Ошибочно утверждение автора, что английское *politics* в конструкциях типа *memory politics* используется во множественном числе и понимается как «политики» (с. 190); все же это слово, совпадающее в формах единственного и множественного числа, обычно фигурирует в единственном. Настаивая на своем понимании, Ю.А. Сафронова переводит название сборника «The politics of memory in postwar Europe» как «Политики памяти в послевоенной Европе» (с. 195), но достаточно посмотреть грамматические конструкции в тексте этого сборника, чтобы убедиться, что политика памяти трактуется авторами все же в единственном числе. Осмелюсь утверждать, что перевод одного из пассажей в сборнике, данный Ю.А. Сафроновой: «...политики памяти всегда взаимодействуют со специфической поэтикой истории...» (с. 195) — некорректен — в оригинале единственное число: «...the politics of memory always interacts with specific poetics of history» (The politics of memory in postwar Europe 2006: 284).

Не уверен, что стоило оставлять без комментариев содержащийся в цитате из русского перевода статьи С. Бойм перевод древнегреческого *nostos* как «дом» (с. 148), тогда как на самом деле значение этого слова — «возвращение». Некритичное следование за русскими переводами приводит к тому, что возрастают риски повторить ошибки переводчиков: содержание книги М. Хальбвакса «Легендарная топография Евангелий на Святой Земле» Ю.А. Сафронова пересказывает по переводу

книги П. Хаттона, вследствие чего на с. 53 гора называется то Елеонской, то Елеанской (именно такая ошибка содержится в русском издании (*Hammon* 2003: 208)), а преторий (*praetorium*) на с. 53–54 – преторией (Там же: 209; ср.: *Hutton* 1993: 83).

К недостаткам редакции следует отнести отсутствие унификации в ряде случаев, когда автор обращается к зарубежной историографии. Вельцер на с. 17 носит имя Харальд, а на 95-й – Харольд; один и тот же квакер именуется на с. 116 то Роулсоном, то Роулинсоном; норвежский антрополог Томас Хюлланд Эриксен получил имя Эрик (с. 118); статья Б. Зелизер называется в одном месте «Читая прошлое против шерсти: положение исследований памяти» (с. 28), а в других – «... состояние исследований памяти» (с. 35, 170); название книги Фреда Дэвиса «*Yearning for Yesterday*» на с. 147 переводится как «Сожаления о вчерашнем дне», а на с. 150 – «Тоска по Вчера: социология ностальгии», отчего возникает иллюзия, будто это две разные книги.

Путаница настигла и известную книгу Анри Руссо. Ее название воспроизводится в одном месте как «Синдром Виши: история и память во Франции после 1944 года» (с. 29), а в другом – как «Синдром Виши: с 1944 г. до наших дней» (с. 158). Разгадка кроется, очевидно, в том, что в первом случае название приводится по ссылкам в статье А. Конфино, цитирующего американское издание книги Руссо 1991 г., а во втором – по русскому переводу книги П. Рикёра, который, естественно, отсылает к оригиналу. С последним,

впрочем, в пособии тоже не все гладко: сначала верно указывается дата первого издания 1987 г. (с. 158), но уже на следующей странице «моментом публикации книги» оказывается 1990 г. Тут недоразумение: первое издание книги Руссо называлось «Синдром Виши (1944–1987)» (*Rouso* 1987), а второе, исправленное и дополненное, – «Синдром Виши: с 1944 г. до наших дней» (*Rouso* 1990). Проблема обусловлена, несомненно, тем, что в обоих случаях упоминание работы опирается не на нее, а на переводы исследований, в которых она, в свою очередь, цитируется на разных языках.

К явным неточностям относится упоминание Ж. Ле Гоффа наряду с Ф. Броделем как сооснователя секции по общественным наукам Практической школы высших исследований в 1947 г. (с. 60). Ле Гофф был тогда слишком молод (он начал работать в этой институции позже), а вместе с Броделем инициаторами учреждения секции выступали Л. Февр и Ш. Моразе⁶.

Указанные замечания не отменяют того факта, что в целом рецензируемое пособие достаточно хорошо вычитано и содержит совсем немного опечаток, что сегодня встречается слишком редко в отечественной книгоиздательской практике.

В начале книги Ю.А. Сафронова выражает надежду, что работа с пособием будет «будить полемический

⁶ См. об этом на сайтах Высшей школы социальных наук (URL: www.ehess.fr/en/node/8589) и Практической школы высших исследований (URL: prosopo.ephe.fr/jacques-le-goff) (дата обращения: 09.01.2019).

задор» (с. 9). Для пробуждения задора материала хватает! Конечно, нельзя — прошу прощения за штамп — объять необъятное, однако новое учебное пособие Европейского университета в Санкт-Петербурге, несмотря на небольшой объем, содержит множество полезных для начинающего историка сведений, изложенных доходчиво и логично. Вне всякого сомнения, пособие Ю. А. Сафроновой стоит рекомендовать всем, кто хотел бы разобраться в сложных вопросах современных *memory studies* и осознанно сформировать свои исследовательские предпочтения не в угоду конъюнктуре, а на основе глубокого понимания комплекса проблем, связанных с историей и памятью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Веселкова и др. 2016 – *Веселкова Н. В., Прямыкина Е. В., Вандышев М. Н.* Места памяти в молодых городах. Екатеринбург, 2016.

Кром 2015 – *Кром М. М.* Введение в историческую компаративистику: учеб. пособие. СПб., 2015.

Куренной 2012 – *Куренной В.* Исследовательская и политическая программа культурных исследований // *Логос*. 2012. № 1. С. 14–79.

Потапова 2015 – *Потапова Н. Д.* Лингвистический поворот в историографии: учеб. пособие. СПб., 2015.

Савельева, Полетаев 2005 – *Савельева И. М., Полетаев А. В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // *Феномен прошлого*. М., 2005. С. 170–220.

Сафронова 2019 – *Сафронова Ю. А.* Историческая память: введение: учеб. пособие. СПб., 2019.

Степанов 2015 – *Степанов Б.* «Как беззаконная комета...» Культурные исследо-

вания в поисках академической идентичности // *Науки о человеке: история дисциплин*. М., 2015. С. 389–420.

Хаттон 2003 – *Хаттон П.* История как искусство памяти. СПб., 2003.

Deutsche Erinnerungsorte 2001 – *Deutsche Erinnerungsorte* / Hrsg. E. François und H. Schulze. München, 2001. 3 Bde.

Duvignaud 1968 – *Duvignaud J.* Préface // *Halbwachs M.* La mémoire collective. P., 1968, pp. vii–xv.

Erinnerungsorte der DDR 2009 – *Erinnerungsorte der DDR* / Hrsg. M. Sabrow. München, 2009.

Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa 2011 – *Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa. Erfahrungen der Vergangenheit und Perspektiven* / Hrsg. M. Weber et al. München, 2011.

Europäische Erinnerungsorte 2012 – *Europäische Erinnerungsorte* / Hrsg. P. den Boer und al. München, 2012. 3 Bde.

Gedächtnisorte in Osteuropa 2003 – *Gedächtnisorte in Osteuropa. Vergangenheiten auf dem Prüfstand* / Hrsg. R. Jaworski et al. Frankfurt a/M, 2003.

Historical Memory in Africa 2010 – *Historical Memory in Africa: Dealing with the Past, Reaching for the Future in an Intercultural Context* / ed. M. Diawara et al. N. Y., 2010.

Hutton 1993 – *Hutton P. H.* History as an Art of Memory. Hanover; L., 1993.

I luoghi della memoria 1996–1997 – *I luoghi della memoria* / a cura di M. Isnenghi. Roma; Bari, 1996–1997. 3 vols.

Joutard 2012 – *Joutard Ph.* Mémoire collective // *Historiographies II* / sous la dir. de C. Delacroix et al. P., 2012, pp. 779–791.

Les sites de la mémoire russe 2007 – *Les sites de la mémoire russe* / sous la dir. de G. Nivat. P., 2007. T. 1: Géographie de la mémoire russe.

Parppei 2017 – *Parppei K.* The battle of Kulikovo refought. Leiden; Boston, 2017.

Petrone 2011 – *Petrone K.* The Great war in Russian memory. Bloomington, 2011.

Polsko-niemieckie miejsca pamięci 2012–2015 – Polsko-niemieckie miejsca pamięci / red. R. Traba, H.H. Hahn. Warszawa, 2012–2015. 4 t.

Rousso 1987 – *Rousso H.* Le Syndrome de Vichy: 1944–1987. P., 1987.

Rousso 1990 – *Rousso H.* Le Syndrome de Vichy: De 1944 à nos jours. P., 1990.

Rüsen 1997 – *Rüsen J.* Geschichtskultur // Handbuch der Geschichtsdidaktik / Hrsg. K. Bergmann et al. Seelze-Velber, 1997. S. 38–41.

Rüsen 2011 – *Rüsen J.* Using History: The Struggle over Traumatic Experiences of

the Past in Historical Culture // *Historiein.* 2011. Vol. 11, pp. 14–18.

Rüsen 2013 – *Rüsen J.* Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft. Köln; Weimar; Wien, 2013.

The politics of memory in postwar Europe 2006 – The politics of memory in postwar Europe / ed. R.N. Lebow et al. Durham; L., 2006.

Transnationale Erinnerungsorte 2009 – Transnationale Erinnerungsorte: Nord- und südeuropäische Perspektiven / Hrsg. B. Henningsen et al. Berlin, 2009.

Transnationale Gedächtnisorte in Zentraleuropa 2002 – Transnationale Gedächtnisorte in Zentraleuropa / Hrsg. J. Le Rider et al. Wien; München; Bozen, 2002.

WHAT IS HISTORICAL MEMORY?

Rev.: Safronova Yu. A. Istoricheskaya pamiat': vvedenie (Historical memory: an introduction). St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publishing House, 2019. 220 p.

Dementev Ilya O. – Associate Professor at the Institute for the Humanities, I. Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Key words: collective memory, cultural memory, historical memory, lieux de mémoire.

Abstract. The paper reviews a manual by Yu. A. Safronova dedicated to various aspects of the phenomenon of historical memory.

REFERENCES

Deutsche Erinnerungsorte. Hrsg. E. François und H. Schulze. München, 2001. Bd 1–3.

Duvignaud J. Préface. In: Halbwachs M. *La mémoire collective.* P., 1968, pp. vii–xv.

Erinnerungsorte der DDR. Hrsg. M. Sabrow. München, 2009.

Erinnerungsorte in Ostmitteleuropa. Erfahrungen der Vergangenheit und Perspektiven. Hrsg. M. Weber et al. München, 2011.

Europäische Erinnerungsorte. Hrsg. P. den Boer et al. München, 2012. 3 Bde.

Gedächtnisorte in Osteuropa. Vergangenheiten auf dem Prüfstand. Hrsg. R. Jaworski et al. Frankfurt a/M, 2003.

Historical Memory in Africa: Dealing with the Past, Reaching for the Future in an Intercultural Context. M. Diawara et al. (ed.). N.Y., 2010.

Hutton P. *Istoriia kak iskusstvo pamiati.* St. Petersburg, 2003.

Hutton P.H. *History as an Art of Memory.* Hannover; L., 1993.

I luoghi della memoria. A cura di M. Isnenghi. Roma; Bari, 1996–1997. 3 vols.

Joutard Ph. Mémoire collective. In: *Historiographies II*. Sous la dir. de C. Delacroix et al. P., 2012, pp. 779–791.

Krom M. M. *Vvedenie v istoricheskuyu komparativistiku*. St. Petersburg, 2015.

Kurennoy V. Issledovatelskaya i politicheskaya programma kul'turnyh issledovaniy. *Logos*, 2012, no. 1, pp. 14–79.

Les sites de la mémoire russe. Sous la dir. de G. Nivat. P., 2007. Vol. 1: Géographie de la mémoire russe.

Parppei K. *The battle of Kulikovo refought*. Leiden; Boston, 2017.

Petrone K. *The Great War in Russian Memory*. Bloomington, 2011.

Polsko-niemieckie miejsca pamięci. R. Traba, H. H. Hahn (red.). Warszawa, 2012–2015. 4 t.

Potapova N. D. *Lingvisticheski povorot v istoriografii*. St. Petersburg, 2015.

Rousso H. *Le Syndrome de Vichy: 1944–1987*. P., 1987.

Rousso H. *Le Syndrome de Vichy: De 1944 à nos jours*. P., 1990.

Rüsen J. Geschichtskultur. In: *Handbuch der Geschichtsdidaktik*. Hrsg. K. Bergmann et al. Seelze-Velber, 1997, pp. 38–41.

Rüsen J. Using History: The Struggle over Traumatic Experiences of the Past in Historical Culture. *Historiein*. 2011. Vol. 11, pp. 14–18.

Rüsen J. *Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft*. Köln; Weimar; Wien, 2013.

Savelieva I. M., Poletaev A. V. «Istoricheskaya pamiat'»: k voprosu o granicah poniatiya. *Fenomen proshlogo*. Moscow, 2005, pp. 170–220.

Safronova Yu. A. *Istoricheskaya pamiat': vvedenie*. St. Petersburg, 2019.

Stepanov B. «Kak bezzakonnaya kometta...» Kul'turnye issledovaniya v poiskah akademicheskoy identichnosti. *Nauki o cheloveke: istoriya disciplin*. Moscow, 2015, pp. 389–420.

The politics of memory in postwar Europe. R. N. Lebow et al. (ed.). Durham; L., 2006.

Transnationale Erinnerungsorte: Nord- und südeuropäische Perspektiven. Hrsg. B. Henningsen et al. Berlin, 2009.

Transnationale Gedächtnisorte in Zentraleuropa. Hrsg. J. Le Rider et al. Wien; München; Bozen, 2002.

Veselkova N. V., Priamikova E. V., Vandyshv M. N. *Mesta pamyati v molodyh gorodah*. Ekaterinburg, 2016.

А. М. Сабо

Рец.: *Pető A. Elmondani az elmondhatatlant, A nemi erőszak Magyarországon a II. világháború alatt* (Рассказать нерассказываемое. История изнасилований в Венгрии в годы Второй мировой войны). Budapest: Jaffa Kiadó, 2018. 278 p.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Венгрия, Россия, немецкое вторжение, советское вторжение, изнасилования военного времени, политика памяти, военная культура.

Аннотация. Рецензия посвящена историографическим и методологическим аспектам новой книги Андреа Пете «Рассказать нерассказываемое», важной с точки зрения нынешних общественных и академических дискуссий об изнасилованиях во время войны. Рассмотрев междисциплинарные подходы к историческому исследованию, используемые автором книги, рецензент показывает, что исторические исследования становятся важной частью политики памяти в этой области. Рецензент отмечает «многонаправленную» оптику книги, в которой голоса венгров и русских исследуются и анализируются для того, чтобы воссоздать целостную картину прошлого.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-219-226

Может показаться, что рассказывание нерассказываемого преследует лишь одну, достаточно сложную цель: жертва изнасилования должна найти в себе силы поведать об акте насилия, как, например, это сделала Кристин Блейзи Форд, давая свидетельские показания в ходе слушаний в Сенате США¹. Но сложность

здесь не только в этом. Сложность и в том, чтобы добиться понимания другой стороны, чьи характеристики — чисто мужской состав суда или неприятие гендерных исследований в стране — определяют, что именно рассказать нельзя. Поэтому историк, профессор Центрально-Европейского университета Андреа Пете должна была приложить огромные усилия, чтобы в стране, где правительство, не посоветовав-

© А. М. Сабо, 2019

Сабо Александра М. — выпускница Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия); szabo_alexandra@alumni.ceu.edu

¹ Показания Кристин Блейзи Форд перед назначением Бретта Кавано на должность судьи Верховного суда США о том, что много лет назад он пытался ее изнасиловать, стали историческим событием для всех американских женщин. Благодаря освещению этого

события в СМИ, удалось не только поставить под сомнение распределение высоких должностей в судебной системе, но и продемонстрировать, что важно говорить об изнасилованиях и сопротивляться «обвинению жертвы».

шись ни с кем, лишило лицензии отделение гендерных исследований, опубликовать книгу, выражающую феминистский взгляд на изнасилования в военное время.

Более того, автору удалось обратить внимание венгерской общественности на проблемы национальной политики памяти и инициировать пересмотр привычного образа истории страны. Текущая правительственная точка зрения на память о насилии, имевшем место в годы Второй мировой войны в Венгрии, отчетливо выражена в противоречивой экспозиции будапештского Музея террора, где нацистское и советское присутствие представлены с рядом упрощений и фальсификаций. Одно из самых грубых – изображение партии «Скрещенных стрел» (крайне правая партия под руководством Ференца Салаши) как единственной силы, ответственной за преследования евреев. В действительности массовые депортации евреев в нацистские лагеря смерти были осуществлены венгерскими официальными лицами с 15 мая по 9 июля 1944 г., а партия Салаши находилась у власти с 15 октября 1944 г. по 28 марта 1945 г. Столь же неубедительны и периодически менявшиеся в зависимости от идеологии правящей партии представления о штурме Будапешта советскими войсками. При этом власть никогда не касалась мучительной правды о страданиях простых людей, все сводилось к созданию образа освобожденной/порабощенной страны. Поэтому преобладающие в современной Венгрии публичные представления об истории – это сочетание хаоса менявшихся narra-

тивов и постоянного сознательного воспроизводства образа мученика; здесь не задумываются о необходимости сменить объект внимания и поговорить о подлинных жертвах.

Фундаментальное исследование Пете опубликовано на венгерском языке. Аудитория, не владеющая венгерским, конечно, разочарована тем, что не может пока познакомиться с этим важным сюжетом истории Второй мировой войны в Европе. Однако я должна с удовлетворением сказать, что эту книгу просто необходимо было сначала издать на венгерском. Прежде всего потому, что в нынешней ситуации для Венгрии чрезвычайно важно тщательное исследование, посвященное истории женщин. В этом смысле книга представляет значительный прорыв.

На международном уровне «Рассказать нерассказываемое» представляет собой важный вклад в историографию, не только потому, что в книге используются междисциплинарные подходы для развертывания истории молчащих женщин – жертв изнасилований военного времени, но и в связи с тем, что в ней рассматриваются изменения политики памяти вплоть до наших дней. Нерассказанная история женщин, изнасилованных советскими солдатами, анализируется методами сравнительной истории с феминистской точки зрения.

В своей книге Пете не только демонстрирует незаурядную технику исторического исследования, но и с успехом рассказывает целостную

историю, обращаясь к аудитории, включающей не только профессиональных исследователей темы. Книга была представлена обществу на Будапештской книжной ярмарке 2018 г. и на специальном мероприятии в Национальном архиве Венгрии, после чего последовали презентации на литературных фестивалях, выступления в радиопередачах, интервью автора на телевидении и в прессе. Благодаря этому удалось привлечь дополнительное внимание к проблеме военного насилия, а книга стала значимым объектом памяти в публичной сфере современной Венгрии. В результате работа Пете не только «учит» и «проповедует», но и становится важным публичным действием.

Успех книги у широкой аудитории во многом достигается благодаря понятному языку и четкой структуре повествования.

Во введении методологические и теоретические рамки книги описываются через анализ фильма Шандора Шары² (Sándor Sára), что отражает интерес Пете к полити-

ке памяти в Венгрии и побуждает читателей посмотреть или пересмотреть этот фильм. Во второй главе, посвященной венгерской историографии, автор предваряет детальное описание преступлений советской армии свидетельствами о поведении венгерских солдат на оккупированной советской территории. Хотя Пете критикует методологию, использовавшуюся для составления книги архивных документов «Венгерские оккупационные войска в советском союзе» Тамаша Крауса и Евы Марии Варга (Krausz, Varga 2013; см.: Краус, Варга 2015: 73–96), она подчеркивает, что венгерские солдаты разделяли общую «культуру» военного насилия того времени и совершили ряд жестоких преступлений на оккупированных советских территориях. Книга Крауса и Варга стала первым и важным шагом в том, чтобы прервать молчание об изнасилованиях военного времени и санкционировать дальнейшие исследования этой темы.

Первая часть книги посвящена историографическим проблемам, которые долгое время были табуированы в Венгрии. Речь идет о советской оккупации 1945 и 1956 гг. и о политической свободе, включая свободу слова, в этот период. Вопрос о том, как оценивать события 1945 г. — как освобождение или как оккупацию, — тесно связан с противопоставлением нацистских и советских солдат и степенью, в которой советские обычно рассматривались как Другие («азиатские варвары», а не, например, «белые арийцы»). В книге справедливо отмечается, что смена режима в 1989 г.

² Фильм Шандора Шары «Обвинение» (1996), характерный продукт кинематографа своего времени, рассказывает историю венгерской крестьянской семьи, которую в 1944 г. ограбили советские солдаты. Позже двое из них вернулись, чтобы изнасиловать дочь хозяев, но одного застрелил брат девушки, бежавший из венгерской армии, а второго убивает расследующий дело советский военный служащий, шокированный преступлением. Советский следователь ведет допрос так, чтобы члены семьи дали обвинительные показания друг на друга, в итоге их всех казнят, поскольку из официального приговора следует, что «советские солдаты не насиловали женщин, они приносят мир».

привела к отмене табу на обсуждение изнасилований в годы войны, что открыло путь феминистским интерпретациям. Помещение феминистской перспективы в центр исторического исследования привело к изменению восприятия прошлого. Прежде всего это выразилось в представлении о том, что можно дать говорить женщинам, которые долгое время были принуждены молчать. Это рассказывание нерассказываемого может принимать различные формы: интервью, художественного произведения, научного дискурса и т. д.

В третьей главе обсуждение нацистского и советского вторжений в Венгрию в ходе Второй мировой войны сосредоточено на сегодняшней памяти об этих событиях. Пете отмечает, что в венгерской памяти нет следов сексуальных преступлений, совершенных немецкими солдатами. Советские войска разгромили преступные по своей сути германские и венгерские армии, но проиграли политическую битву за память об изнасилованиях военного времени. Принято считать, что немецкие солдаты не насиловали женщин, потому что их отличали дисциплина и аккуратность. Однако из прослушки разговоров немецких военнопленных, осуществлявшейся британскими секретными службами, мы знаем, что в действительности немецкие солдаты обсуждали между собой случаи изнасилований, и это было нормой военной повседневности; можно сказать, что такого рода поведение ожидалось и от них, и от советских солдат. Это разительное несоответствие между реальной историей и памятью было

порождено в том числе и тем, что показания о сексуальном насилии на оккупированных нацистами советских территориях, оглашенные в ходе Нюрнбергского процесса, не вошли в то время в общепринятый нарратив.

В первой части книги также обсуждается коллективная память о походах русской армии 1849 и 1914–1915 гг., предшествовавших советским вторжениям. Хотя революционное правительство Лайоша Кошута запугивало население в 1849 г. тем, что царские войска угрожают не только политической свободе, но также религии и морали, память об этом кратковременном вторжении не оставила катастрофических воспоминаний. Вторжение русских войск осенью 1914 г. также воспринимается как обычная военная операция.

Опираясь на источники, отражающие особенности памяти, Пете отмечает, что представление о советском вторжении 1944–1945 гг. принципиально отличается от двух предшествующих. Отличие в первую очередь вызвано тем, что под влиянием успешной нацистской пропаганды венгерское население было заранее напугано приходом советских войск. В общественном мнении того времени советские войска воспринимались как вооруженные пьяные хулиганы, которым противопоставлялся образцовый немецкий солдат. После этого стали распространяться изображения солдат с красными звездами на головных уборах, врывающихся в мирные жилища и несущих разрушение. Венгерские политиче-

ские деятели вспоминают, что были поражены агрессивным поведением советских солдат. Оно было неожиданным, поскольку, в отличие от тех же поляков, переживших немецкую оккупацию, у венгров еще не было памяти о сходном вторжении. Кроме того, советское вторжение настойчиво интерпретировалось как противоборство западной христианской цивилизации с «Востоком». Этому способствовало то обстоятельство, что венгерская историческая память уходит в средние века и омрачена воспоминаниями об османском правлении и жестоких традициях восточного военного варварства. В ряде случаев интервьюируемые профессором Пете утверждали, что акты насилия, совершенные советскими солдатами, были мстью за преступления венгерских солдат на территории оккупированной Украины. Поражение Венгрии и коллапс государственных институтов привели к потребности в индивидуальном покровительстве, в особенности для женщин, которые до сих пор помнят о случаях злоупотреблений со стороны советских солдат.

Глава о советском вторжении 1956 г. основана на воспоминаниях о страхах венгров, которые прятали женщин в подвалах и укрепляли ворота своих домов. Однако на этот раз страну оккупировали элитные советские части, которые размещались в казармах отдельно от гражданского населения. Существуют воспоминания об изнасиловании венгерских женщин и в 1956 г., но Пете считает, что они ненадежны и, возможно, порождены обстоятельствами холодной войны.

Пете предлагает множество убедительных примеров, позволяющих обнаружить различные точки зрения, которые показывают, как память изменяется в социальном дискурсе не только в различных жанрах (кино, беллетристика, личные свидетельства), но и в сравнении с другими культурами. Автор представляет теоретические основы различных типов изображения военного насилия и анализирует цели, которые ими преследуются. Пете основывает свою аргументацию на отношениях власти и убедительно предостерегает читателей от изолированного подхода к поведению советских солдат, т.к. все солдаты, включая венгров, вели себя в соответствии с единой военной культурой того времени. Более того, неверно считать насильниками исключительно мужчин, не только потому, что такое понимание упрощает сложную структуру власти различных социальных групп и обществ, но и потому, что во многих случаях среди жертв были и женщины. Пете критикует результаты многих количественных исследований и статистические данные об изнасилованиях в военное время, подчеркивая, что трудно дать единственно верное определение изнасилования и что количественные измерения обусловлены различными концептуальными проблемами.

Следующая часть книги представляет тщательный анализ памяти, которая оказывается в центре внимания потому, что сами жертвы военного насилия практически не говорят о ней. Для этого воспоминания об изнасилованиях в годы войны рассматриваются

через их воплощения в различных культурных продуктах, включая художественные и документальные фильмы, фотографии и устные свидетельства. Книга приглашает к рассмотрению сложной проблемы публичного обсуждения отдельных акций и сопутствующих им правовых процессов. Среди обсуждаемых примеров создания памяти наибольший интерес представляет статуя под названием *Komm, Frau* («Иди сюда, женщина»), созданная Ежи Богданом Шумчиком (*Jerzy Bohdan Szumczyk*)³. Общественная реакция на эту художественную акцию является значимой демонстрацией того, насколько общество готово признать и принять такую память.

В заключительной части Пете меняет предмет обсуждения и излагает русскую точку зрения, которую она именуется «отсутствующей частью пазла». Поскольку текущей российской политикой памяти о рассматриваемом сюжете является молчание, Пете тщательно анализирует доступные ей источники, чтобы обнаружить смену парадигмы. Эта часть книги напоминает детективное расследование, в ходе которого автор из-за закрытости российских архивов использует интернет-публикации как главный источник.

³ Польский скульптор Ежи Богдан Шумчик без официального разрешения установил в 2013 г. в Гданьске свою работу, изображающую советского солдата, который насилует беременную женщину. Скульптура воплощает память о немецких и польских женщинах, изнасилованных советскими солдатами в знак коллективного наказания и мести полякам и немцам. Скульптор был арестован на короткое время, а его работа удалена из общественного пространства из-за отсутствия разрешения и недовольства горожан.

Исследование широкого спектра мнений на различных интернет-платформах позволяет услышать голоса русскоязычных жертв, свидетелей и насильников и создает почву для дальнейшей дискуссии. Попытки оспорить политику памяти в России и на Украине обсуждаются на фоне анализа европейских событий; цель здесь — понять, как это сказывается на обществе, и начать обсуждение роли советских женщин-военнослужащих.

В этой же главе Пете уделяет внимание «войне» в политике памяти между Россией и Украиной. По мнению автора книги, в центре этих дебатов находится вопрос: «Кто фашист?»; об этом много говорят историки с международным именем, и здесь же поднимается проблема правовых последствий сравнения нацистской и советской систем. Кроме того, в официальном украинском дискурсе советских солдат, которые совершали массовые сексуальные преступления, начинают именовать «русскими». Инструментальный и «этнизирующий» подход современной украинской политики памяти к фактам насилия не позволяет сосредоточиться на главном — на реальном противостоянии феномену военного насилия. Пете также обнаруживает заявление российского публициста Юлии Латыниной (2007) о том, что в 1941–1945 гг. шла битва между «красной» и «коричневой» разновидностями фашизма. Развернувшаяся дискуссия сконцентрировалась вокруг процитированных Латыниной воспоминаний художника Леонида Рабичева о неспособности советского командования остановить массовые изнасилования в Восточной

Пруссии (Рабичев 2009)⁴. Эта дискуссия свелась прежде всего к проблеме персональной ответственности, а структурные причины этих преступлений остались за ее рамками. Другая особенность этих дебатов вокруг политики памяти состоит в объявлении Сталина главным виновником жестокостей военного времени, в результате чего, считает Пете, проблема изнасилования становится заложником подобных дискуссий. Автор рецензируемой книги рассматривает и другие крайности в подходах к исследуемой проблеме, отмечая, что все подобные позиции затрудняют понимание изнасилований военного времени, поскольку они извращают нарратив.

Подводя итоги, следует сказать, что работа представляет успешный вклад в изучение сложного исторического явления, опутанного противоречиями политики памяти. Уже судя по первому предложению: «Я работала над темой истории изнасилований, совершенных советскими солдатами в годы войны, начиная с 1996 года», — мы можем догадаться, что перед нами фундаментальный труд. Вклад историка в это всеобъемлющее исследование состоит в создании

междисциплинарной истории, которая в данном случае не сводится к формальному методологическому приему, т.к. книга побуждает не просто поставить ее по прочтении обратно на полку, но заставляет смотреть фильмы, читать статьи, следить за художественной критикой, искать в Интернете материалы по данной теме. Самое главное, книга А. Пете предоставляет почву для дальнейшей дискуссии об изнасилованиях, показывает силу этих жертв, которые были вынуждены молчать столько лет, и предлагает пути противостояния нашей истории в надежде на лучшее будущее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Krausz, Varga 2015 — *Krausz T., Varga E.-M.* Венгерские войска и нацистская истребительная политика на территории Советского Союза // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2015. № 1. С. 73–96.

Рабичев 2009 — *Рабичев Л.Н.* Война все спишет. Воспоминания офицера-связиста 31-й армии. 1941–1945. М.: Центрполиграф, 2009.

Krausz, Varga 2013 — *Krausz T., Varga É.-M.* Magyar megszálló csapatok a Szovjet-unióban — Levéltári dokumentumok 1941–1947. Budapest: L'Harmattan, 2013.

Rev.: Pető A. Elmondani az elmondhatatlant, A nemi erőszak Magyarországon a II. világháború alatt. Budapest: Jaffa Kiadó, 2018, 278 p.

Sabo Alexandra M. — graduate of the Central European University (Budapest, Hungary)

Key words: Second World War, Hungary, Russia, German invasion, Soviet invasion, wartime rape, memory of politics, military culture.

⁴ Главы из воспоминаний были опубликованы в 2005 г. в журнале «Знамя».

Abstract. This article reviews the historiographical and methodological stance of Andrea Pető's new book, *Telling the Untellable* by placing its importance in today's public and academic discussion on wartime rape. Upon exploring the book's interdisciplinary approaches of historical research, the review sheds light on its function of becoming an important part of the memory of politics concerning the topic. Taking into consideration its embeddedness into the contemporary state of memory politics, this article sheds light onto the multidirectional vision of the book: how both Hungarian and Russian voices are examined and analyzed for a holistic understanding.

REFERENCES

Kraus T., Varga E.-M. Vengerskie voiska i natsistskaia istrebitel'naia politika na territorii Sovetskogo Soiuzu. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniĭ*, 2015, no. 1, pp. 73–96.

Krausz T., Varga É.-M. *Magyar megszálló csapatok a Szovjet-unió ban – Levéltári dokumentumok 1941–1947*. Budapest: L'Harmattan, 2013.

Rabichev L.N. *Voina use spishet. Vospominaniia ofitsera-sviazista 31-i armii. 1941–1945*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2009.

С. Е. Эрлих

ТРАГЕДИЯ БЕЗ КАТАРСИСА

Рец.: Полян П. М. Жизнь и смерть в аушвицком аду. М.: Издательство АСТ, 2018. 640 с. (История де-факто).

Ключевые слова: Холокост, Аушвиц, зондеркомmando, «серая зона».

Аннотация. В центре внимания рецензента находятся свидетельства еврейских членов зондеркомmando Аушвица, вынуждающие внести существенные коррективы в черно-белый миф Холокоста. Между палачами-нацистами и их жертвами располагалась обширная «серая зона» (Примо Леви). В ходе восстания 7–8 октября 1944 г. еврейские «ассистенты» нацистов переместились в «белую зону» героев-мучеников, но их трагедия не ведет к катарсису.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-227-236

Книга Павла Марковича Поляна, одного из ведущих специалистов по насильственным миграциям середины XX в., имеет сложную структуру. Первая часть — это исследование автора, несколько «глав-очерков» под общим названием «Жизнь и смерть в аду» (с. 11–162). Они посвящены «оценке количества жертв, убитых в Аушвице, информированности об этом в лагере стран коалиции — Великобритании, США и СССР, а также тому, как красноармейцы освобождали Аушвиц от немцев, а главпуровцы — уже освобожденный Аушвиц — от евреев. Продолжается — главами о зондеркомmando, воспринимаемых как беспримерное историческое и одновременно психозитиче-

ское явление. Реконструируются обстоятельства сопротивления в условиях Аушвица-Биркенау и восстания 7 октября 1944 года, а также общий фон послевоенных поисков и находок рукописей, а также публикаций их текстов» (с. 3–4). Ядро книги составили все девять уцелевших текстов тех пяти членов зондеркомmando, чьи рукописи были обнаружены между 1945 и 1980 гг.: Залмана Градовского (с. 165–356), Лейба Лангфуса (с. 357–442), Залмана Левенталья (с. 443–494), Хайма Германа (с. 495–506), Марсея Наджари (с. 507–530). К ним добавлено предисловие к литературному альманаху «Ойшвиц», написанное во время пребывания в лагере смерти ее узником Авромом Левите, который не имел отношения к зондеркомmando (с. 531–544). Этот документ важен как свидетельство того, что стихи можно было писать, даже находясь в Аушви-

© С. Е. Эрлих, 2019

Эрлих Сергей Ефреимович — доктор исторических наук, директор издательства «Нестор-История» (Москва — Санкт-Петербург); ehrlich@mail.ru

це. Завершают книгу приложения (с. 549–613): «первое — хроника событий, связанных с “зондеркоммандо” в Аушвице-Биркенау, второе — библиография публикаций их текстов, третье — подборка советских документов, фиксирующих то, что освободители — Красная Армия — застали в концлагере Аушвиц в день его освобождения, и, наконец, четвертое — протоколы допросов бывших членов зондеркоммандо Ш. Драгона, Г. Мандельбаума и Г. Таубера» (с. 5).

Полян объясняет, почему свидетельства членов зондеркоммандо (он настаивает на таком написании этого термина) Аушвица публикуются третий раз за 6 лет (с. 161–162). Главная причина состоит в том, что рукописи, обнаруженные столь же чудесным образом, как и документы из генизы каирской синагоги (конец XIX в.), а также кумранские рукописи (1947 г.), оказались не в спасительном для указанных находок климате Египта и Палестины, а были закопаны в сырую польскую землю. Рукописи сильно пострадали, поэтому их до сих пор не удалось прочитать полностью. Реставрация была неудачной, и нынешние оригиналы читаются хуже фотокопий, сделанных ранее. В настоящем издании существенно расширен текст публикуемых источников. Добавлен фрагмент «В раздевалке» — концовка текста Залмана Градовского «В сердцевине ада». Но главное — третируемая ныне российская наука еще раз доказала свою необходимость. Молодой компьютерщик из Тулы Александр Борисович Никитяев с помощью методов микро-

спектральной съемки расширил объем читаемого текста Марселя Наджари с 10 до 90 % (с. 519)! Возможно, этим способом удастся восстановить и другие лишь фрагментарно прочитанные свидетельства из Аушвица (с. 380).

Ценность этих посланий человечеству, которые часто были закопаны в буквальном смысле в пепле жертв посреди «резиденции смерти» (Градовский, с. 258), состоит, в частности, и в том, что они не опосредованы позднейшими нарративами Холокоста и в этом смысле стоят «ближе» к реальности. В их центре находятся размышления над «многосложной этической проблематикой», которая сопровождала членов зондеркоммандо буквально на всем их лагерном пути (с. 75). Поскольку Аушвиц — это главный символ трагедии европейского еврейства, то анализ этих свидетельств заставляет переосмыслить черно-белый миф Холокоста. Миф — это не ложь, это субъективная редакция прошлого. В данном случае «спрямляется» невыносимая реальная картина, и мы «видим» только палачей-нацистов и противостоящих им еврейских жертв — детей, женщин и стариков, а также героев-мучеников еврейского сопротивления. Такое изображение прошлого рождает «национальную гордость» и помогает примириться с трагедией национальной истории. Но свидетельства из Аушвица не позволяют достичь столь необходимого катарсиса. Между палачами-нацистами, невинными еврейскими жертвами и еврейскими героями существовала, используя выражение узника Аушвица Примо

Леви, обширная «серая зона». Черно-серо-белая оптика серьезно корректирует привычную картину Холокоста. «Картографируя», наряду с «черным» и «белым» разделами, «серую зону» Аушвица, авторы свидетельств беспощадно берегут рану нашей памяти. В их описаниях этническая трагедия приобретает антропологическое измерение. Перед читателем все время ставится неумолимый вопрос: «А что бы делал ты, оказавшись в такой ситуации?» С ужасом понимаешь, что вряд ли нашел бы силы действовать в этом аду иначе.

«Черная зона» нацистов, согласно публикуемым свидетельствам, разрушает веру гуманизма в то, что человек — благ. Авторы недоумевают, каким образом «в наше время <...> в самом сердце цивилизованной Европы» (Левенталь, с. 489) народ, давший миру величайшие образцы научной, художественной, технологической и бытовой культуры, в одночасье превратился в скопище «культурных дьяволов»: «Кто бы мог подумать, что цивилизованный народ может превратиться в дьяволов, которые стремятся только к убийству и уничтожению?» (Градовский, с. 226); «Семья Наджари была уничтожена, убита цивилизованными немцами» (Наджари, с. 529).

Авторы свидетельств обращают внимание на то, что пик Холокоста пришелся на 1944 г., когда нацисты терпели поражения на всех фронтах. В этой губительной для себя ситуации лидеры нацистов, ведомые своей человеконенавистнической идеологией, считали целесооб-

разным отвлекать значительные людские и материальные ресурсы от ведения боевых действий. Какова была рационализация этого безумия? Залман Градовский усматривает в «гекатомбах» Аушвица стремление нацистов умиловить свое «языческое божество» (с. 229): «Нашей кровью вы собираетесь искупить свои поражения на фронте». В эту бредовую логику трудно поверить самому Градовскому: «Кто мог поверить в то, что, терпя поражение в борьбе, эти изверги, чтобы “спасти положение”, принесут в жертву целый народ?» (с. 226). Но есть ли другое удовлетворительное объяснение?

О том, что квазиязыческая мотивация Холокоста не была ведущей у лидеров нацистов, мы можем предположить на основании того, сколь тщательно они замечали следы своих преступлений, опять же отвлекая от фронта значительные человеческие и материальные ресурсы. Жертвы, сразу после приезда отправляемые в газовые камеры, нигде не регистрировались. Поэтому точные данные о числе загубленных в Аушвице неизвестны (с. 20–44). Непрогоревшие кости людей, сожженных в крематориях, дробились и вместе с пеплом сбрасывались в реку (Градовский, с. 355). При отступлении были в значительной части уничтожены архивы Аушвица и разрушены крематории. Более того, следы более ранних массовых убийств, совершенных в тот период, когда нацисты были уверены в победе и не считали нужным скрывать свои преступления, замечались «задним числом». В январе 1942 г.

была создана «Зондеркомmando 1005», задача которой «заключалась в повсеместном исправлении одной логистической ошибки палачей в 1941 г. — в уничтожении постфактум следов всех массовых экзекуций, где бы и как бы они ни происходили» (с. 47). Такие действия не согласуются с демонстративной природой религиозных ритуалов.

Если у нацистских лидеров возможные квазиязыческие мотивы сочетались с несомненным страхом ответственности за свои беспрецедентные преступления, то у рядовых исполнителей явственно присутствовала корысть. Весь путь еврейских жертв — от помещения в гетто до транспортировки в лагерь смерти — сопровождался выбиванием золота и валюты: «Немцы, провозжая свою корову на бойню, все доили и доили ее по дороге!» (с. 369). При этом палачи меняли тактику, не только избивали, но и подключали «доброго следователя», вбрасывая «огромный пакет акций» компании «Надежда» (Лангфус, с. 367). Лицемерие и жесткость нацистов были важными инструментами их обогащения.

Многими нацистами двигала еще и «эстетика» унижения жертвы, «креативный садизм». В Нови-Дворе местные немцы потребовали от своих еврейских соседей «самим сжечь свитки торы и при этом еще петь и танцевать. Натолкнувшись на отказ, они расстреляли непокорных» (с. 360). В свидетельствах из Аушвица приводятся многочисленные примеры издевательств. Колонну, двигавшуюся из гетто

на железнодорожную станцию, заставляли «ползти на четвереньках» (Градовский, с. 229). Эсэсовцы специально приходили в предбанники газовых камер, чтобы поглазеть на раздевающихся женщин, некоторые даже «вставляли пальцы в половые органы молодых красивых девушек» (Лангфус, с. 432). А особенно тонкие «ценители» лицезрели сверху в окошки, как беззащитные люди задыхаются в газовых камерах или как корчатся трупы в огне крематория. Кстати, Эйхман и Гиммлер посещали с инспекциями Аушвиц и получили «большое моральное удовлетворение» от увиденного.

В полный ступор приводят описания «серой зоны», которая, с одной стороны, ограничена уголовным кодексом, с другой — моральными нормами. Ужас состоял в том, что на всех стадиях Холокоста значительную часть грязной работы по уничтожению евреев, наряду с представителями местного населения и советскими военнопленными, выполняли евреи. Этот факт не вписывается в национальную мифологию невинных жертв и героев-мучеников. Примириться с ним невозможно. Но забыть его — значит обречь наших потомков на повторение этого ужаса в будущем.

На стадии гетто, куда первоначально нацисты помещали евреев, «ассистентами» (термин Поляна) палачей выступала «прикормленная элита (юденрат, полиция, капо)» (с. 366), которая наживалась на страданиях соплеменников: «Вот идут два еврея. <...> Они вы-

полняют приказ: отобрать у тех, кто уходит, последние ценные вещи» (Градовский, с. 232). Руководимая юденратами еврейская полиция обеспечивала нацистский порядок, в том числе участвуя в смертных казнях. По свидетельству Лейба Лангфуса, в Макове-Мазовецком еврейская полиция по приказу гестапо арестовала «первых двадцать рабочих, которые случайно в этот момент находились в городе» (с. 383). В конце дня пришла немецкая полиция, всех жителей гетто согнали на площадь и «еврейских полицейских заставили собственными руками вешать своих братьев» (с. 384). Полян упоминает об участии полиции Вильнюсского гетто в расстрелах евреев в октябре 1942 г. Возможно, были и другие подобные случаи (с. 50).

Члены юденратов, несомненно, отвечали за преступления еврейской полиции. Но еще большее их преступление состояло в том, что они подавляли волю рядовых членов еврейской общины к сопротивлению. Информация о лагерях уничтожения доходила до гетто по различным каналам (Градовский, с. 241). Было очевидно, что «сотрудничество» с нацистами — это не избавление, а только отсрочка неизбежной смерти. В этой ситуации люди стремились спастись разными способами. Кто-то пытался скрыться или оставить детей у знакомых крестьян. Крестьяне, запуганные нацистами, часто отказывались спасать евреев, некоторые выдавали их и даже, при возможности ограбить, убивали (Лангфус, с. 395). Тем не менее случаи, когда крестьяне укрыва-

ли евреев или еврейских детей, были, и не будь противодействия юденратов, этих случаев могло быть больше. В лесных местностях была возможность укрыться, возникали еврейские партизанские отряды, где мужчины с оружием в руках защищали свои семьи: «В партизанские отряды ушли многие дети нашего народа-мученика» (Градовский, с. 315). Если бы не соглашательская политика юденратов, таких отрядов могло быть больше. И последняя возможность если не спасения, то хотя бы достойной смерти в ходе восстания — «Вместе с нашими женами и детьми мы погибнем, но как герои» (Лангфус, с. 386) — также саботировалась большинством юденратов. Повторением подвига защитников Мосседы представители нескольких десятков гетто доказали, что не все евреи — это стадо, мирно идущее «как скот на бойню» (Градовский, с. 293). В Белостоке сопротивление длилось почти неделю, в Слониме — две недели, в Варшаве — месяц. Тем не менее восстания состоялись лишь в 2–3 % от общего числа гетто, и главная причина этого — коллаборационизм значительной части еврейской верхушки. Лейб Лангфус приводит в пример случай, когда руководитель юденрата отговаривал от сопротивления людей, обреченных на гибель в Аушвице: «В конце лета 1942 года прибыл транспорт из Пшемесля. У молодежи из полицейских были спрятанные в рукавах ножи. Они хотели броситься с ними на эсэсовцев. Их убедил этого не делать их предводитель, доктор, который надеялся благодаря этому войти в лагерь

со своей женой и хлопотал об этом у обершарфюрера» (с. 432). Как бы члены юденратов ни объясняли свои действия стремлением спасти соплеменников, в реальности они помогали нацистам уничтожать евреев меньшими усилиями и с меньшими потерями вооруженных сил.

В лагерях уничтожения «серая зона» была представлена еврейскими членами зондеркомmando, свидетельства которых опубликованы в рецензируемой книге. В зондеркомmando Аушвица входили «буквально единично — и немцы-уголовники, и поляки, и те же советские военнопленные, но подавляющее большинство были евреями» (с. 47). В обязанности зондеркомmando входила вся «логистика» уничтожения. У вновь прибывших отнимали вещи прямо на рампе железнодорожной станции. Не прошедших «селекцию», преимущественно стариков, женщин и детей, транспортировали к газовым камерам. Там их заставляли раздеться и загоняли в якомы «душ», для убедительности вручая «по кусочку мыла» (Градовский, с. 177). Распыляли газ эсэсовцы собственноручно, не доверяя эту операцию «унтерменшам». Потом осуществлялась транспортировка трупов в крематории. Перед тем как бросить в печи, «один труп обрабатывают три человека. Один вырывает щипцами золотые зубы, другой срезает волосы, третий вырывает у женщин серьги, иногда из мочек ушей льется кровь. Кольца, которые не удается снять, выдирают щипцами» (Градовский, с. 322). После сожжения останки ссыпали в ямы, пепел оттуда впоследствии сбрасывали в реку. Когда транспор-

ты с жертвами были небольшими по численности, экономные нацисты применяли не газ, а «по старинке» расстреливали обреченных. Нацисты не доверяли оружие евреям и стреляли собственноручно. Обязанность их «ассистентов» из зондеркомmando состояла в том, чтобы держать жертв не только за руки, но и за уши. «Удерживание за уши, как свидетельствует Ш. Венеция, диктовалось следующей технологией: от тех, кто держал жертвы за уши, требовалось сразу же вслед за выстрелом резко наклонять голову к земле — чтобы кровь не фонтанировала и не пачкала сапоги и одежду убийц» (с. 51).

Залман Левенталь вопрошал себя: «Почему ты выполняешь такую непорядочную работу?» (с. 467). Вопрос, на который не существует приемлемого ответа. Если обитатели гетто могли объяснять «ассистирование» нацистам и отказ от сопротивления «чувством ответственности по отношению к родителям, женам и детям» (Градовский, с. 231), то у еврейских членов зондеркомmando такого объяснения уже не было. Они прекрасно знали, что их семьи уничтожены. Можно ли было жить после этого? Оказалось — можно. Самоубийства среди членов зондеркомmando были «большой редкостью» (с. 76). Последним прибежищем смысла жизни в подобных условиях является жажда мести. В свидетельствах упоминается о стремлении «отомстить за смерть моего отца, моей матери и моей дорогой маленькой сестренки Нелли» (Наджари, с. 528). Но случаи, когда члены зондеркомmando, даже не про-

шедшие «селекцию» (эвфемизм обречения на смерть), бросались на палачей, чтобы забрать их с собой на тот свет, неизвестны. Объяснить «ассистирование» нацистам потребностью «жить любой ценой» (Левенталь, с. 467) также невозможно. Очевидное стремление палачей скрыть следы преступлений не оставляло сомнений в том, что «ассистенты» этих преступлений будут уничтожены. Подтверждением этому были периодические «селекции» членов зондеркомmando. Неужели «инстинктивная любовь к жизни» (Градовский, с. 231) так сильна, что даже не за право на жизнь, а лишь за отсрочку смерти человек способен участвовать в преступлении уничтожения соплеменников? Страшный вопрос, который читатель рецензируемой книги вынужден обращать к себе.

Человек приспосабливается ко всему. Работа на конвейере смерти не мешала «обыденной» жизни. Коррупция, царившая среди эсэсовцев, позволяла членам зондеркомmando не только приобретать за золото и валюту продукты, но даже получать интимные свидания с узниками рабочих лагерей Аушвица (с. 63). Появились свои «фальшивомонетки», которые наладили производство зубных коронок из латуни и обменивали их нацистам из охраны в качестве золотых (с. 71).

Воля к сопротивлению, несомненно, подавлялась чувством заброшенности, которое одолевало заключенных. Оно возникало по многим причинам, в том числе из-за отчуждения между еврейски-

ми и польскими узниками. Не в малой мере этому способствовало безразличие союзников к судьбе евреев Аушвица. Заключенные по разным каналам передавали «разный материал, который только может когда-то заинтересовать мир, обо всех этих убийствах, зверствах, которые тут совершаются» (Левенталь, с. 469), и просьбы разбомбить крематории и подъездные пути. Но реакции не последовало (с. 184). На ковровые бомбардировки германских городов, в том числе тех, где военная инфраструктура отсутствовала, самолеты и бомбы нашлись, а для бомбардировки Аушвица возможностей не хватило. В этой ситуации Залман Градовский с горечью писал: «Несмотря на хорошие известия, которые прорываются к нам, мы видим, что мир дает варварам возможность широкой рукой уничтожать и вырывать с корнем остатки еврейского народа. Создается впечатление, что союзные государства, победители мира, косвенно довольны страшной участью нашего народа» (с. 355–356).

«Белая зона» Аушвица подразделялась на невинных жертв, где преобладали старики, женщины и дети, и тех, кто нашел в себе силы к сопротивлению, в большинстве это были члены зондеркомmando. Из дошедших свидетельств видно, что жертвы различными способами мотивировали евреев из зондеркомmando на месть. В одних случаях идущие на смерть стремились вызвать чувство стыда у еврейских «ассистентов» палачей. Так, восьмилетняя девочка заявила члену зондеркомmando в предбаннике газовой

камеры: «Прочь, еврейский убийца! Не смей прикасаться своей рукой, измаранной в еврейской крови, к моему замечательному братику». Мальчики тщетно зывали о спасении. Однажды они «стремительно подбежали к евреям из зондеркоммандо, упали им на шею, умоляя: “Спасите меня!”». Многие жертвы перед лицом смерти прямо призвали к мести: «Ты должен отомстить за нашу кровь» (Лангфус, с. 431, 440, 426). Залман Градовский приводит слова женщины, брошенные в лицо эсэсовцам при входе в газовую камеру: «Русские отомстят за нас! Они живьем разорвут вас на части. Наши братья по всему миру не простят вам ваших преступлений: они отомстят за нашу безвинно пролитую кровь!» (с. 308). Залман Градовский, Лейб Лангфус и Залман Левенталь (с. 310) отмечают, что перед смертью различные группы узников исполняли советский гимн, каковым до 1944 г. был «Интернационал», напоминая палачам о неизбежном возмездии: «Интернационал — гимн великого русского народа, песнь героической армии» (Градовский, с. 310–311).

Еврейские женщины не только смело говорили и пели перед смертью, они действовали по примеру Юдифи. Залман Градовский пишет, что одна узница, входя в газовую камеру, «три раза ударила обершарфюрера Фоста, начальника крематория» (с. 310). Залман Левенталь сообщает, что перед входом в газовую камеру «еврейской молодой женщине удалось вырвать револьвер у обершарфюрера и расстрелять им нескольких человек» (с. 493). Это — документальный

факт. Имя героини — либо Лола Горовиц, либо Франциска Манн (с. 293). Залман Градовский пишет, что «ее поступок вдохновил других смелых женщин, и они заплотировали, а после бросились — с бутылками и другими подобными вещами вместо оружия — на этих бешеных диких зверей — людей в эсэсовской форме» (с. 293).

Отчаянные поступки жертв, несомненно, воздействовали на членов зондеркоммандо. Вначале восстание планировалось совершить совместно с польскими узниками. Те не возражали на словах, но в реальности занимались саботажем, что в последнюю минуту привело к отказу от выступления, намеченного вначале на 16 июня, а потом на 28 июля 1944 г. (с. 559). После этого готовилось совместное восстание евреев и советских пленных. Выступление началось внезапно, после того как русский член зондеркоммандо, «напившись, напал на эсэсовца» (с. 118). Стало понятно, что грядут репрессии. Восставшим удалось 7 и 8 октября 1944 г. уничтожить трех и ранить пять нацистских охранников лагеря, а также взорвать один из крематориев. Многие члены зондеркоммандо погибли во время восстания, еще больше их было в отместку расстреляно нацистами. Из всех, оставивших свидетельства, выжил только Марсель Наджари.

Произошло перемещение из «серой зоны» в «белую». Еврейские «ассистенты» нацистов восстали и погибли. Но эта трагедия не приводит к катарсису. Не случайно тема зондеркоммандо практически

отсутствует в экспозициях музеев Холокоста (с. 186). Чувство безысходности не покидает читателя. При этом у нас, не бывших в подобной ситуации, нет никакого права обвинять членов зондеркоммандо в отказе от моральных норм обычной жизни.

Главный урок этой удручающей книги состоит в демонстрации того, что человек — слаб. Он в подавляющем большинстве случаев не выдерживает проверку на человеческое достоинство в нечеловеческих условиях. Антрополог Марк Ткачук назвал эту способность мгновенно терять человеческий облик, приобретенный долгим трудом поколений, «социальной гравитацией». Трагические события XX в., а также наши тюремные и армейские «обычаи» многократно доказали и доказывают, что в экстремальной ситуации люди легко отказываются от этических завоеваний цивилизации и мгновенно скатываются на уровень кроманьонцев с их пресловутой «готтентотской моралью».

Отсюда не следует, однако, что мы должны презирать себя и тем более себе подобных. Выход —

в другом. Каждый из нас должен приложить все усилия, чтобы люди не были вновь поставлены перед испытаниями, подобными тем, что наши предки пережили в годы Второй мировой войны. Сегодня это означает всемерное противодействие нарастающему этническому «тренду». Вспомним, что Первая мировая война началась на «ровном месте», благодаря прежде всего перегреву этнических чувств усилиями всех форм пропаганды, включая пресловутого прусского (русского, британского, французского и т. д.) учителя. Вторая мировая война — стала неизбежным продолжением и воплощением человеконенавистнических идей, заложенных в концепте нации-государства, где мир бескомпромиссно делится на «своих» и «чужих». Те, кто считает, что нафталин XIX в. — «воображаемое сообщество» (Бенедикт Андерсон) нации-государства является эффективным инструментом противодействия вызовам неизбежной глобализации, на мой взгляд, безумцы, забывшие о пепле Аушвица. Спасибо Павлу Поляну, что он удалил патину с затертых слов и показал весь ужас, породивший лозунг: «Никогда больше!»

TRAGEDY WITHOUT CATHARSIS

Rev.: Polian P. M. Zhizn' i smert' v aushvitskom adu. Moscow: Izdatel'stvo AST, 2018. 640 p. (Istoriia de-fakto)

Ehrlich Sergey E. — doctor of sciences (history), director of the publishing House “Nestor-Historia” (Moscow — St. Petersburg)

Key words: Holocaust, Auschwitz, sonderkommando, “gray zone”.

Abstract. The review is focused on documents of Auschwitz sonderkommando’s Jewish members, which compell us to correct the black and white Holocaust myth. There was a substantial “gray zone” (Primo Levi) in between Nazi perpetrators and their Jewish victims. During the revolt of 7 and 8 October 1944 Jewish “assistants” of Nazis moved to the “white zone” of heroes-martyrs, but their tragedy does not perform a catharsis.

Л. Ю. Пахомова

Рец.: *Rauscher W.* Die fragile Großmacht. Die Donaumonarchie und die europäische Staatenwelt 1866–1914. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014.

Ключевые слова: внешняя политика Австро-Венгрии, министерство иностранных дел Габсбургской монархии, международные отношения в XIX – начале XX в.

Аннотация. В рецензии рассматривается книга австрийского историка Вальтера Раушера «Хрупкое величие. Дунайская монархия и европейские государства, 1866–1914». Раушер реконструирует внешнеполитическую историю Габсбургской монархии на основе множества архивных документов из Австрии, Венгрии, Чехии, Германии, Великобритании, Франции, Италии, Швейцарии. Единственными источниками, недоступными исследователю, оказались российские.

Историк рассматривает в хронологическом порядке и во всем ее многообразии политику каждого министра иностранных дел дунайской монархии с 1866 по 1914 г. Раушер изучает внешнеполитические проблемы Австро-Венгрии в увязке с ее внутренними противоречиями, в контексте внутривнутриполитической, межпартийной борьбы и сложных межэтнических взаимоотношений в империи, а также взаимоотношений между ее различными землями.

В своем двухтомном труде исследователь показал, как большая и трудная работа по сохранению многонационального государства оборачивается подготовкой его развала.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-237-247

В 2014 г. наука и общественность широко отмечали столетие начала Первой мировой войны. Одним из значительных научных событий, приуроченных к этой годовщине, можно назвать выход книги австрийского историка Вальтера Раушера «Хрупкое величие. Дунайская

монархия и европейские государства, 1866–1914» (*Die fragile Großmacht. Die Donaumonarchie und die europäische Staatenwelt 1866–1914*). Монография явилась результатом многолетнего труда над сложной, требующей дальнейшего изучения темой. В действительности в историографии не так уж много работ, которые были бы посвящены внешней политике той или иной крупной европейской державы на протяжении длительного периода и при этом были бы основаны на первоисточниках. Среди таких работ можно назвать книги Теодора фон Сосноски (*Sosnosky 1913–1914*), Роберта Уильяма Сетона-Уотсона (*Seton-Watson*

© Л. Ю. Пахомова, 2019

Пахомова Лидия Юрьевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр по изучению истории многонациональной Австрийской империи, Отдел истории славянских народов Центральной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН (Москва); Lydia.pakhomova@gmail.com

Оригинал рецензии на немецком языке был опубликован в журнале *Hungarian Studies* (Volume 32, Issue 2, December 2018).

1937), В. М. Хвостова (*Хвостов* 1963), Иштвана Диосеги (*Diószegi* 1983; 1999), Н. С. Киняпиной (*Киняпина* 1984; 1994), Доминика Ливена (*Lieven* 2000) и др. Монография Раушера может продолжить этот ряд.

Вальтер Раушер рассматривает в хронологическом порядке политику каждого министра иностранных дел Австро-Венгрии с 1866 по 1914 г. Всего в этот период сменилось семь министров: Фридрих Фердинанд фон Бейст (1866–1871), Дьюла Андраши (1871–1879), Генрих Карл фон Хаймерле (1879–1881), Густав Кальноки (1881–1895), Агенор Голуховски (1895–1906), Алоиз Лекса фон Эренталь (1906–1912), Леопольд Берхтольд (1912–1915).

Выбор хронологических рамок историк объясняет весьма подробно. Во-первых, прусско-австрийская война стала последней в серии «классических войн кабинетов и войн за гегемонию» (*klassischer Kabinetts- und Hegemonialkriege*). Во-вторых, именно в 1866 г. стало понятно, что в центре Европы появится новое мощное государство. В-третьих, поражение дунайской монархии в братоубийственной войне, как воспринимали ее восемь миллионов австрийских немцев, определило решение германского вопроса. И как следствие, после уступки Австрии в этом вопросе монархия перенаправила свою внешнюю политику на Юго-Восточную Европу. Кроме того, война показала, что империя находится в многолетнем экономическом кризисе. Режим неабсолютизма с его непомерными расходами на военные кампании оставил после себя мно-

гомиллиардные долги. Ослабевшей Габсбургской монархии пришлось переосмыслить принципы своего существования и преобразиться в дуалистическую монархию.

В. Раушер реконструирует внешнеполитическую историю Австро-Венгрии на основе множества архивных документов. Он изучил материалы архивов Австрии, Венгрии, Чехии, Германии, Великобритании, Франции, Италии, Швейцарии. Поскольку сами исторические факты хорошо известны, Раушер при использовании этого огромного пласта источников сосредотачивается прежде всего на отношении тех или иных дипломатов и представителей элиты к событиям, обращает внимание на логику принятия решений.

Разумеется, автор знаком со всеми публикациями документов и со всеми серьезными работами по теме, вышедшими на немецком, английском, французском, итальянском языках. Читателя не могут не поражать эти колоссальные знания. Перечисление источников и литературы занимает больше ста страниц.

Единственное сожаление — ни в коем случае не упрек — вызывает то, что Раушеру в силу разных обстоятельств не были доступны российские источники. Материалы из московских и петербургских архивов, русская периодическая печать дали бы более полную картину. Поскольку историку не удалось ознакомиться с этими документами, он для описания отношений Австро-Венгрии с Россией, анализа российской позиции часто пользует-

ется работами других историков, например, «Россия как многонациональная империя. Становление, история, распад» (Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall) Андреаса Каппелера или «В тени двойственного союза: проблемы австро-венгерской политики союзов, 1897–1908» (Im Schatten des Zweibundes: Probleme österreichisch-ungarischer Bündnispolitik 1897–1908) Изабель Пантенбург (Kappeler 1992; Pantenbourg 1996).

Монография Раушера показывает возможности методологии, позволяющей зачастую по косвенным источникам восстанавливать впечатления и решения партнеров и соперников на международной арене. Не зная материалов российских архивов, автор сумел прийти к выводам, схожим с теми, к которым пришли советские и российские коллеги. Такой же метод применяли и советские историки: изучая документы российских архивов, они реконструировали события, происходившие в других странах. Это было возможно в силу того, что дипломаты тщательно и точно анализировали ситуацию в странах, куда были командированы. Послы и консулы также внимательно следили за прессой. Освещение событий в российской прессе прослеживается Раушером по австро-венгерским или даже британским дипломатическим документам.

Работа Раушера состоит из двух частей (томов). Первая часть в свою очередь делится на четыре главы. Первая глава посвящена периоду с 1866 по 1871 г. – времени, когда решался германский вопрос. Первый

министр иностранных дел Австро-Венгрии Бейст желал сделать дунайскую монархию вновь сильной, что означало воплощение в жизнь соглашения 1867 г. с Венгрией. Руководство «новой старой» Габсбургской монархии – Австро-Венгрии – решило после поражения в войне с Пруссией не идти по пути подготовки к реваншу, а стало восстанавливать государство во внутреннем и внешнеполитическом плане, поскольку оно не было готово после двух войн – итало-австрийской и прусско-австрийской – к новому военному конфликту. Автор особо подчеркивает, что после серии военных поражений большое значение приобрел восточный вопрос. Дунайская монархия хотела и дальше видеть своей соседкой Османскую империю, несмотря на то, что именно Парижский мир 1856 г., по мнению Раушера, зафиксировал начало развала Турции. Однако поворот на юго-восток означал и соперничество в регионе с Россией. Хорошие отношения российского императора Александра II с его дядей, прусским королем Вильгельмом, развязали руки Бисмарку для новой войны, на этот раз с Францией, к которой, еще будучи саксонским министром, благоволил Бейст. Но прусско-французские противоречия давали шанс Австро-Венгрии придерживаться «политики свободных рук», о чем подробно пишет исследователь. Народы Габсбургской монархии по-разному воспринимали возвышение Пруссии и сближение с Францией: австронемецкие газеты писали о необходимости держать дистанцию с Парижем, венгры не хотели увеличения числа немцев в империи, славяне же

(кроме поляков) выступали против антирусской направленности альянса с Францией. Занятую по отношению к франко-прусской войне позицию вооруженного нейтралитета Раушер называет политикой невмешательства: Бейст, прикрываясь ею, мог не сразу объявлять войну с Пруссией или Россией, зато сохранялась возможность успокоить общественность.

Во второй главе Раушер повествует об очередном межвоенном времени — с 1871 по 1878 г., периоде между франко-прусской и русско-турецкой войнами. Автор описывает, как австро-венгерская элита «со смесью фатализма и неловкости» воспринимала новый порядок, который создавал Бисмарк. Руководство монархии осознавало свою внутреннюю и внешнеполитическую слабость — Австро-Венгрии оставалось только сотрудничать с более сильной Германией. Новый министр иностранных дел Дьюла Андраши увидел в ней главного партнера в противостоянии с Россией. Историк анализирует в этой главе обсуждение германского вопроса и отношений с Ватиканом в делегациях, составленных из представителей парламентов двух половин дуалистической монархии. Особое же внимание автор уделяет «консервативному сотрудничеству» в его новом воплощении, в виде Союза трех императоров. Андраши пришлось пойти на это, потому что не получилось союза с Великобританией, а министр в выборе тактических средств был весьма гибок (идея союза императоров принадлежала Бисмарку). В противовес антиросийской линии Андраши послом

в Петербург был назначен прорусски настроенный Фердинанд фон Лангенау. Консервативной позиции Андраши придерживался и в отношении Юго-Восточной Европы — он настаивал на обязательном сохранении Османской империи. Однако это сотрудничество пока привело только к «покеру великих держав» на Берлинском конгрессе 1878 г., где самый большой куш достался Великобритании. Тем не менее глобальным итогом конгресса все же, как полагает Раушер, стало предотвращение большой войны в Европе.

В третьей главе речь идет о последствиях Берлинского конгресса для Австро-Венгрии. Как считает историк, главным его результатом для Габсбургской монархии стала уязвимость из-за оккупации османских провинций, Боснии и Герцеговины. Еще одной причиной уязвимого положения как Австро-Венгрии, так и Германии стал их союз, заключенный в 1879 г.: Франция напала бы на Германию только в союзе с Российской империей, что для дунайской монархии автоматически означало бы вступление в силу своих союзнических обязательств (s. 335). А Союз трех императоров для Андраши сразу буквально стал «неудобством (неловким моментом)», особенно по отношению к венгерской элите, у которой политика сотрудничества с Петербургом вызывала «аллергическую реакцию» (s. 325).

Однако после Андраши в Балхаусплаце наступила эпоха людей, которые думали совершенно по-другому: Хаймерле, Кальноки и Голуховски понимали, что любые конфликты

могут угрожать самому существованию дуалистической монархии.

Хотя Хаймерле и оценивал разрыв с Россией как ошибку Андраши, он продолжил политику, направление которой указали его предшественник и сам император Франц Иосиф. Во-первых, нужно было заботиться о немецком альянсе, во-вторых, надо было дистанцироваться от России — рядом с императором (он же венгерский король) и министром были венгры и поляки, традиционно настроенные против Петербурга. Хаймерле вначале хотел союза с Великобританией, но вскоре, разочаровавшись, отказался от этой идеи. Даже скоропостижная смерть министра в 1881 г. не должна была изменить внешнюю политику Франца Иосифа, поэтому монарх выбрал такого кандидата, который бы ее продолжил. Человек пера, бюрократ до мозга костей, «больше немец, чем венгр» Густав Кальноки стал активно работать по трем направлениям: сопротивление панславизму, договор с Италией и сохранение Османской империи (последнее было традиционно для Вены). Хотя Кальноки, сопротивляясь венграм, и выступал за укрепление Союза трех императоров, неожиданное для дунайской монархии объединение «двух Болгарий» в 1885 г. привело к развалу монархической солидарности.

Нижней границей четвертой главы автор выбрал последствия болгарского кризиса и конец Союза трех императоров в 1887 г., верхней границей — 1897 год. Кризис в русско-австрийских отношениях, вылившийся в военную истерию 1887 г.,

означал наибольшую опасность для будущего Габсбургской монархии (s. 438). С отставкой Бисмарка в 1890 г. ситуация в Австро-Венгрии разрядилась, хотя и сохранялась угроза новых обострений, в основном исходившая от прессы: венские и будапештские газеты много писали о голоде в России, и это лишь усиливало раздражение русского царя Александра III. Военная конвенция между Францией и Россией, подписанная в 1892 г., ознаменовала собой конец беспечной эпохи двойственного и тройственного союзов. К середине 1890-х гг. стало окончательно понятно, что союза с Великобританией у дунайской монархии не получится.

Второй том, который состоит из двух глав, повествует, как Габсбургская монархия пришла к тому, что потеряла все. Через обе последние главы красной нитью проходит, во-первых, идея о потере престижа Австро-Венгрией, что стало причиной длительного внутреннего кризиса империи: попытки элиты поднять престиж только усугубляли положение страны. Вторая мысль касается того, что сама забота о престиже приводила имперское руководство к пессимизму: оно не видело будущего после того, как старый монарх умрет.

В шестой главе монографии Раушер пишет о внешней политике графа польского происхождения Агенора Голуховского. Он пошел на сближение с Петербургом, тем более что того же желал его российский коллега Михаил Муравьев. Результатом этой попытки стал русско-австрийский договор 1897 г., который

официальный Петербург все же не захотел фиксировать отдельно на бумаге. Поводом для «действительно дружественных и конструктивных отношений» между империей Романовых и Габсбургской монархией было урегулирование македонского вопроса — разработка Мюрцштегской программы реформ. Наряду с процессом оформления *Entente cordiale* шла интенсификация отношений между Австро-Венгрией и Россией: над возрождением Союза трех императоров работал посол в Петербурге Алоиз Эренталь. По мнению Раушера, больше всего выгод от новой российской внешней политики, направленной на Дальний Восток, получила Австро-Венгрия: Россия практически не играла тогда никакой роли в Юго-Восточной Европе, хотя и продолжала следить за событиями в регионе. Что касается внутреннего развития дунайской монархии, то автор обращает внимание на агрессивное поведение и возрастающий шовинизм Будапешта, повлиявшие и на внешнюю политику многонациональной империи — особенно проблематичными стали отношения с Сербией.

В заключительной главе речь идет о многочисленных событиях дипломатического и военного характера в восьмилетие перед мировой войной. В 1906 г. бразды правления в министерстве иностранных дел «европейской великой державы второго класса» (s. 600) были переданы решительному, энергичному, честолюбивому барону Алоизу Эренталю, желавшему «разбудить» Австро-Венгрию. Он осознал, что именно экономическая мощь ста-

новится необходимым условием существования великой державы. Проектом, призванным способствовать решению и экономических, и внешнеполитических проблем, должна была стать железная дорога через Балканский полуостров в Константинополь. Но этот «проект по сохранению престижа» вызвал лишь новые трудности — и не только за границей, но и в самой дунайской монархии. Эренталь должен был активно работать над улучшением русско-австрийских отношений, однако собирался это делать устаревшими методами — «заботой о монархической солидарности и сотрудничеством в новом союзе трех императоров». Никакого улучшения на самом деле не получалось: российские газеты продолжали нападать на Австро-Венгрию. Новость о том, что Порта хочет дать конституцию Боснии и Герцеговине, не могла не потревожить дунайскую монархию: разумеется, она не могла вернуть туркам провинции «после стольких жертв и усилий» (s. 632). Аннексию Боснии и Герцеговины, которую так долго ждали в Габсбургской монархии, Раушер назвал «классической пирровой победой» (s. 702). После боснийского кризиса 1908–1909 гг. единственным союзником Австро-Венгрии осталась Германия, причем Вена считала, что Берлин недостаточно заботится об их отношениях. В этих условиях дунайская монархия, которая чувствовала себя одряхлевшей, изолированной от большой политики, окруженной врагами, «окончательно застряла в балканском вопросе», и это привело к тому, что у руководства монархии, «досаждаемого шовинизмом народов Юго-Восточной

Европы, смешались роковым образом чувство превосходства и страх перед будущим» (s. 812). Смертельно больного Эренталя Франц Иосиф просил терпеть и как можно дольше оставаться на своем посту, что только дополняло картину отчаяния, царившего в верхах. После смерти в феврале 1912 г. Эренталя монарх пригласил на его место Леопольда Берхтольда, который должен был продолжить политику своего предшественника.

Необходимо отметить, что чем ближе к Первой мировой войне, тем повествование в книге становится подробнее. Ответственными в развязывании большого конфликта Раушер называет Австро-Венгрию и Сербию, своими действиями и бездействиями «подтолкнувших камень, который вызвал настоящую лавину и под которым оказалась погребенной старая Европа» (s. 893). В развале же дунайской монархии, по мнению автора, главная ответственность лежит на ее руководстве, тогда как «до поражения в 1918 г. народы оставались поразительно преданными габсбургскому государству» (s. 895).

Книга написана таким образом, что Раушер, подмечая важные явления и тенденции, не акцентирует на них внимания и не подводит под них теоретическую базу. С другой стороны, историк не ставит целью схематизировать и упрощать предмет своего исследования. Автор рассматривает внешнюю политику Австро-Венгрии и ее отношения с другими странами во всем их разнообразии. Читателю не всегда легко удастся проследить за всеми перипетиями

внутренней политики и международных споров, и тем интереснее углубляться во все эти сложности и пытаться понять взаимосвязи между событиями, как и логику принятия решений государственными деятелями XIX — начала XX в. Иногда может создаться впечатление, что вопросы, занимающие автора, рассматриваются вперемешку и текст недостаточно структурирован, но такой стиль в известной мере соответствует сложности самих рассматриваемых вопросов.

Все же в главах прослеживается некая схема: назначение министра, его жизнь и предыдущая работа, его планы, его конкретные шаги в начале деятельности, отношения Австро-Венгрии с Германией, Россией, Великобританией, Францией, Италией, Ватиканом, Румынией, Сербией и Черногорией, обсуждение внешнеполитических вопросов в печати и делегациях.

При всем многообразии сюжетов автор вновь и вновь возвращается к некоторым темам. В первую очередь это касается роли прессы. Раушер, раз заметив возросшее влияние масс-медиа на внешнюю политику и на международные отношения, в каждом разделе пишет о реакции прессы на ту или иную проблему. Исследователь чаще всего, разумеется, касается австро-венгерской прессы, но есть пассажи и о британских, российских и германских газетах.

Историк рассматривает внешнеполитические противоречия в связи с внутренними проблемами дунайской монархии. Раушер почти

каждый значимый для австро-венгерской внешней политики сюжет ставит в контекст работы парламентских делегаций двух половин империи. Ведь внешняя политика была частью внутривластной борьбы, вопросом, который обсуждался в парламентах, находил отражение в предвыборных программах, в межпартийных и внутрипартийных спорах, происходивших при сохранении очень непростых взаимоотношений разных земель и национальностей империи. Можно сказать, что Раушер рисует своим повествованием большое полотно со сложным узором: с изнаночной стороны — внутренняя политика, с лицевой — внешняя. Поэтому и книга называется парадоксально — «Хрупкое величие» («Уязвимая великая держава», *Die fragile Großmacht*): в самой имперской структуре Австро-Венгрии, во взаимоотношениях ее народов и их отношениях с соседними государствами, на территориях которых проживали те же народы, что и на ее территории, были заложены уязвимость и хрупкость. Причем полотно это можно уподобить и большой сети, где каждый элемент связан с другими множеством связей.

На чем всегда акцентирует внимание Раушер — это этническое происхождение министров иностранных дел Австро-Венгрии. Как показывает автор, государственные деятели, принимая те или иные решения, часто руководствовались своим личным опытом, личными предпочтениями, юношеской дружбой, впечатлениями молодости. Здесь наиболее ярким примером является случай Дьюлы Андраши, который участво-

вал в венгерской революции 1848 г. и после ее подавления русским корпусом фельдмаршала Ивана Паскевича стал с особой неприязнью относиться к России; эта его ненависть проявилась и тогда, когда Андраши был на посту министра иностранных дел Габсбургской монархии.

Вообще этническое происхождение общеимперских министров было важно для политики баланса, которую осуществлял Франц Иосиф. Эту политику Раушер называет принципом паритета. Император-король при назначении на такую важную должность, как министр иностранных дел, руководствовался и тем, откуда был родом тот или иной кандидат. Так, в 1866 г., после поражения в австро-прусской войне, выбор пал на Бейста, потому что тот был родом из Саксонии и, будучи ее министром-президентом, стоял на антипрусских позициях (s. 28). В 1871 г., после создания Германской империи, сближение Австро-Венгрии и нового, более мощного государства должен был осуществлять венгр, противостоящий эгоистическим тенденциям и амбициям Цислейтании и думающий обо всей империи. Таким человеком оказался Дьюла Андраши.

При этом историк не очень охотно делится мыслями о роли самого Франца Иосифа во внешней политике своей монархии. В основном только при изложении эпизодов, касающихся назначения министров иностранных дел, Раушер пишет о мнении монарха.

В связи с итогами работы того или иного министра иностранных

дел, который одновременно был и министром-президентом Австро-Венгрии, автор приводит данные по экономическому развитию монархии в соответствующий период. По мнению Раушера, благоприятная экономическая конъюнктура не всегда совпадает с внешнеполитическими успехами. Период работы Бейста совпал с высокой экономической конъюнктурой и ростом многих экономических показателей. Тогда как в 1873 г., в мирное время, когда «рождался» Союз трех императоров, обрушилась венская биржа, по всей Австро-Венгрии бушевала эпидемия холеры, осенью все это усугубилось неурожаем, приведшим к массовому голоду.

Несмотря на то, что история некоторых событий излагалась много раз (например, Великого Восточного кризиса), весьма интересно читать новые, ранее не опубликованные документы, которые приводит Раушер. В основном эти материалы касаются восприятия государственными деятелями отдельных ситуаций, имеющих у них источники для принятия решений, а также обсуждения тех или иных событий в высших кругах и обществе. Автор подробно описывает борьбу между внешнеполитическим и военным руководством в 1878 г. вследствие угрозы русско-австрийской войны: дипломаты ее желали, но при этом не хотели оккупации Боснии и Герцеговины, тогда как военные приводили аргументы против конфликта с империей Романовых, но выступали за оккупацию османских провинций (s. 289).

Однако Раушер дает объяснения не всем событиям — иначе было бы

невозможно поставить последнюю точку в его исследовании. Иногда его исследовательский стиль дает повод для упреков в том, что автор слишком отдаляется от проблем, которые тоже должны были составить предмет его рассмотрения, это приводит, в частности, к недостаточно критическому отношению к источникам.

Обращает на себя внимание, что Раушер время от времени использует терминологию, более привычную для описания явлений новейшей истории, так, он пользуется понятием «холодная война» при рассмотрении отношений России и дунайской монархии после Крымской войны и до заключения Союза трех императоров в 1873–1874 гг. (s. 225–227); он также прибегает к термину «биполярная блоковая система», когда говорит об оформлении Тройственного союза и Антанты (s. 850). Кроме того, автор использует термин «политика безопасности» — вторая глава называется «Австро-венгерская политика безопасности после установившегося в 1871 году порядка» (*Österreich-Ungarns Sicherheitspolitik nach der Ordnung von 1871*). Понятие безопасности редко встречается в работах по истории нового времени, но является неотъемлемой частью новейшей и современной истории.

Как бы то ни было, Вальтер Раушер мастерски рассказал историю внешней политики Австро-Венгрии с 1866 по 1914 г., представив ее как историю многонационального государства от одной войны к другой войне, когда большая и трудная работа по сохранению мира

в конечном итоге независимо от воли действующих лиц оборачивается подготовкой развала империи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Киняпина 1984 — *Киняпина Н. С.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России, вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в. М.: Издательство МГУ, 1984.

Киняпина 1994 — *Киняпина Н. С.* Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878–1898). М.: Издательство МГУ, 1994.

Хвостов 1963 — *Хвостов В. М.* История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в новое время. 1871–1914. М.: Госполитиздат, 1963.

Diószegi 1983 — *Diószegi I.* Hungarians in the Ballhausplatz: studies on the Austro-Hungarian common foreign policy. Budapest: Corvina Kiadó, 1983.

Diószegi 1999 — *Diószegi I.* Bismarck und Andrássy: Ungarn in der deutschen Machtpo-

litik in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts. Wien; München: Oldenbourg, 1999.

Kappeler 1992 — *Kappeler A.* Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall. München: Beck, 1992.

Lieven 2000 — *Lieven D.* Empire. The Russian Empire and Its Rivals. London: John Murray, 2000.

Pantenbourg 1996 — *Pantenbourg I. F.* Im Schatten des Zweibundes: Probleme österreichisch-ungarischer Bündnispolitik 1897–1908. Wien: Böhlau, 1996 (Veröffentlichungen der Kommission für Neuere Geschichte Österreichs 86.)

Seton-Watson 1937 — *Seton-Watson R. W.* Britain in Europe (1789–1914): A Survey of Foreign Policy. London: Cambridge University Press, 1937.

Sosnosky 1913–1914 — *Sosnosky T. von.* Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns seit 1866. 2 Bde. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1913–1914.

Rev.: Rauscher W. Die fragile Großmacht. Die Donaumonarchie und die europäische Staatenwelt 1866–1914. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014.

Pakhomova Lidia Yu. — candidate of historical sciences, researcher, Institute for Slavonic Studies, RAS (Moscow)

Key words: foreign policy of Austria-Hungary, the Ministry of Foreign Affairs of the Habsburg Monarchy, international relations in the XIX — early XX centuries.

Abstract. The book by Austrian historian Walter Rauscher “Fragile great power. Danube Monarchy and European States, 1866–1914” is reviewed. Rauscher reconstructs the foreign policy history of the Habsburg monarchy on the basis of numerous archival documents from Austria, Hungary, the Czech Republic, Germany, Great Britain, France, Italy, Switzerland. The only sources inaccessible to the researcher were Russian.

The historian examines in chronological order the policies of each minister of foreign affairs of the Danube monarchy from 1866 to 1914 in all its diversity. Rauscher assesses the foreign policy problems of Austro-Hungary in conjunction with its internal contradictions, in the context of the internal, inter-party political struggle and complicated interethnic relations, as well as complex relationships between different lands.

In his two-volume work, the researcher shows how big and difficult work on the preservation of a multinational state turns into the preparation of its collapse.

REFERENCES

Diószegi I. *Bismarck und Andrassy: Ungarn in der deutschen Machtpolitik in der 2. Hälfte des 19. Jahrhunderts*. Wien; München: Oldenbourg, 1999.

Diószegi I. *Hungarians in the Ballhausplatz: studies on the Austro-Hungarian common foreign policy*. Budapest: Corvina Kiadó, 1983.

Kappeler A. *Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung, Geschichte, Zerfall*. München: Beck, 1992.

Khvostov V.M. *Istoriia diplomatii. Vol. 2. Diplomatiiia v novoe vremia. 1871–1914*. Moscow: Gospolitizdat, 1963.

Kiniapina N.S. *Kavkaz i Sredniaia Aziiia vo vnesheinei politike Rossii, vtoraiia polovina XVI*

II – 80-e gody XIX v. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1984.

Kiniapina N. S. *Balkany i prolivy vo vnesheinei politike Rossii v kontse XIX veka (1878–1898)*. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1994.

Lieven D. *Empire. The Russian Empire and Its Rivals*. London: John Murray, 2000.

Pantenbourg I. F. *Im Schatten des Zweibundes: Probleme österreichisch-ungarischer Bündnispolitik 1897–1908*. Wien: Böhlau, 1996 (Veröffentlichungen der Kommission für Neuere Geschichte Österreichs 86.)

Seton-Watson R. W. *Britain in Europe (1789–1914): A Survey of Foreign Policy*. London: Cambridge University Press, 1937.

Sosnosky T. von. *Die Balkanpolitik Österreich-Ungarns seit 1866. 2 Bde.* Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1913–1914.

А. А. Тесля

ПРАВОСЛАВНЫЕ КОЛЛЕГИУМЫ: ОБУЧЕНИЕ, УЧАЩИЕСЯ И УЧИТЕЛЯ*

Рец.: *Посохова Л. Ю.* Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII — начало XIX в.). М.: Политическая энциклопедия, 2016. 550 с.: ил. («Ubi universitas, ibi Europa»)

Ключевые слова: система образования в Российской империи, православные колледжи в Российской империи, украинские земли в составе Российской империи, история педагогики.

Аннотация. Рецензируется книга, в которой рассматриваются в контексте культуры и системы образования своего времени украинские православные коллегиумы конца XVII — начала XIX в.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-248-252

Книга¹ Л. Ю. Посоховой, видного специалиста в области истории образования XVIII — начала XIX в.,

© А. А. Тесля, 2019

Тесля Андрей Александрович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института истории Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (Калининград); mestr81@gmail.com

* Исследование выполнено в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда.

автора обстоятельной истории Харьковского коллегиума, изданной в 1999 г. (*Посохова* 1999), — русская версия монографии, вышедшей по-украински в 2011 г. (*Посохова* 2011). Как справедливо отмечается в предисловии, потребность в переводе книги на русский язык прежде всего связана с тем, «что на протяжении двух последних десятилетий наработки украинских авторов по истории образования и культуры зачастую оставались неизвестными российскому научному сообществу. <...> Кроме того, российским исследователям преимущественно остались неизвестными и те источники из украинских архивов, которые

были введены в научный оборот в последнее время» (с. 4). Соглашаясь с этими суждениями, сразу же отметим большую ценность в этом отношении обширной библиографии по теме исследования, способной оказать значительную помощь отечественному исследователю, позволив, по крайней мере при первых шагах, сориентироваться в украинских источниках и публикациях последних десятилетий по данной проблематике.

На основании сказанного следует отметить, что работа идет в двух планах. Во-первых, ставится задача обозрения и систематизации большого исследовательского материала по истории коллегииумов — книга Посоховой позволяет ознакомиться с основными дебатами и ключевыми трактовками разнообразных вопросов, относящихся к прошлому Харьковского, Черниговского и Переяславского коллегииумов: от содержания учебного процесса до роли коллегииумов в городском пространстве. Во-вторых, ядром работы является определение (на основании многочисленных конкретных исследований автора) места истории православных коллегииумов в образовательном пространстве Российской империи, в первую очередь с точки зрения истории университетов.

В истории украинских коллегииумов Посохова фактически выделяет четыре этапа:

— в первой половине XVIII в. они в целом были ориентированы, через Киево-Могилянскую академию, на модель иезуитских коллегииумов

и академий и тем самым на Ratio Studiorum; при этом следует подчеркнуть, что сама эта академия не выступала — в силу отсутствия соответствующей образовательной среды — иерархическим по своему статусу высшим учебным заведением;

— с середины того же столетия прежняя модель претерпевает изменения под влиянием лейбнизианско-вольфианского просвещения;

— с 1786 г., с момента принятия «Устава народных училищ», коллегииумы переживают кризис, поскольку формирование общеимперской образовательной системы начинает развиваться в направлении, удаляющемся от коллегиальной образовательной модели;

— в первые полтора десятилетия XIX в. коллегииумы, в рамках образовательных реформ, трансформируются в 1817 г. в семинарии (хотя Харьковский коллегийум, в память о прошлом своем значении, и сохранил свое наименование вплоть до 1841 г.) и окончательно станут сословными школами, предназначенными для подготовки лиц духовного звания — этот процесс набирал обороты уже с 1780-х гг.

Большую ценность рецензируемой книге предает представленный подробный анализ как содержания, так и методов обучения в коллегииумах, чему посвящена самая обширная глава монографии (с. 72–265). При этом Посохова совершенно справедливо, вопреки распространенной традиции, отмечает, что при изучении конспектов и учеб-

ных материалов для правильного их понимания следует помнить, что это именно учебные материалы, не только не претендующие на оригинальность, но для которых последняя во многом мыслится противоположенной — ведь их задача состоит в приобщении к существующим знаниям и школьной выучке. Так что упреки в «схоластичности» если и имеют какой-то конкретный смысл, то лишь обозначают принадлежность к иезуитской модели воспитания и обучения, которая, как хорошо известно, не только ничуть не противоречит, но, напротив, целиком переплетена с «гуманистической», ренессансной традицией.

Отметим попутно, что некоторые суждения автора представляются нам если и не неверными, то во всяком случае не находящими достаточного основания в самом тексте исследования. Так, например, там, где дело касается вопроса о русском языке в коллегиумах, оказываются соединены два разных сюжета (с. 88–89) — во-первых, о русском языке как о предмете преподавания и, во-вторых, о русском как о языке преподавания, наряду с латинским. Тем самым выводы исследовательницы о том, что русский язык начинает преподаваться не ранее 1760-х гг. (с. 88), вряд ли противоречат указаниям жалованной грамоты Харьковскому коллегиуму от 1731 г., в которой, к тому же лишь в качестве пожелания и направления стремлений, говорилось, что следует стараться, дабы науки преподавались на русском языке. В связи с этим оказывается вне поля обстоятельного рассмотрения сюжет с языками

преподавания (а не преподаваемыми), важный для изучения образовательного пространства Российской империи (из исследований на материале Московского университета известно о сложности полилингвистической ситуации в учебных заведениях).

В высшей степени интересны и полезны для изучения, в частности, социокультурной истории образовательного пространства Российской империи разделы, посвященные обобщенному «портрету» учащихся (3.1) и учителей (3.2) православных коллегиумов, причем для преподавателей составлена приведенная в приложении сводная таблица, включающая данные обо всех известных наставниках (255 персоналий).

Анализируя основные траектории дальнейшего жизненного пути учеников коллегиумов, Посохова отмечает (применительно к детям духовенства, поскольку для детей представителей других групп подобных ограничений не существовало), что и в 1780–1790-е годы сохранялся режим «свободного» или относительно свободного выхода детей духовенства на разные должности светской службы» (с. 297), а в плане продолжения обучения «наиболее известным “маршрутом”, которым последовало немало студентов коллегиумов, был путь в медико-хирургические учебные заведения Российской империи» (с. 298), что было связано с признаваемым за коллегиумами высоким качеством подготовки в латинском языке.

Среди преподавателей Посохова выделяет три основных типа карьер:

— во-первых, преподаватели-монахи — как правило, «эти учителя работали в коллегиумах много лет, преподавали последовательно несколько дисциплин учебного курса» (с. 324), причем для них это обычно становилось одним из этапов духовной службы: до преподавания они пребывали какое-то время в монастырях украинских епархий. В дальнейшем подавляющее большинство из них получали назначения настоятелями украинских или великорусских монастырей и продвигались далее по духовной иерархии;

— во-вторых, молодые учителя, занимавшие должности сразу же после завершения учебы (или начинавшие преподавать в младших классах еще в процессе собственного обучения). «Большинство из них, — фиксирует на основании составленной ею сводной таблицы исследовательница, — работали несколько лет, женились, принимали священство и получали священническое место в украинских епархиях» (с. 325). С третьей четверти XVIII в. доля их в общем числе преподавателей возрастала, при этом срок их преподавательской деятельности был весьма невелик, между окончанием коллегиума и выходом из него у них обычно проходил год-другой (с. 325);

— в-третьих, как показывает Посохова, со второй четверти XVIII в. формировался тип карьеры, который можно условно назвать траекторией профессионального преподавателя (с. 325). На протяжении многих лет эти люди не только не меняли свой вид деятельности, но продвигались по карьерной

лестнице, в частности переходя в другие учебные заведения, в первую очередь в Киево-Могилянскую академию (с. 325–326).

При этом, хотя коллегиумы и не имели права присуждения ученых степеней, в их практике с первых лет складывается (и принимается в делопроизводительной документации, в том числе и синодальной) устойчивое именование преподавателей старших классов «профессорами», в некоторых случаях так именовали и преподавателей риторического класса, тогда как наставники младших назывались и звали себя «магистрами» (с. 327–328):

«Примечательно, что преподавателя Харьковского коллегиума Амвросия Поппеля, бывшего ксендза, который учился и преподавал в европейских учебных заведениях, в документах обязательно называли “доктор философии”» (с. 327).

Характеризуя место православных коллегиумов в образовательном пространстве XVIII в. в целом, Посохова определяет его как часть «юго-западного вектора продвижения европейского доклассического университета» (с. 439, см. подробнее: гл. 1), в то время как университеты, возникшие в России во второй половине XVIII — начале XIX в., принадлежали к северо-западному вектору, ориентируясь на отчасти уже «модернизированные» университеты — Лейдена, Галле, а для начала XIX в. — в первую очередь Гейдельберга. Православные коллегиумы во второй половине XVIII в. предпринимали попытки самореформирования, однако у них

не хватало ресурсов для активного продвижения к новой университетской модели. Вместе с тем они оказались одним из важных источников подготовки учеников и преподавателей для новых учебных заведений, «создали благоприятную почву для прорастания новых образовательных идей и конструирования новых образовательных форм» (с. 440) в рамках выстраивания относительно унифицированной

системы образования первых десятилетий XIX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Посохова 1999 — *Посохова Л. Ю.* Харківський колегіум (XVIII — перша половина XIX ст.). Харків: Бізнес Інформ, 1999.

Посохова 2011 — *Посохова Л. Ю.* На перехресті культур, традицій, епох: православні колегіуми України наприкінці XVII — на початку XIX століття. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2011.

ORTHODOX COLLEGIUMS: TRAINING, STUDENTS AND TEACHERS

Rev.: Posokhova L.Iu. Pravoslavnye kollegiумы na peresechenii kul'tur, traditsii, epokh (konets XVII — nachalo XIX v.). Moscow: Politicheskaiа entsiklopediia, 2016. 550 p.: il. ("Ubi universitas, ibi Europa")

Teslya Andrei A. — PhD in Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of History St Petersburg University; Senior Research Fellow, Scientific Director Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad)

Key words: education system in the Russian Empire, Orthodox colleges in the Russian Empire, Ukrainian lands within the Russian Empire, history of pedagogy.

Abstract. The book is reviewed, in which the Ukrainian Orthodox colleges of the end of the XVII — beginning of the XIX centuries are examined in the context of the culture and education system of its time.

REFERENCES

Posokhova L.Iu. *Kharkivskii kolegium (XVIII — persha polovina XIX st.)*. Kharkiv: Biznes Inform, 1999.

Posokhova L.Iu. *Na perekhrestі kul'tur, traditsii, epokh: pravoslavni kolegiumi Ukraini naprikintsi XVII — na pochatku XIX stolittia*. Kharkiv: KhNU imeni V.N. Karazina, 2011.

МЕЖДУ ЭТНОНИМОМ И ЭТНОСОМ

Рец.: *Гайда Ф. А.* Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. М.: Модест Колеров, 2019.

Ключевые слова: Украина, украинцы, этноним, этнос, Иван Франко.

Аннотация. Рецензируемое произведение посвящено исторической эволюции понятий «украинцы» и «Украина».

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-253-261

ОТ «УКРАИНСКИХ ЛЮДЕЙ» ДО УКРАИНЦЕВ

Книга московского историка Федора Гайды посвящена проблеме, которая в спокойные, мирные времена была бы сугубо академической. В наши дни она остроактуальна и крайне политизирована. Речь идет о происхождении и эволюции значения терминов «Украина» и «украинцы».

Перед нами сборник разножанровых научных трудов: несколько полемических заметок о терминах «Киевская Русь», «украинцы», «русские, русины, россияне»; три рецензии на монографии, выпущенные издательствами «Laurus», «Нестор-История», «РОССПЭН». Но особый интерес представляют публикация и перевод «Перестороги Украины», источника середины

XVII в., и два оригинальных исследования — «“Украинцы”: история происхождения и употребления понятия» и «Украина и Малая Русь: Окраина и Центр».

Гайда привлекает необычайно широкий круг источников, как на русском и украинском, так и на польском, немецком, французском, латыни. Библиография этой довольно тоненькой книжки (200 страниц, причем два основных исследования занимают всего лишь 110 страниц) насчитывает чуть менее четырехсот позиций. И эта библиография активно используется в тексте.

В общем, автор убедительно доказал, что в XVI — начале XVII в. «украинцами» в Российском государстве называли «пограничных служилых людей», прежде всего тех, что охраняли южные рубежи. Понятие «украинцы», «люди украинные» было синонимом слов «граничники», «рубежники», «люди граничные» (с. 24).

© С. С. Беляков, 2019

Беляков Сергей Станиславович — кандидат исторических наук, зам. главного редактора журнала «Урал» (Екатеринбург); sbeljakov@mail.ru

Причем аналогичный термин существовал и в Речи Посполитой и, по крайней мере до восстания Хмельницкого, относился в основном к пограничной шляхте. Так, во время подавления восстания Северина Наливайко «украинцами» называли не повстанцев (предков современных украинцев), а их противников-поляков.

Наряду с такими понятиями, как «украинцы дети боярские» и «ево государевы люди украинцы» (с. 32) Гайда находит и вовсе экзотично звучащие «свейские украинные немецкие люди» и даже «украинные люди» империи Цин — дауры и чуча-ры» (с. 28–29).

К середине XVII в. понятие «украинцы» получает и новое значение. В польских источниках 1649–1651 гг. появляется выражение «чернь украинская» (*czern ukrańska*), а слово «украинцы» ассоциируется уже не с пограничной польской шляхтой, а с хлопами¹-мятежниками («*zbuntowane chłoptwo*») (с. 35). Русские источники распространяют слово «украинцы» на жителей Поднепровья и Слободской Украины, на запорожских и малороссийских казаков. При этом старое значение слова «украинцы» продолжает существовать.

Юрий Крижанич употребляет термин «*Ukrayinci*» как синоним слова «черкасы». Появляется слово «украинцы» и в источниках собственно малороссийского происхождения. Так, в одном из них, уже упомяну-

той «Перестороге Украины», слово «украинцы» упоминается 15 раз, слово «казаки» — 10 раз. Гайда убеждает читателя, что слово «украинцы» здесь относится только к казакам Правобережья Днепра, хотя его утверждение, на мой взгляд, спорно.

Федор Гайда неоднократно подчеркивает, что в этническом значении слово «украинцы» в XVII в. не использовалось. По его мнению, впервые придал украинцам этническое содержание только граф Ян Потоцкий в 1795 г. А историк А. И. Ригельман также в конце XVIII в. уравнивал украинцев с малороссиянами (с. 54, 100). Под последними Гайда понимает «русский субэтнос, населявший территорию от Харьковщины до Карпат и Подкарпатья» (с. 73).

Вторым человеком, придавшим будто бы географическому понятию «украинцы» этнический смысл, Гайда считает В.М. Белозерского, одного из создателей Кирилло-Мефодиевского братства, а позднее редактора первого украинского научно-литературного журнала «Основа». В пояснительной записке к составленному Н.И. Костомаровым «Уставу» братства Белозерский восклицал: «Ни одно из славянских племен не обязано в той мере стремиться к самобытности и возбудить остальных братьев, как мы, Украинцы» (с. 62). При этом Гайда указывает на отмеченную еще современниками Белозерского «мечтательность и горячность». Украинofilы второй половины XIX в. положили начало новому пониманию слова «украинцы» — партийно-политическому. Наконец, уже

¹ Т.е. зависимыми крестьянами.

на рубеже XIX–XX вв. харьковский адвокат Николай Михновский окончательно «преобразовал партийно-политический термин “украинцы” (украинофилы) в этноним» (с. 100). В своей брошюре «Самостийная Украина» он отождествил понятия «українці», «українська нація» и «український народ» (с. 81). Пропагандой нового этнонима занялась Революционная Украинская партия (РУП). К 1917 г. в интеллигентных кругах термин «украинцы» прижился, однако этническим самоназванием для бывших малороссиян он стал только в советское время в результате большевистской политики коренизации (с. 99, 100).

Так, Федор Гайда, опираясь на достаточно широкий круг источников, создал стройную и логичную концепцию, которая позволяет показать трансформацию понятия украинцы от «пограничных служилых людей Российского государства» до современного этнонима.

Но, как это часто бывает в исторической науке, слишком красивые конструкции оказываются непрочными.

«СЛАВНА МАТИ УКРАЇНА»

Гайда придает особое значение в общем-то второстепенным героям украинской истории, вроде Белозерского или Михновского. Эти имена ничего не сказали бы малороссийскому крестьянину, в отличие от имени Тараса Шевченко. Между тем Гайда совершенно обходит вниманием великого кобзаря, потому что Шевченко-де «никогда

словом “украинцы” не пользовался» (с. 67). Как жаль, что эрудированный и въедливый Федор Гайда принял на веру этот стереотип. Действительно, Тарас Григорьевич обычно называл свой народ «козаками», придавая этому понятию не сословный, а этнический смысл. В прозе и в переписке со своими русскими друзьями он использовал общераспространенное понятие «малороссияне». И все-таки Тарас Шевченко по крайней мере трижды писал об «украинском народе» и «украинской народности», да еще в таком контексте, который не оставляет сомнений, что речь идет о понятии этническом, а не географическом или сословном.

Украинская народность упоминается Шевченко в письме к редактору журнала «Народное чтение», это февраль 1860 г. (Шевченко 2003: Т. 5). Еще раньше в повести «Близнецы», которая датирована 1855 г., читаем: «Это Успенская церковь, прославленная в 1654 г. принятием присяги на верность московскому царю Алексею Михайловичу гетманом Зиновием Богданом Хмельницким со старшинами и с депутатами всех сословий народа украинского» (Там же: Т. 4). Допустим, это сравнительно поздние высказывания, они относятся к периоду уже после его знакомства с Белозерским (1846 г.), чью роль в развитии украинской национальной мысли Гайда ставит так высоко. Но вот более ранний (1844 г.) текст. Это подпись, сделанная Тарасом Шевченко к собственному офорту «Дари в Чигирине 1649 року»: «Із Царяграда, із Варшави і Москви прибували послы з великими дарами єднатъ Богдана і

народ український, уже вольний і сильний» (Там же: Т. 5). («Из Царьграда, из Варшавы, из Москвы прибывали послы с великими дарами, чтобы установить связи с Богданом и с народом украинским, уже вольным и сильным».) Как видим, Тарас Шевченко говорит об украинском народе именно как об этносе. «Вольный и сильный народ», объединившийся вокруг Богдана Хмельницкого, не включает в себя ни поляков, ни евреев, ни тех же «москалей», что прислали из Москвы «великие дары».

При этом у нас нет никаких оснований считать, будто Шевченко «изобрел» украинский народ или прочитал о нем у Потоцкого и Ригельмана. Шевченко обратился к понятию уже существующему. Так ведь и Федор Гайда признает, что слово «украинцы» сплошь и рядом упоминается в источниках. Это слово знали Пушкин, Рылеев, А. К. Толстой, А. Погорельский. Но автор упорно отрицает его этническое значение. Однако убедителен ли Гайда? Проанализируем только один случай. Гайда упоминает роман Антония Погорельского «Монастырка», где население Черниговщины называется то малороссийским, то украинским. Анята, героиня «Монастырки», приехав из Петербурга к тете и кузинам, удивляется местным обычаям, нарядам и в особенности языку: «Более всего мне надоел язык, которым здесь изъясняются. Поверишь ли, я почти ничего не понимаю?» (*Погорельский* 2010: 169). Кузины Аняты носят сапоги, что производит на барышню из Петербурга сильнейшее впечатление. Словом, упоминается множество мелких (одежда, при-

вычки) и крупных (разговорный язык) черт, что отличают украинцев от неукраинцев. Можно ли считать эти различия этническими или всего лишь субэтническими — другой вопрос. Но однозначно отрицать этническое содержание за понятием «украинец» у Погорельского ни в коем случае нельзя.

В исследовании Гайды идеи и понятия, как вирусы, передаются от одного интеллектуала к другому, «заражая его», заставляя менять этническое самосознание. Так, он приписывает обращение Ивана Франко к понятию «украинцы» влиянию Михновского и агитации РУП: «Уже в апреле 1905 г., откликаясь на российские события, слово “украинцы” в этом (этническом. — С.Б.) смысле начал использовать И. Франко» (с. 83). Прежде, мол, Франко называл себя и свой народ «руськими». Однако неслучайно в советское время слово «руський», скажем, в повести Франко «Раздорожье» («Перехресні стежки») переводили словом «украинец», «украинский». Это не коварная «политика дерусификации», а глубокое знание творчества украинского писателя и украинской лексики рубежа XIX и XX вв. Иван Франко называл себя и свой народ «руськими», но это слово для него было как раз синонимом украинца.

Апрель 1875 г. Двухлетний Миколка Михновский еще только-только учится говорить. Иван Франко, девятнадцатилетний выпускник дрогобычской гимназии, пишет в Вену студенту-медику Феликсу Щасному, который руководил там украинским студенческим товариществом

«Січ»: «Наші українські (руські) справи в Дрогобицькій гімназії, як звичайно, стоять дуже слабо. Окрім трьох бідних українців, не цікавиться ні один ученик ані літературними, ані політичними українськими справами». Оставляю текст без перевода, он в общем-то понятен российскому читателю. Как видим, слова «русские» и «українці» были для Франко и его корреспондента синонимами. Русские, но отнюдь не москали.

Не пора, не пора, не пора
Москалеві й ляхові служити!
Довершилась України кривда стара,
Нам пора для України жити.

Эти стихи Иван Франко написал в 1880 г. Их не включили в собрание сочинений Франко, изданное в СССР, но стихотворение довольно известно. Оно было напечатано в 1893 г. во втором издании сборника «З вершин і низин». В этот же сборник вошло и другое, не менее интересное стихотворение, которое датируется 1883 г.

Встане славна мати Україна,
Щаслива і вільна,
Від Кубані аж до Сяну-річки
Одна, нероздільна.

Как видим, Франко нечего было учиться у Михновского, скорее наоборот. Вот вам и русин, вот вам и русский.

ОКРАИНА СТАВШАЯ КРАИНОЙ?

Отрицая этничность за понятием «украинцы», Гайда сходным образом интерпретирует и понятие

«Украина». Как известно, слово «Оукраина» впервые появляется в Ипатьевской летописи под 6695 и 6697 годами от сотворения мира (1187 и 1189 гг. н.э. соответственно). Из текста летописи трудно понять, означало ли слово «оукраина» особый край, землю, или пограничный регион, «украину». Первую точку зрения разделяет украинский академик Г.П. Пивторак. Ф.А. Гайда, разумеется, вторую. Для московского историка нет сомнений, что речь идет не о стране, но лишь о пограничье, под которым он и понимает «украину». В дальнейшем «украина/Украина» — окраина, пограничье и польского государства, и государства российского. Для последнего слово «Украина» все чаще начинает означать «Поднепровье», которое станет русско-польским пограничьем после Андрусовского перемирия 1667 г. и вплоть до второго раздела Речи Посполитой (1793 г.).

История с понятием «Украина» напоминает по крайней мере два случая, когда понятие «пограничье» с течением времени превращается в название страны. Один пример — Краину (основную часть современной Словении) вспоминает и Федор Гайда. Другой пример — Австрия, которая была в X в. маркой (пограничной областью) герцогства Баварии. Слово Österreich (Австрия, восточное государство), как полагают, происходит от слова Ostarrichi, которое, возможно, является переводом латинского Marchia Orientalis (Восточная марка) на древневерхненемецкий.

Окраина стала страной. Но Гайда относится к Украине как к географиче-

скому понятию и даже приписывает такой взгляд... Лесе Украинке: «Интересно, что перевод на немецкий язык собственного стихотворения “To be or not to be?..” (1899 г.) Леся Украинка подписала так: “Aus dem Kleinrussischen von L. Ukrainka” (дословно: “С малороссийского Л. Украинской”). Иными словами, свой псевдоним Л. Косач-Квитка понимала не в этническом, а в географическом смысле (жительница Украины-Малороссии)» (с. 71).

Это удивительное «открытие». Сколько же надо было перелопатить текстов Леси Украинки, чтобы наконец-то найти в комментарии к одиннадцатому тому двенадцатитомного собрания сочинений фрагмент, хоть как-то соответствующий авторской концепции. При этом Гайда не обратил внимание на знаменитые, на Украине просто хрестоматийные стихи. Они куда больше говорят об отношении Леси к Украине.

До тебе, Україно, наша бездолная
мати,

Струна моя перша озветься.

І буде струна урочисто і тихо лунати,

І пісня від серця полетиться.

<...>

І, може, тоді завітає та доля жадана

До нашої рідної хати,

До тебе, моя ти Україно мила,

кохана,

Моя безталанная мати!

Так неужели «несчастливая мать» Украина для Леси лишь «географическое понятие»?

В творчестве Тараса Шевченко Украина — важнейший образ, быть

может, даже главный для поэта. Самое знаменитое стихотворение Шевченко — «Заповіт» («Завещание») посвящено Украине. Не только в «Заповите», но и в стихотворении «Сон» (не путать с одноименной поэмой) Шевченко ставит Украину выше Бога.

Я так її, я так люблю
Мою Україну убогу,
Що проклену святого Бога,
За неї душу погублю!

Это он за «географическое понятие» душу погубить хочет, или за «украину»?

Но Шевченко здесь не «изобретатель традиций». Он настоящий народный поэт, просто очень талантливый. В украинских народных песнях, записанных этнографами в XIX в., мы находим сходное отношение к Украине. Откроем хотя бы «Записки о Южной Руси» Пантелеймона Кулиша, которые, кстати, есть в библиографии рецензируемой книги. Там мы встретим слова о «славной Украине», что рефреном повторяются в думе, записанной у знаменитого бандуриста Андрия Шута (*Кулиш* 1856: 56–63):

«Що тепер у вась на славній
Україні слишно?» (Там же: 60).

Можно ли перевести эти строчки словами «на нашей славной окраине»? Впрочем, в XVII в. Украина в глазах собственно ее жителей, как бы мы их ни называли (руськими, русинами, русскими, малороссами, украинцами, козаками), уже была никак не окраиной, а родной землей: «Умань, преславній городь

українській пограничній», — читаем в «Летописи Самовидца». Конечно же, это предложение нельзя перевести как «Умань, преславный город пограничный пограничный».

Для жителей Московской Руси, Российского государства, Украина после Андрусовского перемирия в самом деле была окраиной, «украиной». Таковой она осталась и для поляков, но не для собственно русинов/русских/украинцев.

ОТ ЭТИМОЛОГИИ К ЭТНОЛОГИИ

Но как же быть с собственно народом, населявшим и Поднепровье, и Волынь, и Слободскую Украину? Как его следует называть, и какое отношение он имеет собственно к истории понятий «Украина» и «украинцы»? И здесь мы окончательно покидаем сферу филологии, переходя от вопросов этимологических к этнологии и этнической истории.

Еще 17 февраля 1966 г. Л. Н. Гумилев прочитал в Отделении этнографии Географического общества доклад «О термине “этнос”». В числе прочего Гумилев доказывал, что этнос и этноним часто не совпадают. Разные этносы могут носить одно имя, один и тот же этнос в разные исторические эпохи может называться по-разному. Значение одного и того же этнонима может меняться. Так, римлянами изначально называлось только население Рима, одного из полисов Лациума. А после эдикта Каракалы 212 г. н.э. римлянами стали называть всех граждан огромной империи, включая берберов, гал-

лов, германцев, евреев и египтян. Жители Византийской империи также называли себя римлянами, хотя эту страну населяли греки, армяне и другие, преимущественно эллинизированные народы восточного Средиземноморья. Татарами в XII в. называли несколько монгольязычных племен, кочевавших к северу от Великой Китайской стены. Но уже к XV в. татарское имя прочно закрепилось за частью тюркоязычных подданных Золотой Орды: «Зато потомки первоначальных носителей этого имени стали именовать себя монголами. С этого времени возникла современная научная терминология, когда татарский антропологический тип стали называть “монголоидным”, а язык поволжских тюркок-кипчаков — татарским языком» (Гумилев 1993: 47). Словом, исследовать этнос — это одно дело, а изучать этноним — совсем другое. В отличие от других идей Гумилева, эта идея критики не подверглась и даже сейчас особенных возражений не вызывает. История имен «украинцы», «русские», «казаки» как раз относится к тем случаям, когда значение слова менялось. Эти изменения и фиксирует Гайда, но только в значении слов «украинцы», «Украина». Русь, русские, русины, руськие для него просто синонимы. Эти слова относятся к единому и неделимому русскому народу. Согласиться с этим невозможно. Само по себе появление экзоэтнонимов «черкасы», «хохлы», «кацапы», «москалы», «москва» уже в XVII в. указывает на формирование глубоких различий между восточными и западными русскими. Гайда, к слову, мимоходом упоминает «черкасов», но отрицает за этим понятием

этническое содержание. Между тем «черкасы» — типичный экзоэтноним. «Черкасами», или «запорожскими черкасами», на Московской Руси называли не только запорожских казаков, но и других малороссиян, обитателей юго-западной Руси. Мазепа именовался гетманом черкасским, малороссийские города называли «черкасскими городками» (Записки... 1990: 324). Для Феофана Прокоповича слово «Черкасин» — синоним понятия «Малороссийчик» (Прокопович 2010: 524). В государственном указе от 25 октября 1682 года, адресованном «людям Боярскимъ», говорится: «Да вамъ же бы Нѣмцемъ и Черкасамъ и иныхъ народовъ иноземцамъ <...> никакихъ грубыхъ поносныхъ словъ не говорить и нѣчемъ ихъ не дразнить...» (Полное собрание...: 455). Если черкасы — иноземцы наравне с немцами, то о каком единстве этническом может идти речь?

Английский врач Сэмюэль Коллинс оставил интереснейшее описание черкасов, не оставляющее никакого сомнения в том, что речь идет именно об этносе. Коллинс даже не посчитал их родственниками русских. Он называет черкасов «грубым и мрачным народом татарского племени». Коллинсу известно и слово «казаки» («Cossacs»), причем он говорит, что черкасы так называют воинов, «почему ошибаются многие, считая казаков особенным народом» (Коллинс).

Разумеется, самоназванием населения Западной Руси, Малороссии было не «черкасы», а Русь, русские, руськие, руськие, русины. Но эти «русские» и в XIX в. нередко отри-

цали свое единство с русским (великорусском) народом. Об этом с сожалением писал даже такой горячий сторонник не только русского, но и славянского единства, как Юрий Венелин (Георгий Гуца): «... как ни называй себя он русским, все-таки он не русин, а москаль, липован, кацап. По мнению южан, настоящая Русь простирается только до тех пределов, до коих живут южане, а все прочее московщина» (Венелин 2011: 793). Различия между западными и восточными русскими еще в XVII в. хорошо были известны полякам, которые первых называли «Русью», «русинами», а вторых — «москалями» или «москвой». В тексте той же «Перестороги Украины» упоминаются москали: «Зла и тяжка москва Украинѣ, а поляки совете тяжкиѣ!» («Злы и тяжки москали Украине, а поляки совсем тяжки!») (с. 120, 129). Это при том, что «Пересторога» — промосковский трактат.

Игнорировать этнические различия между восточными и западными русскими (русскими и украинцами) в такой книге, на мой взгляд, невозможно.

Таким образом, взгляд на историческую эволюцию понятия «украинцы», по моему мнению, получился у Гайды пристрастным и односторонним. Преодолеть эту односторонность можно, если историю понятия «украинцы» рассматривать в неразрывной связи с различными формами понятия «русский», «русин» и т. д. Не обходить вниманием экзоэтнонимы «хохол», «москаль», «черкас», «кацап». Изучать не только историю слов, но также историю

русского и украинского народов в их тесной взаимосвязи. Не менее важно отказаться и от догматизированных представлений о единстве народа, на самом деле утраченном в послемонгольскую эпоху. Если Федор Гайда, при своей блестящей историко-филологической подготовке, сможет отказаться от этих представлений, он напишет книгу куда более сильную, ценную и убедительную.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Записки... 1990 – Записки Ивана Афанасьевича Желябужского // Россия при царице Софье и Петре I: Записки русских людей. М.: Современник, 1990.

Коллинс – Коллинс С. Нынешнее состояние России // Восточная литература. URL: www.vostlit.info/Texts/rus11/Collins/text1.phtml?id=715.

Полное собрание... – Полное собрание законов Российском империи. Т. 2.

Кулиш 1856 – Кулиш П. Записки о Южной Руси. СПб., 1856.

Погорельский 2010 – Погорельский А. Сочинения. Письма. СПб.: Наука, 2010.

Прокопович 2010 – Прокопович Ф. Избранные труды. / сост. И.В. Курукин. М.: РОССПЭН, 2010.

Шевченко 2003 – Шевченко Т. Зібрання творів: У 6 т. К.: Наукова думка, 2003. URL: izbornyk.org.ua/shevchenko/.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Венелин 2011 – Венелин Ю.И. О споре между южанами и северянами насчет их россизма // Венелин Ю.И. Истоки Руси и славянства. М.: Ин-т русской цивилизации, 2011.

Гумилев 1993 – Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.

BETWEEN ETHNONYM AND ETHNIC GROUP

Rev.: Gaida F. A. Grani i rubezhi: poniatia "Ukraina" i "ukraintsy" v ikh istoricheskom razvitii. Moscow: Modest Kolerov, 2019.

Belyakov Sergey S. – candidate of historical sciences, deputy editor of the journal “Ural” (Ekaterinburg)

Key words: Ukraine, Ukrainians, ethnonym, ethnic group, Ivan Franko.

Abstract. The reviewed study is devoted to the historical evolution of the concepts “Ukrainians” and “Ukraine”.

REFERENCES

Venelin Iu.I. O spore mezhdou iuzhanami i severianami naschet ikh rossizma. In: Venelin Iu.I. *Istoki Rusi i slavianstva*. Moscow: In-t russkoi tsivilizatsii, 2011.

Gumilev L. N. *Etnosfera: Istoriia liudei i istoriia prirody*. Moscow, 1993.

М. В. Медоваров

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЗАБЫТОГО НАПРАВЛЕНИЯ В РУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

Рец.: *Чемакин А. А.* Истоки русской национал-демократии: 1896–1914 годы. СПб.: Владимир Даль, 2018. 651 с.; *Чемакин А. А.* Русские национал-демократы в эпоху потрясений: 1914 — начало 1920-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2018. 606 с.

Ключевые слова: национал-демократия, национал-либерализм, неославизм, сборник «Ладо», сборник «Новая Россия», «Дым Отечества», Дмитрий Вергун, Михаил Караулов, Тимофей Локоть, Александр Гарязин, Имперская народная партия.

Аннотация. Рецензия посвящена двум монографиям Антона Чемакина о ранее практически неизученном феномене «национал-демократических» движений в России и за ее границами в конце XIX — первой трети XX в. Дается оценка источниковой базе исследования, его структуре. Выделен ряд узловых проблем и остающихся нерешенными вопросов истории русских национал-демократов до и после 1917 г.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-262-269

В 2016 г. была защищена кандидатская диссертация А.А. Чемакина (*Чемакин 2016*), посвященная доселе практически неизученной теме: так называемым русским «национал-демократам» начала XX в., включая Крестьянскую и Независимые группы в Государственной думе, и попытке создания Имперской народной (или просто Народ-

ной) партии в 1914 г. Неизбежно ограниченный объем диссертации позволил рассмотреть данную тему достаточно фрагментарно, немалое количество вспомогательного материала было вынесено в приложения. Спустя два года А.А. Чемакин расширил свое исследование более чем в три раза. Свет увидели две его монографии, а фактически — два тома одного труда. Особое внимание обращает на себя то, что они были опубликованы издательством «Владимир Даль» в серии «Россия на переломе», уже запомнившейся читателям характерным оформлением обложки и знакомой многим исто-

© М. В. Медоваров, 2019

Медоваров Максим Викторович — кандидат исторических наук, доцент кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород); mmedovarov@yandex.ru

рикам по вошедшим в нее монографиям А.А. Иванова и А.Э. Котова (Иванов 2016; 2018; Котов 2016).

Следует отметить высочайшее полиграфическое качество издания: оба тома труда А.А. Чемакина содержат десятки черно-белых иллюстраций, текст хорошо отредактирован, опечаток почти нет. Бросаются в глаза лишь ошибочное указание XVII вместо XVIII в. на с. 37 первой книги и загадочное превращение известной филиппинской и американской исследовательницы истории России Астрид Туминес в «сингапурского исследователя А. Туминеза» (с. 165).

Главная особенность монографий А.А. Чемакина о национал-демократах — невероятный, трудно представимый даже по современным меркам охват источников и историографии. Историком были использованы материалы десятков архивов, периодических изданий, самые экзотические научные статьи и справочники (часто речь идет о труднодоступных польских, чешских, западноукраинских, но также и российских краеведческих материалах). И если во многих случаях эвристический поиск источников и научной литературы достаточно легко проводить по ключевым словам и отдельным именам, то в данном случае ситуация совершенно иная — по каждой отдельной персоне, упомянутой в трудах автора, по каждому кружку, движению или партии существуют собственные источники и литература, часто никак не пересекающиеся друг с другом. Не просто собрать материалы о национал-демократах Польши,

Чехии, Галиции, о Д.Н. Вергуне, М.Я. Баясном, терском атамане М.А. Караулове, Т.В. Локоте, А.Л. Гарязине, сборниках «Ладо» и «Новая Россия», о пятнадцати депутатах Независимой группы (один из которых даже был этническим вожанином), но и выстроить их в единый нарратив на протяжении 1200 страниц — такова была задача А.А. Чемакина, и он справился с ней блестяще.

Введение к первой книге А.А. Чемакина посвящено тонкому, филигранному анализу понятий «национал-демократизм», «национал-прогрессизм» и связанных с ними представлений. Действительно, без попытки разобраться в терминологической путанице начала XX в. невозможно приступить к рассмотрению темы с чрезмерно размытым, недостаточно определенным предметом исследования. Принципиально важен критерий национал-демократии (национал-прогрессизма), обозначенный автором (с. 24, 27): сюда относились те движения, которые сочетали апелляцию к социальным требованиям низов русского общества (крестьян, казаков, мелкой буржуазии) с либеральным требованием гражданских прав и свобод и при этом с русским национализмом, чаще всего являвшимся калькой с требований западных либеральных националистических движений. На самом деле ситуация была чуть сложнее, поскольку, как мы увидим, на правом фланге национал-демократии оказывались представители крупной буржуазии и части помещиков из Всероссийского национального союза (ВНС), а также такой яркий идеолог буржуазного

национал-монархизма, как профессор Локоть, а на левом — социалистический кружок Ф. Ф. Аристова и некоторые другие группы, отпочковавшиеся от эсеров и меньшевиков и отличавшиеся от них только декларируемым патриотизмом. Объединяло их одно — в отличие от дворянского крыла крайне правых (Н. Е. Марков, В. М. Пуришкевич), от поздних славянофилов, от специфического монархизма Л. А. Тихомирова (Медоваров 2014), национал-демократы приветствовали либерализацию и демократизацию российской политической системы после 1905 г. и совершенно не скорбели по «старому режиму».

Методологически правильным представляется тот факт, что А. А. Чемакин начинает рассматривать «идейных предшественников русских национал-демократов» (глава 2) с немецких, чешских и польских образцов в пределах Австро-Венгерской монархии. Сначала возникают определявшие себя русскими национал-демократы в австрийской Галиции, а затем (после 1900 г.) они под руководством Д. Н. Вергуна переносят центр своей активности из Львова в Петербург. Тем самым еще до революции 1905 г. в политическую жизнь России была сделана своего рода галицийская прививка. Несмотря на то, что по всей России имелась социальная база для национал-демократической программы, фактически именно выходцы из австрийской Галиции стали катализатором кристаллизации общероссийской национал-демократии (с. 135). Рассмотрению данного процесса посвящена третья глава первой книги А. А. Чемакина.

Вместе с тем отметим, что данный сюжет можно было бы рассмотреть еще подробнее. В частности, принципиальное значение имела полемика лидера позднего славянофильства А. А. Киреева с «неославистом» Д. Н. Вергуном (Киреев 1912: 343–346), обозначившая принципиальные расхождения между русским консерватизмом и нарождающейся национал-демократией. Совсем недавно увидела свет монография В. А. Болдина, во многом посвященная панславистской идеологии Вергуна и его журналу «Славянский век» (Болдин 2018). Данный материал позволяет существенно дополнить выводы А. А. Чемакина.

Остановившись на организациях Вергуна и Балясного в Петербурге (Общество славянской взаимности), А. А. Чемакин переходит к последовательному рассмотрению идейной эволюции Т. В. Локотя в Киеве («слева направо») и «русских национальных социалистов» и «национальных демократов» Ф. Ф. Аристова, И. З. Желудкова, П. В. Сергеева в Москве («справа налево»). Им посвящены главы 4, 5 и 6 первого тома. В результате складывается впечатление, что к 1911 г. в разных городах Российской и отчасти Австро-Венгерской империй созрели национал-демократические силы. Поэтому неудивительно, что большинство из них в 1912 г. приняло участие в сборнике «Ладо», анализу которого автор посвящает более 75 страниц седьмой главы.

Попытки национал-демократов найти свою политическую нишу в период избирательной кампании в IV Государственную думу и двух

Балканских войн отражены в восьмой главе. По сути, в 1912–1913 гг. часть национал-демократических групп была озабочена созданием собственной газеты или журнала. После ряда кратковременных и неудачных попыток такую роль (с конца 1912 до июля 1914 г.) стал играть еженедельник «Дым Отечества». Несомненно, это было едва ли не самое яркое и скандальное на тот момент политическое периодическое издание в стране, как из-за апологии Г.Е. Распутина на его страницах, так и в силу множества других причин. А.А. Чемакин рассматривает позицию «Дыма Отечества» фрагментарно, в связи с личностью его издателя А.Л. Гарязина и в основном за первое полугодие 1914 г. В то же время огромный интерес представляют позиция «Дыма Отечества» более раннего периода, роль уникальной личности авантюриста А.Ф. Филиппова в организационном и идейном оформлении национал-демократов, причины активной поддержки «Дымом Отечества» афонских имяславцев. Среди прочего, хотелось бы прояснить, принадлежат ли статьи, подписанные в «Дыме Отечества» псевдонимом Ирбе, генералу К.И. Дружинину — одному из самых ярких национал-демократов, погибшему на фронте в первый же месяц Первой мировой войны (с. 18 второго тома).

Все это — темы для будущих плодотворных исследований. Ограничимся указанием на то, что изучение биографии А.Ф. Филиппова приводит нас к выводу о том, что он достоин занять свое почетное место в галерее колоритных портре-

тов национал-демократов. Можно ли считать его влиятельным идеологом — другой вопрос. Во всяком случае, много лет спустя он будет объяснять свои метания от монархизма к революционности и затем к национал-демократии тем, что его единомышленники хотели сначала с помощью Николая II, а затем с помощью В.И. Ленина «вывести уже *новые* поколения на *новый* путь — не простого благосостояния, или официального “благоденствия”, а в такую *ширь* расцвета народной *энергии* и духа, которая бы заиграла, *точно музыка*» (Филиппов 1931: 2).

Так или иначе, к 1913 г. на первое место в повестке дня для национал-демократов вышел вопрос о создании собственной опоры в Думе и, возможно, собственной партии (хотя урок националистов, имевших сильную фракцию, но не имевших массовой партии и долгое время почти не представленных на местах, во многих регионах, был у всех перед глазами). Ситуация сложилась так, что почти случайно «под руку» национал-демократам подвернулись уже давно существовавшая Независимая (бывшая Крестьянская) группа депутатов и такая пассионарная личность с неопределенной идеологией, как терский казак, депутат М.А. Караулов (главы 9 и 10 первого тома).

В итоге в феврале — марте 1914 г. вокруг обновленной Независимой группы оформилась Имперская народная партия, которая так и не была зарегистрирована официально (не следует, впрочем, забывать, что официальной регистрации в России не имели ни кадеты,

ни эсеры, ни социал-демократы). Сборник «Новая Россия», заявленный как продолжение линии «Ладно», и оживленное обсуждение программы новой партии на страницах «Дыма Отечества» способствовали выработке ее идеологии, это обсуждение прервалось лишь с началом Первой мировой войны. Всем этим событиям посвящены первые три главы второй книги А. А. Чемакина. Программные документы как Независимой группы и Народной партии, так и их более ранних предшественников включены в текст приложений к обеим книгам, что следует отметить отдельно. Автор тщательно анализирует внутренне противоречивые взгляды национал-демократов первой половины 1914 г. на вопросы политического строя России, социально-экономические проблемы, польский и украинский вопросы. В разделе об отношении национал-демократов к религии, пожалуй, чересчур сжато освещаются сюжеты, связанные с сектантами, обществами трезвенников, «братцем» Чуриковым, имяславием. Большой интерес представляют разделы об отношениях Народной партии с наиболее близкими к ней конкурентами: прогрессистами, националистами и, как ни странно на первый взгляд, Всероссийским дубровинским союзом русского народа.

Глава 4 второй книги демонстрирует причины внутренней слабости и быстрого распада национал-демократических сил в годы Первой мировой войны. К февралю 1917 г. они утратили все органы печати и все общественные организации, которые ранее контролировали, а из 15

депутатов Независимой фракции осталось лишь пятеро. Февральская революция была поддержана оставшимися национал-демократами и вознесла их лидера М. А. Караулова, уже отбросившего прежнюю программу и лозунги, на вершину политического Олимпа — в марте 1917 г. он стал терским атаманом, известным всей России политиком, правда, только для того, чтобы уже в декабре быть убитым в ходе начавшейся Гражданской войны (глава 5). Напротив, как показано в шестой главе, Т. В. Локоть, неизменно отказывавшийся от членства во всех национал-демократических организациях, после 1917 г. в эмиграции превращается в убежденного сторонника самодержавной монархии как единственной формы правления, адекватной русскому обществу в тогдашних условиях (при этом его идеал оставался принципиально буржуазным и капиталистическим).

Главы 7 и 8 второго тома посвящены сложнейшим (в силу малочисленности источников) проблемам — прослеживанию судеб отдельных национал-демократов в 20–30-е гг. и даже позднее, а также деятельности возрожденных русских национал-демократических партий в польской Галиции и чехословацком Закарпатье. Однако постепенно и эти организации, оторванные от Советской России, пришли в упадок и исчезли. На настоящий момент сохранилось очень мало источников о жизни национал-демократов после 1917 г. В частности, поражает сам факт, что из национал-демократических депутатов 11 человек или были убиты в 1917–1919 гг., или их судьба попросту не-

известна (лишь один из них умер в 1917 г. своей смертью). Еще трое были репрессированы в Советском Союзе в 30-е гг. Лишь два депутата национал-демократической ориентации (И. Т. Евсеев и В. В. Кочубей) окончили жизнь в эмиграции, и только один (А. В. Иванов) выжил после репрессий и умер на Родине. Судьба Локотя в Югославии, Вергуна в Чехословакии и США и многих других изгнанников не менее печальна. В плане исторических биографий любопытным и непроясненным остается также вопрос, почему довольно многие национал-демократы как до, так и после 1917 г. тяготели к масонству, причем нерегулярному.

Обе книги А. А. Чемакина отличаются высокий уровень концептуальности, большая доля в тексте собственных рассуждений, размышлений, гипотез автора. Их венцом является заключение (с. 490–505), в котором историк анализирует причины, сделавшие неизбежными как формирование русских национал-демократических идей и групп, так и их конечную неудачу. Можно согласиться с принципиально важным выводом А. А. Чемакина о том, что, оформившись в 1911–1914 гг., национал-демократы в Российской империи (в отличие от Галиции) просто опоздали: их ниша в политической жизни, потенциальная база их сторонников и избирателей в лице малороссийского крестьянства, терского казачества, некоторых элементов среди петербургской буржуазии и московских рабочих была уже занята множеством других партий, от правых до либеральных и левых. Уже существовали бур-

жуазные националисты с опорой на ВНС, на «Новое время» Суворинных и «Киевлянин» В. В. Шульгина, уже функционировали массовые крестьянские отделы Союза русского народа, лояльные А. И. Дубровину и архимандриту Виталию, уже действовали националистически и патриотически настроенные прогрессисты и правое крыло кадетов с сильными идеологами вроде П. Б. Струве и В. А. Маклакова. Данный тезис подтверждается рядом высказываний, не вошедших в двухтомник А. А. Чемакина. Например, уже в январе 1906 г. анонимный крестьянин писал в черносотенном «Русском знамени» о необходимости целиком заменить образованную бюрократию в России новыми выходцами из «демократических» слоев без среднего и высшего образования: «Уничтожить монопольное положение интеллигенции, поставив на подобающее место русский народ, — вот задача для последовательно мыслящей и действующей русской партии» (Иванов 2016: 248–258). А всего два месяца спустя не кто иной, как сам А. С. Суворин, провозглашал: «Я пристал бы к единственной партии, национально-демократической, которой нет, но которая могла бы проповедовать все свободы и экономическое устройство народа» (Суворин 2017: 263).

В обстановке столь сильной конкуренции на поле сочетания русских национальных чувств с крестьянским радикализмом либо с мелкобуржуазным патриотизмом национал-демократы не смогли потеснить более тяжеловесных конкурентов. Вершиной их достижений

в Галиции стали успехи на выборах 1911 г., а в Российской империи — издание «Дыма Отечества» и неоконченный процесс создания Имперской народной партии накануне Первой мировой войны.

Это, безусловно, не означает, что вопрос о месте, роли, социальной базе и причинах неудач русских «национал-демократов» начала XX в. можно считать решенным. Его на сегодняшний день можно считать лишь профессионально поставленным. К примеру, остается неясным, использовало ли «народно-монархическое» движение И. Л. Солоневича в русской эмиграции после Второй мировой войны наработки более ранних национал-демократов (в особенности Т. В. Локотя) или же пришло к аналогичным лозунгам и программам самостоятельно. Возможно, сейчас, на новом этапе вовлеченности широких масс в политическую жизнь, опыт «нарождающейся русской национал-демократии» начала XX в. окажется востребованным — разумеется, в случае четкого различия ее от тех групп с совершенно иной идеологией, которые ныне используют то же самое название.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Киреев 1912 — *Киреев А. А.* Сочинения в 2 т. Т. 2. СПб.: издание А. С. Суворина, 1912.

Суворин 2017 — *Суворин А. С.* Маленькие письма <Фрагменты> // Национализм: pro et contra, антология. СПб.: РХГА, 2017. С. 259–264.

Филиппов 1931 — Письмо А. Ф. Филиппова к В. Н. Фигнер 28 февраля 1931 г. // РГАЛИ. Ф. 1185. Д. 797.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Болдин 2018 — *Болдин В. А.* Панславистские политические концепции: генезис и эволюция. М.: Аквилон, 2018.

Иванов 2016 — *Иванов А. А.* Вызов национализма: Лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016.

Иванов 2018 — *Иванов А. А.* «Дело чести»: депутаты Государственной Думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб.: Владимир Даль, 2018.

Котов 2016 — *Котов А. Э.* «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2016.

Медоваров 2014 — *Медоваров М. В.* Finis Rossia: революция 1905–1907 гг. и ее последствия глазами консерваторов (на примере А. А. Киреева и Л. А. Тихомирова) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1. С. 308–314.

Чемакин 2016 — *Чемакин А. А.* Имперская народная партия и независимая группа IV Государственной Думы: русские национал-демократы в 1913–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2016.

THE RETURN OF A FORGOTTEN TREND IN RUSSIAN POLITICAL LIFE

Rev.: Chemakin A. A. Istoki russkoi natsional-demokratii: 1896–1914 gody. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2018. 651 p.; Chemakin A. A. Russkie natsional-demokraty v epokhu potriasienii: 1914 — nachalo 1920-kh godov. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2018. 606 p.

Medovarov Maxim V. — candidate of historical sciences, associate professor, Department of information technologies in the Humanity research, Nizhny Novgorod State N. I. Lobachevsky University (Nizhny Novgorod)

Key words: National Democracy, National Liberalism, Neoslavism, “Lado” collection, “New Russia” collection, “Dym Otechestva”, Dmitry Vergun, Mikhail Karaulov, Timofey Lokot’, Alexander Garyazin, Imperial People Party.

Abstract. The review is devoted to the two Anton Chemakin’s monographs about previously practically unexplored phenomenon of “national democratic” movements in Russia and beyond its borders at the end of the nineteenth — the first third of the twentieth centuries. An assessment of the source base of the study and its structure is given. A number of key problems and remaining unresolved questions of the history of Russian national democrats before and after 1917 are highlighted.

REFERENCES

Boldin V.A. *Panslavistskiye politicheskiye kontseptsii: genesis i evolyutsiya*. Moscow: Akvilon, 2018.

Chemakin A.A. *Imperskaya narodnaya partiya i nezavisimaya gruppa IV Gosudarstvennoy Dumy: russkiye natsional-demokraty v 1913–1917 gg.*: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow: MSU, 2016.

Ivanov A.A. *“Delo chesti”*: deputaty Gosudarstvennoy Dumy i duel’nyye skandaly (1906–1917). St. Petersburg: Vladimir Dal’, 2018.

Ivanov A.A. *Vyzov natsionalizma: Lozung “Rossiya dlya russkikh” v dorevolyutsionnoy obshchestvennoy mysli*. St. Petersburg: Vladimir Dal’, 2016.

Kotov A. E. *“Tsarskiy put”* Mikhaila Katkova: Ideologiya byurokraticheskogo natsionalizma v politicheskoy publitsistike 1860–1890-kh godov. St. Petersburg: Vladimir Dal’, 2016.

Medovarov M. V. *Finis Rossia: revolyutsiya 1905–1907 gg. i eye posledstviya glazami konservatorov* (na primere A.A. Kireyeva i L.A. Tikhomirova). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2014, no. 1, pp. 308–314.

А. Ю. Фомин

Рец.: Генерал Куропаткин — государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения. Коллективная монография / под ред. В. П. Сальникова. СПб.: Фонд университет, 2018. 369 с.: ил.

Ключевые слова: Куропаткин, Русско-японская война, военное министерство, Среднеазиатское восстание 1916 г., «желтая опасность».

Аннотация. Рецензируемая монография представляет собой сборник биографических очерков об известном российском военном деятеле рубежа XIX–XX вв. генерале А. Н. Куропаткине. Авторы претендуют на новую интерпретацию роли Куропаткина в истории. Своей главной целью они считают изменение устоявшегося негативного образа генерала как одного из виновников поражения России в войне с Японией. Их подход основывается на пересмотре традиционных оценок деятельности Куропаткина и изучении малоизвестных страниц его биографии.

DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-270-278

Авторы монографии задались целью скорректировать устоявшиеся односторонние представления о генерале А. Н. Куропаткине. Действительно, ни одна историческая фигура не заслуживает поверхностного и упрощенного восприятия. Историкам известны прекрасная образованность генерала, его любовь к литературному труду, интерес к востоковедению, военной географии и самым различным областям военного дела при выдающейся работоспособности.¹

В первой главе Р. Ю. Почекаев представил Куропаткина в качестве вдумчивого колониального администратора и исследователя Средней Азии. Далее Н. Ю. Николаев продемонстрировал, как из записки Куропаткина по поводу заключения двусто-

ронней русско-австрийской конвенции о взаимном отказе от принятия на вооружение скорострельной артиллерии родилась идея созыва Гаагской мирной конференции (гл. 2). Как известно, конференция не оправдала ожиданий. Однако остается вопрос и о реализуемости предложенного Куропаткиным соглашения. Могли ли Россия и Австро-Венгрия позволить себе на десять лет (на такой срок предполагалось заключить конвенцию) отстать от Германии и Франции? Думается, что проект Куропаткина имел столь же мало шансов на успех, как и идея всеобщего ограничения вооружений. Позиция Министерства иностранных дел все же кажется более взвешенной: если уж ставить вопрос об ограничении вооружений, то договариваться должны были все великие военные державы.

В третьей главе рассматриваются геополитические взгляды Куро-

© А. Ю. Фомин, 2019

Фомин Антон Юрьевич — аспирант Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург); a.fomin1511@gmail.com

паткина, формировавшиеся под сильным воздействием популярного в то время идеологического конструкта «желтой опасности». И. В. Белоконь стремится вписать представления Куропаткин в интеллектуальный контекст его времени. Однако создается впечатление, что и сама автор испытала влияние основанных на идее борьбы народов и рас построений Куропаткина. Представляется довольно сомнительным ее утверждение о какой-то особенной актуальности для наших дней геополитических теорий человека эпохи колониализма (с. 86).

С. В. Моисеев описал миссию Куропаткина в Синьцзян (гл. 4). Результатом поездки стало не только заключение выгодного для России соглашения с местным правителем Якуб-беком, но и составленное Куропаткиным описание региона, удостоившееся золотой медали Императорского Русского географического общества. О. А. Гоков изучил взгляды Куропаткина на задачи России в Персии, сформировавшиеся в результате двух поездок генерала в эту страну в 1895 и 1897 гг. (гл. 5).

О. А. Белозерова взялась за наиболее трудную задачу. Она попыталась восстановить навеки испорченную Русско-японской войной полководческую репутацию Куропаткина (гл. 6, 9, 10). Однако предъявляемые Куропаткину обвинения фактически не рассматриваются по существу. Негативные оценки деятельности Куропаткина во главе армии О. А. Белозерова объясняет тенденциозностью советской историографии, прямолинейным желанием сделать командующего «козлом

отпущения» и личной неприязнью к генералу многих современников (с. 127–132, 153–159).

В защиту Куропаткина можно было привести и более сильный аргумент. По словам генерала графа Ф. Э. Келлера, русская армия уступала японцам лишь в одном, но весьма существенном компоненте — «умении действовать» (*Деникин* 2015: 153). Обремененная массой проблем и ориентировавшаяся на опыт прошлых кампаний, русская армия оказалась совершенно не готова к войне начала XX в. В особенности это касалось высшего командного состава. С немалой долей уверенности можно утверждать, что среди тогдашних высших чинов военной иерархии не нашлось бы главнокомандующего, способного добиться решительной победы над японской армией без подавляющего превосходства в силах. Чрезвычайно низкий уровень того, что А. А. Свечин впоследствии назовет «оперативным искусством», сыграл решающую роль в судьбе кампании на Дальнем Востоке. Даже гениальность командующего едва ли бы явилась гарантией успеха при отсутствии нормальной организации штабов и управлений всех уровней, стремлении командного состава к перекалыванию ответственности и пронизывавшем армию сверху донизу страхе перед проявлением инициативы. К сожалению, О. А. Белозерова предпочитает не углубляться в военную проблематику. Хотя о системных проблемах, а не только о пагубном вмешательстве заместника Е. И. Алексеева, на которое она обратила внимание, довольно подробно (и во многом

верно) писал и сам Куропаткин в последнем томе своего «Отчета» (Куропаткин 2003: 200–493).

Сказанное выше, конечно, не отмечает личного «вклада» Куропаткина в печальный для России исход дальневосточной кампании. Как командующий он, безусловно, оказался далеко не на высоте положения. С самого начала отдав инициативу, Куропаткин раз за разом попадался на однотипные, несложные обходные маневры японцев, действуя почти в точности так, как этого хотелось противнику. Его лихорадочные попытки исправить положение вмешательством поверх командующих армиями приводили к обратному результату, нарушая нормальную структуру управления войсками. Проявившаяся в ходе крупнейших столкновений «отрядомания» Куропаткина порождала невероятный хаос на всех уровнях подчинения, способствуя превращению войск в дезорганизованную массу. Наконец, Куропаткин не сумел спланировать и подготовить отход своих сил с позиций под Мукденом, что привело к паническому, неуправляемому бегству по Мандаринской дороге, непоправимо пошатнувшему мораль доселе стойко сражавшейся армии. Под Мукденом японцам не удалось устроить полноценный Седан со взятием в «мешок» главных сил русской армии, но это никак не являлось заслугой ее командующего, утратившего связь с войсками после начала отступления. Полного разгрома не последовало лишь благодаря высоким (прежде всего, на уровне низших тактических соединений) боевым качествам частей русской армии, нанес-

ших противнику слишком тяжелый урон для организации активного преследования.

Куропаткин демонстрировал пренебрежение к правильной организации штабной работы, стремился распоряжаться единолично, по собственному разумению, почти никогда не имея полной и надежной информации о происходящем. Нередко Куропаткин лично выезжал на позиции с многочисленной свитой, пытаясь «на глаз» оценить обстановку (Steinberg 2010: 137–138). Попытка главнокомандующего воодушевить войска, лично поведя их в атаку под Ляояном, в полном соответствии с каноном поведения полководца наполеоновских времен (Геруа 1969: 164), являлась абсолютной нелепостью в условиях войны индустриальной эпохи. Все это, вопреки репутации передового деятеля, выдавало в Куропаткине военачальника старой школы, способного успешно командовать небольшими отрядами в Туркестане, но не управлять массовыми армиями на обширном театре военных действий. В целом о полководческом искусстве Куропаткина как нельзя лучше говорит следующий факт: достигнув летом 1904 г. долгожданного превосходства в силе, он так и не сумел им воспользоваться, проиграв все существенные столкновения.

В вопросе о Портсмутском мире О. А. Белозерова снова некритически отождествляется с позицией своего героя (гл. 10). Способность страны успешно продолжать боевые действия на удаленном театре, после тяжелых поражений, проде-

монстрировавших ограниченность ее военного потенциала, да еще и в условиях разгоравшейся революции — вопрос весьма спорный. Но даже если отстраниться от этого, то представляется очевидным, что Куропаткину и его сменщику Н. П. Линевицу, на протяжении полутора лет сплошь терпевшим неудачи, было попросту выгодно заявлять о том, что «преждевременный» и «позорный» Портсмутский договор отнял у них победу. В этом состояла наиболее естественная стратегия защиты. Представить, что, перейди русская армия в наступление с Сыпингайских высот, вся дальнейшая истории России и мира сложилась бы по-другому, очень заманчиво, но едва ли такая возможность существовала в действительности.

Летом 1905 г. Линевиц и Куропаткин, имея материальное и численное превосходство над японцами, о котором так много будет сказано впоследствии, не решались переходить в наступление, несмотря на то, что их побуждали к этому Петербург и отправлявшийся на переговоры в Портсмут С. Ю. Витте (*Айранетов* 2014: 335). Пассивность генералов, на словах проявлявших столько решимости, объяснялась моральным разложением армии после Мукденской катастрофы и нарастанием революционного брожения в тылу, грозившим прервать коммуникации с базой снабжения в европейской России. В действительности они помышляли лишь о контрударе в случае успешного отражения атаки на свои укрепленные позиции (*Айранетов* 2004: 468–469). Однако японцы, трезво оценивая свои воз-

можности, отнюдь не собирались подыгрывать противнику — странно было бы ожидать от них такого «подарка». Ссылки скомпрометированных генералов, пытавшихся «отмыть» свою репутацию, на превосходное состояние русской армии и полное истощение японцев несостоятельны. Мукден, Цусима и разгоравшаяся революция ставили крест на перспективах успешного продолжения войны.

Развивая мысль о том, что «преждевременный» мир не дал русской армии довести войну до победного конца, О. А. Белозерова ссылается на мнение генерал-майора Н. А. Ухача-Огоровича, считавшего, что в поражении виноват не главнокомандующий, а «часть общества», требовавшая мира. Свидетельства этого тылового деятеля едва ли можно считать авторитетными. Ухач-Огорович являлся начальником центрального разведывательного отделения при штабе главнокомандующего Маньчжурской армией. Помимо разведки, он руководил еще и управлением транспорта Маньчжурской армии. По этой должности Ухач-Огорович отвечал за закупки лошадей и фуража у местного населения. Сделав своими ближайшими сотрудниками бывших сахалинских каторжников и профессиональных уголовников Якова Персица и Мераба Иоселиани, Ухач-Огорович занимался инсценировками ограблений обозов хунхузами, по несколько раз покупая для армии одни и те же телеги с продовольствием. При помощи ветеринара Веревкина Ухач-Огорович организовал успешное освидетельствование заведомо негодных

лошадей, приобретаемых по цене отборных рысаков (*Тонкий* 2011: 589–590). В 1912 г. он был, хоть и с семилетним опозданием, осужден за хищения. Следствие установило, что Ухачом-Огоровичем был присвоен по меньшей мере 1 миллион 125 тысяч рублей казенных денег, а по-видимому, много больше (Там же: 590). Ухач-Огорович поистине являлся одним из наиболее одиозных персонажей Русско-японской войны. Помимо прочего, этот деятель (вероятно, потому, что был слишком занят казнокрадством) из рук вон плохо справлялся со своими обязанностями по разведывательной части. Как известно, русская армия испытывала колоссальный дефицит разведанных, воюя практически вслепую (*Steinberg* 2010: 114–115). При этом Ухач-Огорович взял на себя труд защищать главнокомандующего Куропаткина, не обратившего должного внимания на его преступную деятельность, от критики барона Теттау. Этим в высшей степени сомнительным сочинением и воспользовалась О. А. Белозерова (с. 242–244).

После войны Куропаткин категорически не желал расставаться с шансами когда-нибудь вновь подняться на вершину. Именно необходимостью оправдаться была вызвана его бурная писательская активность. В своем стремлении во чтобы то ни стало вернуть утраченное положение в высших сферах он был не так уж далек от другого сановника, столь критикуемого О. А. Белозеровой, — Витте.

Карьера Куропаткина возобновилась благодаря Первой мировой

войне. В качестве главнокомандующего армиями Северного фронта он остался верен своему нежеланию рисковать, переходя к активным действиям. Летом 1916 г. Куропаткин, следуя своей печально знаменитой выжидательной тактике, постоянно оттягивал наступление, вопреки принятому плану кампании и необходимости поддержать успехи Юго-Западного фронта генерала Брусилова. И это несмотря на то, что он имел пятикратное (!) превосходство над противником на своем участке (*Айрапетов* 2015: 125, 144).

Последним местом службы Куропаткина при старом режиме стала хорошо знакомая ему Средняя Азия. Он был назначен генерал-губернатором Туркестана и командующим войсками Туркестанского военного округа, когда в разгаре находилось восстание мусульманского населения, вызванное реквизициями имущества и мобилизацией местных жителей на фронт в качестве подсобных рабочих. В результате восстания погибло и пропало без вести порядка трех тысяч русских переселенцев (*Буттино* 2007: 79). Тогда как его жестокое подавление, под руководством Куропаткина, унесло жизни, по разным оценкам, от 150 до 270 тысяч мусульман, привело к зачистке от кочевников-киргизов целых районов Семиречья и надолго дестабилизировало обстановку в регионе, ставшем одной из наиболее напряженных точек Гражданской войны (Там же: 80–90). По мнению исследователя Среднеазиатского восстания, этот опытный колониальный администратор, гордившийся своими знаниями о регионе и его населении, сознательно

организовал нечто вроде этнической войны русских войск и переселенцев против коренных жителей (Там же: 71).

Все эти сюжеты не нашли отражения в книге. Остался в ней не представлен и Куропаткин-царедворец, наравне с другими сановниками участвовавший в интригах и борьбе за власть. Будучи министром, Куропаткин старался всячески угодить государю и великим князьям, участвовал в различных комбинациях в борьбе за влияние на дальневосточные дела, одно время даже пытаясь, хотя и безуспешно, использовать в своих целях А. М. Безобразова (Лукоянов 2008: 462). Стремясь произвести впечатление на двор и публику, он тщательно срежиссировал собственный показательный триумф на маневрах 1902 г. Наконец, Куропаткин любил жить на широкую ногу, часто находился в разъездах, получая «прогонные» деньги, а отправляясь в действующую армию, потребовал себе огромное содержание, сильно превышающее министерский оклад (*Редигер* 1999: 382).

Неизменное желание Куропаткина лично вникать во множество самых незначительных вопросов, нарушая сферу компетенции подчиненных, негативно сказалось и на его административной деятельности. Мелочное вмешательство министра только осложняло и дезорганизовывало работу главных управлений военного ведомства. При этом шестилетнее пребывание Куропаткина на министерском посту, вопреки ожиданиям, не было отмечено крупными преобразованиями

и нововведениями. По общему мнению, русская армия подошла к войне на Дальнем Востоке с негодным составом высших начальников. Существенная доля ответственности за это ложится на Куропаткина, продолжившего неудачную кадровую политику своего предшественника П. С. Ванновского. Упрекали Куропаткина и в излишней уступчивости Министерству финансов и Госконтролю по вопросу о смете военного ведомства (Там же: 384–386).

Следует отметить, что в книге деятельность Куропаткина во главе Военного министерства освещена крайне односторонне — только по отношению к Дальнему Востоку. Хотя читатель был вправе претендовать на большее, поскольку монография преподносится как комплексное исследование малоизученных страниц биографии генерала. Его роль в дальневосточных делах как раз не обделена вниманием исследователей.

О. Н. Белозерова превозносит позицию Куропаткина по дальневосточным вопросам как наиболее разумную и последовательную, противопоставляя своего героя остальным руководителям российской политики в регионе (гл. 7–8). С этим можно согласиться в отношении нежелания генерала ввязываться в большую войну на отдаленной окраине и отвлекать ограниченные ресурсы с западных рубежей. Однако О. Н. Белозерова не замечает, что стремление Куропаткина к «спрямлению» границы за счет аннексии Северной Маньчжурии находилось в полном противоречии с этой линией. Подобный шаг мог

способствовать только обострению напряженности, международной изоляции и перерастанию противоречий с конкурентами в вооруженный конфликт, но никак не укрепить позиции России в регионе, как на это надеялся военный министр. Ведь присоединение Северной Маньчжурии позволило бы лишь решить вопрос защиты КВЖД ценной серьезного осложнения отношений с Англией, США, Японией и Китаем (Лукоянов 2008: 530).

О.А. Белозерова много говорит о прошлых боевых подвигах своего героя. Однако то, что Куропаткин — храбрый офицер (а таких было немало), еще не делает из него великого полководца и государственного деятеля. Не следует ставить в особую заслугу Куропаткину и «добровольный отказ» от должности министра (с. 142). Во-первых, он покидал министерское кресло, находясь в высшей степени почетном статусе командующего (как поначалу считали) обреченной на победу армией. А во-вторых, смена военного министра была к тому моменту делом уже давно решенным. Куропаткин утратил былое доверие императора и начинал тяготиться своим положением. Назначение в действующую армию давало честолюбивому генералу редкий шанс войти в историю, покрыв себя лаврами полководца-триумфатора. Войну Куропаткин собирался закончить ни много ни мало высадкой на Японских островах и пленением микадо (Меннинг 2004: 31).

Завершающий очерк о последних годах жизни Куропаткина, проведенных в имении Шешурино (гл.

11), на мой взгляд, является одним из наиболее удачных разделов книги. По крупицам собирая информацию, Ю.Г. Попов дал обстоятельную зарисовку действительно малоизвестных страниц биографии генерала. Вместо влиятельного сановника перед читателем предстает помещик, взявшийся за обустройство уездной жизни с той же недюжинной энергией, которую он проявлял в делах государственных. Интересна и судьба Куропаткина при новой власти. Бывший свитский генерал и министр с искренним усердием ушел в «малые дела», трудясь в качестве библиотекаря и консультанта краеведческого музея, не оставляя при этом и свою излюбленную литературную работу.

К сожалению, приходится отметить, что текст монографии не слишком хорошо отредактирован. В некоторых разделах в небольшом количестве встречаются опечатки, а также стилистические и фактические ошибки. Еще более досадной чертой являются повторы. Многие тезисы повторяются по нескольку раз в слегка измененных формулировках. В некоторых случаях одни те же цитаты приводятся в тексте по 2–3 раза. В восьмой главе на страницах со 183 по 192 полностью дублируется содержание предыдущей.

Подводя итог, следует сказать, что в своем стремлении реабилитировать Куропаткина авторы монографии зашли слишком далеко. Попытку создать образ великого полководца и государственного деятеля едва ли можно назвать убедительной. Факты говорят о том, что

Куропаткин был яркой, разносторонней личностью, плодовитым писателем и претендовал на роль интеллектуала своей эпохи, но не стал великой исторической фигурой. Авторы делают акцент на патриотизме Куропаткина, его преданности интересам родины. Безусловно, он был патриотом. Но разве это такая редкая и исключительная черта для военного того времени, что ее необходимо постоянно проговаривать и ставить в заслугу? Большим патриотом позиционировал себя и Ухач-Огорович.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Айрапетов 2004 — *Айрапетов О. Р.* На сопках Маньчжурии...: Политика, стратегия и тактика России // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. М., 2004.

Айрапетов 2014 — *Айрапетов О. Р.* На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014.

Айрапетов 2015 — *Айрапетов О. Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 3. 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015.

Буттино 2007 — *Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007.

Геруа 1969 — *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. 1. Париж, 1969.

Деникин 2014 — *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М.; Берлин, 2015.

Куропаткин 2003 — *Куропаткин А. Н.* Русско-японская война 1904–1905. Итоги войны. СПб., 2003.

Лукоянов 2008 — *Лукоянов И. В.* «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX в. СПб., 2008.

Меннинг 2004 — *Менниг Б.* Ни Мольтке, ни Мэхэн: стратегия в Русско-японской войне // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие. М., 2004.

Редигер 1999 — *Редигер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999.

Тонкий 2011 — *Тонкий Н. В.* Особенности преступлений в тыловом обеспечении русской армии в войне с Японией // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 23.

Steinberg 2010 — *Steinberg J.* All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914. Baltimore, 2010.

Rev.: General Kuropatkin — gosudarstvennyi i voennyi deiatel' Rossiiskoi imperii. K 170-letiiu so dnia rozhdeniia. Kollektivnaia monografiia, pod red. V. P. Sa'lnikova. St. Petersburg: Fond universitet, 2018. 369 p.: il.

Fomin Anton Yu. — post-graduate student of the St. Petersburg Institute of history RAS (St. Petersburg)

Key words: Kuropatkin, Russo-Japanese war, ministry of war, Central Asian revolt of 1916, yellow peril.

Abstract. The study under review consists of several biographical essays about notorious Russian military leader of the late XIXth – early XXth century, general A. N. Kuropatkin. The authors try to provide new interpretation of Ku-

ropatkin's historical role. Their main goal is to eliminate conventional negative image of Kuropatkin as a person responsible for the Russia's defeat in a war against Japan. Their approach based on the revision of traditional judgements about Kuropatkin and close study of the relatively little-known aspects of his biography.

REFERENCES

- Airapetov O.R. *Na puti k krakhu. Russko-iaponskaia voina 1904–1905 gg. Voенно-politiсheskaia istoriia*. Moscow, 2014.
- Airapetov O.R. *Na sopkakh Man'chzhurii...: Politika, strategiia i taktika Rossii. Russko-iaponskaia voina 1904–1905. Vzgliad cherez stoletie*. Moscow, 2004.
- Airapetov O.R. *Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917)*, vol. 3. 1916 god. Sverkhnapriazhenie. Moscow, 2015.
- Buttino M. *Revoliutsiia naoborot. Sredniaia Aziia mezhdru padeniem tsarskoi imperii i obrazovaniem SSSR*. Moscow, 2007.
- Denikin A.I. *Put' russkogo ofitsera*. Moscow; Berlin, 2015.
- Gerua B.V. *Vospominaniia o moei zhizni*, vol. 1. Parizh, 1969.
- Kuropatkin A.N. *Russko-iaponskaia voina 1904–1905. Itogi voiny*. St. Petersburg, 2003.
- Lukoianov I.V. *"Ne otstat' ot derzhav...". Rossiia na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX v.* St. Petersburg, 2008.
- Mennig B. *Ni Mol'tke, ni Mekhen: strategiia v Russko-iaponskoi voine. Russko-iaponskaia voina 1904–1905. Vzgliad cherez stoletie*. Moscow, 2004.
- Rediger A.F. *Istoriia moei zhizni. Vospominaniia voennogo ministra*, vol. 1. Moscow, 1999.
- Steinberg J. *All the Tsar's Men: Russia's General Staff and the Fate of the Empire, 1898–1914*. Baltimore, 2010.
- Tonkii N.V. *Osobennosti prestuplenii v tylovom obespechenii russkoi armii v voine s Iaponiei. Izvestiia Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo*, 2011, no. 23.

В. В. Тихонов

ВИТРИНЫ СВЕРХДЕРЖАВЫ

Рец.: Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989: Коллективная монография / науч. ред., рук. авт. коллектива О. С. Нагорная. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 446 с.

Ключевые слова: культурная дипломатия, холодная война, советская история.

Аннотация. В рецензии разбирается коллективная монография «Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны. 1945–1989». Делается вывод, что это первый обобщающий труд по советской культурной дипломатии послевоенного времени, демонстрирующий основные механизмы и направления ее работы.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-279-286

Часто Советский Союз метафорично называют «страной витрин». Будучи идеологической державой, позиционирующей себя как форпост человечества в его рывке в коммунизм, СССР стремился показать себя миру с лучшей стороны и привлечь симпатии всего человечества. Быть самой развитой, передовой, демократичной и справедливой страной в мире получалось далеко не всегда (чаще, наверное, не получалось), но очень хотелось. Поэтому реалии советского государства приукрашивались, их стре-

мались показать как в соцреалистическом произведении: не так, как есть, а так, как должно быть. Для этого в распоряжении СССР был целый ряд «инструментов» культурно-идеологического воздействия: от прямой пропаганды до различных форм «мягкой силы», в том числе и культурной дипломатии, анализу которой и посвящена рецензируемая коллективная монография.

Новая коллективная монография, подготовленная авторским коллективом в составе О. С. Нагорной (руководитель проекта), О. Ю. Никоновой, А. Д. Попова, Т. В. Раева и Н. А. Трегубова, показывает основные тенденции и формы советской культурной дипломатии начи-

© В. В. Тихонов, 2019

Тихонов Виталий Витальевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва); tihonovvitaliy@list.ru

ная с конца Второй мировой войны и до кризиса СССР в конце 1980-х гг. Сразу нужно подчеркнуть, что перед нами первое обобщающее издание по истории советской культурной дипломатии послевоенного времени.

Композиционно книга состоит из 6 глав, посвященных ключевым проблемам советской культурной дипломатии. В свою очередь главы распадаются на специальные параграфы. Первая глава раскрывает теоретико-методологический инструментарий авторского коллектива. Демонстрируется генезис понятий «культурная дипломатия» и «мягкая сила», развитие теоретических построений в области кросс-культурной коммуникации и их эвристический потенциал применительно к советской истории. Подчеркивается тесная связь эволюции теоретических моделей с практикой международных отношений времен холодной войны. Вторая глава («Не МИДом единым: организационные основы советской культурной дипломатии в послевоенный период») наглядно показывает, что СССР обладал достаточно разветвленной сетью институций, ответственных за производство культурных продуктов на экспорт, а также за контроль над их содержанием. Центральное место в системе занимали Государственный комитет по культурным связям с зарубежными странами при Совете министров СССР (существовал в 1957–1967 гг.) и Министерство иностранных дел СССР. В монографии демонстрируется (правда, без развернутого анализа), что между различными ведомствами существовала конку-

ренция и возникали конфликтные ситуации. Наконец, помимо ведущих органов существовали организации-исполнители. Наиболее значимым из них являлось Всесоюзное общество культурных связей с заграницей, преобразованное в 1958 г. в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Заметную роль играли и структуры, напрямую связанные с АН СССР и отвечающие за «научную дипломатию». Анализируя развитие указанных организаций, авторы приходят к выводу, что им были свойственны экстенсивное развитие (акцент на вовлечение все большего числа новых членов, а не модернизация методов культурной пропаганды) и прогрессирующая формализация в практической работе. Наконец, Советский Союз мог опереться за рубежом на коммунистическое и социалистическое движение или симпатизирующих левым идеям, а также просто сторонников разрядки или антиамериканистов. Первые две главы в значительной мере имеют вводный характер и знакомят читателя с теоретическим инструментарием и институциональной структурой объекта исследования.

Глава 3 («Репрезентация СССР в пространствах межкультурной коммуникации эпохи Холодной войны») охватывает очень широкий круг явлений и событий. Открывает главу исследование участия СССР в международных выставках. Советское руководство всегда с повышенным вниманием относилось к таким выставкам как площадкам для презентации достижений страны победившего социа-

лизма и проявляло очень высокую активность на них. При этом учитывались место проведения (капиталистическая или социалистическая страна), целевая аудитория и т.д. В то же время советская стратегия презентации оставалась типичной для индустриального общества, когда международные выставки становились ареной соревнования национальных государств и империй, а павильоны состязались в показе масштабных проектов. В послевоенное время такие мероприятия все более коммерциализировались и денационализировались, превращаясь в коммерческие шоу-площадки. Советское руководство эту тенденцию не уловило, да и вряд ли могло уловить, оставаясь в мире понятий индустриальной эпохи первой половины XX в.

В интересном тексте иногда режет глаз не всегда удачная терминология. Так, утверждается, что «отличие выставочных концепций развитого социализма явился архаический поворот — наряду с образцами гигантов советского строительства и промышленности явной становится эксплуатация образов народного творчества, псевдонациональных и этнических брендов» (с. 93). Наверное, применять понятие «архаический поворот» не стоит не только из-за явных негативных коннотаций, но и по той простой причине, что «этническое брендинг» — распространенная стратегия продвижения продукта, являющаяся чертой как раз эпохи модерна.

Научному сотрудничеству как форме культурной дипломатии посвя-

щен следующий параграф. Здесь акцент сделан на научное сотрудничество с социалистическим блоком и странами третьего мира. Авторам удалось удачно вписать научное сотрудничество в контекст деколонизации и постколониального развития мира во второй половине XX в., когда научно-техническая помощь СССР воспринималась многими как возможность вырваться из пут колониальной зависимости от бывших метрополий. Безусловный интерес представляет анализ восприятия советских реалий иностранными студентами (в книге речь идет почти только о представителях стран социалистического блока и третьего мира), которые сталкивались с несоответствием витринного образа СССР и повседневной реальности. Но оптимизм молодости позволял преодолеть элементы когнитивного диссонанса, и, видимо, у абсолютного большинства оставались преимущественно положительные впечатления от учебы в СССР. К сожалению, в книге не освещается тема обучения студентов из западных стран, их восприятие советского социализма.

В тени оказалось и научное сотрудничество с экономически и научно развитыми странами. Между тем наука являлась одним из козырей Советского Союза в противостоянии с Западом. Неслучайно именно успехи СССР в космосе привлекли к нему повышенное внимание в мире. В Архиве РАН отложился внушительный комплекс документов, освещающих участие советских научных учреждений и ученых в международных форумах и выставках. Стенограммы Президиума АН

СССР наглядно показывают и заинтересованное участие самих ученых в демонстрации достижений советской науки и научном соревновании двух систем. Одновременно, можно обнаружить многочисленные признания в отставании советской науки в техническом отношении (Архив российской академии наук. Ф. 1. (Президиум АН СССР)).

Такие грандиозные события, как Всемирные фестивали молодежи и студентов, проходившие в СССР в 1957 и 1985 гг., а также Олимпиада-80 рассматриваются через призму концепта «мегасобытие», под которым понимается событие, в котором принимают участие как «глобальные участники», так и «глобальные зрители».

Известно, что фестиваль 1957 г. стал одним из символов оттепели, когда советское общество «приоткрылось» миру. Но аналогичный фестиваль, проходивший в Советском Союзе и в 1985 г., оставил гораздо меньший след в историко-культурной памяти соотечественников. В книге подробно описываются сценарии фестивалей, их идейное наполнение и техническое исполнение. Сравнение идейного содержания и эмоционального эффекта от двух мегасобытий позволило сделать вывод, что «идеологический оптимизм» скорой победы коммунизма в мире почти сошел на нет, и фестиваль 1985 г. стал «лебединой песней» советской культурной дипломатии.

Спорт являлся важным элементом пропаганды достижений социализма, а доминирование на послево-

енных Олимпиадах спортсменов из социалистических стран (особенно СССР и ГДР) должно было показывать преимущества не только их спортивной системы, но и социалистического строя в целом. В рецензируемой монографии акцент сделан на организационной и символической стороне московской Олимпиады. По замыслу, она должна была стать витриной не только спорта, но и всей страны, поэтому концепцией ее проведения стала «витрина достижений». В оценке мероприятия авторы уходят от дихотомии «успех – провал» и приходят к выводу, что если с организационной точки зрения все было на очень высоком уровне, то международный бойкот Олимпиады нанес серьезный урон имиджу Советского Союза. Тем более что главной задачей Олимпиады и было улучшение имиджа СССР, но сценарий триумфа дал сбой. Подчеркивается, что помимо чисто пропагандистских и спортивных аспектов перечисленные «мегасобытия» оказали и существенный эффект на развитие советского сервиса, вынужденного подтягиваться к стандартам развитых капиталистических стран.

Большой интерес представляет параграф, посвященный использованию в советской культурной дипломатии исторической памяти. Здесь можно найти интересные факты об инструментализации образов Великой Октябрьской социалистической революции и Великой Отечественной войны. Правда, коммеморативные практики опять освещаются только в контексте стран соцблока, ставшего главным

объектом «экспорта» советской концепции исторической памяти, а западные государства в основном оказываются за рамками повествования.

Глава 4, носящая название «Миротворчество “по-советски”: дискурсы, практики, ритуалы», показывает противоречия советской миротворческой культурной политики. С одной стороны, СССР стремился к снятию напряженности в мире (особенно в 1970-е гг.) для снижения расходов на оборону и предотвращения войны, аналогичной (или хуже) Второй мировой, а с другой — практиковал жесткие внешнеполитические меры (например, подавление восстания в Венгрии, вторжение в Чехословакию и Афганистан и т.д.), которые приводили к очередному витку напряженности. Кроме того, в послевоенное время миротворчество по-советски уже предполагало не победу социализма во всем мире, а сохранение статус-кво и формирование позитивного имиджа СССР как миротворца. Центральное место в советском миротворческом движении занимали Советский комитет защиты мира и Советский фонд мира.

В издании хорошо показано, как движение сторонников мира в СССР все больше бюрократизировалось, «истощался» его творческий и собственно миротворческий потенциал. Уже в годы перестройки было ясно, что крупнейшие советские миротворческие организации не способны адекватно, а главное, самостоятельно и неформально ответить на актуальные вызовы. Интересно, что в советской миротворческой

практике заметную роль играла «народная дипломатия», т.е. простые люди, задачей которых было разрушение барьеров и налаживание контактов с такими же простыми людьми по ту сторону политических границ. Авторы рассматривают это явление через призму концепции «техники субъективации», что позволяет проанализировать причины вовлечения простых советских людей в миротворческое движение и их восприятие его практик. Впрочем, ответ на вопрос об искренности участия советских граждан авторы оставляют открытым.

По замыслу советского руководства, важную роль в миротворческой политике СССР должны были играть премии мира (сначала Сталинские, затем Ленинские). Приведенные в книге факты хорошо показывают, что премия превратилась в форму символического и материального поощрения лояльных СССР интеллектуалов, деятелей искусств и политиков за рубежом, а также советской высшей политической и культурной элиты. Не все видные иностранные участники борьбы за мир готовы были принять премию. Таким образом, эффект от нее оказался небольшим.

Отдельная глава посвящена международному туризму как форме культурной дипломатии. Описываются принципы работы главного учреждения по организации международного туризма — Интуриста, который выработал разнообразные, но довольно устойчивые «техники гостеприимства». Отдельный параграф посвящен деятельности и Бюро международного молодежного

туризма «Спутник», созданного уже в постсталинский период (1958). Квинтэссенцией советской концепции туристической культурной дипломатии являлась формула: увидеть — понять — полюбить СССР. Важную роль в этом играли гиды-переводчики, которых специально готовили к работе с иностранцами, нередко сталкивавшимися с неприглядными сторонами советской реальности или действиями, которые рассматривались как дискредитация советских ценностей. Например, в книге приводится пример, когда подростки меняли на Красной площади импортные вещи на советские значки и даже боевые награды (с. 297). Задачей гида было приемлемо объяснить такого рода явления и тем самым символически нейтрализовать их негативное влияние на имидж «Страны Советов».

Приведенный в книге материал разрушает до сих пор бытующий в средствах массовой информации стереотип об СССР как закрытой стране. Наоборот, была организована планомерная кампания по привлечению иностранцев к туристическим поездкам в Советский Союз. Авторы показывают, что советская сторона следила за впечатлениями иностранцев и их отзывами о стране, используя материалы их анализа в своей информационно-пропагандистской работе.

В свою очередь советские туристы также должны были играть важную роль в репрезентации страны на Западе. Советский выездной туризм представлен в монографии как сложный процесс отбора претендентов для поездки и их под-

готовки. Статистика социального статуса выезжающих, приведенная в издании, хорошо показывает, что в основном это были научные сотрудники, преподаватели вузов, инженерно-технические работники, деятели культуры (с. 318), т.е. те, кого условно можно назвать представителями советского «среднего класса». Таким образом, выезд за границу являлся важным элементом социальных привилегий.

В книге анализируется и поведение советских туристов в поездке. Описываются практики контроля. Интересным является анализ феномена дарообмена во время поездки в соцстраны, когда совместное дарение рассматривалось как форма социалистической солидарности. Наоборот, в капиталистических странах от подарков рекомендовалось отказаться. Делается вывод, что во время поездки советский турист часто оказывался не защитником социалистических ценностей, а был деморализован более высоким уровнем жизни в западных странах. Вообще, омассовление международного туризма, по мнению авторов, приводило к размыванию его идейно-политической направленности, а политическая мотивация все больше заслонялась консьюмеристскими практиками.

Шестая глава носит название «Полпреды без мандата: действующие лица и целевые группы советской культурной дипломатии». В главе дается попытка показать роль конкретных людей (агентов). Такой поворот позволяет дистанцироваться от модели описания советской культурной дипломатии как безликой пропа-

гандистской машины. Демонстрируется, что апробированная еще в 1920–1930-е гг. стратегия привлечения известных и авторитетных интеллектуалов (как иностранных, так и своих) в качестве пропагандистов советского строя активно применялась и после войны.

Безусловной удачей следует признать параграф, посвященный анализу деятельности К. Федина в качестве посланника мира. Основным источником очерка стали неопубликованные дневники писателя. Из них хорошо видно, что представительские функции предполагали серьезную трату времени, но и давали заметные бонусы в карьере. Кроме того, облаченные международной известностью послы культурной дипломатии могли позволить себе заметно больше, чем рядовые деятели культуры и науки.

Не очень органично (и очень лапидарно) выглядит здесь параграф, освещающий роль лауреатов Ленинской премии в культурной дипломатии. Думаю, что логичнее было перенести его в части, посвященной советским международным премиям как инструменту «мягкой силы».

Особыми посланниками мира стали дети. Главной территорией международной «детской культурной дипломатии» являлся всесоюзный пионерский лагерь «Артек». Также разбираются механизмы работы клубов интернациональной дружбы. В книге описывается история двух символов налаживания мостов через железный занавес — Саманты Смит и Кати Лычевой. По мнению авторов, феномен детской дипломатии

отражал запрос позднесоветского общества «на романтизацию и позитивное эмоциональное окрашивание процесса борьбы за мир» (с. 390).

Подводя итоги, следует признать, что авторам удалось уйти от традиционной модели презентации советской культурной дипломатии как безликой и однообразной (даже туповатой) пропагандистской машины и показать ее как сложную систему, состоящую из различных институций и субъектов. Кроме того, демонстрируется, что СССР был готов учитывать изменения в мире и адаптироваться к ним. Другое дело, что часто это не удавалось или удавалось только частично.

В книге хорошо показаны основные успехи и проблемы советской культурной дипломатии. К сожалению, не все они раскрыты в подробностях. Во многом это объясняется ограниченностью объема. Но насыщенный библиографический аппарат и множество ссылок на многочисленные архивы и опубликованные источники могут стать полноценным навигатором для желающих подробнее изучить тему. Да и сами авторы, по всей видимости, продолжают исследования этой чрезвычайно емкой и важной, но недостаточно изученной части «советского проекта». Иногда в книге встречаются недостатки редактуры (как пример: в одной ссылке название журнала «Ab Impregio» написано кириллицей «Аб империи»). Тем не менее, уверен, что издание займет свое почетное место в историографии и станет обязательным чтением для специалистов по истории послевоенного СССР.

SUPERPOWER SHOWCASES

Rev.: Sovetskaia kul'turnaia diplomatiia v usloviiakh Kholodnoi voiny. 1945–1989: Kollektivnaia monografiia, nauch. red., ruk. avt. kollektiva O. S. Nagornaia. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2018, 446 p.

Tikhonov Vitaly V. — doctor of historical sciences, leading research fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Key words: cultural diplomacy, Cold war, Soviet history.

Abstract. The review deals with the collective monograph “Soviet cultural diplomacy in the Cold war. 1945–1989”. It is concluded that this is the first generalizing work on Soviet cultural diplomacy of the postwar period, demonstrating the main mechanisms and directions of its work.

ДАЖЕ НЕ ОДНОФАМИЛЕЦ

Рец.: *Базанов П. Н.* «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова — СПб., Владимир Даль, 2018. — 511 с.

Ключевые слова: история исторической науки, история русской эмиграции, Н. П. Ульянов, периодическая печать русской эмиграции, методология историографического исследования.

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию петербургского историка П. Н. Базанова «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова». В рецензируемой монографии предпринята первая в отечественной науке попытка всестороннего систематического рассмотрения жизни и творчества известного публициста и историка Н. И. Ульянова (1904–1985). Автору монографии удалось собрать уникальный материал, позволяющий обстоятельно реконструировать жизненный путь своего героя. Однако анализ взглядов Н. И. Ульянова, представленный в рецензируемой монографии, вызывает определенные возражения.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-287-291

На фоне известных фигур историков-эмигрантов, таких как П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, Г. В. Вернадский, П. Г. Виноградов, М. И. Ростовцев, прочно вошедших в пантеон классиков русской исторической науки, историку, писателю и публицисту Николаю Ивановичу Ульянову (1904–1985) явно не повезло. Не то чтобы его имя было совсем не известным специалистам. Публикуются исследования, посвященные изучению отдельных аспектов его творчества и биографии,

републикуются (порой в самых неожиданных изданиях) отдельные его работы, но полной подробной биографии ученого, соединявшей бы рассмотрение всех сторон его жизни и научного наследия, до сих пор написано не было. Этот пробел и стремится восполнить своей монографией доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского института культуры Петр Николаевич Базанов. Монография стала своего рода итогом многолетних исследований автора по этой теме.

© А. В. Свешников, 2019
Свешников Антон Вадимович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск);
pucholik@rambler.ru

В полном соответствии с подзаголовком монография делится на две главы, посвященные соответственно «жизни» и «творчества». Исследование сопрово-

ждается подробнейшим стостраничным биобиблиографическим указателем, учитывающим как все публикации и републикации работ самого Н. И. Ульянова, так и литературу о нем (с. 407–509). Анализ последней, с несколько навязчивым подчеркиванием заслуг самого П. Н. Базанова, упоминаемым почему-то в третьем лице, предпринят во вводном разделе монографии.

В первой главе, которая так и называется «Биография Н. И. Ульянова», автор достаточно обстоятельно поэтапно реконструирует жизненный путь своего героя. А биография у Ульянова была — здесь автор абсолютно прав — увлекательнее и запутаннее сюжета иного приключенческого романа. Вращавшийся в 1920-е гг. в театральных кругах Северной столицы «последний ученик академика С. Ф. Платонова, преподаватель советских вузов, профессор, он прошел через незаконный арест, неожиданное освобождение из заключения, немецкий плен, побег, угон на принудительные работы в Германию, новый концлагерь, лагерь для “перемещенных” лиц, новое бегство от советских органов, каторжную работу на заводе в Марокко, пока, наконец, не возвратился к преподавательской и научной деятельности, но уже в Йельском университете» (с. 5). С позиций сегодняшнего дня можно говорить о том, что жизненные пути многих эмигрантов были весьма извилисты, но при этом важно помнить о том, что эти изгибы биографии были уникальны (у каждого свои), а во-вторых, что они не являются элементами выдуманного сюжета. Они проживались. Это реальные

человеческие невзгоды и беды, часто с полным отсутствием надежды на завтрашний день.

Конечно, не все этапы жизненного пути Н. И. Ульянова реконструированы в книге с одинаковой полнотой. Видимо, причина этого в источниковой базе, на основании которой строится исследование. Судя по тексту книги, П. Н. Базанов провел титаническую работу по поиску источников. Он использует материалы из различных российских и американских публичных архивов, частных коллекций, различных, в том числе и действительно уникальных эмигрантских изданий и многое другое, но, к сожалению, лакуны все равно остаются. Наиболее подробно удастся реконструировать последний, наиболее благополучный во всех смыслах, американский этап жизни историка (с. 190–239), самые большие лакуны связаны ранними годами жизни историка (с. 38–70), военным (с. 158–165) и марокканским (с. 182–189) периодами. Заполняет эти лакуны автор по-разному. Где-то он просто констатирует недостаток информации, где-то пытается пойти по пути гипотетической логической реконструкции, а где-то откровенно «льет воду». Так, значительная часть раздела о театральной юности Н. И. Ульянова представляет собой по сути справочную информацию о его учителях и «соучениках» (с. 54–68).

Но в целом следует констатировать, что первая глава монографии П. Н. Базанова — это добротная, не лишенная тенденциозности (автор явно симпатизирует своему

герою) самая подробная на сегодняшний день в историографии реконструкция биографии Н. И. Ульянова.

Вторая глава вызывает намного больше вопросов. Большая часть этой главы, которая достаточно громоздко называется «Основные направления творческой и научной деятельности Н. И. Ульянова», посвящена анализу его взглядов. Исключение здесь составляет первый раздел, в котором П. Н. Базанов «вписывает» своего персонажа в контекст издательской деятельности русской эмиграции в 1950–1970-х гг. Порой сама эта деятельность выходит на первый план. Так, издательство «Посев», опубликовавшее одну брошюру Ульянова, характеризуется в формате, очень напоминающем словарную статью, на трех страницах (с. 258–260). Но в целом этот раздел выполнен достаточно профессионально, автор действительно специалист в этом вопросе (см.: Базанов 2008). А вот последующие разделы этой главы посвящены анализу взглядов Н. И. Ульянова. Поскольку Н. И. Ульянов был историком, то на жаргоне современного профессионального исторического сообщества эти разделы могут быть обозначены как «историографические», в отличие от предыдущих «конкретно-исторических». По сути собственно историографический анализ в этих разделах сводится к тому, что автор выделяет основные темы, которым были посвящены исторические работы Ульянова различных жанров (философия истории, национальный вопрос и «феномен украинского сепаратизма», интеллигенция, куль-

тура), а затем, просто систематизируя, пересказывает взгляды, сопровождая своими (и не только своими¹) одобрительными ремарками. Причем эти ремарки часто выглядят не совсем уместными в научном исследовании чужеродными инкрустациями современного публицистического дискурса. Так, например, по мнению автора, «научные труды Н. И. Ульянова доводят “свидомитов” в прямом смысле до бешенства и плача, так как полностью опровергают несостоятельность и лживость их идеологии» (с. 341). Или «понять логику майдаунов столь же сложно, как инопланетную не гуманоидную цивилизацию...» (с. 311). И это далеко не единственные примеры такого рода.

Да и систематизация, предложенная автором книги, хромает. Встречаются противоречия между отдельными суждениями, которые П. Н. Базанов как исследователь даже не пытается разрешить. Так, для читателя остается непонятным, почему историк, говоривший о «вредительской деятельности» Запада по отношению к России (с. 397), называется в книге «патриотом-западником» (с. 401)? Как сочетались во взглядах Ульянов интерес к «декадентству» Серебряного века и критика «антигуманизма» современной культуры? В принципе, эти вещи, конечно, могут сочетаться, но как это происходило в данном конкретном случае, остается непонятно.

¹ «Позиция Н. И. Ульянова в целом разделяется и современными философами» (с. 291), к каковым автор относит В. А. Щученко и Г. С. Киселева.

И к этому сводится вся аналитическая часть данного исследования. Больше ничего. Ни реконструкции (за отдельным исключением, например, с. 359–366) значимых социальных, интеллектуальных и политических контекстов и самого процесса работы («творческой методологии историка»), ни анализа методологии и методики работы с источниками, ни проблематизации отдельных суждений, ни рассмотрения их трансформации в динамике, ни дискурсивного анализа текста, т. е. всего, что определяет «передний край» историографических исследований последние двадцать лет. Не пишут так сейчас историографические исследования.

Причем проблема, на наш взгляд, имеет, так сказать, не «видовой», а «родовой» характер. Дело не столько непосредственно в П. Н. Базанове, а в некоем, условно говоря, пренебрежительном отношении со стороны «историков-конкретчиков» (независимо от их идеологической ориентации) к историографии как научной дисциплине, претендующей на специфику и внутреннюю автономию. Не велика наука! Любой «нормальный» историк (он же пишет историографические обзоры для своих «конкретно-исторических исследований») в состоянии, обратившись к источникам, без внутренней ломки и кризиса профессиональной идентичности, без освоения каких-то специфических методик историографического исследования написать нормальную историографическую работу. Нет, друзья мои, ошибаетесь! Как говорил герой со-

ветского кинофильма: «Чтобы так петь, двадцать лет учиться нужно!» Или, по крайней мере, специально учиться.

А что Петр Николаевич? Ну не историограф он. Даже близко!

Хотя отсутствие фигуры Н. И. Ульянова в современном медийном пространстве, действительно, несколько удивляет. Больно уж он созвучен современной исторической политике и повестке дня официальных СМИ. И о вражде Запада к России говорит, и украинских сепаратистов критикует, интеллигенцию костерит. Он вполне подходит для «актуального классика». В чем же дело? Может, на восприятии всей «второй волны эмиграции» для современного российского официального лежит мрачная тень коллаборационизма. Хотя сам Ульянов коллаборационистом не был. А может, фамилия у него неправильные ассоциации вызывает? Так он в этот не виноват. Он Ленину не родственник.

Или популяризаторы у него слабоваты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Базанов 2008 — Базанов П. Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988). 2-е изд., исправленное и дополненное. СПб.: СПбГУКИ, 2008. 468 с.

Базанов 2018 — Базанов П. Н. «Петропольский Тацит» в изгнании: Жизнь и творчество русского историка Николая Ульянова. СПб.: Владимир Даль, 2018. 511 с.

NOT EVEN A NAMESAKE

Rev.: Bazanov P. N. "Petropol'skii Tatsit' v izgnanii: Zhizn' i tvorchestvo russkogo istorika Nikolaia Ul'ianova. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2018. 511 p.

Sveshnikov Anton V. — doctor of historical sciences, professor, department of universal history, Omsk State University (Omsk)

Key words: history of historical science, history of Russian emigration, N. P. Ulyanov, periodical press of Russian emigration, methodology of historiographical research.

Abstract. The article is a review of the monograph of the Petersburg historian P.N. Bazanov ““Petropol'sky Tacitus" in Exile: The Life and Work of Russian Historian Nikolai Ulyanov”. In the monograph under review, the first attempt was made in the domestic science to comprehensively systematically examine the life and work of the famous publicist and historian N. I. Ulyanov (1904–1985). The author of the monograph was able to collect a unique material that allows thoroughly reconstructing the life path of his hero. However, the analysis of the views of N. I. Ulyanov, presented in the monograph under review, raises certain objections.

REFERENCES

- Bazanov P. N. *Izdatel'skaia deiatel'nost' politicheskikh organizatsii russkoi emigratsii (1917–1988)*. 2-e izd., ispravlennoe i dopolnennoe. St. Petersburg: SPbGUKI, 2008. 468 p.
- Bazanov P. N. *"Petropol'skii Tatsit' v izgnanii: Zhizn' i tvorchestvo russkogo istorika Nikolaia Ul'ianova*. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2018. 511 p.

С. В. Полякова

ИСТОРИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИСТОВ: ВЗГЛЯД ФИЛОСОФА

Рец.: Дедков Н. И., Бордюгов Г. А., Щербакова Е. И. и др. История для экономистов: Интегрированный учебный комплекс для студентов экономических специальностей вузов РФ. В 2-х т./ под ред. А. Д. Некипелова, С. Н. Катырина. М.: АИРО-XXI, 2016, 2018

Ключевые слова: учебник истории, высшая школа, история для экономистов, комплексный подход, компаративистика, историософия, ценности, homo eсоnотісис, мультимедийное обучение.

Аннотация. Статья представляет собой написанную от лица философа рецензию на новый интегрированный учебный комплекс «История для экономистов», разработанный преподавателями Московской школы экономики МГУ имени М. В. Ломоносова в первую очередь для студентов экономических специальностей вузов Российской Федерации, который будет интересен для всех любителей истории. Автор считает, что в основу данного учебного пособия положен комплексный подход к изучению всемирной и отечественной истории с акцентом на выявление взаимосвязей экономических, политических, социальных и культурных процессов. В статье раскрывается тезис, что учебный комплекс, выполненный с учетом новейших тенденций современной гуманитарной мысли, является значительным шагом в будущее образовательных технологий.
DOI 10.31754/2409-6105-2019-2-292-302

Не существует ничего,
кроме *общей* истории¹.

Б. Кроче

В прошедшем 2018 г. публикацией последнего (второго) тома завер-

шился многолетний и во многом беспрецедентный в сфере отечественного образования труд авторского коллектива историков Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова по созданию интегрированного учебного комплекса «История для экономистов». Впервые в отечественной практике высшего образования принята попытка интегрировать курсы отечественной и всемирной истории с курсом истории эконо-

© С. В. Полякова, 2019

Полякова Светлана Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); svetpolyakova@gmail.com

¹ (Кроче 1998).

мики. Значение этого шага трудно переоценить. Всякому, кто получал образование в России, известно, что историческое образование, начиная со школьной скамьи и кончая высшей школой, традиционно держится на двух базовых, практически автономных по отношению друг к другу курсах отечественной и всеобщей истории. Курс истории России в такой модели читается так, как будто Россия существует на Марсе. У нее особый путь, который, если судить по учебникам, почти не связан с мировыми процессами. В результате такой модели образования даже хорошо обученный студент оказывается решительно не способен синхронизировать событийные ряды истории своего Отечества и параллельной ему истории соседних стран Востока и Запада, не способен судить об общем или особенном в мировой истории, а также проследить следы взаимовлияния разных цивилизаций. Чужая история ничему не учит.

Мой многолетний опыт общения с профессиональными университетскими историками говорит о том, что даже на уровне высокой науки указанная проблема окончательно не исчезает. Кафедры, которые традиционно представлены на исторических факультетах наших университетов, как правило, существуют достаточно изолированно друг от друга. Историки, занимающиеся Россией, за редким исключением, не в состоянии обсуждать какие-то проблемы, выходящие за границы отечественной истории, а специалисты по всемирной истории, равно как и исследователи отдельных восточных или западных цивили-

заций, почти не касаются проблематики истории российской. Чтобы не быть голословной, сошлюсь на рассказ покойного уже Владимира Борисовича Кобрин, крупнейшего специалиста по истории России XV–XVI вв., который однажды, еду на какую-то конференцию, оказался в одном купе с Ароном Яковлевичем Гуревичем, специалистом по средневековой Европе. Они всю ночь провели за разговором, который состоял из фраз: «А у нас – вот так», «А у нас – вот эдак». Жизнь столкнула их случайно в купе поезда, но в аудитории, на научном семинаре, на конференциях они не пересекались (см.: *Толстой*).

Эта бесполезная для науки ситуация постоянно воспроизводится в структуре отечественных лекционных курсов и учебников по истории. Поэтому радикальная попытка преодолеть традиционный разрыв двух этих фундаментальных исторических дискурсов в системе исторического образования, которую предпринял коллектив историков Московской школы экономики МГУ, на мой взгляд, одно из несомненных достоинств новой «Истории для экономистов». Интегрированный курс истории позволяет дать более глубокое и адекватное представление об историческом процессе в целом и – что особенно важно – об отечественной истории как части единого мирового процесса. Сверх того, он позволяет высветить основные векторы взаимовлияний цивилизаций на разных этапах их сосуществования. Одним словом, выйти на уровень глобального мышления. Помимо сказанного, такое соединение двух курсов

в один позволяет сократить часы, затрачиваемые на освоение программы, что также немаловажно для перегруженных учебных планов современной высшей школы.

В целом главная идея курса, как она заявлена авторами, — смещение акцентов с сухого перечисления фактов на понимание исторического процесса — совпадает с общей идеей университетского образования (курс, напомним, обращен, прежде всего, к студентам университета). Речь идет об идее универсального знания. Не узкоспециализированного знания и не механического объединения фактов, но системного знания, дающего возможность студенту университета охватить и понять предмет в его целостности, будь то экономика, история или целый *Universum*.

Именно поэтому студентам университета предлагается курс всеобщей истории, в котором в пеструю канву внешней и внутренней политики разных стран вплетены события и люди, формировавшие самосознание той или иной эпохи. Так, например, в разделе, озаглавленном «Европа и Россия в XVI–XVIII вв.», в параграфе, посвященном эпохе Просвещения, параллельно с экспозицией глобальных процессов данного этапа истории стран Европы и России (с привлечением важных в этом контексте эпизодов из истории Америки и стран Востока), даются краткие экскурсы по знаковым для этой эпохи теориям философов, публицистов и экономистов, таких как Р. Декарт, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер, Д. Дидро, Ш. Монтескье во Франции, И. Кант в Пруссии, Дж.

Локк, Ф. Кенэ и А. Тюрго в Англии, Н. Новиков, «философ на троне» Екатерина II и деятели Вольного экономического общества в России. Такая структуризация материала позволяет проследить, как взаимодействуют политическая, экономическая и культурная составляющие единого потока истории, усмотреть общее и особенное в развитии разных географических и культурных регионов.

Что касается заявленной в названии обращенности курса будущим экономистам, то, во избежание разночтений, следует уточнить, что перед нами не экономическая история, предметом которой является становление хозяйственной деятельности человека (хотя тема становления типов хозяйственной деятельности присутствует в курсе наряду с другими сюжетами), и не история экономики как науки (хотя отдельные экономические учения и экономисты в тексте присутствуют)¹. «История для экономистов» — это, прежде всего, курс всемирной истории, понятой как история взаимовлияния различных цивилизаций в связи с экономическими процессами. Тем не менее, если перед нами не история экономических учений и даже не специализированная история форм хозяйствования человека, встает вопрос: зачем тогда нужна настолько развернутая — а в двух томах нового учебника сжато изложена практически вся мировая история от цивилизаций

¹ Проект глобальной экономической истории уже существует в отечественной историографии и выдержал уже не одно переиздание. См.: (Экономическая история мира 2008)

великих рек и до конца XX в. — версия всемирной истории студентам экономических специальностей? Можно поставить вопрос еще более остро: зачем вообще экономистам история?

Для ответа нам придется обратиться к возникшему приблизительно три столетия назад понятию *homo economicus* и к его современным интерпретациям. Именно тогда зарождается эпоха, которая начинает мерить уровень общественного развития в основном по достижениям техники и экономическому росту. На смену *homo sapiens* приходит *homo economicus*, свобода начинает пониматься как свободный рынок, а счастье как финансовое благополучие. Теоретическая модель *homo economicus*, которая является в трудах Джона С. Милля и Адама Смита, рисует нам человека как существо свободное и эгоистичное, способное к достижению общественного блага исключительно путем удовлетворения собственных корыстных интересов. Подобная модель, с известной степенью огрубления, и лежит в основе классической экономической теории. Экономические основания в конечном счете полностью определяют все формы жизни так понятого человека: его ценностные иерархии, способы мышления и коммуникации, его проекции в будущее.

Экономический прогресс, по крайней мере на Западе, постепенно становится светской религией, и именно на него начинают делаться самые большие ставки эпохи *modernity*. «Многие экономисты восторженно, свято верили в экономический

прогресс, который кардинально улучшит условия человеческого существования»². Однако со временем стало ясно, что экономический прогресс, при всех его заманчивых перспективах, не сотрет всех слез с человеческого лица и не приведет человечество к состоянию всеобщего счастья, которое, как грезились отцам экономической теории, наступит исключительно на путях развития экономики. Стало понятно, что человек не исчерпывается только экономическими параметрами. Что, кроме выгоды, он еще жаждет справедливости. Что, достигнув определенного уровня дохода, сверхурочной работе и дополнительному заработку он предпочитает время на досуг и саморазвитие, что счастье не столько в том, чтобы иметь, но чтобы быть (см.: Фромм 2004).

При значительной доле жизнеподобия панэкономистской картины мира обнаружилось, что *homo economicus* — это одна из возможных моделей описания мира и человека в нем. Наряду с ней в истории существовали *homo religiosus*, *homo faber*, *homo creator*, *homo ludens* и т.д. *Homo economicus* — не живой человек из плоти и крови, это даже не идея человека в своей неизменной сущности. Перед нами сравнительно недавно возникшая теоретическая модель, за которой стоит сложившаяся на определенном этапе истории система убеждений. Если верить известному философу науки XX в., автору концепции «неявного знания» Майклу Полани

² Nelson K. Economics as Religion. Цит. по: (Седлачек 2016: 368).

(*Polanyi*), даже «наука есть система убеждений, к которой мы приобщены» (*Полани* 1985: 246). Недоказуемое, не сводимое к чистому разуму, но принимаемое на веру стоит у основ любой науки и любого познания. Таковы и — в полном смысле метафизические — допущения в экономике, которые тем не менее на определенном этапе начинают играть в науке роль самоочевидностей. Номо есопоmісис как раз и есть такая теоретическая модель, и ее метафизическими допущениями являются приписываемые человеку как неизменные, присущие ему по природе атрибуты: чисто эгоистические мотивы действий, абсолютная рациональность при принятии решений, стремление извлечь максимальную прибыль и т.д. В то время как человек экономический, как и другие модели человека, имеет историческую размерность и хронологические рамки.

Перечень метафизических сюжетов в экономике можно дополнить постулатами о существовании невидимой руки рынка, о рациональном экономическом поведении человека, о вечном прогрессе или чистом рынке (*Малашия* 2003: 278–318). Никто никогда не видел ничего из перечисленного, а ведь речь идет о сюжетах, вокруг которых ведутся горячие экономические споры, собирается статистика в надежде подтвердить или опровергнуть некую экономическую модель. Мы на самом деле верим в эти модели? Верим, что рынок свободен, человек рационален и невидимая рука рынка существует? Сегодня верим куда меньше, чем вчера. Что же изменилось? Социокультурный кон-

текст, который неявным образом трансформирует наши системы убеждений и меняет наши исторически фундированные представления о человеке и мире.

Основной вывод, к которому должно подвести экономиста тщательное изучение истории, на мой взгляд, заключается в понимании того, что сфера экономических отношений — это только часть, пусть и существенная, становящейся во времени локальной культуры, которая, в свою очередь, принадлежит общей истории человечества. Значит, экономика не автономна, она не только оказывает влияние на культуру как часть на целое, но и сама во многом форматируется и задается этим целым. Тысячу раз был прав Дж.С. Милль, утверждавший: «Не будет хорошим экономистом тот, кто только экономист» (*Седлачек* 2016: 24). В этом смысле замысел нового учебного комплекса «История для экономистов» отражает самые последние тенденции мировой гуманитаристики — рассматривать объект исследования в генезисе и в более широком культурном контексте.

В случае с современной экономикой можно говорить о набирающем силу новом дискурсе экономического, когда экономическое поведение людей и соответствующие экономические теории рассматриваются как становящиеся в истории и через историю. Изучать экономику сегодня невозможно без понимания и учета того, что не существует «голых» или «чистых» экономических фактов, все они так или иначе концептуально и исторически нагружены. То, что мы будем считать фак-

том, в значительной мере задано той исторически сложившейся концептуальной оптикой, через которую смотрит на мир человек, в том числе ученый. В основе поведения человека вообще и экономического поведения в частности лежит базовый набор ценностей, который усваивается по умолчанию в процессе социализации и который трансформируется с изменением форм жизни исторического человека. Так что хорошо образованному экономисту сегодня должно быть ясно, что господствующий до недавнего времени в экономике неисторический подход должен быть пересмотрен. Исследованию этих сложных метаэкономических контекстов в последнее время посвящается все больше научных работ и исследовательских проектов.

Так, например, описанную тенденцию — выйти за наивные рамки «чистой» экономики и исследовать зависимость экономических моделей от сменяющих друг друга в истории систем убеждений — как нельзя лучше отражает название книги по экономике, ставшей мировым бестселлером последних лет: «Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит» (2012)³. Автором этого исследования является чешский экономист Томаш Седлачек, бывший в свое время экономическим советником президента Чехии Вацлава Гавела. В 2006 г. Т. Седлачек был назван «Йельским экономическим журналом» одним из пяти лучших современных экономистов, так что к его утверждениям есть все

основания прислушаться. Седлачек убежден: для того чтобы анализировать экономическое поведение людей, необходимо понять экономику шире — как культурно-исторический феномен. Сам он, чтобы эксплицировать те убеждения и этические нормы, которые по умолчанию лежат в основании экономических практик, в своих книгах обращается к истории древней и современной, к истории религии и философии, литературе и искусству, которые еще совсем недавно совершенно не интересовали экономическую науку. Как пишет сам Седлачек: «Данная книга есть попытка создать антитезу риторике господствующей, якобы позитивистской, механистически-редукционистской экономике, стремящейся освободиться от любых моральных ценностей. Экономика содержит в себе много нормативных элементов, которые мы еще не готовы признать и с которыми не готовы работать» (Седлачек 2016: 513–514).

В качестве примера еще одного современного исследования, которое демонстрирует существование прямых, статистически зафиксированных взаимовлияний исторических событий на базовые ценности, политику и экономику, можно привести известный в академическом мире международный проект «Всемирные обзоры ценностей» (World Values Surveys)⁴. Что такое

⁴ См. базу данных World Values Survey (WVS), которая содержит информацию 5 волн опросов населения 87 стран с 1981 по 2007 г., посвященных исследованию изменения ценностей людей и их влияния на социальную и политическую жизнь. URL: www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp (дата обращения: 15.12.2018).

³ Русский перевод издан в 2016 г.

ценности, с точки зрения экономиста? Это глубинные, принимаемые нами по умолчанию мотивации к действиям. В основе экономического поведения также лежат ценности, и, как было показано в отчетах World Values Surveys, они достаточно быстро меняются в зависимости от исторических событий. На материале этих статистических исследований, которые почти полвека велись в рамках проекта во многих странах мира, руководитель этого проекта Рональд Инглхарт, американский социолог, в последние годы сотрудничающий с рядом отечественных университетов, издал серию книг, получивших огромный резонанс в мировом научном сообществе. Последняя книга Инглхарта, изданная в 2018 г., называется: «Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир» (Инглхарт 2018). Ее содержание вполне согласуется с новейшими тенденциями в экономической науке, которые можно свести к следующему тезису: *экономика должна быть понята антропологически*. Чтобы знать, как будет вести себя человек в экономических вопросах, будет ли он, к примеру, эффективно работать и исправно платить налоги, что он захочет покупать, а что нет, будет ли он вкладывать деньги в банк или хранить дома в банке, — нужно понимать, что из себя представляет этот человек. А для этого нужны знания об истории того общества, которое его сформировало. В таком случае в фокус внимания экономистов попадает вся история становления человека — форм организации его жизни, этических норм, ценностей, философских идей, религиозных

культов с их предписаниями и табу, институций, способов коммуникации, его представлений о счастье, о семье, о себе и Другом, его страхов, надежд, утопий и антиутопий. Словом, история всего, что заключено в понятии «человек». Это еще одна причина, по которой экономистам необходимо всерьез изучать историю.

Что касается методологии учебного комплекса «История для экономистов», которая в конечном счете определила его структуру, она заявлена самими авторами учебника как комплексная. Что стоит за этим термином? Чтобы разобраться, придется вспомнить один давний и до сего дня неразрешенный историко-философский спор о возможности существования-познания-написания единой общей истории человечества (см.: Демин 2016: 47–90). Одни историки, вслед за Августином, Гегелем, Марксом и многими другими властителями умов, полагают, что всеобщая история существует, что она есть единый мировой поток, логика которого умопостижима. Другие, например известный французский археолог и историк античности Поль Вен, настаивают, что всеобщая история это нонсенс. Что, поскольку все исторические процессы конкретны и случайны, не существует никакой предзаданной единой логики разворачивания исторического процесса, никакой исторической телеологии. «История с большой буквы... не существует: существует лишь “история чего-либо”» (Вен 2003: 33).

Говоря языком квантовой механики, этот принцип дополнительности

в постижении истории может быть передан удачной когнитивной метафорой того же Поля Вена о движущемся поезде: «Информация о том, что поезд направляется в Орлеан, не включает в себя и не объясняет всего того, чем могут быть заняты пассажиры в вагонах» (Там же: 35). Любой, кто дерзает взяться за написание общей истории, оказывается перед этой дилеммой: или-или? Или реконструировать маршрут и его цель, т.е. реконструировать логику исторического процесса, либо описывать другой уровень истории — то единичное, из чего состоит частная жизнь отдельных пассажиров, т.е. писать историю повседневности.

В этом смысле позиция авторов «Истории для экономистов», очевидно, не в последнюю очередь продиктованная тем, что они пишут учебник — это искусная попытка усидеть на всех стульях сразу. Такой методологический подход на академическом языке принято называть комплексным. Если достроить метафору Поля Вена, здесь студенту предлагается отслеживать движение внутри целой синхронизированной транспортной системы — не одного, а многих одновременно мчащихся, с разной скоростью и каждый по своему маршруту, составов-цивилизаций, — периодически заглядывая в окна то одного, то другого поезда, чтобы сравнить не только вид и скорость составов, но и то, чем в тот или иной момент движения заняты пассажиры. Добавим, что авторы учебника одновременно используют компаративистский подход к истории, в котором сделан акцент на *события-«стрелки»*, способные перевести отдельные

цивилизации на другой путь; на *события-«семафоры»*, замедляющие или ускоряющие их движение; на *события-«вокзалы»*, где пассажирам разных поездов-цивилизаций случается вступить в общение, а также на синхронизацию связей между составами-цивилизациями. В целом чтение «Истории для экономистов» оставляет головокружительное впечатление, что перед тобой стремительно, буквально на глазах, разворачивается вся история мира.

В заключение, переходя от абстрактного к конкретному, следует пояснить, как на практике выглядит образовательный проект «История для экономистов» и почему он заявлен в аннотациях не как обыкновенный учебник, а как интегрированный учебный комплекс. Дело в том, что помимо двух, в прямом и переносном смысле, весомых томов, общий объем которых превышает 2000 страниц, к каждому разделу учебника предлагается методическое и мультимедийное расширение. По замыслу авторов, студент, ознакомившись с определенным историческим периодом по лекциям и учебнику, сможет углубить свои знания за счет связанных с ним и, надо отметить, весьма разнообразных по форме и содержанию мультимедийных материалов, размещенных на сайте Московской школы экономики. Пока значительная часть мультимедийного сопровождения еще находится в фазе разработки. Однако разделы, которые уже оснащены цифровым материалом, вызывают живейший интерес. Так, например, к семинару по теме «Экономическое развитие Руси в XVI веке», помимо вопросов

для самоконтроля, студентам предлагается прочесть избранные фрагменты из современного альтернативного учебника под редакцией Л.В. Милова, а также параграфы из «Русской истории» В.О. Ключевского, посвященные событиям, предшествующим Смутному времени. Для визуально ориентированных студентов предусмотрено знакомство с иллюстрированными картами России XVII в., старинными портретами Бориса Годунова и Иоанна Грозного, изображением Кремля XVII в. пера А. Васнецова, фотографиями внутреннего убранства современного Успенского собора и относящимся к тому же времени изображением быта крестьянской семьи. Кроме того, там же можно посмотреть фрагменты легендарного фильма С.М. Эйзенштейна «Иван Грозный», а также серию современного сериала, в которой дается историческая реконструкция жизни русской деревни того времени. Представленный набор мультимедийных материалов к данному разделу, как обещают авторы, будет дополняться.

Такое осознанное движение к новым формам представления и освоения материала, которые бы все более соответствовали особенностям восприятия людей современной визуальной и цифровой культуры, нельзя не приветствовать. Кроме того, целый арсенал мультимедийных инструментов позволяет индивидуализировать образовательный процесс: студент-«синефил» может сосредоточиться на видеоматериалах по теме, «визуал» – на старинных портретах, картах, бытовой живописи, третий, назовем его

«человек книги», продолжит анализировать тексты, будь то оцифрованные страницы архивных документов, научная статья или современная журнальная публицистика. От учета этих психологических особенностей восприятия сегодня во многом зависит конечная результативность образовательного процесса.

И наконец, last but not least: учебник добротен издан, написан живым и ясным языком, едва ли не каждый разворот снабжен великолепными цветными иллюстрациями – картами, книжными миниатюрами, портретами, репродукциями картин, фотографиями скульптурных и архитектурных памятников. Им удобно пользоваться, приятно даже просто держать в руках, но вряд ли можно постоянно носить с собой. Такие огромные фолианты хороши в публичных или домашних библиотеках. Поэтому в ближайших планах на будущее у авторов учебника – создание цифровой версии нового учебника. Все это, без сомнения, открывает перед преподавателем и студентом новые, ранее недоступные возможности овладения не просто готовыми знаниями, но и исследовательскими навыками, что позволяет рассматривать учебный комплекс «История для экономистов» как один из первых серьезных шагов в будущее образовательных технологий.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что настоящие заметки написаны под большим впечатлением от события выхода в свет этого фундаментального по своему замыслу и охвату нового учебника истории

для высшей школы и принадлежат они не историку, а философу, чем и объясняется некоторая «метаисторичность» позиции, с точки зрения которой они написаны. О содержательном наполнении нового учебного комплекса пусть выскажутся профессиональные историки, которым еще предстоит знакомство с этим выдающимся образовательным проектом. Тем временем экономическое академическое сообщество уже откликнулось: пока я дописывала этот текст, стало известно, что общероссийской общественной организацией «Вольное экономическое общество России» двухтомное издание «История для экономистов» удостоено премии «Экономическая книга года» за 2018 г.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Толстой – Толстой И. Зачем экономистам история? URL: www.svoboda.org/a/2330907.html (дата обращения: 15.12.2018).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вен 2003 – Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003.

Демин 2016 – Демин И. В. Осмысление истории как целостности в горизонте классической и неклассической философии // Философская мысль. 2016. №2. С. 47–90. URL: e-notabene.ru/fr/article_17865.html (дата обращения: 21.12.2018).

Инглхарт 2018 – Инглхарт Р. Ф. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М., 2018.

Кроче 1998 – Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998.

Малашиха 2003 – Малашиха Г. М. От человека экономического к человеческому: критический взгляд на современную экономическую систему // Перспективы человека в глобализирующемся мире / под ред. В. В. Парцвания. СПб., 2003. С. 278–318.

Полани 1985 – Полани М. Личностное знание на пути к посткритической философии. М., 1985.

Седлачек 2016 – Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики от Гильгамеша до Уолл-стрит. М., 2016.

Фромм 2004 – Фромм Э. Иметь или быть? М., 2004.

Экономическая история мира 2008 – Экономическая история мира в 6 томах / под ред. М. В. Конотопова. М., 2008.

HISTORY FOR ECONOMISTS: A PHILOSOPHER'S POINT OF VIEW

Rev.: Dedkov N. I., Bordiugov G. A., Shcherbakova E. I. i dr. Istoriia dlia ekonomistov: Integrirovannyi uchebnyi kompleks dlia studentov ekonomicheskikh spetsial'nostei vuzov RF. V 2-kh t., pod red. A. D. Nekipelova, S. N. Katyrina. Moscow: AIRO-XXI, 2016, 2018

Polyakova Svetlana V. – Ph.D., Associate Professor of Faculty of Philosophy of MSU (Moscow)

Key words: history textbook, high school, History for Economists, integrated approach, comparativistics, historiosophy, values, Homo economicus, multimedia learning.

Abstract. The article is a review for the new integrated “History for Economists” written by Moscow School of Economics (MSU)'s scholars. “History for Economists” is addressed to the students graduating in Economics but it will be interesting for all who study history. The author believes that the basis of this book is an integrated approach of the study of world and national history with an emphasis on identifying the interrelations of the economic, political, social and cultural processes.

REFERENCES

- Demin I. V. Osmyslenie istorii kak tselostnosti v gorizonte klassicheskoi i neklassicheskoi filosofii. *Filosofskaja mysl'*, 2016, no. 2, pp. 47–90. URL: e-notabene.ru/fr/article_17865.html (data obrashcheniia: 21.12.2018).
- Ekonomicheskaja istoriia mira v 6 tomakh*, pod red. M. V. Konotopova. Moscow, 2008.
- Fromm E. *Imet' ili byt'?* Moscow, 2004.
- Inglkhart R. F. *Kul'turnaia evoliutsiia. Kak izmeniaiutsia chelovecheskie motivatsii i kak eto meniaet mir*. Moscow, 2018.
- Kroche B. *Teoriia i istoriia istoriografii*. Moscow, 1998.
- Malashkhiia G. M. Ot cheloveka ekonomicheskogo k chelovechnomu: kriticheskii vzgliad na sovremennuiu ekonomicheskuiu sistemu. *Perspektivy cheloveka v globaliziruiushchemsia mire*, pod red. V. V. Partsvaniia. St. Petersburg, 2003, pp. 278–318.
- Polani M. *Lichnostnoe znanie na puti k postkriticheskoi filosofii*. Moscow, 1985.
- Sedlachek T. *Ekonomika dobra i zla. V poiskakh smysla ekonomiki ot Gil'gamesha do Uoll-strit*. Moscow, 2016.
- Ven P. *Kak pishut istoriiu. Opyt epistemologii*. Moscow: Nauchnyi mir, 2003.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски – 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и английском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15), указанием индекса УДК (универсальной десятичной класси-

фикации), который приводится над фамилией автора слева.

Сноски к тексту – постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25). Подробно о правилах оформления библиографии и внутритекстовых ссылок см.: <http://istorex.ru/rules.html>

